

Г 67
16888
№ 8

Историч
государства
Росси́йскаго.

Т. VIII

Спб., 1830

И С Т О Р І Я
ГОСУДАРСТВА
РОССИЙСКАГО.

ТОМЪ VIII.

**ИСТОРІЯ
ГОСУДАРСТВА
РОССІЙСКАГО.**

ТОМЪ VIII.

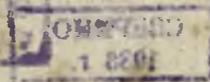
ИЗДАНИЕ ТРЕТІЕ.

Издатель книгопродавец Смирдин.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ТИПОГРАФІИ А. ПЛЮШАРА.

1830.

Г 67
16888
№ 8

П Е Ч А Т А Н О

по ВЫСОЧАЙШЕМУ повелѣнію.

925 $\frac{8}{67}$

СВЕТЛО

Лав. Дуба. Вау. - 1911

Библиотека

СВЕРЖНО
1986 г.

И С Т О Р І Я
ГОСУДАРСТВА РОССІЙСКАГО.

ТОМЪ VIII.

Г Л А В А I.

БЕЛИКІЙ КНЯЗЬ И ЦАРЬ ІОАННЪ
IV ВАСИЛІЕВИЧЪ II.

Безпокойство Россіи о малолѣтствѣ Іоанна. Соснаніе Государственной Думы. Главные Вельможи, Глинскій и Теленевъ. Присяга Іоанну. Заключение Князя Іорія Іоанновича. Общій страхъ. Измѣна К. Симеона Бѣльскаго и Ляцкаго. Заключение и смерть Мих. Глинскаго. Смерть Князя Іорія. Бѣгство, умыселъ и заключение К. Андрея Іоанновича. Казнь Бояръ и Дѣшей Болгарскихъ. Смерть К. Андрея. Дѣла вѣнскія. Перемиріе съ Швеціею и съ Ливоніею. Молдавія. Посланникъ Турецкій. Аспирація. Дѣла Ногайскія. Посольство къ Карлу V. Присяга Казанцевъ. Гордый оплотнѣ Сигизмундовъ. Паденіе Крымцевъ. Война съ Ливоніею. Исламъ господствуетъ въ Тавридѣ. Спросеніе крѣпостей въ Ливоніи. Набѣгъ Крымцевъ. Ливонцы берутъ Гомель и Шародубъ. Милость Казани. Шингалей въ милости. Война съ Казанью. Побѣда надъ Ливоніею. Крѣпости на Ливон. границѣ. Перемиріе съ Ливоніею. Дѣла Крымскія. Смерть Ислама. Угрозы Саипъ-Гирея. Спросеніе Кипчал-города и новыхъ крѣпостей. Перемиріе въ цѣль монеты. Общая ислубовъ къ Елѣтѣ. Кончина Правительницы.

Г. 1533 — 1538.

Томъ VIII

Г. 1555. Безпокойство Россіи о малолѣтствѣ Государя. Не только искренняя любовь къ Василію производила общее сътованіе о безвременной кончинѣ его; но и страхъ, что будетъ съ Государствомъ? волновалъ души. Никогда Россія не имѣла споль малолѣтшаго Владышителя; никогда — если исключимъ древнюю, почти баснословную Ольгу — не видала своего кормила государственнаго въ рукахъ юной жены и чужеземки, Липовскаго, ненавистнаго рода. На протѣ не бываетъ предшественниковъ: опасались Елениной неопытности, естественныхъ слабостей, приспращія къ Глинскимъ, коихъ имя напоминало измѣну. Хотя леспъ придворная славилась добродѣтели Великой Княгини, ея боголюбіе, милость, справедливость, мужество сердца, проицаніе ума и явное сходство съ безмертною супругою Игоря¹; но благоразумные уже и тогда умѣли отличать языкъ Двора и леспи отъ языка истины: знали, что добродѣтель Царская, прудная и для мужа съ крѣпкими мѣнницами, еще гораздо пруднѣе для юной, нѣжной, чувствительной жены, болѣе подверженной дѣйствію слѣпыхъ, пылкихъ страстей. Елена опиралась на Думу Боярскую: тамъ засѣдали опытные Совѣтники Трона; но Совѣтъ безъ Госу-

даря естѣ какъ шло безъ главы: кому Г. 1553. управлять его движеніемъ, сравнивать и Со- рѣшннѣ мѣннн, обуздывать самолюбіе спавъ лицъ пользою общео? Бранья Госу- Государ- ревы и двадцать Бояръ знаменитыхъ спивен- соспавляли сію верховную Думу: Князья ной Думы. Вѣльскіе, Шуйскіе, Оболенскіе, Одоевскіе, Горбатый, Пеньковъ, Кубенскій, Барбашинъ, Микулинскій, Росповскій, Бутурлищъ, Воронцовъ, Захарьинъ, Морозовы; но нѣкоторые изъ нихъ, будучи обласными Намѣстниками, жили въ другихъ городахъ, и не присушествовали въ оной². Два человека казались важнѣе всѣхъ ннхъ по ихъ особенному вліянію на умъ Правительницы: спарець Михаилъ Глинскій, ея дядя, честолюбивый, смѣлый, самимъ Василіемъ назначенный быль ей главнымъ совѣтникомъ³, и Конюшій Бояринъ, Князь Иванъ Федоровичъ Овчина-Телесневъ-Оболенскій, юный лѣтнами и Глав- подозреваемый въ сердечной связи съ ннѣ Вель- Еленою⁴. Полагали, что сіи два Вель- можи, Глин- жи, въ согласіи между собою, будупъ зако- ской и нодателями Думы, которая рѣшила дѣла Телес- внѣшннхъ именемъ Іоанна, а дѣла внупрен- ннхъ именемъ Великаго Князя и его мащери⁵.
Первымъ дѣйствіемъ новаго Правленія было нноржесивенное собраніе Духо-

Г. 1533. При- слага Иоанну. венства, Вельможъ и народа въ храмѣ Успенскомъ, гдѣ Митрополишь благословилъ Державнаго младенца властвовать надъ Россією и давати опчещь единому Богу. Вельможи поднесли Иоанну дары, послали чиновниковъ во все предѣлы Государства извѣстити гражданъ о кончинѣ Василія, и клятвеннымъ обѣщаньемъ утвердили ихъ въ вѣрности къ Иоанну⁶.

Заключеніе Князя Юрія Иоанновича. Едва минула недѣля въ страхѣ и надеждѣ, вселяемыхъ въ умы государственныхъ переменами, когда столица была поражена несчастною судьбою Князя Юрія Иоанновича Дмипровскаго, сиротшаго дяди Государева, или оклеветаннаго или дѣйствительно уличеннаго въ тайныхъ видахъ беззаконнаго властолюбія: ибо сказанія Летописцевъ несогласны. Пишутъ, что Князь Андрей Шуйскій, сидѣвъ прежде въ темницѣ за побѣгъ отъ Государя въ Дмипровъ, былъ милосердиво освобожденъ вдовствующею Великою Княгинею, но вздумалъ измѣнить ей, возвести Юрія на престолъ, и въ семь намѣреніи открылся Князю Борису Горбатому, усердному Вельможѣ, который съ гнѣвомъ изобразилъ ему всю гнусность такой измѣны. Шуйскій увидѣлъ свою неоспорочность, и боясь до-

Г. 1533. носа, рѣшился прибѣгнушь къ безспыдной лжи: объявилъ Еленѣ, что Юрій тайно подговариваетъ къ себѣ знашныхъ чиновниковъ, его самого и Князя Бориса, гоповаго немедленно уѣхать въ Дмипровъ. Князь Борисъ доказалъ клевету и замысль Шуйскаго возмущити спокойствіе Государства: первому изъ явили благодарность, а втораго посадили въ башню. Но Бояре, излишно оспорожные предсказавши Великому Князю, что если она хочетъ мирно царствовать съ сыномъ, то должна заключить и Юрія, властолюбиваго, привѣрливаго, любимаго многими людьми и весьма опаснаго для Государя-младенца. Елена, непрестанно оплакивая супруга, сказала имъ: «вы увидите мою горестъ: дѣлайте, что надобно для пользы Государства.» Между тѣмъ нѣкоторые изъ вѣрныхъ слугъ Юриевыхъ, свѣдавъ о намѣреніи Бояръ Московскихъ, убѣждали Князя своего, совершенно невиннаго и спокойнаго, удалиться въ Дмипровъ. «Тамъ» — говорили они — «никто не посмѣетъ косо взглянуть на тебя; а здѣсь не минуешь бѣды.» Юрій съ твердосію оповѣщивалъ: «Я пріѣхалъ въ Москву закрыть глаза Государю брату и клялся въ вѣр-

Г. 1533. »ности къ моему племяннику; не пре-
»спулю цѣлованія крестнаго и гошовъ
»умереть въ своей правдѣ?«

Но другое преданіе обвиняетъ Юрія, оправдывая Боярскую Думу. Увѣряютъ, что онъ дѣйствительно черезъ Дьяка своего, Тишкова, подговаривалъ Князя Андрея Шуйскаго вступить къ нему въ службу. »Гдѣ же совѣсть?« сказала Шуйскій: »вчера Князь вашъ цѣловалъ крестъ Государю Іоанну, а нынѣ манитъ къ себѣ его слугъ.« Дьякъ изъяснялъ, что сія клятва была невольная и незаконная; что Бояре, взявъ ее съ Юрія, сами не дали ему никакой, вопреки уставу о присягахъ взаимныхъ. Шуйскій извѣстилъ о томъ Князя Бориса Горбашаго, Князь Борисъ Дума, а Дума Елену, копорая велѣла Боярамъ дѣйствовать согласно съ ихъ обязанностію⁸.

Замѣтимъ, что *первое* сказаніе въ-
роянше: ибо Князь Андрей Шуйскій во
все правленіе Елены сидѣлъ въ темницѣ⁹. Какъ бы то ни было, 11 Декабря взяли Юрія, вмѣстѣ со всѣми его Боярами, подъ спражу и заключили въ той самой палатѣ, гдѣ кончилъ жизнь юный Великій Князь Димитрій. Предзнаменованіе бѣдспвенное! ему надлежало исполниться.

Г. 1533. Такое начало Правленія свидѣтель-
ствовало грозную его рѣшительность. Об-
Жальли о несчастномъ Юріи; боялись шій
пиранства: а какъ Іоаннъ былъ един-
спвенно именованъ Государь, и самая Пра-
вительница дѣйствовала по внушеніямъ
Совѣща, то Россія видѣла себя подъ жез-
ломъ возникающей Олигархіи, копорой
мучительство есть самое опасное и самое
несносное. Легче укрыться отъ одного,
нежели отъ двадцати гонителей. Самодер-
жець гнѣвный уподобляется раздражен-
ному Божеству, предъ Коимъ надобно
только смиряться; но многочисленные
пираны не имѣютъ сей выгоды въ гла-
захъ народа: онъ видитъ въ нихъ людей
ему подобныхъ, и пѣтъ болѣе ненавидитъ
злоупотребленіе власти. Говорили, что
Бояре хотѣли погубить Юрія, въ надеж-
дѣ своевольствовать, ко вреду опечесива
¹⁰; что другіе родственники Государевы
должны ожидать шакой же участи — и
сія мысль, естественнымъ образомъ пред-
спавляясь уму, сильно дѣйствовали не
только на Юріева меньшаго брата, Ан-
дрея, но и на ихъ племянниковъ, Князей
Бѣльскихъ, споль ласково порученныхъ
Василіемъ Боярамъ въ послѣднія минуны
его жизни. Князь Симеонъ Теодоровичъ

Изятъ Бѣльскій и знаиный Околыищій Иванъ
 на Кня- Ляпцкій, родомъ изъ Пруссiи, мужъ
 за Си- опыиный въ дѣлахъ воинскихъ, гоппови-
 меона Бѣль- ли полки въ Серпуховѣ на случай войны
 скаго съ Липвою: недовольные Правитель-
 п спвомъ, они сказали себѣ, что Россiя не
 Ляп- еспъ ихъ опечесиво¹¹, шайно спеслиси
 цкаго. съ Королемъ Сигизмундомъ и бѣжали въ
 Г. Липву. Сiя неожидаемая измѣна удивила
 1534. Дворъ, и новыя жестокоспи были ея
 слѣдспвиемъ. Князь Иванъ Бѣльскій, глав-
 ный изъ Воеводъ и Членъ Верховнаго Со-
 вѣща, находился тогда въ Коломиѣ, учре-
 ждая спанъ для войска: его и Князя Воро-
 шынскаго съ юными сыновьями взяли,
 оковали цѣпями, започили какъ едино-
 мышленниковъ Симеоновыхъ и Ляпцкаго,
 бсзъ улики, по крайней мѣрѣ безъ суда
 шоржеспвеннаго; но старшаго изъ Бѣль-
 скихъ, Князя Димитрiя, также Думнаго
 Болрина, оставили въ покоѣ какъ неви-
 наго. — Дополъ считали Михаила Глин-
 скаго душою и вождемъ Совѣща: съ изу-
 мленiемъ узнали, что онъ не могъ ни гу-
 бишь другихъ, ни спасти самого себя.
 Сей человекъ имѣлъ великодушiе, и бѣд-
 спвеннымъ концемъ своимъ оправдалъ
 довѣренность къ нему Василиеву. Съ при-
 скорбiемъ видя нескромную слабоспъ Еле-

За-
 кляю-
 ченiе
 п
 смер.
 Ми-
 хайла
 Глин-
 скаго.

ны къ Князю Ивану Телепневу - Оболен- Г.
 скому, который, владѣя сердцемъ ея, 1534.
 хотѣлъ управляишь и Думою и Государ-
 спвомъ, Михаилъ, какъ нишупъ, смѣло
 и швердо говорилъ племяициѣ о спыдѣ
 разврапа, всегда гнуснаго, еще гнуснѣй-
 шаго на проиѣ, гдѣ народъ ищепъ добро-
 дѣтели, оправдывающей власпъ Самодер-
 жавную. Его не слушали, возненавидѣли
 и погубили. Телепневъ предложилъ: Еле-
 на согласилась, и Глинскiй, обвиняемый
 въ мнимомъ, нелѣпомъ замыслѣ овладѣишь
 Государспвомъ, вмѣспъ съ ближнимъ
 Болриномъ и другомъ Василиевымъ, Ми-
 хайломъ Семеновичемъ Воронцовымъ, безъ
 сомнѣнiя также добродѣпельнымъ, былъ
 лишепъ вольности, а скоро и жизни, въ
 той самой темницѣ, гдѣ онъ сидѣлъ преж-
 де¹²: мужъ знаменишый въ Европѣ умомъ
 и пылкими спраспиями, спаспiемъ и бѣд-
 спвиемъ, Вельможа и предапелъ двухъ Го-
 сударспвъ, помилованный Василиемъ для
 Елены и замученный Еленою, достойный
 гибели измѣнника, достойный и славы
 великодушнаго спрадалца въ одной п той
 же темницѣ! Глинскаго схоропили, безъ
 всякой чести, въ церкви Св. Никиты за
 Неглинною; но одумались, вынули изъ
 земли и опшвели въ монастырь Троицкiй,

Г. 1534. изгошовилъ памь пристойнѣйшую могилу для Государева дѣда; по Воронцовъ, полько удаленный опъ Двора, пережилъ своихъ гонителей, Елену и Князя Ивана Телепнева: бывъ Намѣспникомъ Новгородскимъ, онъ умеръ уже въ 1559 году съ доспоинспвомъ Думнаго Боярина¹³.

Еще младшій дядя Государевъ, Князь Андрей Иоанновичъ, будучи слабаго характера и не имѣя никакихъ свойствъ блестящихъ, пользовался наружными знаками уваженія при Дворѣ и въ Совѣтѣ Боярѣ, которыя въ сношеніяхъ съ иными Державами давали ему имя перваго попечителя Государспвеннаго¹⁴; но въ самомъ дѣлѣ онъ ни мало не участвоваль въ правленіи; оплакиваль судьбу брапа, претепалъ за себя и колебался въ нерѣшимости: по хотѣлъ милостей опъ Двора, по являлъ себя нескромнымъ его хулицелемъ, слѣдуя внушеніямъ своимъ любимцевъ. Черезъ шесть недѣль по кончинѣ Великаго Князя, находясь еще въ Москвѣ, онъ смиренно билъ челомъ Еленѣ о прибавленіи новыхъ обласпей къ его Удѣлу: ему опказали, но, согласно съ древнимъ обычаемъ, дали, въ память усопшаго, множество драгоценныхъ сосудовъ, шубъ, коней съ богатыми сѣдла-

ми. Андрей уѣхаль въ Спаричу, жалуеть на Правительницу. Въсповщики и паупники не дремали: одни сказывали сему Князю, что для него уже готовяць пемницу; другіе доносили Еленѣ, что Андрей злословиць ее. Были разныя объясненія, для коихъ Бояринъ, Князь Иванъ Шуйскій, ѣздилъ въ Спаричу и самъ Андрей въ Москву: увѣряли другъ друга въ любви, и съ обѣихъ сторонъ не вѣрили словамъ, хопя Минпрополиць ручался за испину оныхъ. Елена желала знаць, кпо ссориць ее съ деверемъ? онъ не именоваль никого, опвѣспвуя: «миѣ самому »такъ казалось!» Разспались ласково, но безъ искренняго примиренія.

Въ сіе время — 26 Августа, 1536 г. года — Князь Юрій Иоанновичъ умеръ въ пемницѣ *отъ голода*, какъ пишунтъ¹⁵. Смер. Кня-
Андрей былъ въ ужасѣ. Правительница звала его въ Москву на совѣтъ о дѣлахъ виѣшней полипки: онъ сказался больнымъ и претоваль врача. Извѣспный лекарь Теофиль не нашель въ немъ никакой важной болѣзни¹⁶. Елену пайно извѣспили, что Андрей не смѣеть ѣхать въ споллицу и думаешь бѣжать. Между пѣмъ сей несчастный писалъ къ ней: «Въ болѣзни и шокѣ я отбыль ума и мысли. Юріа.

Г. 1537. »Согрѣй во мнѣ сердце милоспію. Не уже ли велишь Государь влачить меня опсюда на носилахъ?» Елена послала Крушицкаго Владыку Досиѳея, вывеси его изъ неосновапельнаго спраха, или, въ случаѣ злаго намѣренія, объявишь ему кляпву церковную. Тогда же Бояринъ Андреевъ, отправленный имъ въ Москву, былъ задержанъ на пупи, и Князья Оболенскіе, Никипа Хромый съ Конюшимъ Телепневымъ, предводишельспвуя многочисленную дружиною, вступили въ Волокъ, чпобы гнашься за бѣглецомъ, если Досиѳеевы увѣщанія оспанушся безпозлезными. Андрею сказали, чпо Оболенскіе идушь схватишь его: онъ немедленно выѣхалъ изъ Спарицы съ женою и съ юнымъ сыномъ; оспановился въ шестидесяти верстахъ, думалъ и рѣшился — бышь пресшупникомъ: собрать войско, овладѣшь Новымгородомъ и всею Россією, буде возможно; послалъ грамошы къ обласпнымъ Дѣшямъ Боярскимъ и писалъ къ нимъ: »Великій Князь младенецъ; вы оспужите только Боярамъ. Идише ко мнѣ: я гошовъ васъ жаловашь.« Многіе изъ нихъ дѣйспвительно явились къ нему съ усердіемъ; другіе предспавили мяпежныя грамошы въ Государспвенную Думу.

Бѣг-
ство,
умы-
сль
и за-
ключе-
ніе
Кил-
за
Ап-
дрей
Юан-
повп-
ча.

Надежало взять сильныя мѣры: Князь Г. Никипа Оболенскій спѣшилъ защитишь 1537. Новгородъ, а Князь Иванъ Телепневъ шелъ съ дружиною въ слѣдъ за Андреемъ, который, оспавивъ большую дорогу, поворопилъ вѣво къ Старой Русѣ. Князь Иванъ наспигъ его въ Тюхоли: успроилъ воиновъ, распушилъ знамя и хотѣлъ начашъ битву. Андрей пакже вывелъ свою дружину, обнаживъ мечъ; но колебался и вступилъ въ переговоры, пребуя кляпвы опъ Телепнева, чпо Государь и Елена не будутъ ему мспишь. Телепневъ далъ сію кляпву, и вмѣспъ съ нимъ пріѣхалъ въ Москву, гдѣ Великая Княгиня, по словамъ Лѣпописца, изъявила гнѣвъ своему любимцу, который будшо бы самъ собою, безъ вѣдома Госудрева, увѣрилъ мяпежника въ безопасноспи, и велѣла Андрея оковашь, заключишь въ пѣсной палатѣ; къ Княгинѣ его и сыну приспавили спражу; Боярь его, совѣспниковъ, вѣрныхъ слугъ пытали, не спотря на ихъ знашный Княжескій санъ: нѣкоторые умерли въ мукахъ, иные въ темницахъ; а Дѣшей Боярскихъ, взявшихъ спорону Андрееву, числомъ придцать, повѣсили какъ измѣнниковъ на дорогѣ Новгородской, въ большомъ располніи

Казнь
Бояръ
и Дѣ-
шей
Болр-
скихъ.

Г. одинъ опть другаго. — Андрей имѣлъ
 1537. Смер. Князи Ан-дрей. учасиѣ брапа: умеръ насильственною смертію чрезъ шесть мѣсяцевъ, и, подобно ему, былъ съ честью погребенъ въ церкви Архангела Михаила. Онъ конечно заслуживалъ наказаніе, ибо дѣйствительно замыслилъ бунтъ; но казни тайныя всегда доказываютъ малодушную злобу, всегда незаконны, и припворный гнѣвъ Елены на Князя Телепнева не могъ оправдать вѣроломства.

Такимъ образомъ въ четыре года Еленина правленія именемъ юнаго Великаго Князя умертвили двухъ единоупробныхъ братьевъ его опца и дядю мамери, брапа внучапнаго ввергнули въ шемницу, обезчестили множество знапныхъ родовъ шорговою казнію Андреевыхъ Бояръ, между коими находились Князя Оболенскіе, Пронскій, Хованскій, Палецкій. Опасаясь гибельныхъ дѣйствій слабости въ малолѣтство Государи Самодержавнаго, Елена считала жестокость ивердосію; но сколь послѣдняя, основанная на чиспомъ усердіи къ добру, необходима для государственнаго блага, споль первая вредна оному, возбуждая ненависть; а иптъ Правительсства, которос для своихъ усѣ-

ховъ не имѣло бы нужды въ любви народной. — Елена предавалась въ одно время и нѣжностями беззаконной любви и свирѣпству кровожадной злобы!

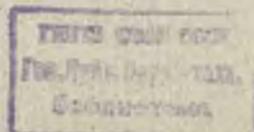
Въ дѣлахъ вишней Полицики Пра-Дѣла випельница и Дума не уклонялись опть системы Василевой: любили миръ и не страшились войны.

Извѣстивъ сосѣдственныя Державы о восшествіи Иоанновомъ на пресполь, Елена и Бояре утвердили дружественныя связи съ Швеціею, Ливоіею, Молдавіею, съ Князьями Ногайскими и съ Царемъ Аспраханскимъ. Въ 1535 и 1537 году Пислы Густавъ Вазы были въ Москвѣ съ привѣтствіемъ, опправились въ Новгородъ и заключили тамъ шестидесятилѣтнее перемиріе¹⁷. Густавъ обязался не помогать Липевъ, ни Ливонскому Ордену въ случаѣ ихъ войны съ нами. Условились: 1) выслать Пословъ на Оксу рѣку для возстановленія древнихъ границъ, бывшихъ между Швеціею и Россіею при Король Магнусъ; 2) Россіянамъ въ Швеціи, Шведамъ въ Россіи шорговать свободно, подь охраніемъ законовъ; 3) возвратишь бѣглецовъ съ обѣихъ шоронъ. Повѣренными Густавъ были Кнушь Андерсонъ и Віорнь Класъ.

Г. 1534
— 38.
сонъ, а Россійскими Князь Борисъ Горбапый и Михайло Семеновичъ Воронцовъ, Думные Бояре, Намѣстники Повогородскіе, кошорые, въ 1535 году, ушвердили миръ и съ Ливонією на семнадцать лѣтъ¹⁸. Уже спарець Плевшенбергъ, знаменитѣйшій изъ всѣхъ Магистровъ Ордена, скончался: преемникъ его, Германъ Фонъ Брюггеней, и Рижскій Архіепископъ опъ имени всѣхъ *Златоносцевъ* или Рыцарей, *Нѣмецкихъ Боярь* и *Ратмановъ* Ливоніи убѣдительно молили Великаго Князя о дружбѣ и покровительствѣ. Успавили, чшобы рѣка Нарова, какъ и всегда, служила границею между Ливонією и Россією; чшобы не препятствовавъ взаимной торговлѣ никакими дѣйствіями насилія, и даже въ случаѣ самой войны не проганъ купцевъ, ни ихъ достоянія; чшобы не казнили Россіянъ въ Ливоніи, ни Ливонцевъ въ Россіи безъ вѣдома ихъ Правительствъ; чшобы Нѣмцы *берегли* церкви и жилища Русскія въ своихъ городахъ, и проч. Въ окончаніи договора сказано: »А кто пресупишь кляшву, »на него Богъ и кляшва, моръ, гладь, »огнь и мечъ.«

Воевода Молдавскій, Пешръ Стефановичъ, также ревностно искалъ нашего

покровительства; хопя уже и платилъ Г. 1534
легкую дань Султану, но еще именовался — 38.
Господаремъ вольнымъ: имѣлъ свою особенную полипическую систему, воевалъ и мирился, съ кѣмъ хотѣлъ, и правилъ землею какъ Самодержецъ. Россія единовѣрная могла вступаться за него въ Константинополь, въ Тавриду, и вмѣстѣ съ нимъ обуздывать Литву¹⁹. Именитѣйшій Бояринъ Молдавскій, Сунжаръ, въ 1535 году былъ въ Москвѣ, а нашъ Посоль Заболоцкій ѣздилъ къ Пешру съ увѣреніемъ, что Великій Князь не оставитъ его ни въ какомъ случаѣ. Россія дѣйствительно имѣла въ немъ весьма усерднаго союзника противъ Сигизмунда, коему онъ не давалъ покоя, гопповый всегда разорялъ Польскія земли; но не могла бытъ ему щипомъ опъ грознаго Салимана, кошорый (въ 1537 году) огнемъ и мечемъ опустошилъ всю Молдавію, пребуя *урогной*, знапной дани и совершеннаго подданства опъ жипелей. Они не смѣли проптивиться, однакожъ вымолили у Султана право избирать собщвенныхъ Владѣтелей, и еще около ста лѣтъ пользовались онымъ²⁰. Турки взяли казну Господарскую, множество золопта, нѣсколько Діадимъ, богатыхъ иконъ и

Г. крестовъ Стефана Великаго. Въ Москвѣ жалѣли о бѣдствіи сей единовѣрной Державы, не думая о способахъ облегчить ея судьбу. Правительница и Бояре не разсудили за благо возобновить сношенія съ Константинополемъ, и Солиманъ (въ 1538 году) приславъ въ Москву Грека Андреяна для разныхъ покупокъ, въ ласковомъ письмѣ къ юному Іоанну жаловался на сію холодность, хваляся своею дружбою съ его родителемъ²¹.

Къ Царю Аспраханскому, Абдыль-Рахману, посылали Боярскаго Сына съ предложениемъ союза: опасаясь и Хана Крымскаго и Ногаевъ, Царь съ благодарностію принялъ оное, но чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ лишился прона: Ногаи взяли Аспраханъ, изгнали Абдыль-Рахмана, и на его мѣсто объявили Царемъ какого-то Дервешелея. Имѣя съ Россією выгодный торгъ, Князья сихъ многочисленныхъ степныхъ Ордъ, Шійдякъ, Мамай, Кошумъ и другіе, хощѣли бытъ въ мирѣ съ нею, но жаловались, что наши Козаки Мещерскіе не даютъ имъ покоя, тысячами опгоняютъ лошадей и берутъ людей въ плѣнъ; пребовали удовлетворенія, даровъ (собольихъ шубъ, сукопъ, допѣховъ), уваженія и чести: на примѣръ,

чтобы Великій Князь называлъ ихъ въ Г. письмахъ *братьями* и *Государями*, какъ 1554
Хановъ не уступающихъ въ достоинствѣ —38
Крымскому, и посылалъ къ нимъ не малочисленныхъ людей, а Боярь для переговоровъ; грозили, въ случаѣ отказа, местию, напоминая, что опцы ихъ видали Москву, а дѣти также могутъ заглянуть въ ея стѣны; хвалялись, что у нихъ 500 тысячъ воиновъ, и лепашутъ какъ пшеницы. Бояре общали имъ управу и договаривались съ ними о свободной торговлѣ, которая обогащала Россію лошадами и скотомъ: на примѣръ, съ Ногайскими Послами въ 1534 году было 5000 купцевъ и 50,000 лошадей, кромѣ другаго скота. Сверхъ того сіи Князья обязывались извѣщать Государя о движеніяхъ Крымской Орды и не впускать ея разбойниковъ въ наши предѣлы. Шійдякъ считалъ себя главою всѣхъ Ногаевъ и писалъ къ Іоанну, чтобы онъ давалъ ему, какъ Хану, *уроные поминки*. Бояре отвѣщивали: »Государь жа-
»луется и Хановъ и Князей, смотря по
»ихъ *услугамъ*, а не даетъ никому *уро-
»ка*.« Мамай, именуясь Калгою Шійдяковымъ, отличался въ грамошахъ своихъ краснорѣчіемъ и какого-то Философією.

По-
слав-
никъ
Ту-
рец-
кій.

Астра-
хань

Дѣла
Но-
гай-
скіе.

Г. Изъявляя Великому Князю сожалѣніе о кончинѣ его родителя, онъ говорилъ: «Любезный братъ! не ты и не я произвели смерть, но Адамъ и Ева. Опіцы умирающе, дѣти наследующе ихъ доостояніе. Плачу съ побою; но покоримся необходимости»²²! Сіи Ногайскія грамоты, писанныя высокопарнымъ слогомъ Воспочнымъ, показывающе нѣкопорое образование ума, замѣчательное въ народѣ кочующемъ.

Правишельница и Бояре хопѣли возобновить дружественную связь и съ Императоромъ: въ 1538 году Послы наши, Юрій Скобельцынъ и Дмитрій Васильевъ, ѣздили къ Карлу V и къ его брату, Фердинанду, Королю Венгерскому и Богемскому²³. Мы не имѣемъ ихъ наказа и допесеній.

Но главнымъ предметомъ нашей Полиптики были Таврида, Липва и Казань. Юный Іоаннъ предлагалъ союзъ Хану Саипъ-Гирею, миръ Сигизмунду и кровопиельство Еналею. Царь и народъ Казанскій новыми кляшвенными грамотами обязались совершенно зависѣть отъ Россіи. Король Сигизмундъ опивѣспивовалъ гордо: «Могу согласиться на миръ, если юный Великій Князь уважитъ мою спа-

По-
соль-
ство
къ
Карлу
V.

При-
слаг
Казан-
цевъ.

проси и пришлетъ своихъ Пословъ ко Г. мнѣ или на границу»²⁴. Надѣясь восполь-¹⁵³⁴
зоваться малолѣпствомъ Іоанновымъ, ^{—58} Гор-
Король пребоавалъ всѣхъ городовъ, опия-^{дній}
тыхъ у него Василиемъ; предвидя оп-^{вѣтъ}
казъ, вооружался и склонилъ Хана къ со-^{Сигиз-}
юзу съ Липвою прошивъ Россіи. Еще го-^{мундъ}
нецъ нашъ не возвратился отъ Саипъ-Напа-
Гирея, когда узнали въ Москвѣ о впаденіи ^{деніе}
Татаръ Азовскихъ и Крымскихъ, въ Ря-^{Крым-}
занскія области, гдѣ, на берегахъ Про-
ни, Воеводы Князя Пунковъ и Гапеевъ
побили ихъ на голову²⁵. За сей первый
воинскій успѣхъ Іоаннова государспивова-
нія Воеводамъ поржеспвенно изъявили
благоволеніе Великаго Князя.

Хопя, увѣренные въ неминуемой вой-
нѣ съ Королемъ, Правишельница и Бояре
спѣшили изгоспивиться къ ней: но Сигиз-
мундъ предупредилъ ихъ. Съ особенной
милоспію принявъ нашихъ измѣнниковъ,
Князя Симеона Бѣльскаго и Ляпцкаго,
давъ имъ богатыя помѣстья²⁶ и слушаа
ихъ рассказы о слабостяхъ Елены, о пи-
ранспвѣ Вельможъ, о неудовольспвіи на-
рода, Король замыслилъ вдругъ опияпъ
у насъ всѣ Іоанновы и Василевы пріобрѣ-
пенія въ Липвѣ. Кіевскій Воевода, Андрей
Нѣмировъ, со многочисленною раптію

Г. вступивъ въ предѣлы Сѣверскіе, осадилъ
 1534. Спародубъ и выжегъ его предмѣстіе; но
 Война съ Липовцами. Смѣлая вылазка Россіянтъ, подъ началь-
 ствомъ храбраго мужа, Андрея Левина, спивомъ
 5. шакъ испугала Липовцевъ, что они ушли въ
 беспорядкѣ, а Намѣстникъ Спародубскій, Князь
 Александръ Кашинъ, прислалъ въ Москву 40
 непріятельскихъ пушкарей со всѣмъ ихъ снарядомъ
 и съ знашнымъ чиновникомъ Суходольскимъ,
 взятымъ въ плѣнъ. Чпобы загладить первую
 неудачу, Липовцы сожгли худоукрѣпленный
 Радогощъ (гдѣ сгорѣлъ и мужественный
 Воевода Московскій, Машвѣй Лыковъ), плѣнили
 многихъ жипелей, обшупили Черниговъ и
 нѣсколько часовъ спрѣляли въ городъ изъ
 большихъ пушекъ. Тамъ былъ Воеводою Князь
 Теодоръ Мезецкій, умный и бодрый. Онъ не
 далъ непріятелю приближиться къ спѣнамъ,
 искусно дѣйствуя снарядомъ огнеспрѣльнымъ;
 и когда пальба ночью зашла, выслалъ
 Черниговцевъ ударить на спанъ Липовскій,
 гдѣ сіе неожиданное нападеніе произвело
 страшную тревогу: томные, сонные Липовцы
 едва могли обороняться; во тьмѣ убивали
 друга; бѣжали во все стороны; оставили
 намъ въ добычу обозъ и пушки. На раз-

свѣтъ уже не было ни одного непріятеля Г.
 1534. подъ городомъ: Сигизмундовъ Воевода съ
 опчаяніемъ и спыдомъ ушелъ въ Кіевъ. Такъ
 Король обманулся въ своей надеждѣ завоевать
 Украину, беззащитную, какъ ему говорили
 наши измѣнники, Бѣльскій и Липецкій. Въ
 то же время другой Воевода его, Князь
 Александръ Вишневецкій, явился подъ стѣнами
 Смоленска: тамошній Намѣстникъ, Князь
 Никита Оболенскій, не далъ ему сжечь
 посада, опразилъ и гналъ его нѣсколько
 верстъ²⁷.

Узнавъ о сихъ непріятельскихъ дѣйствіяхъ,
 наша Боярская Дума, въ присутствіи юнаго
 Великаго Князя и Елены, претовала
 благословенія опъ Митрополипа на войну
 съ Липовою; а Митрополипъ, обращаясь къ
 Державному младенцу, сказалъ: »Государь!
 защити себя и насъ. Дѣйствуй: мы будемъ
 молиться. Гибель зчинающему, а въ правдѣ
 Богъ помощникъ!« Полки въ глубокую
 осень выспушили изъ Москвы, съ двумя
 главными Воеводами, Князьями Михайломъ
 Горбатымъ и Никипою Оболенскимъ; любимицею
 Елены, Теменевъ, желая славы мужесства,
 велъ передовый полкъ. Опъ границы
 Смоленска запылали села и предмѣстія
 городовъ Липовскихъ: Дубровны,
 13 Сен-тября

Г. Орши, Друцка, Борисова. Не встрѣчая 1534. непріятеля въ полѣ, и не занимаясь осадю крѣпостей, Воеводы Московскіе съ огнемъ и мечемъ дошли до Молодечны, гдѣ присоединился къ нимъ, съ Новогородцами и Псковичами, Намѣстникъ Князь Борисъ Горбашій, опустошивъ всѣ мѣста вокругъ Полоцка, Витебска, Брянска. Не смотря на глубокіе снѣга и жестокіе морозы, они пошли къ Вильнѣ: тамъ находился самъ Король, встревоженный близостию враговъ; завопилъ, приказывалъ, и не могъ ничего сдѣлать Россіянамъ, коихъ было около 150,000²⁸. Легкіе опряды ихъ жгли и грабили въ пятнадцати верстахъ отъ Вильны. Но Воеводы наши, довольные его ужасомъ и разореніемъ Липвы — испребивъ въ ней жилища и жителей, скопъ и хлѣбъ, до предѣловъ Ливоніи, — не потерявъ ни одного человѣка въ битвѣ, съ плѣнниками и добычею возвратились въ Россію, чрезъ обласъ Псковскую, въ началѣ Марша. — Другіе Воеводы, Князя Федоръ Телепневъ и Тросненскіе, ходили изъ Спародуба къ Мозырю, Турову, Могилеву, и съ такимъ же успѣхомъ: вездѣ жгли, убивали, плѣняли, и нигдѣ не сражались²⁹. Не личная слабость преслараго Сигизмунда, но

государственная слабость Липвы объясняетъ для насъ возможность такихъ 1534. испребительныхъ *воинскихъ прогулокъ*. Не было успроеннаго, всегдашняго войска; надлежало собирать его долго, и Правительство Липовское не имѣло способовъ нашего — по еспѣ, сильнаго, швердаго Самодержавія; а Польша, съ своими вельможными Панами соспавляя еще особенное Королевство, неохотно вооружалась для защиты Липвы. Къ чести Россіянъ Лыпописецъ сказываешь, что они въ грабежахъ своихъ не касались церквей православныхъ, и многихъ единоверцевъ великодушно опускали изъ плѣна.

Слѣдствіемъ Липовскаго союза съ Ханомъ было то, что Царевичъ Исламъ возспалъ на Саинъ-Гирея за Россію, какъ пишущъ³⁰, вспомнивъ спарую съ нами дружбу; преклонилъ къ себѣ Вельможъ, свергнулъ Хана и началъ господствовать подъ именемъ Царя; а Саинъ засѣлъ въ Киркорѣ, объявивъ Ислама мятежникомъ, и надѣялся смирить его съ помощію Сулпана. Сія перемѣна казалась для насъ счастливою: Исламъ, боясь Турковъ, предложилъ плѣнный союзъ Великому Князю, и писалъ, что 20,000 Крымцевъ уже
Толъ VIII. 2.

Исламъ
господ
ствуй
ствъ
придѣ

воююще Липву. Бояре Московскіе, неперпѣливо желая воспользоваться такимъ добрымъ расположеніемъ новаго Хана, велѣли ѣхать Князю Александру Спригину Посломъ въ Тавриду: сей чиновникъ своевольно оспался въ Новогородкѣ и написалъ къ Великому Князю, что Исламъ обманываетъ насъ: будучи единственно Калгою, именуется Царемъ, и не давно, въ присуществіи Липовскаго Посла Горноспаевича, далъ Сигизмунду кляпву быти врагомъ Россіи, исполняя волю Саипъ-Гирееву. Сіе извѣстіе было несправедливо: Спригину объявили гнѣвъ Государевъ, и вмѣсто его отправили Князя Мезецкаго къ Исламу, чтобы какъ можно скорѣе утвердить съ нимъ важный для насъ союзъ. Ханъ не замедлил прислать въ Москву и договорную, *шертиуту* грамоу; но Бояре, увидѣвъ въ ней слова: «кто недругъ Великому Князю, а мнѣ другъ, тотъ и ему другъ,» не хотѣли взять ее. Наконецъ Исламъ согласился исключивъ сіе оскорбительное для насъ условіе, клялся въ любви къ *младшему* своему брату Іоанну, и хвалился великодушнымъ безкорыстіемъ, увѣряя, что онъ презрѣлъ богатыя дары Сигизмундовы, 10,000 золотыхъ и 200 лоша-

Г.
1535

вовъ сукна; претовалъ опѣ насъ благодарности, пушекъ, пятидесяти-тысячъ *денегъ*, и жаловался, что Великій Князь не исполнилъ родичельскаго духовнаго завѣщанія, коимъ будшо бы умирающій Василій въ знакъ дружбы отказалъ ему (Исламу) половину казны своей. Ханъ ругался за безопасность нашихъ предѣловъ, извѣстивъ Государя, что Саипъ-Гиреевъ Вельможа, Князь Булгакъ, вышелъ изъ Нерскони съ толпами разбойниковъ, по конечно не посмѣетъ перевозить Россіи. Хотя Булгакъ, въ проповѣность Исламу увѣренію, вмѣстѣ съ Дашковичемъ, Апаманомъ Днѣпровскихъ Козаковъ, нечаяннымъ впаденіемъ въ Сѣверскую область сдѣлалъ не мало вреда сѣтелямъ; хотя Бояре Московскіе именемъ Великаго Князя жаловались на то Исламу: однакожь соблюдали умѣренность въ упрекахъ, не грозили ему местию, и показывали, что вѣряютъ его искренней къ намъ дружбѣ³¹.

Г.
1535.

Тогда прибѣжали изъ Вильны въ Москву люди Князя Симеона Бѣльскаго и Ляпцкаго: не хотѣвъ служить измѣнникамъ, они пограбили казну господъ своихъ, и донесли нашимъ Боярамъ, что Сигизмундъ шлетъ сильную рать къ

Г. Смоленску. Надлежало предупредить врага. Полки были гоповы: Князь Василий Шуйский, главный Воевода, с Елепнымъ любимцемъ, Телешевымъ, копорый впо-рично припалъ начальство надъ передо-вымъ опрядомъ, спѣшили встрѣпить непришеля; нигдѣ не видали его, выскли предмѣстіе Мстиславля, взяли оспрогъ, опсправили плѣнниковъ въ Москву и шли безпрепятственно далѣ. Новгородцы и Псковичи должны были съ другой спороны шакже вспунить въ Липву, осно-ванъ на берегахъ Себежскаго озера крѣ-пость и соединиться съ Шуйскимъ; но Предводители ихъ, Князь Борисъ Горба-шый и Михайло Воронцовъ, только оп-часши исполнили данное имъ повелѣніе: опрядивъ Воеводу Бушурлина съ Дѣшми Боарскими къ Себежу, спали въ Опоч-кахъ, и не хотѣли соединиться съ Шуй-скимъ³². Бушурлинъ заложилъ Иваньгородъ на Себежѣ, въ землѣ Липовской какъ бы въ нашей собственности; укрѣпилъ его, наполнилъ всякими запасами, работалъ около мѣсяца: никпо ему не прошивился; не было слуха о непришеляхъ.

Однакожь Сигизмундъ не пратиалъ вре-мени въ бездѣйствіи: давъ Россіянамъ во-лю свирѣпствовашъ въ воспочныхъ пре-

дѣлахъ Липвы, послалъ 40,000 воиновъ въ наши собственныя южныя владѣнія, и между тѣмъ, какъ Шуйскій жегъ окрестности Кричева, Радомля, Могилева, Воеводы Липовскіе, Панъ Юрій Радзивиль, Андрей Нѣмировъ, Гешманъ Янъ Тарнов-скій, Князь Илья Оспрожскій и нашъ измѣнникъ, Симеонъ Бѣльскій, шли къ Спародубу. Свѣдавъ о томъ, Московскіе Болре немедленно выслали новые полки для защиты сего края; но вдругъ услышали, что 15,000 Крымцевъ спрем-лялся къ берегамъ Оки; что Рязанскія села въ огнѣ и кровь жителей льется рѣ-кою; что Исламъ обманулъ насъ: прель-щенный золотомъ Липовскимъ, услу-жилъ Королю симъ набѣгомъ, все еще именуясь Иоанновымъ союзникомъ, и без-совѣстно увѣряя, что не опъ, а Саипъ-Гирей воюешъ Россію³³. Пословъ Исламо-выхъ взяли въ Москвѣ подъ спражу; не-медленно возвратили шедшее къ Спаро-дубу войско; собрали въ Коломнѣ нѣ-сколько тысячъ людей. Князя Димитрій Бѣльскій и Мстиславскій опспразили хи-щниковъ опъ береговъ Оки, гнались за ними, принудили ихъ бѣжашъ въ степи³⁴.

Но Липовцы, пользуясь содѣйствіемъ Крымцевъ и беззащитнымъ соспол-

Спро-
снѣ
крѣ-
пости
въ Ли-
пвѣ.
Юля
29.

Г.
1535.

90 Ап-

густа

Па-

Нѣ

бѣ

Крым-

цевъ.

Г. 1535. ніемъ Малороссіи, приспустили къ Гомелю: шупъ начальствовавалъ малодушный Князь Оболенскій-Щенинъ: онъ ушелъ со всѣми людьми воинскими и съ огнеспръльнымъ снарядомъ въ Москву, гдѣ ввергнули его въ пемницю³⁵. Гомель сдался. Липовцы надѣялись взять и Спародубъ; но шамъ былъ достойный Вождь, Князь Федоръ Телепневъ: мужеспвенный оппоръ сжедневно спойлъ имъ крови. Воеводы Сигизмундовы рѣшили продлнть осаду, сдѣлали шайный подкопъ и взорвали спѣну: ужасный громъ пошрясъ городъ; дома запылали; неуріяпель сквозь дымъ ворвался въ улицы. Князь Телепневъ съ своею дружиною оказалъ геройство; поппалъ, гналъ Липовцевъ; два раза пробивался до ихъ спана: по спѣненннй густыми толпами пѣхоты и конницы, въ изнеможеніи силъ, былъ взявъ въ полонъ, вмѣспѣ съ Княземъ Сипцкимъ. Знапный мужъ, Князь Пешпръ Ромодановскій, палъ въ бншвѣ; Никипа Колычевъ умеръ опть раны чрезъ два дни³⁶. 13,000 гражданъ обоого пола изгнбло опть пламени или меча; спаслися немногіе, и своими разсказами навели ужасъ на всю землю Сѣверскую. Въ Почепѣ, худо укрьпленномъ, начальствовавалъ бодрый Москви-

Лп-
тов-
цы
беруть
Гомель
и
Спародубъ

29
Ав-
густа

пнянпъ Федоръ Сукинъ: опъ сжегъ городъ, велѣвъ жипелямъ удалнться и зарыпъ, чего они не могли взять съ собою. Липовцы, завоевавъ единспвенно кучи пепла, ушли во-своаяси; а Шуйскій, предавъ огню всѣ мѣста вокругъ Княжичей, Шклова, Копоса, Орши, Дубровны, опспупилъ къ Смоленску.

Число враговъ нашихъ еще умножилось новою измѣною Казани. Недовольные, какъ и всегда, господспвомъ Россіи надъ ними; возбуждаемые къ бунпу Саинъ-Гиреемъ; презирая юнаго Царя своего, и думая, что Россія съ Государемъ-младенцемъ ослабѣла и въ ея внушреннихъ силахъ, тамошніе Вельможи, подъ руководствомъ Царевны Горшадны и Князя Булаша, свергнули, умершвили Еналея за городомъ на берегу Казанки, и снова призвавъ къ себѣ Сафа-Гирея изъ Тавриды, чтобы возстановнть ихъ свободу и независимоспъ, женили его на Еналеевой супругѣ, дочери Князя Ногайскаго, Юсуфа. Желая узнать обспоятелспва сей перемѣны, Бояре послали гонца въ Казань съ письмами къ Царевнѣ и къ Уланамъ: онъ еще не возвратился, когда наши служивые Городецкіе Ташары привезли вѣспъ, что многіе изъ знапныхъ

Г.
1535.
Сен-
пльб.

Мя-
тежь
Казань

людей Казанскихъ тайно видѣлись съ ними на берегу Волги; что они не довольны Царевною и Княземъ Булапомъ, имѣють до пящи-сопъ единомышленниковъ, хотѣють оспаривать вѣрными Россіи и надѣются изгнать Сафа-Гирея, ежели Великій Князь освободитъ Шигъ-Алея и порожественно объявитъ его ихъ Царемъ³⁷. Бояре совѣтовали Еленѣ немедленно послать за Шигъ-Алеемъ, который все еще сидѣлъ въ заключеніи на Бѣлзозерѣ: ему объявили Государеву милость, велѣли ѣхать въ Москву и явиться во дворецъ³⁸. Опишемъ достопамятныя подробности сего предсавленія.

Шестилѣтній Великій Князь сидѣлъ на тронѣ: Алея, обрадованный счастливою переменною судьбы своей, палъ ницъ, и стоя на колѣнахъ, говорилъ рѣчь о благодѣяніяхъ къ нему опца Иоаннова, винился въ гордоспи, въ лукавствѣ, въ злыхъ умыслахъ; славилъ великодушіе Иоанна и плакалъ. На него надѣли богатую шубу. Онъ желалъ предсавиться и Великой Княгинѣ. Василій Шуйскій и Конюшій Телепневъ встрѣтили Алея у саней. Государь находился у матери, въ палатѣ Св. Лазаря. Подлѣ Елены сидѣли знатныя Боярыни; далѣе, съ обѣихъ

Шигъ-Алея въ милости

Г.
1536.
Генв.
9.

сторонѣ, Бояре. Самъ Иоаннъ принялъ Г. Царя въ сѣняхъ и ввелъ къ Государынѣ. 1536.
Ударивъ ей челомъ въ землю, Алея споваклялъ свою неблагодарность, назывался холопомъ, завидовалъ брату Еналею, умершему за Великаго Князя, и желалъ себѣ такой же участи, чтобы загладишь преспуленіе. Въмѣсто Елены отвѣчалъ ему сановникъ Карповъ, гордо и милоспиво. »Царь Шигъ-Алей!« сказалъ онъ: »Василій Иоанновичъ возложилъ на тебя вопалу: Иоаннъ и Елена проспили вину швою. Ты удостоился видѣшь лице ихъ!« Дозволяемъ тебѣ забыть минувшее; но вспомни новый обѣтъ вѣрности!« Алея оппустили съ честію и съ дарами. Жена его, Фашьма-Салпанъ, встрѣченная у саней Боярынями, а въ сѣняхъ самую Еленую, объдама у нее въ палатѣ. Иоаннъ привѣщспивовалъ госпью на языкѣ Татарскомъ и сидѣлъ за особеннымъ споломъ съ Вельможами: Царица же съ Великою Княгинею и съ Боярынями. Служили Спольшники и Чашники. Князь Рѣпининъ былъ Кравчимъ Фашьмы. Елена въ концѣ объда подала ей чашу и — никогда, по сказанію Лѣшописцевъ, не бывало великолѣпнѣйшей пранезы при Дворѣ Московскомъ. Правительница любила пы-

Г. 1536. шность и не упустила случая показывать, что въ ея рукѣ Держава Россіи.

Война съ Казанью. Между шѣмъ война съ Казанью началась: ибо заговоръ нѣкопрыхъ Вельможъ ея противъ Сафа-Гирея не имѣлъ дѣйствія, и сей Царь оповѣщивалъ грубо на письмо Іоанново³⁹. Московскіе Полководцы, Князь Гундоровъ и Замыцкій, должны были итти изъ Мещеры на Казанскую землю; но воспрѣпивъ Тапаръ близъ Волги, ушли назадъ и даже не извѣстили Государя о непріятелѣ, копорый, нечаянно вступивъ въ Нижегородскую обласць, злодѣйствовалъ въ ней свободно. Жители Балахны, имѣя болѣе храбрости, нежели искусства, вышли въ поле, и были разбишы. Воеводы Нижегородскіе сошлись съ Тапарами подъ Лысковымъ: ни шѣ, ни другіе не хошѣли битвы; пользуясь темнопою ночи, Казанцы и Россіане бѣжали въ разныя спороны. Сіе малодушіе Московскихъ Военачальниковъ требовало примѣра спрогоости: Князя Гундорова и Замыцкаго посадили въ пемницу, а на ихъ мѣсто оправили Сабурова и Карпова, копорые одержали наконецъ побѣду надъ многочисленными Казанскими и Черемисскими толпами въ Коряковѣ. Пѣнниковъ опо-

слали въ Москву, гдѣ ихъ, какъ вѣроломныхъ мяшежниковъ, всѣхъ безъ исключенія осудили на смерть. Г. 1536.

Война Липовская продолжалась для насъ съ успѣхомъ, и существованіе новой Себежской крѣпости утвердилось знаменитую побѣдою. Сигизмундъ не могъ равнодушно видѣть сію крѣпость въ своихъ предѣлахъ: онъ велѣлъ Кіевскому Намѣстнику Нѣмирову взять ее, чего бы то ни стоило. Войско его, составленное изъ 20,000 Липовцевъ и Поляковъ, обступило городъ. Началась ужасная пальба, земля дрожала, но стѣны были невредимы: худые пушкаріи Липовскіе, вмѣсто непріятелей, били своихъ; ядра лепѣли вправо и влѣво: ни одно не упало въ крѣпость. Россіане же спрѣляли мѣшко и сдѣлали удачную вылазку. Осаждающіе паяпились къ озеру, коего ледъ съ прескомъ обломился подъ ними. Тупѣ Воеводы Себежскіе, Князь Засѣкинъ и Тушинъ, не дали имъ опомниться: ударили, смяли, попили несчастныхъ Липовцевъ; взяли ихъ знамена, пушки, и едва не всѣхъ испребили. Нѣмировъ на борзомъ конѣ ускакалъ опъ плѣна, чпобы донести спарцу Сигизмунду о гибели сго войска — и какъ сѣшovali въ Кіевѣ, ^{Побѣда да въ Липовую.} ^{Февраля.}

Г. въ Вильнѣ, въ Краковѣ, пакъ веселились
1536. въ Москвѣ; показывали народу профей—
чеспили, славили мужественныхъ Воеводъ.
Елена, въ память сего блестящаго успѣ-
ха, велѣла соорудить церковь Живоначальной
Троицы въ Себежѣ⁴⁰. Мы не да-
вали покоя Липвѣ: возобновивъ Почепъ,
Спародубъ, — основавъ на ея землѣ, въ
Ржевскомъ Уѣздѣ, городъ Заволочье и Ве-
лижъ въ Торопецкомъ, Князя Горенскій
и Барбашевъ выжгли посады Любеча, Ви-
гнѣбска, взяли множество плѣнниковъ и
всякой добычи⁴¹.

Слѣдуя правиламъ Іоанна и Василія,
Дума Болрская не хотѣла дѣйствовать
наступательно противъ Хана. Толпы его
разбойниковъ являлись на берегахъ Бѣ-
спрой Сосны и немедленно уходили, когда
показывалось наше войско⁴². Онѣ дерзнули
(въ Апрель 1536 года) приспустить къ
Бѣлеву; но шамошній Воевода разбилъ ихъ
на голову⁴³. Хотя Исламъ, осыпанный
Королевскими дарами, примирился-было
съ Саипъ-Гиреемъ, чпобы вмѣстѣ пре-
возможи Россію нападеніями: однакожь,
уступая ему имя Царя, не уступалъ вла-
сти; началась новая ссора между ими, и
вѣроломный Исламъ отправлялъ въ Мо-
скву гонца за гонцемъ съ дружескими пись-

мами, изъявляя ненависть къ Саипу и Г.
къ Царю Казанскому Сафа-Гирею⁴⁴. 1536.

Уже Сигизмундъ — видя, чпо Рос-
сія и съ Государемъ-младенцемъ сильнѣе Пере-
Липвы — думалъ о мирѣ; изъявлялъ не-^{миріе}
годованіе нашимъ измѣнникамъ: держалъ съ
Ляпцкаго подѣ спражею⁴⁵, и споль не-^{швою.}
милосривно обходился съ Княземъ Симе-
ономъ Бѣльскимъ, чпо онъ, пылая не-
навистію къ Россіи, съ досады ухалъ
въ Конспаншннополь, искашь защиты и
покровительства Султанова. Еще въ Фе-
враль 1536 года Королевскій Вельможа,
Панъ Юрій Радзивиль, писалъ къ любимцу
Елены, Князю Телепневу (черезъ его бра-
та, бывшаго Липовскимъ плѣнникомъ)
о пользѣ мира для обѣихъ Державъ: Те-
лепневъ отвѣщивалъ, чпо Іоаннъ не
врагъ пищины⁴⁶. Но долго спорили о мѣ-
стѣ переговоровъ. Сигизмундъ, приславъ
знашнаго чиновника поздравить Іоанна
съ восшествіемъ на тронъ, желалъ, чпо-
бы онъ, будучи юнѣйшимъ, изъ ува-
женія къ его лѣпамъ отправилъ своихъ
Вельможъ въ Липву для заключенія мира;
а Болре Московскіе считали по несогла-
еннымъ съ нашимъ государственнымъ до-
стоинствомъ. Сигизмундъ долженъ былъ
уступить, и въ началѣ 1537 года приѣ-

Г. халь въ Москву Янъ Глѣбовичъ, Полоцкій
1537. Воевода, съ чепырма спами знашнихъ
Дворянъ и слугъ. Слѣдуя обыкловенію,
объ спороны прѣбовали невозможнаго:
Липовцы Новагорода и Смоленска, мы
Кіева и всей Бѣлоруссіи; не только спо-
рили, но и бранились; уснажи, и рѣши-
лись заключити единственну перемиріе
на пять лѣтъ, съ условіемъ, чѣобы мы
владѣли новыми крѣпостями, Себежемъ
и Заволочьемъ, а Липва Гомелемъ⁴⁷. Слѣд-
ственно война кончилась успѣшною и
пріобрѣтеніемъ съ обѣихъ споронъ, хотя
и неважнымъ. Бояринъ Морозовъ и Князь
Палецкій опчевели перемирную грамоту
къ Сигизмунду. Они не могли склонити
его къ освобожденію плѣнныхъ Россіянъ.
Дозволивъ Великокняжескимъ Посламъ сво-
бодно ѣздити чрезъ Липву къ Императору
и Королю Венгерскому, Сигизмундъ не со-
гласился пропустити Молдавскаго чинов-
ника къ намъ, сказавъ, чѣо Воевода Пспръ
сещъ мяшежникъ и злодѣй Польши⁴⁸.

Если Полишика Великихъ Князей не
пернѣла согласія Липвы съ Ханами Крым-
скими, всячески ниная вражду между ими:
но и Крымцы не любили видѣти насъ
въ мирѣ съ Липвою, ибо война предша-
вляла имъ удобнощъ къ грабежу въ на-

Дѣла
Крым-
скія.

шихъ и Королевскихъ обласпахъ. Исламъ, Г.
съ неудовольствіемъ свѣдавъ о мирныхъ 1537.
переговорахъ, увѣряя Іоанна въ своей
гошповносни насипуити на Короля всеми
силами, и, въ доказапельство ревностной
къ намъ дружбы, увѣдомлялъ, чѣо Князь
Симеонъ Бѣльскій, прѣѣхавъ изъ Констан-
тинополя въ Тавриду, хвалился съ по-
мощію Султана завоевать Россію⁴⁹. »Осте-
регись,« писалъ Исламъ: »власнолюбіе и
»коварство Солimana мнѣ извѣстны: ему
»хочется поработити и Сѣверныя земли
»Христіанскія, швою и Липовскую. Онъ
»велѣлъ Пашамъ и Санпъ-Гирею собираити
»многочисленное войско, чѣобы измѣн-
»никъ швой, Бѣльскій, шель съ нимъ на
»Россію. Одинъ я спою въ дружбѣ къ
»тебѣ и мѣшаю ихъ замыслу.« Бѣльскій
дѣйствительно искалъ гибели опечесства,
и чѣобы злодѣйствовати шѣмъ безопа-
снѣ, хочѣлъ усыпити Правительницу
увѣрешами въ его раскаяніи: писалъ къ
ней и прѣбовалъ себѣ *опасной грамоты*,
обящавъ немедленно быти въ Москвѣ,
чѣобы заградити вину своего бѣгства
усердною службою. Могъ ли пакой пре-
супникъ ждашъ милосердія опѣ Елены?
Сіе мнимое раскаяніе было новымъ ко-
варствомъ, и Правительство наше не

Г. усомнилось также прибѣгнувъ къ обману, 1537. чшобы наказашъ злодѣя. Именемъ Иоанновымъ Болре опвѣспововали ему, чшо преспуленіе его, извиняемое юностию лѣпнѣ, забывается навѣки; чшо и въ древнія времена многіе знаменитые люди уходили въ чужія земли, возвращались и снова пользовались милостию Великихъ Князей; чшо Иоаннъ съ любовію вспрѣшптъ родственника, исправленнаго лѣпами и опытностію⁶⁰. Въ поже время послали изъ Москвы гонца и дары къ Исламу съ убѣдительнымъ пребываніемъ, чшобы онъ выдалъ намъ или умершвилъ сего изменника. Но Ислама не спало: одинъ изъ Князей Ногайскихъ, Багый, другъ Саипъ-Гиреевъ, въ нечаянномъ нападеніи убилъ его, и плѣнивъ многихъ Крымцевъ, захватилъ между ими и Бѣльскаго, спасеннаго Судьбою для новыхъ преспуленій: ибо Елена и Бояре щещпно хощѣли выкупить его, посылая деньги въ Ногайскіе Улусы будшо бы онъ мащери и бращевъ Симеоновыхъ: Князь Багый, въ угодность Хану, опослалъ къ нему сего важнаго плѣнника какъ его друга⁵¹.

Смерть Исламова и возстановленное шѣмъ единовласніе Саипъ-Гирей въ Тавридѣ были для насъ весьма непріятны.

Исламъ въроломспововалъ, но будучи врагомъ сверженнаго имъ Хана и Казанскаго Царя, находилъ общенныя выгоды въ союзѣ съ Россією; а Саипъ-Гирей, покровительствуемый Султаномъ, имѣлъ шѣсную связь съ мяшежною Казанью, и не безъ досады видѣлъ нашу дружбу къ Исламу, хощя мы, болѣе уважая послѣдняго какъ сильнѣйшаго, опъ времени до времени писали ласковыя грамоты и къ Саипу⁵². Ханъ не замедлил оскорбить Великаго Князя: ограбилъ Посла Московскаго въ Тавридѣ; однакожь, какъ бы удовольствованный сею местію, извѣспилъ насъ о гибели своего злодѣя и предлагалъ Угрозы Саипъ-Гирей
Иоанну бращество, желая даровъ и запрѣщая ему превожить Казань. »Я готовъ жить съ побою въ любви« — велѣлъ онъ сказашъ Великому Князю — »и прислать въ Москву одного изъ знашнѣйшихъ Вельможъ своихъ, если ты прищлешь ко мнѣ или Князя Василія Шуйскаго, или Конюшаго Телепнева, примришься съ моею Казанью и не будешь шпробовать дани съ ея народа; но если шдерзнешъ воевать, шо не хощимъ видѣть ни Пословъ, ни гонцевъ швоихъ: мы непріятели; вспунимъ въ землю Русскую, и все будешъ въ ней прахомъ«⁵³

Г. 1538. Въ сіе время полки наши готовились ипши на Казань. Ея хищники, разсыянные близъ Волги вѣрными Мещерскими Козаками, одержали верхъ надъ двумя Воеводами Московскими, Сабуровымъ и Княземъ Засѣкинымъ Песпрымъ, убитымъ въ сраженіи между Галичемъ и Костромною; а въ Генварь 1537 года самъ Царь Казанскій нечаянно подступилъ къ Мурому, сжегъ предмѣстіе, не взявъ города и бѣжалъ, увидѣвъ вдали наши знамена. Елена и Бояре, уже не опасаясь Липвы, хотѣли сильно дѣйствовать пропивъ Казани, опвергнувъ все мирныя предложенія Сафа-Гирея; но угрозы Хана казались споль важными, что Государственный нашъ Совѣтъ рѣшился опложитъ войну, извѣстивъ Саипъ-Гирея и Казанскаго Царя о согласіи Великаго Князя на миръ, съ условіемъ, чпобы Сафа-Гирей оспался присяжникомъ Россіи. Бояре опвѣстивовали Хану именемъ Иоанна: »Ты называшь Казань *своего*; но загляни въ *старыя лѣтописи*: не пому ли *всегда принадлежилъ Царство, кто завоевалъ его?* Можно опданы оное другому; но сей будетъ уже подданнымъ *перваго*, какъ верховнаго Владыки. Говоря о своихъ мнимыхъ правахъ, молчишь

о сущесивенныхъ правахъ Россіи. Казань Г. 1538. »наша, ибо дѣдъ мой покорилъ ее; а вы »сполько обманомъ и коварствомъ присвоивали себѣ временное господство надъ »нею. Да будетъ все по старому, и мы »оспаемся въ брашствѣ съ побою, за »бывая вины Сафа-Гиреевы. Опправимъ »къ тебѣ знашнаго Посла, но не Шуйскаго и не Телепнева, коцорые по моей »юности необходимы въ Государственной »Думѣ⁵⁴.«

Симъ заключились дѣла внѣшней Политики Еленина правленія, означованнаго и нѣкоторыми внутренними полезными учрежденіями, въ особенноти спроеніемъ новыхъ крѣпостей, нужныхъ для безопасности Россіи.

Еще Великій Князь Василій, находя Кремль пѣснымъ для многлюдства Мо-Спро-сковскаго и недоспапачнымъ для защиты ^{спіе} Клитая онаго въ случаѣ непріяпельскаго нашествія, хотѣлъ оградитъ споллицу новою, ^{города} и ^{по} обширнѣйшею стѣною. Елена испол^{вхихъ}нила его намѣреніе, и въ 1534 году, Маія ^{крѣ-} 20, начали копать глубокой ровъ опъ Неглинной вокругъ посада, (гдѣ были все купеческія лавки и шорги) къ Москвѣ-рѣкѣ черезъ площадь Троицкую (мѣсто ^{постей} судныхъ поединковъ) и Васильевскій лугъ.

Г. Работали слуги придворные, Мишрополиповы, Боярские и все жили безъ исключенія, кромѣ чиновниковъ или знатныхъ гражданъ, и въ Юнѣ кончили; а въ слѣдующемъ году, Маѣ 16, послѣ крестнаго хода и молебна, опшѣпаго Мишрополипомъ, Пешпрокъ Малой, *новокрещеный* Ипаліанецъ, заложилъ около рва каменную стѣну и чешыре башни съ вѣрошами Срѣщенскими (Никольскими), Троицкими (Ильинскими), Всесвятскими (Варварскими) и Козмодемьянскими на Великой улицѣ⁵⁵. Сей городъ былъ названъ по Тапарски *Китаемъ* или *среднимъ*, какъ изъясняютъ⁵⁶. — Кромѣ двухъ крѣпостей на Липовской границѣ, Елена основала 1) въ Мещерѣ городъ Мокшанъ, на мѣстѣ издревле именуемомъ *Муруза*; 2) Буйгородъ въ Коспромскомъ Уѣздѣ; 3) крѣпость Балахну у *Соли*, гдѣ прежде находился посадъ; 4) Пронскъ на старомъ городищѣ. Владиміръ, Ярославль, Тверь, пожаромъ обращенные въ пепелъ, были снова выстроены; Темниковъ перенесенъ на удобнѣйшее мѣсто; Устюгъ и Софійскую сторону въ Новгородѣ окружили стѣнами; Вологду укрѣпили и распространили. Правительница, зная главную потребность Государства столь обшир-

наго и столь мало населеннаго, вызывала Г. жителей изъ Липвы, давала имъ земли, 1538. преимуществва, льготу, и не жалѣла казны для искупленія многихъ Россіянъ, увлекаемыхъ Тапарами въ плѣнъ: для чего требовала вспоможенія отъ Духовенства и богатыхъ монастырей. На примѣръ, Архіепископъ Макарій (въ 1534 году) послалъ ей съ своей Епархіи 700 рублей, говоря: »душа человѣческая дороже золота.« Сей умный Владыка Новгородскій, пользуясь уваженіемъ Двора, ѣздилъ въ Москву не только молился съ Мишрополипомъ о благоденствіи Россіи, но и способствовалъ оному мудрыми совѣтами въ Государственной Думѣ⁵⁷.

Къ концу Еленина правленія Лѣто-Переписцы относятъ еще перемену въ цѣнѣ ^{мѣна} государственной монеты, вынужденную ^{въ цѣ-} обстоятельствомъ. Изъ фунта серебра ^{ны мон-} дѣлали прежде обыкновенно *пять рублей и два гривны*; но корысполубіе изобрѣло обманъ: стали обрѣзывать и переливать деньги для подмѣси, такъ, что изъ фунта серебра выходило уже десять рублей. Многие люди богатыли симъ ремесломъ и произвели безпорядокъ въ торговлѣ: цѣны измѣнились, возвысились; продавецъ боялся обмана, всѣмъ, испытывавъ мо-

Г. 1538. непу, или прѣбавалъ кляпвы опъ купца, что она не поддѣльная. Елена запретила ходъ обрѣзныхъ, нечистыхъ и всѣхъ спарыхъ денегъ; указала перелишь ихъ и чеканишь изъ фунта *шесть рублей* безъ всякаго примѣса; а *поддѣльчиковъ* и *обрѣзчиковъ* велѣла казнить (имъ лили расплавленное олово въ ротъ и опсѣкали руки). Изображеніе на монетахъ оспалось прежне: Великій Князь на конѣ, но не съ мечемъ въ рукѣ, какъ дополь, а съ *копѣль*: опъ чего спсали онъ именоваться *копейками*⁵⁸.

Об- щал целью- бовъ къ Еленѣ. Но Елена ни благоразуміемъ своей виѣшней Полишки, ни многими достохвальными дѣлами внуши Государства не могла угодишь народу: пиранство и беззаконная, уже всѣмъ явная любовь ея къ Князю Ивану Телепневу-Оболенскому возбуждали къ ней ненависть и даже прѣзрѣніе, опъ коего ни власшь, ни спросить не спасають Вѣщеносца, если свящая добродѣтель опвращаетъ опъ него лице свое. Народъ безмолвствовалъ на спognaхъ: шѣмъ болѣе говорили въ шѣсномъ, для пирановъ непроницаемомъ кругу семействъ и дружестива о несчастіи видѣшь соблазнить на проишь⁵⁹. Правительница, желая обманушь людей и совѣспь,

частью ѣздила съ Великимъ Княземъ на Г. 1538. Богомолье въ монастыри; но лицемѣріе, хипрость слабодушныхъ, заслуживаетъ единственнo хвалу лицемѣрную и бываетъ предъ неумолимымъ судилищемъ нравственности новымъ обвиненіемъ. — Ко глазу оскорбляемой добродѣтели присоединялся и глазъ зависти: одинъ Телепневъ былъ испишнымъ Вельможею въ Думѣ и въ Государствѣ; другіе, спарѣйшіе, назывались только именемъ Бояръ: никто не имѣлъ заслугъ, если не могъ угодишь любимцу Двора. Желали перемѣны — и Великая Княгиня, юная лѣтами, цвѣ- Апрель- ля 3. пущая здравіемъ, вдругъ скончалась. Со- Конецъ- временникъ, Баронъ Герберштейнъ, въ чина- занискахъ своихъ говоритъ упвердительно, что Елену оправили ядомъ⁶⁰. Опъ шель- видѣшь въ семь случаевъ одну *справедливую* щницъ. *мечь*; но ее нѣтъ ни для сына проптивъ опца, ни для подданнаго проптивъ Государя: а Елена, по малолѣтству Іоанна, законно власповала въ Россіи. Худыхъ Царей наказываетъ только Богъ, совѣспь, Испорія: ихъ ненавидяшь въ жизни, клянушь и по смерти. Сего довольно для блага гражданскихъ обществъ, безъ яда и желѣза; или мы должны опвергнушь необходимый успавъ Монархіи, что осо-

Г. ба Вѣщеносцевъ *неприкосновенна*. Тайна
1558. злодѣянїя не уменьшаетъ его. Гнушался
онимъ, согласимся, что извѣстіе Гер-
берштейна вѣрояно. Лѣтописцы не го-
воряють ни слова о болѣзни Елены. Она
преснавилась во вѣпоромъ часу дни, и въ
пошъ же день погребена въ Вознесенскомъ
монастырѣ⁶¹. Не сказано даже, чтобы
Митрополитъ оппѣвалъ ея пѣло. Бояре
и народъ не изъявили, кажешся, ни са-
мой припворной горести. Юный Великій
Князь плакалъ, и бросился въ объятїя
къ Телепневу, кошорый одинъ былъ въ
опчаянїи, ибо только одинъ могъ всего
лишишься и не могъ уже ничего прїобрѣ-
сти кончиною Елены. Народъ спрашивалъ
съ любопытствомъ: кто будешъ пра-
виль Государствомъ?

Г Л А В А II.

ПРОДОЛЖЕНІЕ ГОСУДАРСТВОВА-
НІЯ ІОАННА IV.

Паденїе и смерть К. Телепнева. Господство К. Васи-
лія Шуйскаго. Освобожденїе К. Ивана Бѣльскаго
и Андрея Шуйскаго. Смуша Боярская. К. Иванъ

Бѣльскій снова заключень Смерть К. Василя
Шуйскаго. Господство его брата. Сверженїе Ми-
трополита: избранїе Юсаса. Характеръ К. Ива-
на Шуйскаго и грабежи внутри Государства.
Набѣги вѣншихъ непрїятелей. Посольства въ
Царьградъ, въ Спсогольмъ. Договоръ съ Ганзою.
Союзъ съ Аспраханью. Посольства Ногайскїя. За-
говоръ противъ Шуйскаго. Освобожденїе К. Ива-
на Бѣльскаго и власть его. Прощенїе К. Влади-
мира Андреевича и его мащери. Облегчаютъ судъ
бу К. Димитрія Углицкаго. Прощенїе К. Симе-
она Бѣльскаго. Владенїе Царя Казанскаго. Паше-
ствїе Хана Крымскаго. Великодушїе народа и вой-
ска. Бѣгство непрїятеля. Смуша Бояръ: паденїе
К. Ивана Бѣльскаго. Ссылка Митрополита. Но-
вое господство К. Ивана Шуйскаго. Посвященїе
Макарїя. Перемирїе съ Литвою. Набѣги Крым-
цевъ, Ногаевъ. Дѣла Казанскїя. Споенїя съ
Аспраханью, съ Молдавією. Черемша въ Правле-
нїи. Паглотъ Шуйскїихъ. Худое воспитанїе Иоан-
на. Заговоръ противъ главныхъ Вельможъ. Паден-
їе Шуйскїихъ. Власть Глинскїихъ. Жестокость
Правленїя. Доброе согласїе съ Литвою. Рапъ на
Казань. Шыгъ-Алей Царемъ въ Казани и бѣжнть
опшуда. Походъ къ устью Свїяги. Путешествїя
Великаго Князя и неудовольствїя народа.

Г. 1538 — 1547.

Нѣсколько дней пропекло въ неиз-
вѣстности и въ тишинѣ для народа, въ
шайныхъ совѣщанїяхъ и въ козняхъ для
Вельможъ честнлюбивыхъ. Доселѣ Пра-
вительница замѣняла Государя: настало
время совершенной Аристократїи или
Томъ VIII

Г.
1538.
Паден-
їе и
смерть
К. Ге-
леше-
ва.

Г. 1538. Державства Бояръ при семилѣтнемъ Государѣ. Не многіе изъ нихъ смѣли желать верховнаго владычества надъ Россією: прочіе готовились единственно взять сторону того или другаго на выгоднѣйшихъ для своей личной пользы условіяхъ. Любимецъ Еленинъ, Князь Иванъ Телепневъ, не дремалъ въ бездѣйствіи: будучи другомъ и братомъ Іоанновой надзиравательницы, Боярыни Агриппины Челядниной, онъ думалъ овладѣть юнымъ Монархомъ, не опшодилъ онъ него, ласкался къ нему, и надѣялся на усердіе своихъ бывшихъ друзей; но число ихъ, съ перемѣною обшпоществъ, уменьшилось и ревность охладѣла. Внезапная кончина Еленина—и не еспешившая, какъ мнили — предвѣщала явленіе новыхъ, сильнѣйшихъ Властителей: что бы узнать, кто могъ бытъ ея пайцымъ виновникомъ, любопытные ждали, кто воспользуется оною? Сіе справедливое, или, не смотря на вѣроятность (какъ часто бываетъ), ложное подозрѣніе обратилось на старѣйшаго Боярина, Василія Васильевича Шуйскаго, потомка Князей Суздальскихъ, изгнанныхъ еще сыномъ Донскаго изъ ихъ наслѣдственнаго владѣнія: злобствуя на Московскихъ Госуда-

рей, они служили Новотороду, и въ послѣдній день его свободы Князь Шуйскій Гребенка былъ паче главнѣйшымъ Восводою⁶⁸. Видя рѣшительное шоржество Самодержавія въ Россіи, сіи изгнанники, одинъ за другимъ, вступили въ службу Московскую и были знаменитѣйшими Вельможами. Князь Василій Васильевичъ, занимавъ первое мѣсто въ Совѣтѣ при опцѣ Іоанновомъ⁶⁹, занималъ оное и при Еленѣ, и пѣтъ болѣе неавидѣлъ ея временщика, кошорый, уступая ему наружную честь, исключительно господствовалъ надъ Думою. Изготовивъ средства успѣха, преклонивъ къ себѣ многихъ Бояръ и чиновниковъ, сей власполобивый Князь жестокимъ дѣйствіемъ самовольства и насилія объявилъ себя Главою Правленія: въ седьмой день по кончинѣ Елениной велѣлъ схватить любезнѣйшихъ юному Іоанну особъ: его надзиравательницу, Боярыню Агриппину, и брата ея, Князя Телепнева, — оковавъ цѣлями, заключивъ въ темницу, не смотря на слезы, на вопль Державнаго, беззащитнаго опрока. Не судъ и не праведная, но беззаконная, люшая казнь была жребіемъ несчастнаго Вельможи, коему за недѣлю предъ пѣтъ раболѣпствовали всѣ Князья и Бояре. Телепнева уморили

Г. 1538. голодомъ, какъ Правительница или самъ онъ уморилъ Глинскаго и дядей Иоанновыхъ; но злодѣйство не оправдываетъ злодѣйства, и Дѣлописцы осуждаютъ сію личную месть, внушенную зависію къ бывшему любимцу Елены, которъи хощеть бытъ и любимцемъ сына ея⁶⁴. Теленевъ имѣлъ умъ, дѣятельность, благородное честолюбіе; не боялся оставлять Двора для войны, и еще не довольный властію, хощеть славы, которую дають дѣла, а не милость Государей. Сестру его, Боярину Агрипину, сослали въ Каргополь и поспригли въ Монахини. Дума, Государство и самъ Государь сдѣлались подвластны Василию Шуйскому и брату его, Князю Ивану, также знаменитому Члену Совѣща, гдѣ только одинъ Бояринъ могъ спорить съ ними о спарѣшинствѣ, Князь Димитрій Бѣльскій, родственникъ Иоанновъ: они искали его дружбы. Братъ Димитріевъ, Князь Иванъ Ѳедоровичъ, и Шуйскій, Андрей Михайловичъ, сидѣли въ темницѣ: ихъ вмѣстѣ освободили съ честію какъ невинныхъ; Бѣльскій первый занялъ въ Думѣ свое прежнее мѣсто; впрочемъ пожаловали въ Бояре⁶⁵. Ослабленный гордостію, Князь Василий Шуйскій хощеть утвердить себя на вы-

Господство К. Василія Шуйскаго. Освобожденіе К. Ивана Бѣльскаго и Андрея Шуйскаго.

шней степени Трона свойствомъ съ Государемъ, и будучи вдовцемъ лѣтъ пятидесяти или болѣе, женился на юной сестрѣ Иоанновой, Анастасіи, дочери Петра, Казанскаго Царевича⁶⁶. Но безпрекословное владычество сего Вельможи продолжалось только мѣсяцевъ шесть: Князь Иванъ Бѣльскій, имъ освобожденный, сдѣлалъ его непріятелемъ, будучи въ согласіи съ Митрополитомъ Даниломъ, съ Дворецкимъ Михайломъ Тучковымъ и съ иными важными сановниками. Началось тѣмъ, что Бѣльскій просилъ юнаго Иоанна дать Князю Юрію Булгакову-Голицыну Боярство, а сыну знамениаго Хабара Симскаго⁶⁷ санъ Околыничаго, не сказавъ ни слова Шуйскимъ, которые воспылали гнѣвомъ. Вражда усилилась бранью: съ одной стороны говорили о подлой негодарности, о гнусныхъ козняхъ; съ другой о самовластіи, о тиранствѣ. Наконецъ Шуйскіе доказали свое могущество: снова заключили Князя Ивана Бѣльскаго въ темницу, совѣтниковъ его разослали по деревнямъ, а главному изъ нихъ, Дьяку Ѳедору Мишурину, измученному войнами, раздѣльному, обнаженному, опсѣкли голову на плахъ предъ городскою пюрмою⁶⁸. Все сіе дѣлалось именемъ Шуйскихъ и

Г. 1538.

Смута Боярская. Кн. Иванъ Бѣльскій снова заключенъ.

Г. 1538. Боляръ, имъ преданныхъ, а не именованъ Государя: шо есть, незаконно и нагло. Доспойно замѣчанія, что старшій Князь Бѣльскій, Димитрій, опять не имѣлъ участія въ бѣдственнѣйшей судьбѣ брата, спасаемый, какъ въролпно, своимъ оспорожнымъ, спокойнымъ характеромъ.

Смерт. К. Василія Шуйскаго. Уже самовластный Вельможа, Князь Василій, считалъ себя какъ бы Царемъ Россіи: вдругъ узнали объ его болѣзни и смерти, кошорая могла бытъ естественною, но безъ сомнѣнія служила поводомъ къ разнымъ догадкамъ и заключеніямъ⁶⁹. Явивъ суешность властолюбія, она не исправила Боляръ Московскихъ, и братъ Василіевъ, Князь Иванъ Шуйскій, спавъ ихъ Главою, мыслить единственно о томъ, чтобы довершиль мещъ надъ врагами и сдѣлалъ, чего не успѣлъ или не дерзнулъ исполнить умершій братъ его. Ни святость Сана, ни хипрость ума не спасли Митрополища Даніила: замышлявъ съ Княземъ Иваномъ Бѣльскимъ свергнуть Шуйскихъ, онъ самъ былъ сверженъ съ Митрополиі указомъ Боярскимъ и сосланъ въ монастырь Іосифовъ⁷⁰, гдѣ спрогою, посипною жизнью имѣлъ способъ загладить грѣхи своего придворнаго честолюбія и раболѣпства.

Опасаясь упрековъ въ беззаконіи, Вельможи взяли съ Даніила записку, кою сей бывшій Архипасхыръ будто бы добровольно отказался оупъ Свяшительсва, чтобы молился въ тишинѣ уединенія о Государь и Государевѣ. На его мѣсто Епископы посипавили — *судьбали* *Божественными* и *Великокняжескими* (по ешь, Боярскимъ) *изволеніемъ*, какъ сказано въ лѣтописи — Іоасафа Скрыпицына, Игумена Троицкаго.

Среди такихъ волненій и безпокойствъ, производимыхъ личнымъ властолюбіемъ Боляръ, Правительсво могло ли имѣть надлежащую твердость, единсво, несъпность для внушеннаго благоуспройства и внѣшней безопасности? Главный Вельможа, Князь Иванъ Шуйскій, не оказывалъ въ дѣлахъ ни ума государственнаго, ни любви къ добру; былъ единсвенно грубымъ самолюбцемъ; хотѣлъ только помощниковъ, но не терпѣлъ совмѣстниковъ; повелѣвалъ въ Думѣ какъ Деспотъ, а во дворцѣ какъ хозяинъ, и величался до нахальства; на примѣръ, никогда не споялъ предъ юнымъ Іоанномъ, садился у него въ спальнѣ, оперался локтемъ о посшелю, клалъ ноги на кресла Государевы⁷¹; однимъ словомъ,

Г. 1539.

Избраіе Іоасафа.

Характеръ К. Ивана Шуйскаго и грабежи при Государствѣ.

Г. 1539. изъявлялъ всю низкую, малодушную спесь раба-господина. Упрекали Шуйскаго и въ гнусномъ корысполобїи; писали, что онъ расхишилъ казну и наковалъ себѣ изъ ея золоша множество сосудовъ, велѣвъ вырѣзать на нихъ имена своихъ предковъ. По крайней мѣрѣ его ближніе, клеветы, угодники грабили безъ милосердія во всѣхъ областяхъ, гдѣ давались имъ нажишочныя мѣста или должности государственныя. Такъ Бояринъ Андрей Михайловичъ Шуйскій и Князь Василій Рѣпинъ-Оболенскій, будучи Намѣстниками во Псковѣ, *свирѣпствовали какъ львы*, по выраженію современника²: не только угнетали земледѣльцевъ, гражданъ незаконными налогами, вымышляли пресупленія, ободряли лживыхъ доносителей, возобновляли дѣла спарыя, претовали даровъ опъ богатыхъ, безденежной работы опъ бѣдныхъ: но и въ самыхъ священныхъ Обищяхъ искали добычи съ лютоспію Могольскихъ хищниковъ; жили пригородовъ не смѣли ѣздить во Псковъ какъ въ вершеть разбойниковъ; многіе люди бѣжали въ иныя страны; поржища и монастыри опустѣли. — Къ сему ужасному бѣдствію несправосудія и насилія присоединились чашые, опустошитель-

Набѣ-
ги въ-
шнихъ
испрі-
япле-
лей.

ныя набѣги въшнихъ разбойниковъ. Мы Г. 1539. были — говорятъ Лытописцы — жерпвою и посмѣшищемъ невѣрныхъ: Ханъ Крымскій давалъ намъ законы, Царь Казанскій насъ обманывалъ и грабилъ. Первый, задержавъ Великокняжескаго чиновника, посланнаго къ Господарю Молдавскому, писалъ къ Иоанну: »Я сдѣлалъ то, »что вы нѣсколько разъ дѣлали. Опець »и мать пволя, не разумѣя государспвенныхъ успавовъ, ловили, злодѣйски убивали моихъ Пословъ на пуши въ Казань: »я также имѣю право мѣшать пвоему »сообщенію съ моимъ недругомъ Молдавскимъ. Ты хочешь опъ меня прїязни: »для чего же изъясняешься грубо? Знаешь »ли, что у меня болѣе спа тысячъ воиновъ? Если каждый изъ нихъ пвнипъ »хопя одного Русскаго, сколько тебѣ »убышка, а мнѣ прибыли? Не шаюсь, ибо »чувспвую силу свою; все объявляю напередъ, ибо сдѣлаю, что говорю. Гдѣ »желаешь видѣться со мною? въ Москвѣ, »или на берегахъ Оки? Знай, что буду »къ тебѣ не одинъ, но съ великимъ Султаномъ, копорый покорилъ вселенную »опъ Воспока до Запада. Укажу ему пушь »къ пвоей сплицѣ. Ты же что мнѣ сдѣлаешь? Злобспвуй какъ хочешь, а въ

Г. 1539. «моей землѣ не будешь»⁷³. Не только Юань Ш и Василій, но и Правительница, оныя времени до времени удовлетворяя корыстолюбію Хановъ, изъявляли по крайней мѣрѣ благородную гордость въ перепискѣ съ ними и не дозволяли имъ забываться. Владычество Шуйскихъ ознаменовалось слабостію и робкимъ малодушіемъ въ Политикѣ Московской: Бояре даже не смѣли оповѣстествовать Саипъ-Гирею на его угрозы; спѣшили отпра-
вить въ Тавриду знашнаго Посла и купить въроломный союзъ варвара обязательствомъ не воевать Казань⁷⁴; а Царь Казанскій, увѣряя насъ въ своемъ миролюбіи, хотѣлъ, чтобы мы ежегодно присылали ему дары въ знакъ уваженія. Напрасно ждали его уполномоченныхъ въ Москву: они не ѣхали, а Казанцы два года непрестанно злодѣйствовали въ областяхъ Нижняго, Балахны, Муромъ, Мещеры, Гороховца, Владиміра, Шуи, Юрьевца, Коспромы, Кинешмы, Галича, Топшмы, Устюга, Вологды, Вятки, Перми⁷⁵; являлись единственно шолцами, жгли, убивали, плѣнили, такъ, что одинъ изъ Лѣтописцевъ сравниваетъ бѣдствія сего времени съ Башыевымъ нашествіемъ, говоря: «Башыи прошекъ молнією Рус-

скую землю: Казанцы же не выходили Г. 1539. изъ ея предѣловъ, и лили кровь Христіанъ какъ воду. Беззащитные укрывались въ дѣсахъ и въ пещерахъ; мѣста обывшихъ селеній заросли дикимъ кустарникомъ. Обращивъ монастыри въ пепель, невѣрные жили и спали въ церквахъ, пили изъ святыхъ сосудовъ, обдирали иконы для украшенія женъ своихъ усе-
рзьями и монистами; сыпали горящія уголья въ сапоги Инокамъ и заспавляли ихъ плясать, оскверняли юныхъ Монахинь; кого не брали въ плѣнь, плѣмъ выкалывали глаза, обрѣзывали уши, носъ; топскали руки, ноги и — что всего ужаснѣе — многихъ приводили въ Вѣру свою, а сіи несчастные сами гнали Христіанъ какъ лютые враги ихъ. Нишу же по слуху, но видѣнное мною, и чего никогда забыть не могу»⁷⁶. Что дѣлали Правители Государства, Бояре? Хвалились своимъ перифніемъ предъ Ханомъ Саипъ-Гиреемъ, изъясняясь, что Казанцы перзають Россію, а мы, въ угодиость ему, не двигаемъ ни волоса для защиты своей земли⁷⁷! Бояре хотѣли единственно мира, и не имѣли его; заключили союзъ съ Ханомъ Саипъ-Гиреемъ⁷⁸, и видѣли безполезность онаго. Послы Ханскіе были

Г. 1539. въ Москвѣ, а сынъ его, Иминь, съ шайками своихъ разбойниковъ грабилъ въ Коширскомъ Уѣздѣ⁷⁹. Мы удовольствовались извиненіемъ, что Иминь не слушается ошца и поступаетъ самовольно.

По-со-ль-ства въ Царь-градѣ, въ Стокгольмѣ, Дого-воръ съ Ганзою, союзъ съ Аспраханью, По-со-ль-ства Ногайскія.
Другія внѣшнія дѣйствія Россіи болѣе соопвѣщивали ея государственному достоинству. Чиновникъ Адашевъ ѣздилъ изъ Москвы съ дружественными письмами къ Султану и къ Папріарху, Замыцкій изъ Новгорода къ Королю Шведскому: въ Констанцинополѣ и въ Стокгольмѣ оказали великую честь нашимъ Посланникамъ. Бояре подтвердили купеческій договоръ съ Ганзою и возобновили союзъ съ Аспраханью, гдѣ опять царствовалъ Абдыль-Рахманъ. Послы Ногайскіе одни за другими являлись въ Москвѣ, предлагая намъ свои услуги и пребуя единственно свободной торговли какъ милоспши. Лишва, соблюдая перемиріе, не превозила Россіи: спарець Сигизмундъ въ покоѣ доживалъ вѣкъ свой⁸⁰.

Г. 1540. Заговоръ пропивъ Шуйскаго; осво-
Въ сіе время сдѣлалась перемѣна въ нашей Аристократіи. Свергнувъ Митрополипа Даніила, Князь Иванъ Шуйскій считалъ новаго Первосвященителя другомъ своимъ, но обманулся. Руководствуясь, можетъ бытъ, любовію къ добродѣтели,

усердіемъ къ опечесшву, и видя неспособность Шуйскаго управлять Державою, или по инымъ, менѣе доспохвальнымъ причинамъ, Митрополипъ Іоасафъ осмѣлился ходатайствовать у юнаго Государя и въ Думѣ за Князя Ивана Бѣльскаго. Многіе Бояре приспали къ нему: одни говорили только о милосердіи, другіе о справедливоспши, и вдругъ, именемъ Іоанновымъ, съ поржесшвомъ вывели Бѣльскаго изъ шемницы, посадили въ Думу; а Шуйскій, изумленный дерзоспшо Митрополипа и Бояръ, не успѣлъ опвратить удара: пренепалъ въ злобѣ, клялся опмстпть имъ за измѣну, и съ того дня не хошѣлъ участвовашъ въ дѣлахъ, ни присушествовашъ въ Думѣ⁸¹, гдѣ спорона Бѣльскихъ, одержавъ верхъ, начала господствовашъ съ умѣренноспшо и благоразуміемъ. Не было ни опаль, ни гоненія. Правительсштво спало попечительнѣе, усерднѣе къ общему благу. Злоупотребленія власти уменьшились. Смѣнили нѣкопрыхъ худыхъ Намѣспниковъ, и Псковипяне освободились опъ насилій Князя Андрея Шуйскаго, опозваннаго въ Москву. Дума сдѣлала для нихъ то же, что Василій сдѣлалъ для Новгородцевъ: возвратила имъ судное право. *Цѣловаль-*

Г. *тими* или Присяжные, избираемые гра-
 1540. жданами, начали судить всѣ уголовныя
 дѣла независимо отъ Намѣсниковъ, къ
 великой досадѣ сихъ послѣднихъ, лишен-
 ныхъ шѣмъ способа беззаконствованія и
 наживанья. Народъ оподохнулъ во Псковѣ;
 славилъ милость Великаго Князя и добродѣ-
 телъ Бояръ⁸². — Правительство заслу-
 жило еще хвалу освобожденіемъ двоюрод-
 наго брата Іоаннова, юнаго Князя Вла-
 димира Андреевича, и матери его, заклю-
 ченныхъ Еленою: ои перѣѣхали въ свой
 домъ и жили уединенно; а чрезъ годъ, въ
 день Рождества Христова, мать и сынъ
 были представлены Іоанну. Имъ возвра-
 тили богатяя помѣстья Андресвы и
 дозволили имѣть Дворъ, Бояръ и слугъ
 Княжескихъ⁸³. — Назовемъ ли милостію
 скудное, жалостное благодѣяніе, оказан-
 ное тогда же другому родственнику Іоан-
 нову? Внуку Василя Темнаго, сынъ Ан-
 дрея Углицкаго, именемъ Димитрій, еще
 находился въ числѣ живыхъ⁸⁴, забвенный
 всѣми, и сорокъ-девять ужасныхъ лѣтъ,
 отъ нѣжной юности до глубокой спаро-
 сши, сидѣлъ въ шемницѣ, въ узахъ, одинъ
 съ Богомъ и мирною совѣстію, не оскор-
 бивъ никого въ жизни, не нарушивъ ни-
 какого успава чловѣческаго, только за

Про-
 щеніе
 Князя
 Вла-
 дими-
 ра Ан-
 дре-
 евича
 и ма-
 тери
 его.

Обле-
 чаютъ
 судьбу
 Ю. Ди-
 мит-
 рія
 Угли-
 цкаго.

вины отца своего, имѣвъ несчастіе ро-
 диться племянникомъ Самодержца, коему
 надлежало истребить въ Россіи вредную
 Сисшему Удѣловъ, и который любилъ
 Единовластіе болѣе, нежели единокров-
 ныхъ. Правители, желая бытъ милосер-
 дыми, не рѣшились возвратити Дими-
 трія, какъ бы изъ могилы, чуждому для
 него міру⁸⁵: велѣли только освободити его
 отъ пягосни цѣпей, выспити къ нему
 въ шемницу болѣе свѣта и воздуха!
 Ожесточенный бѣдствіемъ, Димитрій,
 можетъ бытъ, въ первый разъ смягчился
 тогда душою и пролилъ слезы благодар-
 ности, уже не гнѣпомый, не лзвимый
 оковами, видя солнце и дыша свободнѣе.
 Онъ содержался въ Вологдѣ: памъ и кон-
 чилъ жизнь. Братъ его, Князь Иванъ,
 умеръ за нѣсколько лѣтъ передъ шѣмъ
 въ Монашескѣ. Оба лежатъ вмѣстѣ въ
 Вологодской церкви Спаса на Прилукѣ⁸⁶.

Милуя или облекая судьбу гони-
 мыхъ, первый Вельможа, Князь Иванъ
 Бѣльскій, хопѣлъ и виновнаго бранца сво-
 его, Симеона, возвратити опеческву и
 добродѣтели. Митрополитъ Іоасафъ взялъ
 ся бытъ ходатаемъ. Извиняли пресупу-
 ника, чѣмъ только могли: юностию его
 лѣтъ, несноснымъ ширанствомъ и само-

Г.
 1540
 —41—

Г. власпіемъ Еленина любимца. Государь
 1540 просилъ: одно дѣйствіе, коимъ Испо-
 —41. рія упрекаетъ Князя Ивана Бѣльскаго!
 Прощеніе К. Измѣнникъ, предашель, наводивъ враговъ
 Сimeoна на опечесство, явился бы снова при Дво-
 рѣ и въ Думѣ съ почестями определен-
 ными для вѣрныхъ, знаменитыхъ слугъ
 Государства! Но Сimeoнъ не воспользо-
 вался милосердіемъ, прошивнымъ уставу
 справедливости и блага гражданскихъ
 обществъ. Гонецъ Московскій уже не на-
 шель Бѣльскаго въ Тавриду⁸⁷: сей измѣн-
 никъ былъ въ полѣ съ Ханомъ, замышляя
 гибель Россіи: ибо Саипъ-Гирей клялся
 въ дружбѣ къ Великому Князю един-
 ственно для того, чптобы произвести
 въ насъ оплошность и нечаянностью впа-
 денія опкрышь себѣ путь въ сердце
 Московскихъ владѣній. Но Дума, подѣ на-
 чальствомъ Князя Ивана Бѣльскаго, ра-
 дѣя о внушенномъ благоуспройствѣ,
 не выпускала изъ виду и внѣшней безо-
 пасности.

Тайно готовясь къ войнѣ, Ханъ при-
 глашалъ и Царя Казанскаго ипши на Рос-
 сію: къ счастью нашему, имъ неудобно
 было дѣйствовать въ одно время: пер-
 вый ждалъ весны и подожнаго корма въ
 степяхъ; а впорый, не имѣя сильной

рапи судовой, боялся лѣтомъ оставить Г.
 за спиною Волгу, гдѣ, въ случаѣ его бѣг- 1540
 —41. ства, Россіяне могли бы упоиить Ка-
 занцевъ. Ободряемый нашимъ долговремен-
 нымъ перптніемъ и бездѣйствіемъ, Са-
 фа-Гирей, въ Декабрѣ 1540 года миновавъ
 Нижній Новгородъ, успѣлъ безпрепят- Вла-
 ственно достигнуть Мурома, но далѣе де-
 не могъ ступить ни шага: войны и гра-
 ждане бились мужественно на стѣнахъ Царя.
 и въ вылазкахъ; Князь Димитрій Бѣль-
 скій шелъ изъ Владиміра, а Царь Алексѣй
 съ своими вѣрными Тапарами изъ Каси-
 мова, истребляя разбѣянные толпы не-
 приятелей въ Мещерской землѣ и въ се-
 лахъ Муромскихъ. Сафа-Гирей бѣжалъ на-
 задъ, и такъ скоро, что Воеводы Мо-
 сковскіе не догнали его⁸⁸. — Сей не весь-
 ма удачный походъ умножилъ число не-
 довольныхъ въ Казани: тамошніе Князья
 и знавшійшіе изъ нихъ, Булапъ, шайпо
 писали въ Москву, чптобы Государь по-
 слалъ къ нимъ войско; чпто они готовы
 убишь или выдашь намъ Сафа-Гирея, ко-
 торый, отнимая собственность у Вель-
 можъ и народа, шлетъ казну въ Тавриду.
 Болре вельми немедленно соединисься
 полкамъ изъ семнадцати городовъ въ
 Владиміръ, подѣ начальствомъ Князя

Ивана Васильевича Шуйскаго; опивъспивовали Булашу ласково, обѣщая ему милоспъ и забвеніе прошедшаго; но ждали дальнѣйшихъ вѣспей изъ Казани, чпобы послашь шуда войско⁸⁹.

Г.
1541.

Еще Ханъ Саипъ-Гирей скрываль свои замыслы: Посоль Іоанновъ, Князь Александръ Кашинъ, жилъ въ Тавридѣ, а Ханскій, именованъ Тагалдый, въ Москвѣ; но Бояре угадывали, чпо Царь Казанскій дѣйспивоваль по согласію съ Крымомъ, и для шого, на всякій случай, собрали войско въ Коломнѣ, гдѣ самъ юный Іоаннъ осмошрѣль его снапъ. Весною узнали въ Москвѣ (черезъ плѣнниковъ, ушедшихъ изъ Тавриды), чпо Ханъ двинулся къ предѣламъ Россіи со всею Ордою, не оставивъ дома никого, кромѣ женъ, дѣпей и спарцевъ; чпо у него дружина Сумпанова съ огнеспрѣльнымъ снарядомъ; чпо къ нему присоединились еще шолпы изъ Ногайскихъ Улусовъ, изъ Аспрахани, Кафы, Азова; чпо Князь Симеонъ Бѣльскій взялся бышь его пушеводипелемъ⁹⁰. Намѣспнику Пупивльскому, Оедору Плещееву, вельно было удосповѣришь въ испинѣ сего извѣспія: люди, посланные имъ въ степи, видѣли шамъ слѣды прошедшаго войска, шысячь спа или болѣе.

Наше-
спіе
Хана
Крым-
скаго.

Тогда Князь Димитрій Бѣльскій, въ санѣ Г. ^{1541.} главного Воеводы, прибыль въ Коломну и вывелъ рапъ въ поле. Князь Иванъ Васильевичъ Шуйскій оспался въ Владиміръ съ Царемъ Шигъ-Алеемъ; многчисленные дружины шли оповсюду къ Серпухову, Калугѣ, Туль, Рязани. Наши смѣлые лазушчики встрѣтили Хана близъ Дона: они смошрѣли на полки его и не видали имъ конца въ шеняхъ опкрыпыхъ. Уже Саипъ-Гирей былъ на сей споронѣ Дона; приспуналь къ Зарайску ^{Юли} и не могъ взять крѣпости, опраженный ^{28.} славнымъ мужесивомъ ея Воеводы, Назара Глѣбова.

Между шѣмъ, какъ наши полки располагались спаномъ близъ Оки, Москва умилялась зрѣлищемъ, дѣйспивительно прогашельнымъ: десятишлѣтній Государь съ брапомъ своимъ, Юріемъ, молился Всевышнему въ Успенскомъ храмѣ, предъ Владимірскою иконою Богоматери и гробомъ Св. Петра Митрополипа о спасеніи опечества; плакаль и въ слухъ народа говорилъ⁹¹: »Боже! Ты защитилъ моего шрадѣда въ нашествіе люшпаго Темиръ-Аксака: защити и насъ, юныхъ, сирыхъ! »Не имѣемъ ни опца, ни матеря, ни силы въ разумѣ, ни крѣпости въ десницѣ;

Г. 1541. »а Государство шребуешь опъ насъ спасенія!« Онъ повелъ Митрополиа въ Думу, гдѣ сидѣли Бояре, и сказалъ имъ: »Врагъ идесть: рѣшите, здѣсь ли мнѣ бышь, или удалишься?« Бояре разсуждали тихо и спокойно. Одни говорили, что Великіе Князья въ случаѣ непріятельскихъ нашествій никогда не заключались въ Москвѣ. Другіе пакъ отвѣщивали: »Когда Едигей шелъ къ споллицѣ⁹², Василій Димитріевичъ удалился, »чтобы собирать войско въ областяхъ Россійскихъ, по въ Москвѣ оставилъ Князя Владиміра Андреевича и своихъ братьевъ. Нынѣ Государь у насъ опрокъ, »а братья его еще малолѣтніе: дѣпямъ ли скакашь изъ мѣста въ мѣсто и составляешь полки? Не скорѣ ли впадушь они въ руки невѣрныхъ, которые безъ сомнѣнія разсѣюшя и по инымъ областямъ, ежели достигнуть Москвы?« Митрополиа согмашался съ послѣдними и говорилъ: »Гдѣ искашь безопасности Великому Князю? Новгородъ и Псковъ смежны съ Липвою и съ Нѣмцами; Коспрома, Ярославль, Галичъ, подвержены набѣгамъ Казанцевъ; и на кого оставишь Москву, гдѣ лежатъ Свящые Угодники? Димитрій Иоанновичъ оставилъ ее безъ

Г. 1541. »Воеводы сильнаго: что же случилось?« »Господь да сохранишь насъ опъ шакого бѣдствія! Нѣтъ нужды собирать войско: одно спойтъ на берегахъ Оки, другое въ Владиміръ съ Царемъ Шигъ-Алемъ, и защищашъ Москву. Имѣемъ силу, имѣемъ Бога и Свящыхъ, коимъ опецъ Иоанновъ поручилъ возлюбленнаго сына: »не унывайте!« Всѣ Бояре единодушно сказали: »Государь! оставься въ Москвѣ!« и Великій Князь изуспно далъ повелѣніе Градскимъ Прикащикамъ гоповишься къ Великосадѣ. Ревность, усердіе оживляли войско^{колу-шіе} новъ и народъ. Всѣ клялись умереть за Иоанна, спойтъ пвердо за свящія церк^{да и вой-}кви и дома свои. Людей расписали на ска^{вои-}дружины для защиты спѣтъ, воротъ и башенъ; вездѣ разспавили пушки; укрѣпили посады надолбами⁹³. Никто не мыслить о бѣгствѣ, и Лѣтописцы удивляющя сему общему вдохновенію мужества, какъ бы дѣйствію сверхъестественному.

То же было и въ войскѣ. Полководцы обыкновенно считались тогда въ старѣйшинствѣ или въ знатности родовъ между собою и не хотѣли зависѣть опъ младшихъ, ни опъ равныхъ, вопреки Государеву назначенію. Василій и опецъ

Г. его умѣли обуздывать ихъ *мстничество*; но юность Иоаннова, вселяя безспрашїе и дерзость въ главныхъ чиновниковъ, довела сіе зло до крайности. Прѣнія и вражда господствовали въ спанахъ⁹⁴. Великій Князь послалъ Дьяка своего, Ивана Курицына, съ письмомъ къ Димитрію Бѣльскому и къ его знаменимымъ сподвижникамъ. убѣждалъ ихъ оставивъ всѣ личности, всѣ несогласія и свары, — соединившись духомъ и сердцемъ за опечество, за Вѣру и Государя юнаго, копорый уповаеиъ единственно на Бога и на ихъ оружіе. «Ока да будетъ неодолимою преградой для Хана!» писалъ Иоаннъ: «а если не удержишь врага, то заградише ему путь къ Москвѣ своею грудью⁹⁵. «Сразишесь крѣпко во имя Бога всемогущаго! Обѣщаю любовь и милость не только вамъ, но и дѣтямъ вашимъ. «Кто падеть въ битвѣ, того имя велю въписать въ *Книги Животныя*⁹⁶; того жена и дѣти будутъ моими ближними.» Воеводы слушали грамоту съ умиленіемъ. «Такъ!» говорили они: «забудемъ вражду и самихъ себя; вспомнимъ милость Великаго Князя Василя; послужимъ Иоанну, коего слабая рука еще не владеетъ оружіемъ; послужимъ *малому*, да опъ ве-

«ликаго чести примемъ! Если исполни- Г.
«ся наше ревностное желаніе; если по- 1541.
«бѣдимъ, то не въ одной Русской, но и
«въ чуждыхъ, опдаленныхъ земляхъ про-
«славимся. Мы не безсмертны: умремъ
«же за опечество! Богъ и Государь не
«забудушъ насъ.» Сїи, допоявъ сварливые,
упрямые Воеводы плакали, обнимали другъ
друга въ восторгѣ великодушїа; называ-
лись братьями; клялися вмѣстѣ побѣ-
дипъ или оставивъ кости свои на бе-
регу Оки. Они вышли изъ шатра, чи-
тали войску письмо Иоанново, говорили
рѣчи сильныя глубокимъ, добродѣтель-
нымъ чувствомъ. Дѣйствіе было неописан-
ное. Воины кричали: «Хопимъ, хопимъ
«лишь смертнующую чашу съ Татарами за Го-
«сударя юнаго! Когда вы, опцы наши, со-
«гласны между собою, идемъ съ радостію
«на враговъ невѣрныхъ!» И всѣ полки
двинулись впередъ, многочисленныя,
спройные и бодрые.

Уже Ханъ пришелъ къ Окѣ и спалъ
на висоцахъ. Другой берегъ ея былъ за-
нятъ Московскою передовою дружиною, 50.
подъ начальствомъ Князей Ивана Турун-
цая-Пронскаго и Василя Охлябина-Яро-
славскаго. Татары — думая, что у насъ
нѣтъ болѣе войска — спустили плоты

Г. на рѣку и хопѣли переправиться; а
1541. Турки спрѣляли изъ пушекъ, изъ лица-
лей, чпобы опбить Россіянъ, копорые,
дѣйствуя одиѣми спрѣлами, сперва было
дрогнули и замѣшались . . . Но приспѣли
Князья Пунковъ-Микулинскій и Серебря-
ный-Оболенскій съ полками: Россіянѣ
спали швердо. Скоро явились новыя, гу-
спыя топы ихъ и ряды необозримые:
Князья Михайло Кубенскій, Иванъ Михай-
ловичъ Шуйскій и самъ Димитрій Бѣль-
скій водрузили на берегу свои знамена.
Съ правой и лѣвой стороны еще шло вой-
ско; вдали показалась многочисленная За-
пасная Спража. Ханъ видѣлъ, изумлялся,
и съ гнѣвомъ сказалъ измѣннику нашему,
Симеону Бѣльскому, и Вельможамъ: »Вы
»обманули меня, увѣривъ, что Россія
»не въ силахъ бороться въ одно время
»съ Казанью и со мною. Какое войско!
»Ни я, ни опытные спарцы мои не ви-
»дывали подобнаго«. Объявѣнный ужасомъ,
онъ хопѣлъ бѣжать: Мурзы удержали
его. Съ обѣихъ сторонъ летали ядра,
пули и спрѣлы; ввечеру Ташары опспу-
пили къ высотамъ, а Россіянѣ, одуше-
вленные мужествомъ, кричали имъ: »иди-
»те сюда; мы васъ ожидаемъ!«

Наспупила ночь: Воеводы Юанновы,

по словамъ Лѣтописцевъ, *пировали ду-* Г.
холъ, гоповясь къ рѣшишельной битвѣ 1541.
слѣдующаго дня. Не было ни спраха, ни
сомнѣнія; не хопѣли опдыха; спукъ ору-
жія и шумъ людей не умолкали въ спа-
нѣ; приходили новыя дружины одна за
другою съ шажелымъ огнеспрѣльнымъ
свардомъ. Ханъ непрестанно слышалъ
издали радоспные клики въ нашемъ вой-
скѣ; видѣлъ при свѣтѣ огня, какъ мы
спавили пушки на холмахъ берега — И Бѣль-
не дождался упра: шерзаемый спрахомъ, ^{спиро}
злобою, спыдомъ, ускакалъ въ шелегѣ; ^{испрі-}
за нимъ побѣжало и войско, ^{аше-}испрѣбивъ¹⁴
часнѣ обоза, другую же и нѣсколько пу-
шекъ Сулпановыхъ оспавивъ памъ въ
добычу. Тогда въ первый разъ мы уви-
дѣли въ рукахъ своихъ Опшоманскіе Тро-
фен! — Съ сею счаспливою вѣспію Ди-
митрій Бѣльскій послалъ въ Москву Князя
Ивана Кашина, а Князей Микулинскаго и
Серебрянаго въ слѣдъ за Ханомъ. Они плѣ-
нили опспальныхъ, копорые извѣспили
ихъ, что Саишъ-Гирей идешъ къ Пронску.
Хвалившись спанѣ на Воробьевыхъ го-
рахъ и разорилъ весь обласпи Москов-
скія, онъ думалъ уменьшитъ спыдъ свой
взпаніемъ сей маловажной крѣспоспи, по-
добно Тамерлану, не завоевавшему въ Рос-

Г. 1541. сіи ничего, кромѣ Ельца. Тогда главный нашъ Воевода опрядилъ впередъ новыя полки, чпобы скорѣе выгнать Хана изъ предѣловъ Россіи.

3 Августа Саипъ-Гирей обступилъ Пронскъ, гдѣ начальствовалъ Василій Жулебинъ⁹⁷, у коего было не много людей, но много смѣлости: онъ пушками, кольями и камнями отбилъ непріятеля. Мурзы хопѣли говорить съ нимъ: Жулебинъ явился на стѣнѣ. «Сдайся», сказали они: «Царь обѣщаетъ тебѣ милость, или будешь спокоенъ здѣсь, пока возмемъ городъ.» Вишнякъ отвѣтствовалъ: «Божіею волею спавишься градъ, и никто не возмемъ его безъ воли Божіей. Пусть Царь споитъ: увидитъ скоро Воеводъ Московскихъ.» Саипъ-Гирей велѣлъ готовить шуры для новаго, сильнѣйшаго приступа; а Жулебинъ вооружилъ не только всѣхъ гражданъ, но и самыхъ женъ. Груды камней и кольевъ лежали на стѣнѣ; копѣды кипѣли съ водою; надъ заряженными пушками горѣли фитили. Тогда осажденные получили вѣсть, чпо Князя Микулинскій и Серебряный уже близко⁹⁸: клики веселія раздались въ городъ. Ханъ узналъ о томъ: сжегъ шуры, и 6 Августа удалился отъ Прон-

ска, гонимый нашими Воеводами до самаго Дона; а Князь Ворошынскій разбилъ Царевича Иминя, копорый было оспановился для грабежа въ Одоевскомъ Уѣздѣ⁹⁹. 1541.

Вся Россія торжествовала сіе счастливое изгнаніе сильнаго врага изъ нѣдръ ея; славила Государя и Полководцевъ. Юность Юаннова, умилительная для сердца во дни спреха, была особенною прелестію и торжества народнаго, когда Державный опрокъ въ храмъ Всевышняго благодарилъ Небо за спасеніе Россіи; когда именемъ опечесива изъвѣлялъ признательность Воеводамъ, и когда они, пронувше его милостию, съ радостными слезами опвѣчали ему: «Государь! мы побѣдили швоими Ангельскими молитвами и швоимъ *счастіемъ*!» Народъ всего болѣе вѣрилъ *счастію*, и младыя дѣтва Юанновы открывали неизмѣримое поле для надежды. — Такъ чувствовали современники, копорые видѣли въ Саипъ-Гирей новаго Мамай или Тамерлана, и хвалились его бѣгствомъ какъ славнымъ для Россіи происшествіемъ. Они не думали о будущемъ. Чпо случилось, могло и впредъ случиться. Россія, уже дѣйствительно сильная, оспавалась еще

Г. 1541. жершвою *внезапныхъ* нападений: мы хопѣли; чпобы непріятель давалъ намъ время изгоповишься къ оборонѣ; выгоняли его; но села наши пущѣли, и Государство лишалось главной своей драгоценности: людей! Только опыты вѣковъ приводящъ испинныя мѣры государственной безопасности въ пвердую систему.

Князь Иванъ Бѣльскій, будучи душею Правительсшва, стоялъ на вышней степенѣ сшастія, опирался на личную милость Державнаго опрока, уже зрѣющаго душею, — на ближнее съ нимъ родство, на успѣхи оружія, на дѣла челоувѣколюбія и справедливости. Совѣсть его была спокойна, народъ доволенъ . . . и впайнѣ кипѣла злоба, коварсшвовала зависшь, неусыпная въ свѣтѣ, особенно дѣятельная при Дворѣ. Здѣсь Испорія наша предсшавляетъ опасность великодушія, какъ бы въ оправданіе жестюкихъ, мстительныхъ власполюбцевъ, дающихъ миръ врагамъ шолько въ могилѣ. Князь Иванъ Бѣльскій, освобожденный Мшпрополипомъ и Боярами, могъ бы помѣняпться шемницею съ Шуйскимъ; могъ бы опнипшь у него и свободу и жизнь: но презрѣлъ безсильную злобу, и сдѣлалъ еще болѣе: оказалъ уваженіе къ его рап-

Г. 1541. нымъ способностямъ и далъ ему Воеводсшво: чшо назвали бы мы ошибкою великодушія, если бы оно имѣло цѣлю не внупреннее удовольствіе сердца, не добродѣшель, а выгоды спрасшей. Шуйскій, съ гнѣвомъ уступивъ власть своему неосторожному пропивнику, думалъ единственно о мести, и знаменитые Болре, Князь Михайло, Иванъ Кубенскіе, Димитрій Палецкій, Казначей Третьяковъ, вошли съ нимъ въ заговоръ, чшобы погубишь Бѣльскаго и Мшпрополита, связанныхъ дружбою и, какъ вѣрояшно, усердною любовію къ опечесшву. Не было, кажется, и прсдлога благовиднаго: заговорщики хопѣли просто, низвергнувъ власшелина, заняшь его мѣсто, и доказать не правосшь, а силу свою. Они преклонили къ себѣ многихъ Дворянъ, дѣпей Боярскихъ, не шолько въ Москвѣ, но и въ разныхъ обласшяхъ, особенно въ Новгородѣ¹⁰⁰. Шуйскій, находясь съ полками въ Владимірѣ, чшобы иппи на Казань, обѣщаніями и ласками умножилъ число своихъ единомышленниковъ въ войскѣ; взялъ съ нихъ шайную присягу, далъ знапшь Московскимъ клеверпамъ, чшо время приступишь къ дѣлу, и послалъ къ нимъ изъ Владиміра съ сыномъ, Кня-

Г. земля Пепромъ, пристра надежныхъ вса-
 1542. Смута дниковъ¹⁰¹. Ночью, 3 Генваря, сдѣлалась
 Бояръ ужасная преревога въ Кремль: заговорщики
 Паде- схватили Князя Ивана Бѣльскаго въ его
 ние Ивана домъ и посадили въ темницу; также
 Бѣль- вѣрныхъ ему друзей, Князя Петра Ще-
 сскаго. няшева и знашнаго сановника Хабарова;
 перваго извлекли задними дверьми изъ
 самой комнаты Государевой; окружили
 Митрополиповы келли, бросали камень-
 ями въ окна, и едва не умертвили Иоаса-
 фа, который бѣжалъ опъ нихъ на Тро-
 ицкое подворье: Игумень Лавры и Князь
 Димитрій Палецкій только именемъ Св.
 Сергiя могли удержатъ неисповыхъ Дѣ-
 шей Боярскихъ¹⁰², поднявшихъ руку на
 Архипаспыря. Митрополипъ искалъ без-
 опасности во дворцѣ, въ присутствiи
 юнаго Иоанна; но Государь, пробужденный
 свирѣпымъ воплемъ мяшежниковъ, самъ
 пренешалъ какъ несчастная жертва. Бо-
 яре съ шумомъ вошли за Иоасафомъ въ
 комнату Великаго Князя; взяли, отпра-
 вили Митрополипа въ ссылку, въ мо-
 настырь Кирилловъ на Бѣлѣозерѣ; велѣли
 придворнымъ Священникамъ, за три часа
 до свѣша, пѣшь заупрению; кричали,
 господствовали, какъ бы завоевавъ Пре-
 споль и Церковь; не думали о соблюде-

Ссыл-
ка
Ми-
тро-
поли-
па.

ни ни малѣйшей приспоспости; дѣи- Г.
 1542. ствовали въ видѣ буншовщиковъ; успира-
 шили споллицу. Никто въ сію ужасную
 ночь не смыкалъ глазъ въ Москвѣ. На Но-
 развѣстѣ прискакалъ Шуйскій изъ Вла- вое го-
 димира и сдѣлался впорично Главою Бо- спод-
 яръ. Князя Ивана Бѣльскаго послали въ К. И-
 започеніе на Бѣлоозеро, Щеняшева въ Яро- вапа
 славль, Хабарова въ Тверь. Тишина и спо- Шуй-
 койспвіе возспановились. Но Шуйскій сскаго.
 еще не былъ доволенъ: опасаясь перемѣ-
 ны, добродѣтели Князя Ивана Бѣльскаго
 и общей къ нему любви, онъ велѣлъ
 убить его, по согласію съ Боярами, безъ
 вѣдома Государева. Три злодѣя умер-
 твили сего несчастнаго Князя въ тем-
 ницѣ: Вельможу благодушнаго, воина му-
 жеспвеннаго, Христiанина просвѣщеннаго,
 какъ пишутъ современники¹⁰³. Нѣкогда
 подозрѣваемый въ тайномъ лихоимствѣ,
 за излишнее миролюбіе, оказанное имъ въ
 двухъ войнахъ Казанскихъ¹⁰⁴, онъ славою
 послѣднихъ лѣтъ своей жизни оправдался
 въ народномъ мнѣнii.

Россія уже знала Шуйскаго и не мо-
 гла ожидать опъ его правленія ни му-
 дрости, ни чистаго усердія къ государ-
 спвенному благу; могла единспвенно на-
 дѣяться, что власть сего человека,

Г. 1542. списканная явнымъ беззаконіемъ, не продолжился. Дума осмалась, какъ была: только нѣкошорые Члены ея, смотря по ихъ отношеніямъ къ главному Вельможъ, утратили силу свою или приобрѣли новую. Князь Димитрій Бѣльскій оплакивалъ брата и сидѣлъ на первомъ мѣстѣ въ Совѣтѣ, какъ старшій именемъ Болринъ. Надлежало избрать Митрополита: малолѣтство Іоанново давало Архипастырю Церкви еще болѣе важности; онъ имѣлъ свободный доступъ къ юному Государю, могъ совѣтовать ему, смѣло прощиворѣчить Болрамъ и дѣйствовать на умы гражданъ Христіанскими увѣщаніями. Щуйскій и друзья его не хотѣли вопорично ошибиться въ семь выборѣ, медлили около двухъ мѣсяцевъ, и призывали Архіепископа Макарія, славнаго умомъ, дѣятельностью, благочестіемъ: любил и мірскую честь, онъ, можетъ быть, оказалъ имъ услуги въ Новѣгородѣ и склонилъ жителей онаго на ихъ спору¹⁰⁵, въ надеждѣ заступитъ мѣсто Іоасафа. Черезъ семь дней нарекли Макарія Первосвященнымъ и возвели на Дворѣ Митрополитій, а черезъ десять дней по¹⁰⁶. Такимъ образомъ Князь Иванъ Щуйскій самовластно свергнулъ двухъ

Митрополитовъ единственно по личной Г. 1542. къ нимъ ненависти, безъ всякаго суда и законнаго предлога. Духовенство молчало и повиновалось. — Все прежніе насилія, несправедливости возобновились. Льгота и права, данныя обласнымъ жителямъ къ благословенное господствованіе Князя Бѣльскаго, уничтожились происками Намѣстниковъ¹⁰⁷. Россія сдѣлалась опять добычею крестоносцевъ, ближнихъ и слугъ Щуйскаго. Но Іоаннъ возраспалъ!

Важнѣйшимъ дѣломъ вѣншей Поли^{Пере-}тики сего времени было новое перемиріе^{міе} съ Литвою на семь лѣтъ, заключенное^{съ Лит-} въ Москвѣ Королевскими Панами, Яномъ Глѣбовичемъ и Никодимомъ^{швого}¹⁰⁸. Хотѣли и вѣчнаго мира съ обѣихъ сторонъ, но не согласились, какъ и прежде, въ условіяхъ. Бояре домогались размѣна пленныхъ: Король требовалъ за то Чернигова и шести другихъ городовъ, боясь, кажется, чтобы Литовскіе пленные не возвращались къ нему съ измѣною въ сердцѣ, и чтобы Россійскіе не открыли намъ новыхъ способовъ побѣды. Наконецъ положили единственно не воевать другъ друга и купцамъ торговать свободно. Сигизмундъ уже слабѣлъ: Паны договаривались именемъ его сына и паслѣдника, Августа.

Г. Въ присущствіи юнаго Іоанна чинами
1542. грамоты Великій Князь цѣловаль крестъ
и далъ руку Посламъ¹⁰⁹; а Бояринъ Мо-
розовъ ѣздилъ въ Липву для размѣна гра-
моты. Ему вельно было предпапель-
сповашъ за нашихъ плѣнниковъ, чптобы
ихъ не держали въ узахъ и дозволяли имъ
ходить въ церковь: послѣднее упѣшеніе
для злосчастныхъ, осужденныхъ умереть
въ спранѣ непріятельской! — Между
тѣмъ спорили о земляхъ Себежскихъ и
другихъ; хотѣли и не могли размеже-
ваться. Чиновникъ Сукинъ, посланный
для того въ Липву, долженъ былъ въ
спайной бесѣдѣ съ ея Вельможами ска-
зашъ имъ, чпто Іоаннъ уже ищетъ себѣ
невѣсты, и чпто Болре Московскіе жела-
ють знашъ ихъ мысли о пользѣ род-
спвеннаго союза между Государями обѣ-
ихъ Державъ. Въ донесеніи Сукина не на-
ходимъ опвѣща на сіе предложеніе¹¹⁰.

Испышавъ неудачу, Ханъ Саипъ-Ги-
рей согласился бытъ въ дружбѣ съ на-
ми, оппустилъ Іоаннова Посла, Князя
Александра Кашина, въ Москву, и далъ
ему новую *шертную грамоту*; но сынъ
Ханскій, Иминъ, и хищные Мурзы пре-
вожили набѣгами Сѣверскую обласъ и
Рязань. Воеводы Московскіе встрѣтили

Набѣ-
ги
Крым-
цевъ,
Ног а-
свъ.

ихъ; побили Крымцевъ на славномъ полѣ Г.
Куликовъ и гнали до рѣки Мечи. — Ка-^{1542.} Дѣла
занцы пребывали мира; но Князь Булатъ Ка-
уже не хотѣлъ свергнутъ Сафа-Гирея, и ^{зан-}скія.
писалъ о томъ къ Боярину, Димитрію
Бѣльскому, а Царевна Горшадна къ са-
мому Іоанну. Сія Царевна славилась уче-
носнію и волхвованіемъ. Лѣтописцы увѣ-
рлютъ, чпто она ипоржеспвенно предска-
зывала скорую гибель Казани и величіе
Россіи. Дума Болрская не опвергала ми-
ра; но Сафа-Гирей медлилъ и не заклю-
чалъ онаго¹¹¹. — Дружественныя сноше-
нія продолжались съ Аспраханью и съ ^{Спо-}шенія
Молдавіею. Царевичъ Аспраханскій, Еди-^{съ А-}
геръ, пріѣхалъ служить въ Россію¹¹². стра-
Воевода Молдавскій, Иванъ Пепровичъ, съ ^{ханью}
внукъ Стефановъ, писалъ къ Великому Мол-
Князю, чпто Солиманъ, изгнавъ его, уми-^{даві-}
доспвился и возвратилъ ему Молдавію,
но требуетъ, сверхъ ежегодной дани,
около прехъ-сопъ-тысячь золопыхъ,
коихъ не лзя собрать въ землѣ опусто-
шенной¹¹³. Господарь молилъ Іоанна о де-
нежномъ вспоможеніи, которое и было
послано.

Но смуты и козни придворныя за-
нимали Думу болѣе, нежели внутрѣннія
и внѣшнія дѣла государспвенныя. Не долго

Г. Князь Иванъ Васильевичъ Шуйскій поль-
 1542. звался власною: болѣзнь, какъ надобно
 Пере- думашь, заставила его отказаться отъ
 мѣла въ Двора. Онъ жилъ еще года два или при
 вѣ Прав- леніи. ¹¹⁵, не участвуя въ правленіи, но сдавъ
 оное своимъ ближнимъ родственникамъ,
 премъ Шуйскимъ: Князьмъ Ивану и
 Андрею Михайловичамъ и Ѳедору Ивано-
 вичу Скопину, которые, не имѣя ни ве-
 ликодушія, ни ума выпрениго, любили
 только господствовать и не думали за-
 служивать любви согражданъ, ни при-
 знапельности юаго Взиценосца истин-
 нымъ усердіемъ къ опечесиву. Искус-
 стиво сихъ Олигарховъ состояло въ томъ,
 чпобы не перить пропировѣчія въ Ду-
 мѣ и допускали до Государя единственно
 преданныхъ имъ людей, удаляя всѣхъ,
 кто могъ бытъ для нихъ опасенъ или
 смѣлостію, или разумомъ, или благород-
 ными качесвами сердца. Но Іоаннъ, при-
 ходя въ смѣсль, уже чувствовалъ пѣ-
 гость незаконной опеки, ненавидѣлъ
 Шуйскихъ, особенно Князя Андрея, на-
 глаго, свирѣпаго, и склонялся душою къ
 ихъ явнымъ или пайнымъ недоброхопамъ,
 въ числѣ коихъ былъ Совѣтникъ Думы,
 Ѳедоръ Семеновичъ Воронцовъ ¹¹⁵. Олигархи
 желали приспойнымъ образомъ удалишь

его, и не могли; злобствовали, и вида Г.
 1545. возрастающую къ нему любовь Іоаннову,
 рѣшились прибѣгнуть къ насилію: во
 дворцѣ, въ торжественномъ засѣданіи
 Думы, въ присушенствіи Государя и Ми- Па-
 прополипа, Шуйскіе съ своимъ едино- глостъ
 мышленниками, Князьми Кубскими, Шуй-
 Палецкимъ, Шкурляшевымъ, Пронскими
 и Алексѣемъ Басмановымъ, послѣ шум-
 наго рѣнія о мнимыхъ винахъ сего лю-
 бимца Іоаннова, вкочили какъ неисто-
 вые, извлекли Воронцова силою въ дру-
 гую комнату, мучили, хотѣли умерш-
 вить. Юный Государь въ ужасѣ молилъ
 Мипрополипа спасти несчастнаго: Пер-
 восвященнелъ и Болре Морозовы говорили
 именемъ Великаго Князя, и Шуйскіе, какъ
 бы изъ милости къ нему, дали слово
 оставить Воронцова живаго, но били,
 толкали его, вывели на площадь и за-
 ключили въ пемницу. Іоаннъ въпорично
 опправилъ къ нимъ Мипрополипа и Бо-
 ярь съ убѣжденіемъ, чпобы они послали
 Воронцова на службу въ Коломну, если
 не лзя ему бытъ при Дворѣ и въ Мо-
 сквѣ. Шуйскіе не согласились: Государь
 долженъ былъ утвердить ихъ приговоръ,
 и Воронцова съ сыномъ опшевзели въ Коспро-
 му ¹¹⁶. Изображая погдашнюю наглостъ

1545. Г. Вельможъ, Лѣтописецъ сказываешъ, что одинъ изъ ихъ клеветовъ, Ѳома Головинъ, въ спорѣ съ Митрополитомъ насупивъ на его маншю, изорвалъ оную въ знакъ презрѣнія.

Сии крайности беззаконнаго, грубаго самовласпія и необузданныхъ спраспей въ Правителяхъ Государства ускорили перемѣну, желаемую народомъ и непріятелями Шуйскихъ. Иоанну исполнилось тринадцать лѣтъ. Рожденный съ пылкою душою, рѣдкимъ умомъ, особенною силою воли, онъ имѣлъ бы всѣ главныя качества великаго Монарха, если бы воспитаніе образовало или усовершенствовало въ немъ дары Природы; но рано лишенный отца, матери, и преданный въ волю буйныхъ Вельможъ, ослабленныхъ безразсуднымъ, личнымъ властолюбіемъ, былъ на престолѣ несчастнѣйшимъ сиropою Державы Россійской: ибо не только для себя, но и для милліоновъ гошpовиль несчастіе своими пороками, легко возникающими при самыхъ лучшихъ естественныхъ свойствахъ, когда еще умъ, исправитель спраспей, нѣмъ въ юной душѣ, и если, вмѣсто его, мудрый гѣспунъ не изъясняешъ ей законовъ нравспвенности. Одинъ Князь Иванъ Бѣль-

Худое
воспи-
паніе
Иоан-
на.

Г. 1545. ской могъ бытъ наставникомъ и примѣромъ добродѣтели для опрока Державнаго; но Шуйскіе, опниавъ dospойнаго Вельможу у Государя и Государспва, спарались привязать къ себѣ Иоанна исполненіемъ всѣхъ его дѣпскихъ желаній: непреспанно забавляли, пѣшили во дворцѣ шумными играми, въ полѣ звѣриною ловлею; питали въ немъ наклонность къ сластолюбію и даже къ жестокости, не предлида слѣдспвій. На примѣръ, любя охотпу, онъ любилъ не только убивать дикихъ животныхъ, но и мучить домашнихъ, бросая ихъ съ высокаго крыльца на землю; а Бояре говорили: «пусть Державный веселился!» Окруживъ Иоанна шолопою молодыхъ людей, смѣялись, когда онъ безчинно рѣзвился съ ними или скакалъ по улицамъ, давилъ женъ и спарцевъ, веселился ихъ крикомъ. Тогда Бояре хвалили въ немъ смѣлость, мужеспво, проворспво¹⁷¹! Они не думали шолоковать ему свяпыхъ обязанностей Вѣнценосца, ибо не исполняли своихъ; не пеклись о просвѣщеніи юнаго ума, ибо считали его невѣжеспво благопріятнымъ для ихъ властолюбія; ожеспочали сердце, презирали слезы Иоанна о Князѣ Телепневѣ, Бѣльскомѣ, Воронцовѣ, въ на-

Г. 1543. деждь загладишь свою дерзость угожде-
 ниемъ его вреднымъ прихотямъ, въ на-
 деждь на въпреносишь опшрока, развлека-
 емага ежеминутными упѣхами. Сія безум-
 ная система обрушилась надъ главою
 ея виновниковъ. Шуйскіе хопѣли, чпобы
 Великій Князь помнилъ ихъ угожденія и
 забывалъ досады: онъ помнилъ только
 досады и забывалъ угожденія, ибо уже
 зналъ, чпо власпъ принадлежишь ему, а
 не имъ. Каждый день, приближая его къ
 совершенному возрасту, умножалъ козни
 въ Кремлевскомъ дворцѣ, запрудненія го-
 сподствующиъ Бояръ и число ихъ вра-
 говъ, между коими сильнѣйшіе были Глин-
 скіе, Государевы дяди, Князья Юрій и
 Михайло Васильевичи, мшипельные, че-
 сполубивые¹¹⁸: первый засѣдалъ въ Думѣ;
 въпорій имѣлъ знатный санъ Конюшаго.
 Они, не смопря на бдительность Шуй-
 скихъ, внушали тринадцати-лѣтнему
 племяннику, оскорбленному ссылкою Во-
 ронцова, чпо ему время объявишь себя
 дѣйствипельнымъ Самодержцемъ и свер-
 гнуть хищниковъ власпи, копорые, угне-
 тая народъ, пираняшь Бояръ и ругающ-
 ся надъ самимъ Государемъ, угрожая смер-
 тию всякому, кого онъ любишь; чпо
 ему надобно шолько вооружишься муже-

Заго-
 воръ
 про-
 шивъ
 глав-
 ныхъ
 Вель-
 можъ.

ствомъ и повелѣишь; чпо Россія ожида-
 ешь его слова. Въроипшо, чпо и благораз-
 умный Мипрополишь, педовольный дерз-
 кимъ насиліемъ Шуйскихъ, оставилъ
 ихъ шпорону и шо же совѣповалъ Іоанну.
 Умѣли скрись важный замыселъ: Дворъ
 казался совершенно спокойнымъ. Государь,
 слѣдуя обыкновению, ѣдилъ осенью мо-
 лишься въ Лавру Сергіеву и на охошу въ
 Волокъ Ламскій съ знатнѣйшими сапов-
 никами, весело праздновалъ Рождество въ
 Москвѣ, и вдругъ, созвавъ Бояръ, въ пер-
 вый разъ явился повелительнымъ, гроз-
 ымымъ; объявилъ съ швердоспшо, чпо они,
 упопребляя во зло юноспъ его, беззакон-
 ствуютъ, самовольно убиваютъ людей,
 грабляшь землю; чпо многіе изъ нихъ ви-
 новны, но чпо онъ казнишь шолько ви-
 новнѣйшаго: Князя Андрея Шуйскаго,
 главнаго совѣшника пиранства. Его взя-
 ли и предали въ жерпву псарямъ, кошо-
 рые на улицѣ истерзали, умертвили се-
 го знатнѣйшаго Вельможу¹¹⁹. Шуйскіе и
 друзья ихъ безмолвспвовали: народъ изъ-
 явилъ удовольспвіе. Огласили злодѣяннѣ
 убиваго. Пишутъ, чпо онъ, ненасыши-
 мый въ корысплюбіи, подъ видомъ куп-
 ли опнималъ Дворянскія земли, угнеталъ
 креспьянъ; чпо даже и слуги его господ-

Г.
1543.Дека.
брл29.Падѣ-
ше
Шуй-
скихъ.

Г. 1545. спшвовали и пиранспшвовали въ Россіи, не боясь ни судей, ни законовъ¹²⁰. Но сія варварская казнь, хопя и заслуженная недостойнымъ Вельможею, была ли достойна истиннаго Правительства и Государя? Она явила, что бѣдствіе Шуйскихъ не умудрило ихъ преемниковъ; что не законъ и не справедливоспъ, а только одна спорона надъ другою одержала верхъ, и насиліе успуило насилію: ибо юный Іоаннъ безъ сомнѣнія еще не могъ вла-
 Влас. спшвовашъ самъ собою: Князья Глинскіе съ
 Глин- друзьями повелѣвали его именемъ, хопя
 скихъ. и сказано въ нѣкопорыхъ лѣпописяхъ, что «съ того времени Бояре начали имѣть спрахъ опъ Государя»¹²¹.

Опалы и жестокоспъ новаго Пра-
 вленія дѣиспвишельно успрашили сердца.
 Же- Сослали Ѳедора Шуйскаго-Скопина, Князя
 спо- Юрія Темкина, Ѳому Головина и многихъ
 кость прав- инныхъ чиновниковъ въ опдаленныя мѣста:
 ления. а знашнаго Боярина, Ивана Кубенскаго,
 Г. сына двоюродной пешки Государевой,
 1544 — 46. Княжны Углицкой, посадили въ темницу¹²²: онъ находился въ тѣсной связи съ Шуйскими, но опличался достоинствами, умомъ, спхимъ нравомъ¹²³. Его заключили въ Переславль вмѣстѣ съ женою, тамъ, гдѣ сидѣлъ нѣкогда злосчастныи

Князь Андрей Углицкій съ дѣпьми своими Г. 124. Казнь, изобрѣпленная варварспвомъ,¹⁵⁴⁴
 —46. была участію сановника придворнаго, Аванасья Бушурлина, обвиненнаго въ дерзкихъ словахъ: ему опрѣзали языкъ предъ темницею въ глазахъ народа¹²⁵. Чрезъ пять мѣсяцевъ освободивъ Кубенскаго, Государь снова возложилъ на него опалу, также на Князей Пешра Шуйскаго¹²⁶, Горбашаго, Димитрія Палецкаго и на своего любимца, Боярина Ѳедора Воронцова; проспилъ ихъ изъ уваженія къ ходатайству Митрополита, но не надолго. Разнесся слухъ, что Ханъ Крымскій гоповицся ипши къ нашимъ предѣламъ: сынъ его, Иминъ, за нѣсколько мѣсяцевъ предъ тѣмъ¹²⁷ свободно грабилъ въ Уздахъ Одоевскомъ и Бѣлевскомъ (гдѣ наши Воеводы только спорили о старѣйшинствѣ, не двигаясь съ мѣста для опраженія непріателя). Самъ Іоаннъ, уже вступивъ въ лѣта юноши, предводительспвовалъ многочисленною рашію, ѣдилъ водою на богомолье въ Угрѣшскій монастырь Св. Николая, прибылъ къ войску и жилъ въ Коломнѣ около трехъ мѣсяцевъ¹²⁸. Ханъ не явился. Воинскій спанъ сдѣлался Дворомъ, и злые честполюбцы занимались кознями. Однажды Государь, по своему

Г. 1544
—46. обыкновенію выѣхавъ на звѣриную ловлю, былъ остановленъ пятидесятью Новгородскими пищальниками, которые хотѣли принести ему какія-шо жалобы: Иоаннъ не слушалъ, и велѣлъ своимъ Дворянамъ разогнать ихъ. Новгородцы пропировались: началась битва; стрѣляли изъ ружей, съклись мечами, умерщвили съ обѣихъ сторонъ человекъ десять. Государь возвратился въ спань¹²⁹, и велѣлъ ближнему Дьяку, Василию Захарову, узнать, кто подучилъ Новгородцевъ къ дерзости и мятежу? Захаровъ, можетъ быть по согласію съ Глинскими, донесъ ему, что Бояре, Князь Иванъ Кубенскій и Воронцовы, Федоръ и Василій, супрѣшайные виновники мятежа. Сего было довольно: безъ всякаго дальнѣйшаго изслѣдованія, гнѣвный Иоаннъ велѣлъ опрубить имъ головы, объявивъ, что они заслужили казнь и прежними своими беззаконіями во время Боярскаго правленія¹³⁰. Лѣтописцы свидѣтельствуютъ ихъ невинность, укоряя Федора Воронцова единственно тѣмъ, что онъ желалъ исключительнаго первенства между Боярами, и досадовалъ, когда Государь безъ сего вѣдома оказывалъ другимъ милости. Способствовалъ паденію Шуйскихъ, и

былъ врагомъ Кубенскаго, сей несчастный Г. любимецъ положилъ голову на одной съ¹⁵⁴⁴ —46. нимъ плахѣ!.. Такъ новые Вельможи, испуны или совѣшники Иоанновы, причаляли тоношу-Монарха къ ужасному легкомыслию въ дѣлахъ правосудія, къ жестокости и нирасиву! Подобно Шуйскимъ, они готовили себѣ гибель; подобно имъ, не удерживали, но стремили Иоанна на пути къ разврату, и неслись не о помъ, чтобы сдѣлашь верховную власть благошворного, но чтобы утвердиль ее въ рукахъ собеспвенныхъ.

Въ отношеніи къ инымъ Державамъ мы дѣйствовали съ успѣхомъ и съ че-^{До-11}брое стію. Король Польскій сдалъ правленіе^{согла-} сыну, Сигизмунду-Августу, который, из-^{сисъ съ}вѣстивъ о помъ Великаго Князя, увѣ-^{Дип-}рялъ Россію въ своемъ миролюбіи и въ швердомъ намѣреніи исполнять заклю-^{вою.} ченный съ нею договоръ¹³¹. — Обманы Царя и Вельможъ Казанскихъ вывели Иоанна изъ шергвнїа. Двѣ рапи, одна изъ Москвы, другая изъ Вятки, въ одинъ день и часъ сошлись подъ стѣнами Казани, обратили въ пепель окрестности^{Рать-} и кабаки *Царскіе*, убили множеству лю-^{па}дей близъ города и на берегахъ Свїяги, ^{Ка-}зани, взяли знашныхъ плѣшниковъ и благопо-

Г. 1546. лучно возврашились. Сіе внезапное наше-
 ствіе Россіянъ заставило думатьъ Царя,
 что Казанскіе Вельможи тайно подвели
 ихъ: онъ хотѣлъ мстить; умертвилъ нѣ-
 копорыхъ Князей, иныхъ выгналъ¹³², и
 произвелъ всеобщее озлобленіе, ксого слѣд-
 ствіемъ было то, что Казанцы, пребуя
 войска опъ Іоанна, желали выдать ему
 Сафа-Гирея съ придцатью Крымскими
 сановниками. Государь обѣщаль послать
 войско, но хотѣлъ, чтообы они прежде
 свергнули и заключили Царя. Бунтъ дѣй-
 ствительно открылся: Сафа-Гирей бѣ-
 жалъ, и многіе изъ Крымцевъ были ис-
 перзаны народомъ. Сейтъ, Улань, Князья,
 всѣ чиновники Казанскіе, давъ кляпву
 бытъ вѣрными Россіи, снова приняли къ
 себѣ Царя Шигъ - Алея, поржественно
 возведеннаго на престолъ Князьями Ди-
 минпріемъ Бѣльскимъ и Палецкимъ; весе-
 лились, праздновали, и снова измѣнили.
 Какъ бы въ предчувствіи неминуемаго,
 скорого конца Державы ихъ, они сами не
 знали, чего хотѣли; волнуемые стра-
 стями, и въ запмѣни ума; взяли Царя
 не для того, чтообы повиноваться, но
 чтообы его именемъ управлять землею;
 держали какъ плѣнника, не позволяли ему
 выѣзжать изъ города, ни показываться

Шигъ
 Алея
 Царь
 ремя
 въ
 Каза-
 ни, и
 бѣ-
 жать
 оп-
 шуда.

Г. 1546. народу; пировали во дворцѣ и гремѣли
 оружіемъ; пили изъ зланныхъ сосудовъ Цар-
 скихъ и брали оныя себѣ; вѣрныхъ слугъ
 Алеевыхъ заключили въ темницу, даже
 умертвили нѣкопорыхъ и требовали, что-
 бы Царь въ письмахъ къ Іоанну хвалился ихъ
 усердіемъ! Лѣтописецъ сказывастъ, что
 Шигъ-Алея предвидѣлъ свою участь, и
 только изъ повиновенія къ Великому
 Князю согласился ѣхать въ Казань¹³³.
 Онъ терпѣлъ мѣсяць въ безмолвіи, имѣя
 довѣренность къ одному изъ знавшихъ-
 шихъ Князей, именемъ Чуръ, преданному
 Россіи. Сей добрый Вельможа не могъ
 усовѣстить Властителей Казанскихъ,
 шщечно грозивъ имъ пагубными слѣд-
 ствіями безумнаго непослушства: раз-
 драживъ Шигъ-Алея и боясь мести Іоан-
 новой, они вздумали опить призвать Са-
 фа-Гирея, который съ полками Ногай-
 скими уже былъ на Камѣ. Князь Чура из-
 вѣстивъ Алея о семъ заговорѣ, совѣшо-
 валь ему бѣжать, и пригошвилъ суда.
 Наспалъ какой-то праздникъ: Вельможи
 и народъ пили до ночи, заснули глубо-
 кимъ сномъ и не видали, какъ Царь вы-
 шелъ изъ дворца, и благополучно уѣхалъ
 Волгою въ Россію; а Сафа-Гирей, въ
 претій разъ сѣвъ на престолъ Казан-

Г. 1546. ^{Г.}скомъ, началъ царствовать ужасомъ: убилъ Князя Чуру и многихъ знавшихъ людей, окружилъ себя Крымцами, Ногаями, и ненавидя своихъ подданныхъ, хотѣлъ только держати ихъ въ страхѣ. Семдесятъ - шесть Князей и Мурзь, братья Чурины, вѣрные Атею, и самые неистовые злодѣи его, обманушыя Сафа-Гирею, искали убѣжища въ Москвѣ. Въ слѣдъ за ними явились и Послы Горной Черемисы, съ увѣреніемъ, что ихъ народъ весь готовъ присоединиться къ нашему войску, если оно вступитъ въ Казанскіе предѣлы. Тогда была зима: опложивъ полную мезень до льна, но желая удостовериться въ благопріятномъ для насъ расположеніи дикарей Черемисскихъ, Іоаннъ опредѣлилъ нѣсколько полковъ къ устью Свѣяги. Князь Александръ Горбанный предводительствовалъ ими, и сражался единственно съ зимними вьюгами, нигдѣ не находя сопротивленія. Ему не вѣрно было осаждать Казани: онъ удовольствовался добычею, и привелъ съ собою въ Москву сто воиновъ Черемисскихъ, которыхъ служили намъ залогомъ въ вѣрности ихъ народа¹⁵⁵.

Между тѣмъ Великій Князь ѣздилъ по разнымъ областямъ своей Державы,

Походъ къ устью Свѣяги.

но единственно для того, чтобы видѣть ^{Г.}славные ихъ монастыри и забавляться ^{1546.}звѣриною ловлею въ дикихъ лѣсахъ: не для наблюдений государственныхъ, не для защиты людей отъ приписенія корысполобивыхъ Намѣстниковъ. Такъ онъ былъ съ братьями Юріемъ Васильевичемъ Пуше- и Владиміромъ Андреевичемъ въ Владимі- ^{те-}рѣ, Можайскѣ, Волокѣ, Ржевѣ, Твери, ^{ствія} Вели- Новѣгородѣ, Псковѣ, гдѣ, окруженный ^{каго} К. и сонмомъ Болръ и чиновниковъ, не видалъ ^{пудо-} печалей народа, и въ шумѣ забавъ не ^{воль-}слыхалъ стenanій бѣдности; скакалъ на ^{ствіе}паро- борзыхъ *ишакахъ*, и оспаивалъ за собою ^{ла}слезы, жалобы, новую бѣдность: ибо сіи путешествія Государевы, не принося ни малѣйшей пользы Государству, стоили денегъ народу: Дворъ пребывалъ угощенія и даровъ¹⁵⁶. — Однимъ словомъ, Россія еще не видала лица-Монарха на престо- лѣ, утѣшаясь только надеждою, что льна и зрѣлый умъ опокроютъ Іоанну святое искусство царствовать для блага людей.

ПРОДОЛЖЕНІЕ ГОСУДАРСТВОВАНІЯ

Іоанна IV.

Царское въичавіе Іоанна. Бракъ Государевъ. Добродѣтели Анастасіи. Пороки Іоанновы и худое Правленіе. Пожары въ Москвѣ. Бунтъ черни. Чудное исправленіе Іоанна. Сильвестръ и Адашевъ. Рѣчь Государева на лобномъ мѣстѣ. Перемѣна Двора и властей. Крепость Правленія. Судебникъ. Обузданіе Мѣстничества. Стоглавъ. Уставныя грамоты. Избраніе Приказныхъ. Учрежденія Церковныя. Намѣреніе просвѣтити Россію. Воинскія дѣянія. Походъ на Казань. Перемиріе съ Литвою. Дѣла Крымскія. Смерть Царя Казанскаго. Походъ на Казань. Избраніе мѣста для новой крепости. Впаденіе Ногаевъ. Основаніе Свияжска. Покореніе Горной Стороны. Ужасъ Казанцевъ. Мирныя условія съ ними. Сююцбека. Новое воцареніе Шигъ-Амел. Освобожденіе пашинковъ. Певѣрпость Казанцевъ и жестокость ихъ Царя. Переговоры съ Алсемъ. Царь оставяетъ Казань. Последняя измѣна Казанцевъ.

Г. 1546 — 1552.

Г.
1546.
Цар-
ское
въи-
чаніе
Іоан-
на.

Великому Князю исполнилось 17 лѣтъ отъ рожденія. Онъ призвалъ Митрополиша и долго говорилъ съ нимъ наединѣ. Митрополишъ вышелъ отъ него съ лицемъ веселымъ, оппѣлъ молебень въ хра-

мъ Успенія, послалъ за Боярами — даже Г. и за шѣми, которые находились въ опаль, — и вмѣстѣ съ ними былъ у Государя. Еще народъ ничего не вѣдалъ; но Бояре, подобно Митрополишу, изъявляли радость. Любопытныя угадывали причину, и съ нетерпѣніемъ ждали отккрытія счастливой шайны. 1546.

Прошло три дни¹³⁹. Велѣли собратъся Двору: Первосвященитель, Бояре, всѣ Д-кабры знашныя сановники окружали Іоанна, которъй, помолчавъ, сказалъ Митрополишу: »Уповаю на милость Божию и на Свя-17.тыхъ заступниковъ земли Русской, имѣю намѣреніе жениться: ты, опче, благо-словилъ меня. Первою моею мыслию было искашь невѣсны въ иныхъ Царстввахъ; но, разсудивъ основательнѣе, оплагаю сію мысль. Во младенчествѣ лишенный роди-пелей и воспитанный въ сиротствѣ, могу не сойтися нравомъ съ иноземкою: будешъ ли тогда супружество счастіемъ? »Желаю найти невѣсту въ Россіи по волѣ Божіей и швоему благословенію.« Митрополишъ съ умиленіемъ опшѣспивовалъ: »Самъ Богъ внушилъ тебѣ намѣреніе споль вождельное для швоихъ подданыхъ! Благословляю опое именемъ »Ошца небснаго.« Бояре плакали отъ

Г. радости, какъ говорить Лѣтописецъ,
 1546. и съ новымъ восторгомъ прославили муд-
 рость Державнаго, когда Іоаннь объявилъ
 имъ другое намѣреніе «еще до своей же-
 нитьбы исполнить древній обрядъ пред-
 »ковъ его и *вънзаться на Царство*.
 Онъ велѣлъ Митрополишу и Боярамъ го-
 шовишься къ сему великому торжеству,
 какъ бы утверждающему печатью Вѣры
 свящій союзъ между Государемъ и на-
 родомъ. Оно было не новое для Москов-
 ской Державы: Іоаннь III *вънзалъ* своего
 внука на *Царство*; но совѣтники Вели-
 каго Князя — желая или дасть болѣе ва-
 жности сему обряду, или удаливъ опъ-
 мыслей горестное воспоминаніе о судьбѣ
 Димитрія Іоанновича — говорили един-
 ственно о древнѣйшемъ примѣрѣ Влади-
 міра Мономаха, на коего Митрополишь
 Ефесскій возложилъ вѣнецъ, златую цѣпь
 и Бармы Констанпиновы¹⁴⁰. Писали и
 рассказывали, что Момахъ, умирая,
 опдалъ Царскую упварь шестому сыну
 своему, Георгію; велѣлъ только хранить
 ее какъ зѣницу ока и передавать изъ ро-
 да въ родъ безъ употребленія, доколь
 Богъ не умилоспивится надъ бѣдною Рос-
 сією и не воздвигнетъ въ ней истиннаго
 Самодержца, достойнаго украситься зна-

ками могущеспва¹⁴¹. Сіе преданіе вошло
 въ лѣтописи XVI вѣка, когда Россія дѣй-
 спвительно увидѣла Самодержца на про-
 нѣ, и Греція, издыхая въ бѣдспвнн, оп-
 казала намъ величіе своихъ Царей.

Генваря 16, упромъ, Іоаннь вышелъ
 въ споловую комнашу, гдѣ находились Г.
 всѣ Болре; а Воеводы, Князья и чинов- 1547.
 ники, богапо одѣтые, спояли въ сѣняхъ.
 Духовникъ Государевъ, Благовѣценскій
 Пропоіерей, взявъ изъ рукъ Іоанновыхъ,
 на златомъ блюдѣ, Живошворящій Креспъ,
 вѣнецъ и Бармы, опнесъ ихъ (прово-
 ждаемый Конюшимъ, Княземъ Михайломъ
 Глинскимъ, Казначейми и Дьяками) въ
 храмъ Успенія. Скоро пошелъ шуда и Ве-
 ликій Князь: передъ нимъ Духовникъ съ
 креспомъ и Свяпою водою, кропя лю-
 дей на обѣихъ споронахъ; за нимъ Князь
 Юрій Василевичъ, Бояре, Князья и весь
 Дворъ. Вспунивъ въ церковь, Государь
 приложился къ иконамъ: священныя лики
 возгласили ему многолѣпие; Митропо-
 лишь благословилъ его. Служили молебень.
 Посреди храма, на амвонѣ съ двѣнад-
 цатью ступенями, были изгошовлены
 два мѣспа, одѣтые златыми поволо-
 ками; въ ногахъ лежали бархаты и кам-
 ки: шамъ сѣли Государь и Митрополишь.

г. Предъ амвономъ споялъ богато-украшен-
 1547. ный наложъ съ Царскою ушварію: Архи-
 мандриты взяли и подали ее Макарію: онъ вспалъ вмѣстѣ съ Іоанномъ, и возлагая на него креспъ, Бармы, вѣнецъ, громогласно молился, чпобы Всевышній оградилъ сего Христіанскаго Давида силою Св. Духа, посадилъ на пресполь добродѣтели, даровалъ ему ужасъ для спроншивыхъ и *милостивое око* для послушныхъ. Обрядъ заключился возмашеніемъ новаго многолѣтія Государю. Принявъ поздравленіе ошъ Духовенства, Вельможъ, гражданъ, Іоаннъ слушалъ Липургію, возвратился во дворець, спущая съ бархаша на камку, съ камки на бархашъ. Князь Юрій Василіевичъ осыпалъ его въ церковныхъ дверяхъ и на лѣшницѣ золотыми деньгами, изъ мисы, копорую несъ за нимъ Михайло Глинскій. Какъ скоро Государь вышелъ изъ церкви, народъ, дополь неподвижный, безмолвный, съ шумомъ кинулся обдирашь *Царское мѣсто*; всякой хопѣлъ имѣшь лоскущъ паволоки, на памяшь великаго дня для Россіи.

Однимъ словомъ, сіе шоржеспвенное вѣнчаніе было повшореніемъ Димитріева, съ нѣкошорою переменною въ словахъ мо-

литивъ, и съ шюю разноспію, чпо Іо- Г
 аннъ III самъ (а не Митрополипъ) на- 1547.
 дѣлъ вѣнецъ на главу юнаго Монарха. *Современные* Лѣтописцы не упоминающъ о *скипетрѣ*, ни о *митропомазаніи*, ни о *приращеніи*¹⁴²; не сказывающъ шакже, чпобы Макарій говорилъ Царю поученіе: самое умное, краснорѣчивое не могло бышь споль дѣйспвительнo и сильно, какъ искреннее, умилищельное воззваніе къ Богу. Вседержителю, дающему и Властиптелей народамъ и добродѣтель Властиптелямъ! Съ сего времени Россійскіе Монархи начали уже не шолько въ сношеніяхъ съ иными Державами, но и внупри Государства, во всѣхъ дѣлахъ и бумагахъ, именованшься *Царями*, сохраняя и шипуль *Великихъ Князей*, освященнй древноспію; а книжники Московскіе объявили народу, чпо симъ исполдилось пророчество Апокалипсеа о *шестомъ Царствѣ*, копорое есть Россійское¹⁴³. Хотя шипло не придаешъ еспешспвеннаго могущеспва, но дѣйспвуешъ на воображеніе людей, и Библейское имя Царя, напоминая Ассирійскихъ, Египетскихъ, Іудейскихъ, наконецъ православныхъ Греческихъ Вѣнценосцевъ, возвысило въ глазахъ Россіянъ достоищство ихъ Госуда-

Г. 1547. рей. «Смирились» — говорятъ Лѣтописцы — враги наши, Цари невѣрные и Короли нечестивые: Иоаннъ спалъ на первой степенѣ Державства между ими!« Достоянно примѣчанія, что Константинопольскій Патриархъ Иоасафъ, въ знакъ своего усердія къ Венценосцу Россіи, въ 1561 году Соборною грамотою утвердилъ его въ санѣ Царскомъ, говоря въ ней: «Не только преданіе людей досто- вѣрныхъ, но и самыя лѣтописи свидѣ- шельствуютъ, что нынѣшній Властитель Московскій происходилъ отъ не- забвенной Царицы Анны, сестры Импе- ратора Багрянороднаго, и что Митро- политъ Ефесскій, уполномоченный для этого Соборомъ Духовенства Византий- скаго, вѣнчалъ Россійскаго Великаго Кня- зя, Владиміра, на Царство.» Сія грамота подписана шестидесятью Митрополи- тами и Епископами Греческими¹⁴⁴.

Между тѣмъ знатные сановники, Окольничіе, Дьяки, объѣзжали Россію, чтобы видѣть *остыхъ* дѣвицъ благород- ныхъ, и представили лучшихъ невѣстъ Государю: онъ избралъ изъ нихъ юную Анастасію, дочь вдовы Захарьиной¹⁴⁵, ко- торой мужъ, Романъ Юрьевичъ, былъ Окольничимъ, а свекоръ Бояриномъ Ио-

анна III. Родъ ихъ происходилъ отъ Ан- дрея Кобылы, выѣхавшаго къ намъ изъ Пруссіи въ XIV вѣкѣ. Но не знавши, а личныя достоинства невѣсты оправды- вали сей выборъ, и современники, изб- ражая свойства ея, приписываютъ ей всѣ женскія добродѣтели, для коихъ только находили они имя въ языкѣ Рус- скомъ¹⁴⁶: цѣломудріе, смиреніе, набож- ность, чувствительность, благость, соединенныя съ умомъ основательнымъ; не говорятъ о красотѣ, ибо она считалась уже необходимою принадлежностію счаст- ливой Царской невѣсты. Совершивъ об- рядъ вѣнчанія въ храмѣ Богоматери, Митрополитъ сказалъ новобрачнымъ: «Днесъ таинствомъ Церкви соединены вы навѣки, да вмѣстѣ покланяетесь Всевышнему и живете въ добродѣтели; да добродѣтель ваша есть правда и милость. Государь! люби и чти супругу; да ты, христіаноблюбая Царица, пови- нуйся ему. Какъ святой крестъ глава церкви, такъ мужъ глава жены. Испол- няя усердно всѣ заповѣди Божественныя, узрите благая Иерусалима и миръ во Израилѣ.» Юные супруги явились глазамъ народа: благословенія гремѣли на спогнахъ Кремля. Дворъ и Москва праздновали нѣ-

1547. Е. сколько дней. Царь сыпаль милоспи на богашыхъ: Царица пипала нищихъ. Воспипанная безъ опца въ пишинкѣ уединенія, Анастасія увидѣла себя какъ бы дѣйствиельмъ сверхъестественнымъ принесенную на театръ мірскаго величія и славы: но не забылась, не измѣнилась въ душѣ съ обшояшельствами, и все опнося къ Богу, поклонялась Ему и въ Царскихъ черпогахъ такъ же усердно, какъ въ смиренпомъ, печальномъ домѣ своей вдовы — мапери. Прервавъ веселье пиры Двора, Іоаннъ и супруга его ходили пѣшкомъ, зимою, въ Троицкую Сергіеву Лавру и провели тамъ первую недѣлю Великаго поста, ежедневно моляся надъ гробомъ Св. Сергія.

Сія набожность Іоаннова, ни искренняя любовь къ добродѣельной супругѣ, не могли укропишь его пылкой, безпкойной души, спремипельной въ движеніяхъ гнѣва, пріученной къ шумной праздноспи, къ забавамъ грубымъ, неблагочиннымъ. Онъ любилъ показывать себя Царемъ, но не въ дѣлахъ мудраго правленія, а въ наказаніяхъ, въ необузданности прихошей; игралъ, такъ сказашъ, милоспиями и опалами; умножалъ число любимцевъ, еще болѣе умножалъ число

Пороки Иоанновы и худое правление.

1547. опверженпыхъ; своевольсповаль, ишпобы доказывашъ свою независимость, и еще зависѣль опъ Вельможѣ, ибо не прудился въ успроеніи Царешва, и не зналъ, что Государь испинно независимый еспъ полько Государь добродѣельный. Никогда Россія не управлялась хуже: Глинскіе, подобно Шуйскимъ, дѣлали, что хотѣли именемъ юноши-Государя; наслаждались почестями, богашеспвомъ, и равнодушно видѣли невѣрность частныхъ власпищелей; прѣбовали опъ нихъ раболѣспива, а не справедливости. Кпо уклонялся прѣдъ Глинскими, попъ могъ смѣло давить пяпою народъ, и быпъ ихъ слугою значило быпъ господиномъ въ Россіи¹⁴⁷. Намѣспники не знали спраха — и горе угнепсанымъ, кошорые мимо Вельможъ шли ко Трону съ жалобами! Такъ граждане Псковскіе, послѣдніе изъ присоединенныхъ къ Самодержавію и смѣльшше другихъ, (весною въ 1547 году) жаловались новому Царю на своего Намѣспника, Князя Туруншя - Пронскаго, угодника Глинскихъ. Іоаннъ былъ погда въ селѣ Оспровкѣ: семьдесятъ челобищчиковъ спояло прѣдъ нимъ съ обвиненіями и съ уликами. Государь не выслушалъ: закипѣль гнѣвомъ; кричалъ, попаль; лилъ

Г. на нихъ горящее вино; палили имъ бо-
 1547. роды и волосы; велѣли ихъ раздѣли и
 положили на землю. Они ждали смерти.
 Въ сію минуцу донесли Іоанну о паденіи
 большаго колокола въ Москвѣ; онъ уска-
 калъ въ столицу, и бѣдные Псковичи
 остались живы¹⁴⁸. — Честные Бояре съ
 популенными взоромъ безмолвствовали
 во дворцѣ: шуты, скоморохи забавляли
 Царя, а льстецы славилъ его мудрость
 11. Добродѣтельная Анастасія молилась,
 вмѣстѣ съ Россією, и Богъ услышалъ
 ихъ. Характеры сильные требуютъ силь-
 наго поприщенія, чтобы свергнуть съ
 себя иго злыхъ спрассей и съ живою
 ревностію усремились на путь добро-
 дѣтели. Для исправленія Іоаннова надле-
 жало сгорѣть Москвѣ!

Сіа столица ежегодно возраспала
 своимъ пространствомъ и числомъ жи-
 телей. Дворы болѣе и болѣе сѣснялись
 въ Кремль, въ Кипаѣ; новыя улицы при-
 мыкали къ старымъ въ посадахъ; дома
 спроились лучше для глазъ, но не безо-
 паснѣе прежняго: пыльные громады зда-
 ній, гдѣ-гдѣ раздѣленные садами, ждали
 только искры огня, чтобы сдѣлаться пе-
 пломъ. Лѣтописи Москвы часто говорятъ
 о пожарахъ, называя иные великими¹⁴⁹;

По-
 жары
 въ
 Мо-
 сквѣ.

но никогда огонь не свирѣпствовалъ въ Г.
 ней такъ ужасно, какъ въ 1547 году. 12 1547-
 Апрель сгорѣли лавки въ Кипаѣ съ бо-
 гатыми шоварами, гостиные казенные
 дворы, Обишель Богоявленская и множе-
 ство домовъ опѣ Ильинскихъ воротъ до
 Кремля и Москвы рѣки. Высокая башня,
 гдѣ лежалъ порохъ, взлетѣла на воздухъ
 съ частію городской стѣны, пала въ рѣ-
 ку и запрудила оную кирпичами. 20 Апрель
 обратились въ пчель за Яузою всѣ
 улицы, гдѣ жили гончары и кожевники;
 а 21 Іюня, около полудня, въ спрашную
 бурю, начался пожаръ за Неглинною, на
 Арбатской улицѣ, съ церкви Воздвиженія;
 огонь лился рѣкою, и скоро вспыхнулъ
 Кремль, Кипай, Большой посадъ. Вся
 Москва представила зрѣлище огромнаго
 пылающаго костра подъ шучами густаго
 дыма. Деревянныя зданія исчезали, камен-
 ныя распадались, желѣзо рдѣло какъ въ
 горниль, мѣдъ стекла. Ревъ бури, прескъ
 огня и вопль людей опѣ времени до вре-
 мени былъ заглушаемъ взрывами пороха,
 хранившагося въ Кремль и въ другихъ
 частяхъ города. Спасали единственно
 жизнь: богатство, праведное и неправед-
 ное, гибло. Царскія палаты, казна, со-
 кровница, оружіе, иконы, древнія хар-

Г. 1547. пш, книги, даже мощи Свяпыхъ испль-
ли¹⁵¹. Митрополипъ молилсѣ въ храмѣ
Успенія, уже задыхаясь опъ дыма: силою
вывели его општуда и хопъли спуспилпъ
на веревкѣ съ шайника къ Москвѣ рѣкѣ:
опъ упалъ, расшибся и едва живыи былъ
опвезенъ въ Новоспасскій монастырь.
Изъ Собора вынесли только образъ Ма-
рин, писанный Св. Петромъ Митропо-
липомъ, и *Правила Церковныя*, приве-
зенныя Кирианомъ изъ Константино-
поля. Славная Владимірская икона Бого-
матери оспаваалась на своемъ мѣспѣ: къ
счасію, огонь, разрушивъ кровлю и па-
перши, не проникъ во внушренность
церкви. — Къ вечеру зашла буря, и
въ при часа ночи угасло пламя; но раз-
валины курились нѣскольго дней, опъ
Арбата и Неглинной до Яузы и до конца
Большой улицы, Варварской, Покровской,
Мясницкой, Дмипровской, Тверской¹⁵².
Ни огороды, ни сады не уцѣляли: дерева
обрапились въ уголь, права въ золу.
Сгорѣло 1700 человекъ, кромѣ младен-
цевъ. Не лзя, по сказанію современни-
ковъ, ни описашъ, ни вообразилпъ сего
бѣдспвія. Люди съ опаленными волосами,
съ черными лицами, бродили какъ пшви
среди ужасовъ обширнаго пепелища: ис-

кали дышей; родилпелей, оспапковъ имѣ-
нія; не находили, и были какъ дикіе звѣ-
ри. «Счастливыо — говоришь Автони-
сецъ — »кто, умилаясь душою, могъ
»плакати и смолръпъ на небо!» Упъ-
шпелей не было: Царь съ Вельможами
удалился въ село Воробьево, какъ бы для
того, чптобы не слыхати и не видапъ
народнаго опчалія. Опъ велѣлъ немед-
ленно возобновишь Кремлевскій дворецъ;
богатые также спшшили спроилпсь; о
бѣдпыхъ не думали. Симъ воспользовались
непріятели Глинскихъ: Духовникъ Иоан-
новъ, Протоіерей Феодоръ, Князь Скопинъ-
Шуйскій, Бояринъ Иванъ Пелровичъ Ос-
доровъ, Князь Юрій Темкинъ, Нагой и
Григорій Юрьевичъ Захарынъ, дядя Ца-
рицы: они сосхавили заговоръ; а народъ,
несчаспемъ расположенный къ испну-
пленію злобы и къ мянежу, охотно сдѣ-
лался ихъ орудіемъ.

Въ слѣдующій день Государь поѣхалъ
съ Боярами навѣспилпъ Митрополипа въ
Новоспасской Обители. Тамъ Духовникъ
его, Скопинъ-Шуйскій и знапные ихъ
единомышленники объявили Иоанну, чпто
Москва сгорѣла опъ волшебспва нѣко-
порыхъ злодѣевъ. Государь удивился, и
велѣлъ изслѣдовапъ сіе дѣло Болрамъ,

Буитъ
черш.

Г. 1547. копорые, чрезъ два дни прїѣхавъ въ Кремль, собрали гражданъ на площади и спрашивали, кто жегъ столицу? Въ нѣсколько голосовъ отвѣчали имъ: »Глинскіе! Глинскіе! Мать ихъ, Княгиня Анна, »вынимала сердца изъ мертвыхъ, клала въ »воду, и кропила ея всѣ улицы, ѣзда по »Москвѣ. Вошь опъ чего мы сгорѣли!« Сію басню выдумали и разгласили заговорщики. Умные люди не вѣрили ей, однакожь молчали: ибо Глинскіе заслужили общую ненависть. Многіе поджигали народъ, и самые Бояре. Княгиня Анна, бабка Государева, съ сыномъ Михайломъ находилась тогда во Ржевскомъ своемъ помѣстьѣ. Другой сынъ ея, Князь Юрій, стоялъ на Кремлевской площади въ кругу Бояръ: изумленный нелѣпнымъ обвиненіемъ, и видя ярость черни, онъ искалъ безопасности въ церкви Успенія, куда вломился за нимъ и народъ. Совершилось дошолъ неслыханное въ Москвѣ злодѣйство: мясешники въ святомъ храмѣ убили роднаго дядю Государева¹⁵³, извлекли его шѣло изъ Кремля и положили на лобномъ мѣстѣ; разграбили имѣніе Глинскихъ, умертвили множество ихъ слугъ и Дѣшей Болрскихъ. Никшо не унималъ беззаконія: Правительсства какъ бы не было . . .

Въ сіе ужасное время, когда юный Г. 1547. Царь препешалъ въ Воробьевскомъ дворцѣ своемъ, а добродѣтельная Анастасія Чуд. молилась, явился шамъ какой-то удивительный мужъ, именемъ Сильвестръ, са-испра-иномъ Іерей, родомъ изъ Новгорода¹⁵⁴. на-вление; Силь-приблизился къ Іоанну съ подъяпымъ, вестръ и угрожающимъ перспомъ, съ видомъ и Ада-Пророка, и гласомъ убѣдительнымъ воз-шевспилъ ему, что судъ Божій гремишь надъ главою Царя легкомысленнаго и злоспраснаго; что огонь Небесный испепелилъ Москву; что сила Вышняго волнуемъ народъ и ліетъ фіаль гнѣва въ сердца людей. Раскрывъ Святое Писаніе, сей мужъ указалъ Іоанну правила, данныя Вседержителемъ сонму Царей земныхъ; заклиналъ его бытъ ревностнымъ исполнителемъ сихъ уставовъ; предспавилъ ему даже какіа-то спрашныя видѣнія¹⁵⁵, попрялъ душу и сердце, овладѣлъ воображеніемъ, умомъ юноши, и произвелъ чудо: Іоаннъ сдѣлался инымъ челоѣкомъ; обливаясь слезами раскаянія, просперъ десницу къ наставнику вдохновенному; пребожалъ опъ него силы бытъ добродѣтельнымъ — и пріялъ оную¹⁵⁶. Смиранный Іерей, не шребуя ни высокаго имени, ни чести, ни богапспва, спалъ у прона,

Г. 1547. чтобы утверждать, ободряя юного Венценосца на пути исправления, заключивъ плѣнный союзъ съ однимъ изъ любимцевъ Иоанновыхъ, Алексѣемъ Федоровичемъ Адашевымъ, прекраснымъ молодымъ человекомъ, коего описываютъ земнымъ Ангеломъ: имѣлъ нѣжную, чистую душу, нравы благіе, разумъ пріятный, основательный и безкорыстную любовь къ добру, онъ искалъ Иоанновой милости не для своихъ личныхъ выгодъ, а для пользы отечества, и Царь нашелъ въ немъ рѣдкое сокровище, друга, необходимо нужнаго Самодержцу, чтобы лучше знать людей, состояніе Государства, истинныя потребности оного: ибо Самодержецъ съ высоты престола видитъ лица и вещи въ обманчивомъ свѣтѣ опдаленія; а другъ его какъ подданный стоитъ на ряду со всѣми, смотритъ прямо въ сердца и вблизи на предметы. Сильвеспръ возбудилъ въ Царѣ желаніе блага: Адашевъ облегчилъ Царю способы благопворенія. — Такъ повѣспвуетъ умный современникъ, Князь Андрей Курбскій, бывший тогда уже знаменнымъ сановникомъ Двора. По крайней мѣрѣ здѣсь начинается эпоха Иоанновой славы, новая, ревностная дѣятельность въ Правленіи, ознаменованная счастливыми

Г. 1547. для Государства успѣхами и великими намѣреніями.

Во первыхъ, обуздали мятежную чернь, которая, на прѣпній день по убіеніи Глинскаго, явилась шумною толпою въ Воробьевъ, окружила дворецъ и кричала, чтобы Государь выдалъ ей свою бабу, Княгиню Анну, и сына ея, Михайла¹⁵⁷. Иоаннъ велѣлъ спрѣлять въ бунтовщиковъ: толпу разсѣяли; схватили и казнили нѣкоторыхъ; многіе ушли; другіе падали на колѣна и винулись. Порядокъ возстановился. Тогда Государь изъявилъ попечительность отца о бѣдныхъ: взяли мѣры, чтобы никто изъ нихъ не оспался безъ крова и хлѣба.

Во вторыхъ, испянные вповники бунта, подспрекашли черни, Князь Скопинъ-Шуйскій съ клеветами обманулись, если имѣли надежду, свергнуть Глинскихъ, овладѣть Царемъ. Хотя Иоаннъ пощадилъ ихъ, изъ уваженія ли къ своему Духовнику и къ дядѣ Царицы, или за недостаткомъ ясныхъ уликъ, или предавъ одному суду Божию такое дѣло, которое, не смотря на незаконіе способовъ, удовлетворяло общей, справедливой ненависти къ Глинскимъ: но мятежное господство Бояръ рушилось совершенно, уступивъ

мѣсто единовластію Царскому, чуждому
 тиранства и прихотей. Чтобы поуже-
 ственнымъ дѣйствіемъ Вѣры утвердиль
 благословенную перемену въ Правленіи и
 въ своемъ сердцѣ, Государь на нѣсколь-
 ко дней уединился для поста и молитвы;
 созвалъ Святителей, умиленно каляся въ
 грѣхахъ, и разрѣшенный, успокоенный
 ими въ совѣсти, причастился Святыхъ Та-
 инъ¹⁵³. Юное, пылкое сердце его хотѣло
 опкрыть себя предъ лицомъ Россіи: онъ
 велѣлъ, чтобы изъ всѣхъ городовъ при-
 слали въ Москву людей избранныхъ, вся-
 каго чина или сословія, для важнаго дѣ-
 ла государственнаго. Они собралися — и
 въ день Воскресный, послѣ Обѣдни, Царь
 вышелъ изъ Кремля съ Духовенствомъ,
 съ Крестами, съ Боярами, съ дружиною
 воинскою, на лобное мѣсто, гдѣ народъ
 споялъ въ глубокомъ молчаніи. Опелу-
 жили молебень. Іоаннъ обратился къ Ми-
 трополищу и сказалъ: «Святый Влади-
 ко! знаю усердіе швое ко благу и лю-
 бовь къ опечеству: будь же мнѣ побор-
 никомъ въ моихъ благихъ намѣреніяхъ.
 »Рано Богъ лишилъ меня лица и маперы;
 »а Вельможи не радѣли о мнѣ: хотѣли
 »быть самовластными; моимъ именемъ
 »похищали саны и чести, богатѣли не-

Речь
 Госу-
 дря
 на
 лоб-
 номъ
 мѣстѣ
 Г.
 1547
 — 50.

»правдою, пѣснили народъ — и никто не
 »принималъ имъ. Въ жалкомъ дѣпствѣ сво-¹⁵⁴⁷
 »емъ я казался глухимъ и нѣмымъ: не
 »внималъ спенанію бѣдныхъ, и не было
 »обличенія въ устахъ моихъ! Вы, вы
 »дѣлали, что хотѣли, злые крамольники,
 »судіи неправедные! Какой опѣшь дади-
 »те намъ нынѣ? Сколько слезъ, сколько
 »крови опъ васъ пролилося? Я числъ опъ
 »сея крови! А вы ждите суда Небесна-
 »го!... Тушь Государь поклонился на всѣ
 »спороны, и продолжалъ: «Люди Божіи и
 »намъ Богомъ дарованные! молю вашу вѣ-
 »ру къ Нему и любовь ко мнѣ: будьте
 »великодушны! Не лѣзя исправиль ми-
 »нушаго зла: могу только *впредь* спа-
 »сать васъ опъ подобныхъ припѣсеній
 »и грабительствъ. Забудьте, чего уже
 »нѣтъ и не будетъ! Опавьте ненависть,
 »вражду; соединимся въ любовью Хри-
 »стіанскою. Опнынъ я судія вашъ и за-
 »щитникъ.¹⁵⁹» Въ сей великій день, когда
 Россія въ лицѣ своихъ повѣренныхъ при-
 существовала на лобномъ мѣстѣ, съ бла-
 говѣніемъ внимаая искреннему обѣпу
 юнаго Вѣщеносца живъ для ея счастья,
 Іоаннъ въ воспоргѣ великодушія объявилъ
 искреннее прощеніе виновнымъ Боярамъ;
 хотѣлъ, чтобы Митрополищъ и Святи-

Г.
 1547
 — 50.

Г. 1547
—50. пели также ихъ просили именемъ Су-
дн Небеснаго; хотѣлъ чпобы, въ Рос-
сїи не брашски обнялся между собою;
чпобы въ жалобы и шяжбы прекрапи-
лись миромъ до назначеннаго имъ срока
160. — Въ шощъ же день онъ поручилъ
Адашеву принимать челобитныя отъ бѣд-
ныхъ, сиротъ, обиженныхъ, и сказалъ
ему торжественно: »Алексїй! ты не зна-
»шенъ и не богатъ, но добродѣшеленъ.
»Справлю себя на мѣсто высокое, не по
»пвоему желанію, но въ помощь душъ
»моей, которая спремишя къ такимъ
•»людямъ, да уполише ея скорбь о не-
»счастныхъ, коихъ судьба мнѣ ввѣрена
»Богомъ! Не бойся ни сильныхъ, ни сла-
»ныхъ, когда они, похитивъ чешъ, без-
»законешвуюшъ. Да не обманушъ тебя и
»ложныя слезы бѣднаго, когда онъ въ за-
»виспи клеветешъ на богатаго! Все ра-
»чштельно испышывай, и доноси мнѣ
»исшину, спрашася единешвенно суда Бо-
»жїя.«¹⁶¹. Народъ плакалъ отъ умиленїя
вмѣстѣ съ юнымъ своимъ Царемъ.

Царь говорилъ и дѣшшвовалъ, опи-
раясь на чешу избранныхъ, Сильвешра
и Адашева, которые приняли въ священ-
ный союзъ свой не только благоразумна-
го Мишрополита, но и всѣхъ мужей добро-

дѣшшльныхъ, опышныхъ, въ маспитой Г.
старости еще усердныхъ къ отечешству —50.
162 и прежде опгоняемыхъ отъ прона, Пере-
гдъ вѣшренная юность не терпѣла ихъ Двора
угрюмаго вида. Ласкашели и шушты онъ-
мѣли при Дворѣ; въ Думѣ заграждались
успя навѣшшикамъ и кознодѣямъ, а прав-
да могла бышъ опкровенною. Не смошря
на довѣренность, которую Іоанигъ имѣлъ
къ Совѣшу, онъ самъ входилъ и въ госу-
дарешвенныя и въ важнѣшшія судшбья дѣ-
ла, чпобы исполншть обѣшть, данный
имъ Богу и Россїи. Вездѣ народъ благо-
словилъ усердіе Правительштва къ добру
общему; вездѣ смѣняли недоспойныхъ
власшшшелей: наказывали презрѣнемъ или
шешницею¹⁶³, но безъ излишней спрого-
сти; хотѣли ознаменовашъ счастливую
государешвенную перемѣну не жесткою
казнїю худыхъ спарыхъ чиновниковъ, а
лучшимъ избранїемъ новыхъ, какъ бы объ-
являя шѣмъ народу, чшо злоупотребле-
нїя частной власшш бьвакошъ обыкно-
веннымъ, неминуемымъ слѣдшшвїемъ усып-
ленїя или развраша въ главномъ Нача-
лшшш: гдѣ оно терпшлъ грабежъ, тамъ
грабшшели почти невинны, пользуясь до-
зволеннымъ. Только въ однихъ Самодержав-
ныхъ Государешвахъ видимъ сїи легкіе,

1547
—50.
Г. быстрые переходы отъ зла къ добру: ибо все зависить отъ воли Самодержца, копорый, подобно искусному Механику, движеніемъ перспиа даетъ ходъ громадамъ, вращаетъ машину неизмѣримую, и влечетъ ею милліоны ко благу или бѣдствію.

Крошоспѣ
прав-
леніа.
Вообще мудрая умѣренность, чело- вѣколюбіе, духъ крепости и мира сдѣ- лались правиломъ для Царскѣй власти. Весьма не многіе изъ прежнихъ Царедвор- цевъ — и самыя злѣйшіе — были удале- ны; другихъ обуздали или исправили, какъ пишущій¹⁶⁴. Духовникъ Іоанновъ, Про- поіерей Феодоръ, одинъ изъ главныхъ ви- новниковъ бывшаго мятежа, перзаемый совѣщію, заключился въ монастырь¹⁶⁵. Въ Думу послушили новые Бояре: дядя Царицы, Захарынь, Хабаровъ (вѣрный другъ несчастнаго Ивана Бѣльскаго), Князя Куракинъ-Булгаковъ, Данило Прон- скій и Дмишрій Палецкій, коего дочь, Княжна Іуліанія, удостоилась тогда че- сти бытъ супругою шестнадцати-лѣт- няго брата Гусударева, Князя Юрія Ва- силѣевича¹⁶⁶. Опивъ у ненавистнаго Ми- хайла Глинскаго знаншій санъ Конюша- го¹⁶⁷, оставили ему Боярство, помѣстья и свободу жить, гдѣ хочеть; но сей

1547
—50.
Вельможа, успрашенный судьбою брапа, вмѣстѣ съ другомъ своимъ, Княземъ Ту- руншаемъ-Пронскимъ, бѣжалъ въ Липву. За ними гнался Князь Пепръ Шуйскій: видя, что имъ не лѣзя уйши, они воз- вращились въ Москву; и взятые подъ спражу, клялися, что ѣхали не въ Лип- ву, а на богомолье въ Оковецъ. Несча- сныхъ уличили во лжи, но милоспиво проспили, извинивъ бѣгство ихъ спра- хомъ. — Въ самомъ семействѣ Государ- скомъ, гдѣ прежде обитали холодность, недоверіе, зависть, вражда¹⁶⁸, Россія увидѣла миръ и пишину искренней люб- ви. Узнавъ счастье добродѣтели, Іоаннъ еще болѣе узналъ цѣну супруги добродѣ- тельной: утверждаемый прелестною Ана- спасіею во всѣхъ благихъ мысляхъ и чув- ствахъ, онъ былъ и добрымъ Царемъ и добрымъ родственникомъ: женивъ Князя Юрія Васильевича, избралъ супругу и для Князя Владиміра Андреевича, дѣвицу Евдо- кію, изъ рода Нагихъ¹⁶⁹; жилъ съ пер- вымъ въ одномъ дворцѣ; ласкалъ, чпилъ обонхъ; присоединяя имена ихъ къ сво- ему въ государственныхъ указахъ, пи- салъ: »Мы уложили съ брапьями и съ Боярами«¹⁷⁰.

Желая уподобиться во всемъ Вели-
Томъ VIII
6.

Г. кому Иоанну III — желая, по его собственному слову, быть *Царемъ правды*¹⁷¹ — онъ не только осприлъ мечъ на враговъ иноплеменныхъ, но, въ цвѣтущей юности лѣтъ, занялся и цѣмъ важнымъ дѣломъ государственнымъ, для коего въ самыя просвѣщенные времена пребудетъ необыкновенныхъ усилій разума, и коимъ немногіе Вѣнценосцы пріобрѣли истинную, безсмертную славу: *законодательствомъ*. Окруженный сонмомъ Бояръ и другихъ мужей свѣдущихъ въ искусствѣ гражданскомъ, Царь предложилъ имъ разсмотрѣть, дополнивъ Уложеніе Иоанна III согласно съ новыми опытами, съ новыми потребностями Россіи въ ея гражданской и государственной дѣятельности. Вышелъ *Судебникъ* (въ 1550 году) или *вторая Русская Правда*, вторая полная система нашихъ древнихъ законовъ, достойная подробнаго изложенія въ спашь особенной, гдѣ будемъ говорить вообще о тогдашнемъ состояніи Россіи. Здѣсь скажемъ единственно, что Иоаннъ и добрые его совѣтники искали въ шрудѣ своемъ не блеска, не суешной славы, а вѣрной, явной пользы, съ ревностною любовію къ справедливости, къ благоуспроисъву; не дѣйствовали воображеніемъ, умомъ не об-

Судебникъ.

1547
—50.

гоняли пасполицаго порядка вещей, не перялись мыслями въ возможностяхъ лучшего, но смотрѣли вокругъ себя, исправляли злоупотребленія, не измѣняя главной, древней основы законодательства; все оставили, какъ было и цѣмъ народъ казался довольнымъ: усстраняли только причину извѣстныхъ жалобъ; хотѣли лучшаго, не думая о совершенствѣ — и безъ учености, безъ Теоріи, не зная ничего, кромѣ Россіи, но зная хорошо Россію, написали книгу, которая будетъ всегда любопытною, доколь стоить наше опечесиво: ибо она есть вѣрное зеркало нравовъ и понаній вѣка. — Въ прибавленіяхъ къ Судебнику находится и важный по тогдашнему времени указъ о *милостиствѣ*: Государь еще не могъ совершенно искоренить сего великаго зла, а хотѣлъ единственно умѣрить оное, за-претивъ дѣшамъ Боярскимъ и Княжатамъ считаться родомъ съ Воеводами; уставилъ также, что Воевода Большаго Полку долженъ быть всѣхъ знаице; что начальники Передоваго и Спорожеваго Полку ему одному уступающъ въ старѣйшинствѣ и не считаются съ Воеводами Правой и Лѣвой Руки; что Государю принадлежитъ судить о родахъ и достоин-

Г.
1547
—50.

Обуз-
даніе
и вѣщ-
ниче-
ства.

Г. спвахъ ; что кто съ кѣмъ посланъ, шепъ
 1547
 —50. шому и повинуется¹⁷².
 Сто- Одобривъ Судебникъ, Иоаннъ назначилъ
 главъ. бѣшь въ Москвѣ *Собору слугъ Божіихъ*, и
 въ 1551 году, 23 Февраля, дворець Крем-
 левскій наполнился знаменитѣйшими му-
 жами Русскаго Царства, духовными и
 мірскими. Митрополитъ, девять Свящи-
 пелей, всѣ Архимандриты, Игумены, Бо-
 яре, сановники первостепенные сидѣли
 въ молчаніи¹⁷³, усмиривъ взоръ на Царя-
 юношу, кошорый съ силою ума и кра-
 снорѣчія говорилъ имъ о возвышеніи и
 паденіи Царствъ опъ мудрости или буй-
 ства власшей, опъ благихъ или злыхъ
 обычаевъ народныхъ ; описалъ все пре-
 шерпѣнное *вдовствующего* Россією во дни
 его сиротства и юности, сперва невин-
 ной, а послѣ развратной; упомянулъ о слез-
 ной кончинѣ дядей своихъ, о безпоряд-
 кахъ Вельможъ, коихъ худые примѣры
 испорчили въ немъ сердце¹⁷⁴; но повпо-
 рилъ, что все минувшее предано имъ
 забвенію. Тупъ Иоаннъ изобразилъ бѣд-
 ствіе Москвы, обращенной въ пепель, и
 мясепжъ народа. »Тогда« — сказала онъ —
 »ужаснулась душа моя и кости во мнѣ за-
 »шрепепали; духъ мой смирился, сердце
 »умилилось. Теперь ненавижу зло и лю-

»блю добродѣпель. Опъ васъ пребуду рев- Г.
 1547
 —50. носпнаго наспавленія, Пастыри Хри-
 »стіанъ, училители Царей и Вельможъ, до-
 »стойные Свящиптели Церкви! Не щади-
 »те меня въ преступленіяхъ ; смѣло упре-
 »кайте мою слабостъ ; гремите Словомъ
 »Божіимъ, да жива будетъ душа моя«¹⁷⁵!
 Далѣе, изъяснивъ свое благодѣпельное на-
 мѣреніе успроишь счастье Россіи всѣми
 данными ему опъ Бога способами, и до- Устав-
 казавъ необходимость исправленія зако- ныя
 новъ для внутрениаго порядка, Царь грамо-
 предложилъ Свящиптелямъ Судебникъ на Из-
 разсмотрѣніе, и Грамоты Успавнія, по браше
 коимъ во всѣхъ городахъ и волостяхъ над- При-
 лежало избрать Спаростъ и Цѣловаль- слж-
 никовъ или Присяжныхъ, чтообы они су- выхъ
 дили дѣла вмѣспъ съ Намѣспниками или
 съ ихъ Тіунами, какъ дошолъ было въ
 одномъ Новѣгородѣ и Псковѣ¹⁷⁶; а Соп-
 скіе и Пяпидеспники, также избирае-
 мые общемо довѣренностію, должнысво-
 вали занимашься земскою справою, да-
 бы чиновники Царскіе не могли дѣйсво-
 вать самовласпно и народъ не былъ без-
 гласнымъ¹⁷⁷. — Соборъ упвердилъ всѣ но-
 вья, мудрыя поспавленія Иоанновы.

Но симъ не кончилось его дѣйсвіе:
 Государь, успроивъ Державу, предложилъ

Г. 1547
—50. Свяшителейъ успроишь Церковь : исправишь не только обряды ея, книги, искажаемыя писцами-невѣждами, но и самыя права Духовенства въ примѣръ мірянамъ; ученіемъ образовашь достойныхъ служителей Олшаря; уставившь правила благочинія, которое должно бышь соблюдаемо въ храмахъ Божіихъ; искоренишь соблазнъ въ монастыряхъ, очистишь Христианство Россійское опть всѣхъ остатковъ древняго язычества, и проч. Самъ Іоаннъ именно означилъ всѣ болѣе или менѣе важныя предмешы для вниманія Олшаря Собора, который назвали *Стоглавнымъ* по числу законныхъ статей, имъ изданныхъ¹⁷⁸. Однимъ изъ полезнѣйшихъ дѣйствій онаго было заведеніе училищъ въ Москвѣ и въ другихъ городахъ, чшобы Іереи и Діаконы, извѣстные умомъ и добрыми свойствами, наставляли шамъ дѣтей въ грамотѣ и страхѣ Божіемъ: учрежденіе шѣмъ нужнѣйшее, чшо многіе Священники въ Россіи едва умѣли тогда разбирать буквы, вышверживая наизусть службу церковную¹⁷⁹. Желая укоренить въ сердцахъ истинную Вѣру, Олшары Собора взяли мѣры для обузданія суевѣрія и пущепосвящства: запретили шщеславнымъ строишь безъ всякой нужды новыя церкви, а бро-

Учрежденія церквнныя.

дигамъ - шунелдцамъ келліи въ лѣсахъ и въ пущепыняхъ; запретили также, исполняя волю Государя, Епископамъ и монастырямъ покупашь опщины безъ вѣдома и согласія Царскаго¹⁸⁰: ибо Государь благоразумно предвидѣлъ, чшо они могли бы сею куплею присвоишь себѣ наконецъ большую часть недвижимыхъ имѣній въ Россіи, ко вреду общества и собственности ихъ нравственности. Однимъ словомъ, сей достопамятный Соборъ, по важности его предмета, знаменитѣе всѣхъ иныхъ, бывшихъ въ Кіевѣ, Владимірѣ и Москвѣ.

Къ симъ, можно сказать, великимъ Намѣреніямъ Іоанна принадлежишь и за-реніе мысль его обогатишь Россію плодами Ис-про-сав-кусснвъ чужеземныхъ. Саксонецъ Шлишптъ шить Рос- въ 1547 году былъ въ Москвѣ, выучил-сію. ся языку нашему, имѣлъ доступъ къ Царю и говорилъ съ нимъ объ успѣхахъ художествъ. Наукъ въ Германіи, неизвѣстныхъ Россіянамъ. Іоаннъ слушалъ, спрашивалъ его съ любопытствомъ, и предложилъ ему ѣхашь опть насъ Посланникомъ въ Нѣмецкую землю, чшобы вывезши општуда въ Москву не только ремесленниковъ, художниковъ, лекарей, Аптекарей, Типографщиковъ, но и людей

Г. 1547
—51. искусныхъ въ древнихъ и въ новыхъ
языкахъ — даже Феологовъ¹⁸¹. Шлиппи
охотно взялся услужить шѣмъ Государю
и Россіи; нашелъ Императора, Карла V,
въ Аугсбургѣ, на Сеймѣ, и вручилъ ему
Иоанновы письма о своемъ дѣлѣ. Импера-
торъ хотѣлъ знать мнѣніе Сейма: долго
разсуждали, и согласились исполнить же-
лание Царя, но съ условіемъ, чпобы
Шлиппи именемъ Иоанновымъ обязался
кляпвенно не выпускать Ученыхъ и ху-
дожниковъ изъ Россіи въ Турцію, и во-
обще не уопиреблять ихъ способностей
ко вреду Нѣмецкой Имперіи. Карлъ V
далъ нашему Посланнику грамоту, съ
дозволеніемъ искать въ Германіи людей
годныхъ для службы Царя; а Шлиппи
набралъ болѣе ста-двадцати человекъ¹⁸²,
и готовился плыть съ ними изъ Любе-
ка въ Ливонію. Но все разрушилось
опть низкой, зависливой Полипики
Ганзы и Ливонскаго Ордена. Они боялись
нашего просвѣщенія; думали, что Рос-
сія сдѣлается опть того еще сильнѣе,
опаснѣе для сосѣдственныхъ Державъ;
и своими коварными предсавленіями
заспавили Императора думать такъ же:
въ слѣдствіе чего Сенаторы Любекскіе
беззаконно посадили Шлиппа въ пемни-

цу; многочисленныя сопушники его раз-
сѣялись, и долго Иоаннъ не зналъ о не-
счастной судьбѣ своего Посланника, копо-
рый, бѣжавъ наконецъ изъ заключенія,
уже въ 1557 году возвратился въ Мос-
кву, одинъ, безъ денегъ, съ долгами и
съ разными легкомысленными предложе-
ніями: на примѣръ, чпобы Царь помо-
галъ Императору людьми и деньгами въ
войнѣ Турецкой, далъ ему аманатовъ
(двадцать-пять Князей и Дворянъ) въ за-
логъ вѣрности, обѣщался соединить Цер-
ковъ нашу съ Лапинскою, имѣлъ все-
гдашняго Посла при Дворѣ Карловомъ,
основалъ Орденъ для Россіянъ и чуже-
странцевъ, нанялъ 6000 Нѣмецкихъ во-
иновъ, учредилъ почину опть Москвы до
Аугсбурга, и проч.¹⁸³. Хотя благое намѣ-
реніе Царя не исполнилось совершенно,
опть недоброжелательства Любчанъ и
Правительства Ливонскаго, послѣ имъ
жестoko наказаннаго: однакожъ многіе изъ
Нѣмецкихъ художниковъ, оспановленныхъ
въ Любекѣ, вопреки запрещенію Импера-
тора и Магистра Ливонскаго умѣли шай-
но проѣхать въ Россію и были ей полез-
ными въ важномъ дѣлѣ гражданскаго об-
разованія¹⁸⁴.

Сіе истинно Царское дѣло соверша-

Г. лось подь звукомъ оружія и побѣдъ, по-
 1547 гда необходимыхъ для благоденствія Россіи.
 —50. Надлежало унять варваровъ, которые,
 Воинскія дѣлїя пользуясь юностию Вѣнценосца и сму-
 шами Бояръ, споль долго свирѣпство-
 вали въ нашихъ предѣлахъ, такъ, что
 за 200 верстъ оупъ Москвы, къ Югу и
 Сѣверо-Востоку, земля была усяна пеп-
 ломъ и коспями Россіянъ¹⁸⁵. Не оспава-
 лось ни селенія, ни семейства цѣлаго!
 Чпобы начапъ съ ближайшаго, зловред-
 нѣйшаго непріятеля, семнадцати-лѣтній
 Іоаннь, пылая ревностию славы, хопѣлъ
 самъ веспи рашъ къ Казани, и выѣхалъ
 изъ Москвы въ Декабрѣ мѣсяцѣ; но судьба
 Походъ на Казань. искусила его цвердосшь неудачею. Прези-
 рая нѣгу, онъ гошовился пернѣль въ
 походѣ холодъ и мятели, обыкновенныя
 въ сіе время года: вмѣсто снѣга шель
 непреспанно дождь; обозы и пушки то-
 нули въ грязи. 2 Февраля, когда Царь,
 ночевавъ въ Ельнѣ, въ 15 верспяхъ оупъ
 Нижняго, прибылъ на оспровъ Робонку,
 вся Волга покрылась водою: ледъ шре-
 нулъ; снарядъ огнеспрѣльный провалил-
 ся, и множесство людей погнбло. Три дни
 Государь жилъ на оспровѣ и пщешно
 ждалъ пуши: наконецъ, какъ бы успра-
 шенный худымъ предзнаменованіемъ, воз-

врапился съ печалію въ Москву¹⁸⁶; одна-
 Г. кожь вельѣль Князю Димитрію Бѣльскому¹⁵⁴⁷
 —50. иппи съ полками къ Казани, не для ея
 завоеванія, но чпобы нанеспи ей чув-
 стпвищельный ударъ. Царь Шигъ Алей и
 другіе Воеводы шли изъ Мещеры къ устью
 Цивили и соединились тамъ съ Бѣль-
 скимъ¹⁸⁷: Сафа-Гирей ждалъ ихъ на Ар-
 скомъ полѣ, гдѣ одинъ Князь Симеонъ
 Микулинскій съ передовою дружиною раз-
 билъ его на голову и *втопталъ* въ городъ,
 плѣнивъ богашыря Азика и многихъ знап-
 ныхъ людей. Татары опмспили намъ
 разореніемъ Галицкихъ сель; но Коспром-
 скій Воевода, Яковлевъ, испребилъ всю
 полпу сихъ хищниковъ на берегахъ рѣч-
 ки Еговки, на Гусевѣ полѣ, убивъ ихъ
 предвоинцеля, богашыря Арака¹⁸⁸.

Не довольный сими легкими дѣй-
 ствіями нашей силы, Іоаннь гошовился
 къ предпріятію рѣшищельному: для по-
 Перемиріе съ Липвою. го желалъ мира съ Липвою, гдѣ вепхій
 Сигизмундъ кончилъ дни свои, а юный
 его наслѣдникъ, Августъ, занимался бо-
 лѣе любовными, нежели государспвен-
 ными дѣлами, и не имѣлъ въ печеніе пя-
 тп лѣпъ никакого сношенія съ Москвою.
 Сигизмундъ умеръ въ 1548 году. Уже

Г. ерокъ перемирія исходилъ, а новый Ко-
 1547. роль молчалъ, и даже не извѣстилъ Ио-
 —50. анна о смерти опца. Бояре наши, Князь
 Димитрій Вѣльскій и Морозовъ, писали о
 помъ къ Липовскимъ Вельможамъ и да-
 ли имъ знашь, что мы ждемъ ихъ По-
 словъ для мирнаго дѣла. Въ Генварь 1549
 года Воевода Вишебскій, Спаниславъ Ки-
 шка, и Маршалокъ Комаевскій пріѣхали
 въ Москву; всушили въ переговоры о
 вѣчномъ мирѣ; требовали, какъ обыкно-
 венно, Новагорода, Пскова, Смоленска,
 городовъ Сѣверскихъ, и въ извиненіе сихъ
 нелѣпныхъ предложеній швердили Боя-
 рамъ: *«Посолъ какъ мѣхъ: что въ него
 »вложишь, то и несетъ. Исполняемъ дан-
 »ное намъ опъ Короля и Думы повелѣніе.»*
 Бояре опвѣщспвовали: *«И такъ будемъ
 »говоришь единспвенно о перемиріи.»* За-
 ключили его на спарыхъ условіяхъ. Но
 Паны Липовскіе не согласились внеспи
 новаго Царскаго шишула въ грамоту. Съ
 обѣихъ споронъ упрямились, такъ, что
 послы было-уѣхали изъ Москвы¹²⁰: ихъ
 воропили — и, соблюдая перемиріе, спо-
 рили о шишулѣ. Августъ признавалъ Иоан-
 на шолько Великимъ Княземъ, а мы съ
 досады уже не называли Августа Коро-
 лемъ. Были и другія неудовольспвія. Го-

сударь, предлагая 2000 рублей выкупа за Г.
 нашихъ знапныхъ плѣнниковъ, Князей¹⁵⁴⁷
 —50. Ѳедора Оболенскаго и Михайла Голицу,
 получилъ опказъ, и самъ опказалъ Коро-
 лю въ его пребованіи, чтообы Евреи Ли-
 повскіе могли свободно шорговашъ въ
 Россіи, согласно съ прежними договора-
 ми. *«Нѣтъ,» опвѣчалъ Иоаннъ: «сіи люди
 »привозили къ намъ оправу шѣлесную и
 »душевную: продавали у насъ смертоно-
 »сныя зеля и злословили Христа Спаси-
 »теля; не хочу обѣ нихъ слышашъ»¹⁹⁰.—
 Но ни Россія, ни Литва не желала войны.*

Одинъ Ханъ Саипъ-Гирей грозилъ ме-
 чемъ Иоанну, и былъ шѣмъ надменнѣе,<sup>Дыла Крым-
 скія.</sup> что ему удалось шогда завоевать Ас-
 праханъ, богашую купечеспвомъ, но
 скудную войскомъ и беззащипную, не
 смошря на пышное имя Царспва, ею по-
 симое. Взавъ сей городъ, Ханъ разорилъ
 его до основанія, вывелъ многихъ жише-
 лей въ Крымъ и сшипалъ себя законнымъ
 власпелиномъ единоплеменныхъ съ ними
 Ногаевъ¹⁹¹. Онъ самъ писалъ о помъ къ
 Иоанну; сказывалъ, что Кабардинцы и
 горные Кайшаки плашашъ ему данъ; хва-
 лился своимъ могущеспвомъ, и говорилъ:
*«Ты былъ молодъ, а нынѣ уже въ разу-
 »мѣ: объяви, чего хочешъ? любви или*

Г. 1547
—50. «Крови? Ежели хочешь любви, по присылай не бездѣлицы, а дары знапные, подобно Королю, дающему намъ 15,000 золотыхъ ежегодно. Когда же угодно шебѣ воевать, то я готовъ ипши къ Москвѣ, и земля швоя будетъ подѣ ногами коней моихъ»¹⁹². Зная, что Саипъ-Гирей возьметъ дары, но не опешупитъ опѣ Казани, и что война съ нсю должна бытъ и войною съ Крымомъ, Государь уже презиралъ гнѣвъ Хана, и засадилъ его Пословъ въ шемницу, свѣдавъ, что онѣ берешъ къ себѣ Московскихъ купцевъ въ домашнюю услугу какъ невольниковъ, и что въ Тавридѣ обезчестили нашего гонца¹⁹³. Однимъ словомъ, мы чувешвовали силу свою и надѣялись управишь со всѣмъ Батыевымъ попомешвомъ.

Смер.
Царя
Ка-
зань-
скаго. Въ сіе время (въ Мартѣ 1549 года) Казань лишилась Царя: Сафа-Гирей пьяный убилъ во дворцѣ и кончилъ жизнь внезапно, оставивъ двулѣпняго сына, именемъ Ушемишь-Гирей, коего мать, прекрасная Сююнбека, дочь Князя Ногайскаго Юсуфа, была ему любезнѣе всѣхъ иныхъ женъ¹⁹⁴. Вельможи возвели младенца Ушемишь-Гирей на престоль, но искали лучшаго Власпителя, и хопѣли, шпобы Ханъ Крымскій далъ имъ своего

сына защитишь ихъ опѣ Россіянъ; а Г. въ Москву прислали гонца съ письмомъ опѣ юнаго Царя, шребуя мира¹⁹⁵. Иоаннъ опѣвѣсповалъ, что о мирѣ говоряшь шолько съ Послами; спѣшилъ воспользовашься мяшежнымъ безначаліемъ Каза-^{По-ходъ}ни, и вельѣ собирашь полкамъ: Большо-^{на}шому въ Суздаль, Передовому въ Шуѣ и ^{Ка-зань.} въ Муромѣ, Спорожевому въ Юрьевѣ, Правому въ Коспромѣ, Львому въ Ярославлѣ. 24 Ноября самъ Государь выѣхалъ изъ Москвы въ Владимірѣ, гдѣ Мипрополишь, благословивъ его, убѣждалъ Воеводъ служишь великодушшо опешеству и Царю въ духѣ любви и брапства, забывъ гордосшь и мѣспничесшво, шерпимое въ мирные дни, а на войнѣ прешупное. Начальникомъ въ Москвѣ оспался Князь Владимірѣ Андреевичъ. Иоаннъ взялъ съ собою меньшаго брата, Князя Юрія, Царя Шигъ-Алея и всѣхъ знапныхъ Казанскихъ бѣглецовъ. Зима была ужасная: люди падали мертвые на пуши онѣ несноснаго холода. Государь все шерпѣлъ и всѣхъ ободрялъ, забывъ нѣгу, роскошь Двора и ласки прелешпной супруги¹⁹⁶. Въ Нижнемъ Новѣгородѣ соединились полки, и 14 Февраля шпали подѣ Казанью: Иоаннъ съ Дворянами на

Г. 1547
—50. берегу озера Кабана, Шигъ-Алей и Князь Димитрій Бѣльскій съ главною силою на Арскомъ полѣ; другая часть войска за рѣкою Казанкою, снарядъ огнеспрѣль- ный на успѣхъ Булака и Поганомъ озерѣ. Изготовили шуры и прислушали къ го- роду. Доложь Государи наши не бывали подъ спѣнами сей мятежной столицы, посылая единственно Воеводѣ для нака- занія върломныхъ ея жишелей: пушч- юный, бодрый, любимый Монархъ самъ обнажилъ мечъ; все видѣлъ, распоряжалъ, своимъ голосомъ и мужеспвомъ призы- валь воиновъ ко славѣ и побѣдѣ легкой. Царь Казани былъ въ пеленахъ, ея знамѣн- нѣйшіе Вельможи погибли въ крамолахъ или передались къ намъ, окружали Иоан- на и чрезъ своихъ тайныхъ друзей скло- няли единоземцевъ покориться его вели- кодушю. 60,000 Россіянъ спремилось къ крѣпости деревянной, сокрушаемой ужа- снымъ громомъ спѣнобишнихъ орудій. Но послѣдній часъ для Казани еще не на- спалъ; сражались цѣлый день. Россіане убили множеспво людей въ городѣ, Кня- зя Крымскаго, Челбака, и сына одной изъ женъ Сафа-Гиреевыхъ, но не могли овла- дѣть крѣпостию. Въ слѣдующіе дни сдѣ- лалась опшпечель; шли сильные дожди,

пушки не спрѣляли, ледъ на рѣкахъ Г. 1550. взломало, дороги испорчились, и войско, не имѣя подвозовъ, боялось голода. Над- лежало успунить необходимости и съ величайшимъ шрудомъ ишши назадъ. Оп- правивъ впередъ Большой полкъ и ип- жельй снарядъ, Государь самъ шель за ними съ легкою конницею, чшобы спа- спии пушки и удерживашь напоръ непрі- ятели¹⁵⁷; изъвляяль швердосшь, не уны- валь, и занимаясь полько одною мыслію, низложеніемъ сего зловреднаго, ненави- сшнаго для Россіи Царешва, внимашельно наблюдаль мѣспиа; оспановился при успѣхѣ Свѣяги, увидѣль высокую гору, называе- мую Круглою; и взявъ съ собою Царя Шигъ-Алея, Князей Казанскихъ, Боларъ, взѣхаль на ея вершину... Открылся видъ неизмѣримый во все стороны: къ Казани, къ Влшкѣ, къ Нижнему и къ пустынямъ нынѣшней Симбирской Гу- берніи. Удивленный красотою мѣспиа, Иоаннь сказалъ: »Здѣсь будетъ городъ »Христіанскій; спѣсимъ Казань: Богъ »вдаспѣ ея намъ въ руки.« Все похвали- ли его счастливую мысль, а Шигъ-Алей Вельможи Ташарскіе описали ему богаш- спво, плодородіе окрешныхъ земель — и Государь, въ надеждѣ на будущіе успѣ- 6.

Ибра- нте
мѣспиа
для
повой
крѣпо-
спии.

25
Март.

Г. хи, возвратился въ Москву съ лицом
1550 весслымъ.
— 53.

Но всякая неудача казался народу виною: извѣняя юность Царя, упрекали главнаго Воеводу, Князя Димитрія Бѣльскаго; говорили, что имя Бѣльскихъ несчастливо въ Казанскихъ походахъ; рассказывали, что будто бы Казанцы въ своихъ набѣгахъ явно щадили помѣстья сего Боярина, изъ благодарности за его малодушіе или самую измѣну¹⁹⁸. Онъ въ топь же годъ умеръ, не бывъ конечно ни предшелемъ, ни искуснымъ полководцемъ ни властлюбивымъ Вельможею: иначе Шуйскіе не дали бы ему спокойно засѣдать въ Думѣ на первомъ мѣстѣ, свергнувъ и погубивъ его брата, незабвеннаго Князя Ивана¹⁹⁹.

Ни Государь, ни войско не успѣли еще отдохнуть, когда пришла въ Москву вѣсть о замыслѣ Хана Саитъ-Гирей итти на Россію: немедленно полки двинулись къ границамъ, и самъ Іоаннъ осматрѣлъ ихъ въ Коломнѣ, въ Рязани; но чрезъ мѣсяцъ возвратился въ Москву, ибо осень наступала, а непріятеля не было²⁰⁰. — Зимой, вмѣсто Хана, явились другіе разбойники, Ногайскіе Мурзы, въ Мещерѣ и близъ Спарой Рязани. Воеводы

Владѣ-
ніе
Нога-
стѣ.

Іоанновы били ихъ вездѣ, гдѣ находили; Г. гнали до воровъ Шацкихъ; взяли много
1551. плѣнниковъ, и съ ними Мурзу Теляка: холодъ испребилъ оспальныхъ, и едва 50 человекъ спаслося. За что Государь милоспиво угостилъ Воеводу въ Кремлевской набережной палатѣ, и жаловалъ всѣхъ Дѣшей Болрскихъ великимъ жалованьемъ.

Еще Казанцы надѣялись обмануть Іоанна, и писали къ нему о мирѣ. Ходатаемъ за нихъ былъ Князь Ногайскій Юсуфъ, ипестъ Сафа-Гирей, Властипитель знаменитый умомъ и силою, шакъ, что Султанъ Турецкій писалъ къ нему ласковыя грамоты, называя его *Княземъ Князей*²⁰¹. Юсуфъ хотѣлъ выдать дочь свою, вдову Сююнбеку, за Шигъ-Алея, чтобы согласишь волю Іоаннову съ желаніемъ народа Казанскаго; представлялъ суепту міра и земнаго величія, ссылаясь на Алкоранъ и на Евангеліе, убѣждая Государя не проливать крови и бытъ ему истиннымъ другомъ; винилъ умершаго зятя въ невѣрности, кровопійствѣ; винилъ и Казанскихъ чиновниковъ въ духѣ мятежномъ, но споялъ за дочь и за внука. Іоаннъ сказалъ, что объявивъ условія мира, если Казанцы пришлютъ въ Москву япъ или шестъ знатнѣйшихъ Вельможъ — и, не

Г. 1551. перья времени, въ самомъ началѣ весны — послѣ многихъ совѣщаній съ Думными Боярами и съ Казанскими изгнанниками, послѣ торжественнаго молебствія въ церквахъ, принявъ благословеніе отъ Митрополита — опшусилъ Шигъ-Алея съ пяпью спами знашныхъ Казанцевъ и съ сильнымъ войскомъ къ устью Свѣяги, гдѣ надлежало имъ во имя Іоанново поспавишь городъ, для коего спѣны и церкви, срубленныя въ лѣсахъ Углицкихъ были посланы на судахъ Волгою²⁰². Князь Юрій Михайловичъ Булгаковъ и Симеонъ Ивановичъ Микулинскій, Дворецкій Данило Романовичъ Юрьевъ (брагъ Царицы), Конюшій Иванъ Пепровичъ Оедоровъ, Бояре Морозовъ и Хабаровъ, Князья Палецкій и Нагаевъ предводительствовали Московскою ратию. Изъ Мещеры вышелъ Князь Хилковъ, изъ Нижняго Новгорода Князь Пепръ Серебряный-Оболенскій, изъ Влпки Бахшеаръ Зюзинъ съ Спрѣльцами и Козаками. Опняли у неприяшеля всѣ перевозки на Волгѣ и Камѣ, всѣ сообщенія. Князь Серебряный первый распустилъ знамя на Круглой горѣ, 16 Мая, при закатѣ солнца; оппѣлъ памъ вечернюю молитву, и рано, 18 Мая, нечаянно ударилъ на посадъ Казанскій: испребивъ около пысячи сонныхъ

Осно-
ваніе
Сви-
яж-
ска.

людей, болѣе спа Князей, Мурзъ, знашныхъ гражданъ, освободилъ многихъ плѣнниковъ Россійскихъ, возвратился къ устью Свѣяги и ждалъ главнаго войска²⁰³. Оно прибыло на судахъ 24 Мая, и радостными кликами привѣщивуя землю, коцорой надлежало бытъ *нового Россією*, съ торжественномъ вышло на берегъ, гдѣ полки Князя Серебрянаго-Оболенскаго спояли въ рядахъ и показывали брапьямъ свои профей. Густый лѣсъ осѣнялъ гору: оставивъ мечи, воины взяли сѣкиры, и въ нѣсколько часовъ ея вершина обнажилась. Назначили, размѣрили мѣсто, обошли вокругъ онаго со крестами, святили воду, основали спѣны, церковь во имя Рождества Богоматери и Св. Сергія, и въ чепыре педѣли совершили городъ Свѣяжскъ, къ изумленію окрестныхъ жипелей, коцорые, видя сію грозную швердыню надъ главою вешаго Казанскаго Царства смиренно просили Шигъ-Алея взять ихъ подъ державу Іоаннову²⁰⁴. Вся Горнал Спорона, Чуваши, Мордва, Черемисы — идолопоклонники Финскаго племени, нѣкогда завоеванныя Тапарами, и не привязанные къ нимъ ни единствомъ Вѣры, Горной единствомъ языка — послали своихъ знашныхъ людей въ Москву, дали кляг-роули.

1551.

Поко-
реніе
Гор-
ной
Спо-
роули.

г. 1551. ву въ вѣрности къ Россіи, получили опть Царя жалованную грамошу съ золопоу печатію, были приписаны къ новому году Свіажскому и на шри года освобождены опть *ясаковъ* или дани. Чпобы удо- стовѣришься въ ихъ искренности, Іоаннъ велѣлъ имъ воевать Казань; они не смѣли ослушаться, собралися, и перевезенные въ Россійскихъ судахъ на Луговую сторону, въ присупствіи нашихъ чиновниковъ имѣли битву съ Казанцами среди поля Арскаго: хопя, разсѣянные пушечными выстрѣлами, бѣжали въ безпорядкѣ, однакожь, не доказавъ храбрости, доказали по крайней мѣрѣ свою вѣрность. Ихъ Князья, Мурзы и Сопники въ печеніе сего лѣта непреспанно ѣздили въ Москву; обѣдали во дворцѣ, и награждаемые шубами, шканями, доспѣхами, конями, деньгами, славили милость Царя и хвалились новымъ опечествомъ. Государь сыпалъ тогда серебро и золопо, не жалѣя казны для исполненія великихъ на- мѣреній. Довольный успѣхомъ Воеводъ, онъ прислалъ къ Шигъ-Алею множествво золо- пыхъ медалей, чпобы раздачь онья вой- ску.

Между шѣмъ ужасъ и смяненіе го- сподствовали въ Казани, гдѣ не было ни

двадцати тысячъ воиновъ. Подданные из- Г. мѣняли ей, Князья и Мурзы шайно уxo- 1551. дили къ Шигъ-Алею, а Россіяне опушо- Ужасъ Ка- шали ея ближайшія села, и никого не пу- зац- скали въ городъ: опть успѣя Суры до цевъ. Камы и Вяпки сполли наши отряды. На пресполѣ Казанскомъ игралъ невин- ный, безсловесный младенець; вдовспву- ющая Царица, Сююнбека, то плакала надъ нимъ, то веселилась съ своимъ лю- бовникомъ, Крымскимъ Уланомъ Кошаккомъ, ненависнымъ народу; граждане укоряли Вельможъ, Вельможи другъ друга. Казан- скіе чиновники желали покориться Іоанну: Крымскіе гнушались симъ малодушіемъ; ждали войска изъ Тавриды, изъ Аспраха- ни, изъ Ногайскихъ Улусовъ—и надменный Кошакъ, гремя саблею, обѣщаль побѣду Царицѣ: пишуптъ, чпю онъ думалъ же- нишься на ней, умершвиць ея сына и быць Царемъ. Но сдѣлался бунтъ²⁰⁵: Крым- цы, видя, чпю народъ готовъ выдаць ихъ Московскимъ Воеводамъ, бѣжали, числомъ болѣе шрехъ сотъ, Князей и сановниковъ. Они не могли спасшся, вездѣ находили Россіанъ, и положили свои головы на бе- регу Вяпки; а гордый Кошакъ и сорокъ- пятаць знашнѣйшихъ его единоемцевъ бы- ли взяпы въ плѣнъ и казнены въ Москвѣ.

Г. Тогда Казанцы, немедленно заклю-
 1551. чивъ перемиріе съ нашими Воеводами,
 Мир- опиравили Пословъ къ Іоанну²⁰⁶: молили,
 пилъ чшобы онъ снова далъ имъ Шигъ-Алея
 усло- чшобы онъ снова далъ имъ Шигъ-Алея
 вія съ въ Цари; обязывались прислать къ нему
 нми. младенца Ушемишъ-Гирея, Царицу Сююн-
 беку, женъ и дѣпей оставленныхъ у нихъ
 Крымцами; хотѣли также освободить
 всѣхъ Россійскихъ плѣнниковъ. Іоаннъ со-
 гласился, вспомнивъ оспорожную Поли-
 шнику своего дѣда, которая соспояла въ
 шомъ, чшобы не доводитьъ врага до край-
 носпи, изнуряшь въ немъ силы, губить
 его безъ спѣха, но вѣрно; завистшь опъ
 случая какъ можно менше, беречь людей
 какъ можно боае, и въ неудачахъ вой-
 ны оправдывашь ея необходимостію.
 Но дѣдъ Іоанновъ, наблюдая умѣренность,
 наблюдалъ и другое правило: *удерживать*
взятое. Пославъ Адашева къ Воеводамъ,
 чшобы исполнишь условія мира и объ-
 явивъ Шигъ-Алея Царемъ Казанскимъ,
 онъ велѣлъ отдашь ему единственню Лу-
 говую Спорону, а Горную, завоеванную
 мечемъ Россіи, приписать къ Свіяжску.
 Сія мысль, раздѣливъ владѣнія Казани,
 огорчила и народъ ея и самого Шигъ-Алея.
 »Чшожъ будетъ мое Царство?« говорилъ
 онъ: »могу ли претовашъ любви опъ

»подданныхъ, уступивъ Россіи значную Г.
 1551. »часть земли ихъ?« Воеводы опвѣстшво-
 вали, чшо такъ угодно Іоанну. Тщепно
 Казанцы думали лукавспововашъ, оприца-
 лись опъ условій, не хотѣли выдать ни
 Царицы, ни плѣнниковъ. Воеводы сказали
 имъ рѣшипельно: »или они будутъ въ
 »рукахъ нашихъ, или Государь въ началѣ
 »осени будспъ здѣсь съ огнемъ и мечемъ
 »для испребленія вѣроломныхъ.« Надлежа-
 ло повиновашься, и Казанцы извѣспили
 Шигъ-Алея, чшо Царица съ сыномъ уже
 ѣдетъ въ Свіяжскъ.

Не только Сююнбека, но и вся Ка-Цари-
 зань проликала слезы, узнавъ, чшо сію^{да} Сою-
 несчастную какъ плѣнницу выдаюпъ Го-^{юйбе-}
 сударю Московскому. Не укоряя ни Вель-^{ка}
 можъ, ни гражданъ, Сююнбека жалава-
 лась только на судьбу: въ опчаяніи ло-
 бызала гробъ Сафа-Гиреевъ и завидовала
 его спокойствію. Народъ печально без-
 молвспововалъ: Вельможи упѣшали ее и
 говорили, чшо Іоаннъ милоспивъ; чшо
 многіе Цари Мусульманскіе служатъ ему;
 чшо онъ изберепъ ей достойнаго между
 ими супруга и даспъ владѣніе. Весь го-
 родъ шелъ за нею до рѣки Казанки, гдѣ
 спояла богато-украшенная ладія. Сююн-
 бека шихо ѣхала въ колесницѣ; пѣспу-

Г. ны несли ея сына. Блѣдная, слабая, она
1551. едва могла сойти на пристань, и входя
въ ладію, съ умиленіемъ поклонилась на-
роду, копорый палъ ницъ, горько пла-
калъ, желалъ счастья бывшей своей Ца-
рицѣ²⁰⁷. Князь Оболенскій вспрытшилъ ее
на берегу Волги, привѣспивовалъ име-
немъ Государя и повезъ на судахъ въ Мос-
кву съ Ушемисъ-Гиреемъ и съ семей-
спвами знапныхъ Крымцевъ.

Такъ исполнилось первое условіе ми-
ра: Воеводы требовали еще свободы на-
шихъ плѣнниковъ и присяги всѣхъ Казан-
цевъ въ вѣрности къ Россіи; назначили
день и спали у Казани, опъ Волги до
Царева луга. Алей послалъ своихъ Вель-
можъ въ городъ, чпобы очиспиптъ дво-
рецъ, и ночевалъ въ шандрѣ. Въ слѣдую-
щее утро всѣ сановники и граждане соб-
ралися на лугу: выслунали написанную
для нихъ кляшвенную грамоту; благода-
рили Иоанна за даннаго имъ Царя, но дол-
го не хопгъли уступитъ Горной Споро-
ны. »И вы думаете« — сказали Бояре —
»что Иоаннъ подобно вамъ легкомысленъ?
»Взгляните на успѣе Свѣяги: тамъ го-
»родъ Христіанскій! Жипели окреспныхъ
»земель шоржеспвенно поддалися намъ и
»воевали Казань: могутъ ли снова принад-

лежать ей? Забудьте старое: оно не воз- Г.
»вращипся.» Наконецъ *шертный* грамоты 1551.
были утверждены печатію Царскою, и
подписью всѣхъ знапныхъ людей. Народъ
присягалъ три дни, толпа за толпою.
Шигъ-Алей въхалъ въ столицу. Бояре,
Князь Юрій Булгаковъ и Хабаровъ, поса-
дили его на пронъ — и дворъ Царскій
наполнился Россійскими плѣнниками, изъ
коихъ многіе лѣтъ двадцать спрадали
въ невольѣ. Алей объявилъ имъ свободу:
они едва вѣрили своему счастью; обли-
вались слезами, воздѣвали руки къ небу,
славили Бога. »Иоаннъ царспвуетъ въ Рос-
»сіи!« говорили имъ Бояре: »идите въ
»опечесиво, и впредь уже не бойшеса
»илъна!« Въ Свѣяжскѣ надѣлили ихъ всѣмъ
нужнымъ, одеждою, съѣспными припа-
сами, и послали Волгою вверхъ, числомъ
60,000, кромъ жипелей Вапскихъ и Перм-
скихъ, опправленныхъ ипнымъ путемъ.
»Никогда« — пишутъ современники —
»Россія не видала прѣпнѣйшаго зрѣлица:
»по былъ новый исходъ Израиля!« Осво-
божденіе споль многихъ людей, оспованіе
Свѣяжека, взятіе знапной часпни Казан-
скихъ владѣній и воцареніе Алея не споири
Иоанну ни одного челоуѣка: Россіине вездѣ
гнали, били непрѣпслей въ маловапныхъ

Полое
воца-
реніе
Шигъ
Алей.
Осво-
бо-
жденіе
плѣн-
ни-
ковъ

Г. 1551. вспрѣчахъ, на берегахъ Камы, Волги, и только ихъ кровію обогрились. — Князь Булгаковъ поѣхалъ къ Государю съ счастливою вѣстію. Бояринъ Данило Романовичъ и Князь Хилковъ также возвратились. Хабаровъ съ плъщю спами Московскихъ Спрѣльцовъ оспался у Шигъ-Алея, а Князь Симеонъ Микулинскій, мужъ извѣстный умомъ и храбростію, въ Свѣжскѣ.

Не-
вѣр-
ность
Казан-
цевъ и
жесто-
кость
ихъ
Царя. Еще Казань пищиною и вѣрностію къ Россіи могла бы продлить бытіе свое въ видѣ особеннаго Мусульманскаго Царства; но Рокъ спремилъ ее къ паденію. Напрасно Іоаннъ изъявлялъ милость и ласку къ ея Царю и Вельможамъ: дарилъ перваго богатыми одеждами, сосудами, деньгами — также и Царицу его, одну изъ бывшихъ женъ Сафа-Гиреевыхъ; дарилъ и всѣхъ знатныхъ Казанцевъ, предостерегалъ ихъ отъ гибельныхъ слѣдствій новой измѣны. Шигъ-Алей непрестанно докучалъ ему о Горной Споронѣ, желая, чтобы онъ возвратилъ хотя половину или часть ея, и недовольный рѣшительными приказами, равнодушно видѣлъ, что Казанцы укрываютъ еще многихъ плѣнниковъ Россійскихъ, сажаютъ въ ямы, заключаютъ въ цѣпи; не хотѣлъ нико-

го наказывать за то, и говорилъ нашимъ сановникамъ: »боюсь мяшежа!« Но свѣдавъ, что нѣкоторые Вельможи, по старому обычаю, впайнѣ крамольствуютъ, пересылаются съ Ногаями, замышляютъ убишь его и всѣхъ Россіянъ, Алей не усомнился прибѣгнувъ къ жестокимъ мѣрамъ: далъ пиръ во дворцѣ и велѣлъ рѣзать гостей, уличенныхъ или только подозрѣваемыхъ въ измѣнѣ: однихъ умертвили въ его споловой комнатѣ, другихъ на дворѣ Царскомъ, всего семдесятъ человекъ, самыхъ знатнѣйшихъ; палачами служили собственныя Алеевы Князья и Спрѣльцы Московскіе. Два дни лилася кровь: народъ оцѣпенѣлъ; виновные и невинные разбѣжались отъ страха.

Сіе ужасное происшествіе открыло Пере-
Іоанну необходимость искать иныхъ спо-
собовъ для усмиренія Казани. Онъ послалъ ^{гово-}Але-
нуда Адашева, который объявилъ Алею, ^{ры съ}Але-
что Государь не можетъ долѣ терпѣть ^{ствъ.}
злостѣйствъ Казанскихъ; что время успо-
коить сіе несчастное Царство и Россію;
что Московскіе полки вступаютъ въ его
столицу, защищая Царя и народъ,
упривитъ ихъ и нашу безопаснсть.»Ви-
»жу самъ« — ошвѣтствовалъ Алей съ го-
рестію — »что мнѣ не лѣзя здѣсь цар-

Г. 1551. »сповоапы: Князя и народъ ненавидящъ
 »меня; но кто виною? Пустьъ Иоаннъ оп-
 »даситъ намъ Горную Спорону: тогда по-
 »ручусь за вѣрность Казани; иначе доб-
 »ровольно схожу со прона и ѣду къ Го-
 »сударю, не имѣя другаго убѣжища въ
 »свѣтѣ. Но я Мусульманинъ, и не введу
 »сюда Христіанъ; впрочемъ могу оказатъ
 »вамъ услугу, если Государь удостовѣ-
 »ритъ меня въ своей милости: до опѣзъ-
 »да моего изъ Казани погублю осналь-
 »ныхъ злыхъ Вельможъ, испорчу все
 »снарядъ огнеспрѣльный и пригатовлю
 »легкую для васъ побѣду⁰⁰. Съ симъ оп-
 »вѣпомъ Адашевъ возвратился въ Москву,
 гдѣ находились Послы Казанскіе: Муратай
 Князь, Коспировъ, Алимердинъ, личные
 Г. 1552. непріатели Шигъ-Алея. Угадывая мысль
 Государеву, они — или съ общаго согла-
 ія единоземцевъ своихъ, или сами собою
 — донесли Иоанну, что ихъ Царь есть
 кровожадный убійца и наглый грабитель;
 что Казань желаетъ единственно изба-
 виться отъ ширана и гошова *повино-
 ваться Намѣстнику Московскому*. »Если
 не исполнишь воли народа» — сказали По-
 слы—»по ошкроется бунтъ, неминуемо
 »и скоро. Удали бѣдшвіе; удали нена-
 »висшнаго злодѣя. Пустьъ Россіане зай-

Г. 1552.
 »мутъ нашу столицу: мы выѣдемъ въ пред-
 »мѣстія или въ села; хопимъ во всемъ
 »зависѣнъ отъ воли швоей; будемъ шебъ
 »усердными слугами; а если обманемъ, по
 »наши головы да падушъ въ Москвѣ!» Не
 перля времени, Иоаннъ снова послалъ
 Адашева въ Казань, чтобы *свести Царя
 съ престола въ угодность народу*; объ-
 щалъ Алею милость и жалованье, пре-
 буя, чтобы онъ безъ сопрощенія впу-
 стилъ наше войско въ городъ. Туиъ Алей
 випорично изъясилъ благородную швер-
 доспѣ. »Не жалѣю о прешолѣ,« говорилъ
 онъ Адашеву: »я не могъ или не умѣлъ
 »бытъ на немъ счастливъ. Самая жизнь
 »моя здѣсь въ опасности. Повинуюсь Го-
 »сударю: да не шребуетъ шолько, что-
 »бы я измѣнилъ Правовѣрію. Возьмите
 »Казань, по безъ меня; возьмите силою
 »или договоромъ, по не изъ рукъ моихъ.«
 Ни ласкою, ни угрозами Адашевъ не могъ
 склонитъ его къ шому, чтобы онъ сдалъ
 Царство Намѣстнику Государеву. Тайно
 заколошвъ нѣсколько пушекъ, и шщали
 съ порохомъ опправивъ въ Свіяжскѣ⁰⁰,
 Алей выѣхалъ ловитъ рыбу на озеро со
 многими Улашми и Князьми; вельмъ
 Московскимъ Спрѣльщамъ окружитъ ихъ
 и сказалъ симъ изумленнымъ чиновникамъ:

Г. 1552. Царь оспав-ляешъ Казань. »Вы думали убишь меня, обносили въ Москвѣ, не хопъли имѣшь Царемъ, и »пробовали Намѣстниковъ опъ Іоанна: »спанемъ же вмѣстѣ предъ его судили- »щемъ!« Алей пріѣхалъ съ ними въ Свѣ- »жскъ.

Тогда Князь Симеонъ Микулинскій, на- значенный управлять Казанью, далъ знать ея жипелямъ, что воля ихъ исполнилась; что Алей сведенъ съ Царства, и что они должны присягнуть Государю Мо- сковскому. Казанцы соглашались: желали только, чтобы Микулинскій оппустилъ къ нимъ двухъ Свѣжскихъ Князей, Чап- куна и Бурнаша, которые, будучи уже подданными Россіи, могли бы успокоить народъ своимъ ручательствомъ въ Іоан- новой милости. Сн Князя побхали шуда съ нашими чиновниками. Тишина царствовала въ Казани. Вельможи, гра- ждане и самыя сельскіе жипели дали клятву въ вѣрности; очистили дворы для Намѣстника и войска; прислали въ Свѣжскъ жену Шигъ-Алееву; звали Князя Микулинскаго: впрѣмили его на берегу Волги и били ему челою какъ усердные *холопи* Государевы. Онъ шелъ съ полками. Воеводы уже опсправили лег- кій обозъ въ Казань и гоповились съ

поржеспвомъ вспушишь въ ея спѣны. Г. 1552. Безъ важныхъ усилій, безъ кровопроли- тія Іоаннъ пріобрѣталъ знаменитое Царство: брался, пакъ сказать, рукою за вѣнецъ онаго Вдругъ все пере- мѣнилось.

Трое изъ Вельможъ Казанскихъ¹⁰, оп- пущенные Княземъ Микулинскимъ въ го- слѣд- родъ къ ихъ семействамъ, возмутили иля измѣна Казан- цевъ народъ ложною вѣстію, что Россіане идущъ къ нимъ съ намѣреніемъ испре- бить всѣхъ жипелей. Распространился ужасъ, сдѣлалось общее смятеніе; запво- рили крѣпость; начали вооружаться. Многіе Князья спарались разувѣришь народъ, предспавляя, что Болре Іоанно- вы поржеспвенно клялися неспроганъ ни одного челоука, ни въ городъ, ни въ селахъ: обѣщались властвовать по законамъ, безъ насилія; оспавишь все, какъ было. Ихъ не слушали и кричали, что клятва Бо- яръ еспь обманъ; что самъ Алей за тай- ну сказывалъ по своимъ ближнимъ лю- дямъ. Узнавъ о семъ волненіи, Князь Ми- кулинскій, Оболенскій, Адашевъ оспавили войско на Булакѣ и съ малочисленною дружиною подѣхали къ городу: *ворота Царскія* были запершы, а спѣны покры- ты людьми вооруженными. Вышли нѣ-

Г 1552. которые чиновники, извиняли народъ, общались умирить его, но не сдержали слова: граждане никакъ не хопѣли впускать Россіянь, захватили нашъ обозъ, многихъ Дѣтей Боярскихъ, и приказывали грубыя рѣчи къ Московскимъ Воеводамъ, копорые узнали, что Князь Чапкунъ, посланный ими въ лицѣ усерднаго слуги Государева изъ Свѣяжска въ Казань для успокоенія жителей, обманулъ насъ и сдѣлался тамъ Главою мятежниковъ. Воеводы почевали въ предмѣстїи: видя, что все убѣжденія безплодны, они могли бы обратиться его въ пепель и осадить городъ, но ждали Государева указа; мирно отступили къ Свѣяску, заключили всехъ бывшихъ съ ними Казанскихъ сановниковъ въ темницу, и немедленно отправили въ Москву Боярина Шереметева съ донесеніемъ о сей новой измѣнѣ. Она была послѣднею²¹¹.

Г Л А В А IV.

ПРОДОЛЖЕНІЕ ГОСУДАРСТВОВА- НІЯ ІОАННОВА.

Приготовленія къ походу Казанскому. Отношенія Россїи къ Западнымъ державамъ. Освобожденіе

старца, К. Булгакова. Спроеіе новыхъ крепостей. Начало Доискихъ Козаковъ. Новый Ханъ въ Тавридѣ. Дѣла Асирханскія. Волзвѣ въ Свѣяжскѣ. Едигеръ Царь въ Казани. Посланіе Мишурополитна къ Свѣяжскому войску. Совѣтъ о Казани. Възвѣдъ Государевъ. Нашествіе Хана Крымскаго. Прислуги къ Туль. Бѣгство Хана. Паша шрочен. Ропонъ въ войскѣ. Походъ. Осада. Первая битва. Бура. Славяны турки. Сильная вылазка. Дѣйствіе бойницъ. Паша Князь Япача. Упоминеніе вонновъ. Раздѣленіе полковъ. Испребленіе Япачина войска. Ожесточеніе Казанцевъ. Взорваніе шайника. Упыніе Казанцевъ. Дѣятели в снѣ Іоаннова. Взятіе острога и города Арскаго. Нападенія Луговой Черемисы. Мишурополитна. Построеіе высокой башни. Предложенія Казанцамъ. Кровопрлитное дѣло. Взорваніе шара. Занятіе Арской башни. Последнее предложеніе Казанцамъ. Успроеіе войска для прислуги. Взорваніе подкоповъ и прислуги. Геройство съ обѣихъ сторонъ. Корысполобіе многихъ вонновъ. Великодушіе Іоанна и Бояръ. Доблесть К. Курбскаго. Взятіе Казани. Водруженіе крестна у воротъ Царскихъ. Възвѣдъ Государевъ въ Казань. Освобожденіе Россїйскихъ плѣнниковъ. Рѣчь Іоанна къ войску. Ширъ въ снѣ. Подданство Арской области и Луговой Черемисы. Торжественное венушеніе въ Казань. Зрѣлище Казани. Учрежденіе Правительсва. Совѣтъ Вельможъ. Возвращенный путь Государя въ Москву. Рожденіе Наревича. Вспрѣча Іоанну. Рѣчь Государева къ Духовенству. Опывѣтъ Мишурополитновъ. Ширъ во дворцѣ и дары Іоанновы.

Г. 1552. Пригош- вленіе къ по- ходу Казан- скому.

24 Марша узналъ Государь о проис- шествіяхъ Казанскихъ: велѣлъ Шигъ- Алею ѣхать въ Касимовъ, а шурина своему, Данилу Романовичу, иппи съ пѣхопною дружиною въ Свіяжскъ, объ- ливъ въ шоржешественномъ засѣданіи Думы, что настало время сразить главу Каза- ни. »Богъ видитъ мое сердце,« говорилъ онъ: »хочу не земной славы, а покоя Христіанъ. Могу ли нѣкогда безъ ро- »боспи сказаць Всевышнему: *се я и лю- »ди, Тобою лишь данные*, если не спасу ихъ опъ свирѣпоспи вѣчныхъ враговъ Россіи, съ коими не можемъ быти ни »мира, ни опдохновенія?« Бояре хвалили рѣшимельность Иоаннову, но совѣщавали ему оспашься въ Москвѣ и послаць Во- еводъ на Казань: »ибо Россія имѣетъ не »одного врага: если Крымцы, Ногаи въ »опеуспшвіе Государя нападуть на ея »предѣлы, кто защитишь оныя?« Иоаннъ опвѣщивовалъ, что возьметъ мѣры для безопасности Государства и *пойдетъ на свое дѣло*. Велѣли собирашья войску изъ дальнихъ мѣстъ въ Коломнѣ и Ко- ширѣ, изъ ближайшихъ въ Муромѣ. Князя Александръ Борисовичъ Горбатый и Пепръ Ивановичъ Шуйскій должны были веспи Московскіе полки въ Ниж-

ній Новгородъ, Михайло Глинскій распо- ложилъ спаномъ на берегахъ Камы съ Г. 1552. Дѣпьми Боярскими, Спрѣльцами, Коза- ками, Успюжанами и Вяпчанами, а Сві- яжскіе Воеводы заняли легкими опря- дами перевозки на Волгѣ и ждаць Иоанна²¹². Готовясь къ знаменитому подвигу, юный Царь могъ быти увѣренъ въ ми- Ош- рлоубіи Западныхъ Державъ сосѣдспвен- поше- ныхъ. Швеція и Ливонія не пребовали Рос- сии къ ничего, кромѣ свободной у насъ торго- Запад- вли. Съ Королемъ Польскимъ мы спорили чымъ о пшгуль и земляхъ Себежскихъ; гру- Держ- били словами другъ другу, но съ обѣихъ вамъ споропъ удалялись опъ войны. Августъ оказалъ даже ласку Иоанну, и не хотѣвъ прежде за деньги освободить Князя Ми- хайлу Булгакова-Голицу, освободилъ его даромъ; прислалъ въ Москву вмѣстѣ съ другимъ сановникомъ, Княземъ Селехов- скимъ, и писалъ къ Царю: »Думая, что »мы обязаны уважать вѣрносип не шоль- Осво- »жо въ своихъ, но и въ чужихъ слугахъ, божде- »умирающихъ за Государя, даю свободу шис »Великому Воеводѣ опца швоего. Вѣщ- ца К. »иные знатные пѣльники Московскіе, кова, »взяпые нами въ славной Оршинской »бипшѣ, уже во гробѣ.« Царь изъявилъ Августу искреннюю благодарность, и съ

Г. живѣйшею любовію принялъ спарца Бул-
 гакова, 38 лѣтъ спрадавшаго въ неволь;
 1552. выслалъ ему богачіую шубу, украсилъ
 его грудь золопою медалью, обнялся съ
 нимъ какъ съ другомъ. Изнуренный дол-
 говременнымъ несчастіемъ, упомленный
 дальнимъ пущемъ, спарець не могъ объ-
 данъ съ Государемъ: плакалъ и благосло-
 вялъ милоспиваго, Державнаго сына Ва-
 силіева²¹³.

Не опасаясь ничего со стороны обра-
 зованныхъ Державъ Европейскихъ, Іоаннъ
 пѣтъ болѣе занимался безопасностію на-
 шихъ юговосточныхъ предѣловъ. Двѣ
 вновъ построеныя крѣпости — Михай-
 ловъ на Пронѣ, Шапскъ на Цнѣ — слу-
 жили оградой для Рязани и Мещеры²¹⁴.
 Но важнѣйшимъ спрашилищемъ для вар-
 варовъ и защищою для Россіи, между
 Азовскимъ и Каспійскимъ моремъ, сдѣла-
 лась новая воинспвенная Республика, со-
 спавленная изъ людей говорящихъ на-
 шимъ языкомъ, исповѣдующихъ нашу
 Вѣру, а въ лицѣ своемъ предспавляющихъ
 смѣсь Европейскихъ съ Азіатскими чер-
 тами; людей неупомимыхъ въ ранномъ
 дѣлѣ, природныхъ конниковъ и набѣдни-
 ковъ, иногда упрямыхъ, своевольныхъ,
 хищныхъ, но подвигами усердія и добле-

Сиро-
 сніе
 по-
 вѣхъ
 крѣ-
 по-
 стей.

Начл-
 ло
 Доп-
 скихъ
 Коза-
 ковъ.

спн изгладившихъ вины свои — гово- Г.
 римъ о славныхъ Донскихъ Козакахъ, 1552.
 выснулившихъ погда на ѳеапръ Испо-
 ріи. Нѣтъ сомнѣніа, что они же назы-
 вались прежде *Азовскими*, которые въ
 печеніе XV вѣка ужасали всѣхъ пущеш-
 шественниковъ въ пущыняхъ Харьков-
 скихъ, Воронежскихъ, въ окреспностяхъ
 Дона; грабили Московскихъ купцевъ на
 дорогъ въ Азовъ, въ Кафу; хватали лю-
 дей, посылаемыхъ нашими Воеводами въ
 степи для развѣдыванія о Ногаяхъ или
 Крымцахъ²¹⁵, и беспокоили набѣгами У-
 крайну. Происхождение ихъ не весьма бла-
 городно: они считались Россійскими бѣ-
 глецами²¹⁶; искали дикой вольности и до-
 бычи въ опущившихъ Улусахъ Орды
 Батыевой, въ мѣстахъ ненаселенныхъ,
 но плодоносныхъ, гдѣ Волга сблизается
 съ Дономъ, и гдѣ издавна былъ торго-
 вый пущъ изъ Азіи въ Сѣверную Европу;
 ушвердился въ нынѣшней своей обла-
 сти; взяли городъ Ахасъ²¹⁷, назвали его,
 думаю, *Черкасскимъ*, или Козачьимъ (ибо
 то и другое имя знаменовало одно); до-
 спавали себѣ женъ, какъ вѣропнно, изъ
 земли Черкесской и могли сими браками
 сообщитъ дѣшамъ нѣчто Азіатское въ
 наружности. Опець Іоанновъ жаловался

Г. на нихъ Султану, какъ Государю Азов-
 1552. ской земли²¹⁸; но Козаки гнушались
 зависимошю опъ Магомешанскаго Цар-
 ства, признали надъ собою верховную
 власъ Россіи — и въ 1549 году вождь
 ихъ Сарыазманъ, именуль подданнымъ
 Иоанна, строилъ крѣпости на Дону: они
 завладѣли сею рѣкою до самаго устья,
 шребовали дани съ Азова, воевали Но-
 гаевъ, Астрахань, Тавриду; не щадили и
 Турковъ²¹⁹; облызвались служилъ вдали
 бдишельною спражею для Россіи, своего
 дрежняго опечесства, и водрузивъ зна-
 меніе Крестна на предѣлахъ Опшоманской
 Имперіи, поставили грань Иоанновой Державы въ виду у Султана, который до-
 селъ мало занимался нами, но шущъ оп-
 крылъ глаза, увидѣлъ опасносъ и хо-
 шѣлъ бышь дѣяшельнымъ покровителемъ
 Съверныхъ владѣній Магомешанскихъ. Въ
 Тавридѣ господшвовалъ новый Ханъ Де-
 влешъ-Гирей, племянникъ умершаго или
 сверженнаго Саипа²²⁰: онъ взялся спасти
 Казань. Послы Солимановы убѣждали Кня-
 зей Ногайскихъ, Юсуфа и другихъ, соеди-
 нилъся подъ хоругвию Магомета, чптобы
 обуздашъ наше власполюбіе. «Опдаленіе»
 — писалъ къ нимъ Султанъ — «мѣшаепъ
 »мнѣ помогашъ Азову и Казани. Заклю-

Но-
 вый
 Ханъ
 въ Та-
 вридѣ.

»чипе пѣсный союзъ съ Ханомъ Крым- Г.
 »скимъ. Я велѣлъ ему опшуститъ всехъ 1552.
 »Аспраханскихъ жипелей въ ихъ опе-
 »чесство, мною возшановляемое. Немед-
 »ленно пришлю шуда и Царя; дамъ Главу
 »и Казани изъ рода Гиреевъ; а до шого
 »времени будыше ея зашщипниками²²¹.» Но
 сін Князья, находя выгоды въ шорговлѣ
 съ Россіею, не хотѣли войны. Аспра- Дала
 ханъ, важная, необходимая для купечесства Асп-
 Западной Азіи, возникала на развалинахъ: рахан-
 въ ней власшвовалъ Ямгурчей²²²: онъ вы-
 звалъ бышь усерднымъ слугою Иоанно-
 вымъ, и чиновникъ Московскій похалъ къ
 нему для договора. Царевичъ Аспраханскій,
 Кайбула, сынъ Аккубековъ, женился въ
 Россіи на племянницѣ Шигъ-Алея, дочери
 Еналеевой, получивъ городъ Юрьевъ во
 владѣніе. — Опасаясь единшвенно Ха-
 на Крымскаго, Иоаннъ ждалъ въшпей объ
 его движеніяхъ, и собирая войско, гопш-
 вился имѣшъ дѣло съ двумя непріятел-
 ями: съ Казанью и Тавридою.

Между пѣмъ мяшежники Казанскіе,
 пославъ искашъ себѣ Царя въ Ногайскихъ Бо.
 Улусахъ, взволновали Горную Спорону²²³; лзнь
 къ несчасшю, опкрылась весною ужас- въ Сві-
 ная болѣзнь въ Свіажскѣ, цынга, опъ скъ. лж-
 кой множесство людей умирало. Воеводы

Г. 1552. были въ уныніи и въ бездѣйствіи, а Казанцы шѣмъ дѣятелиѣ: ои часпи силою, ои часпи убѣжденіями ои заставили всѣхъ своихъ бывшихъ подданныхъ опложиться оиѣ Россіи. Государь велѣлъ Князьямъ Горбашому и Шуйскому спѣшити шуда съ полками изъ Нижняго Новгорода; но печальныя вѣсти, одна за другою, приходили въ Москву: болѣзнь усиливалась въ Свіяжскѣ; Горныя жилища, дѣйствуя какъ непріятели, опгоняли наши шабуны²⁴; Казанцы побѣждали Россіянъ въ легкихъ сшибкахъ, умерививъ всѣхъ дѣшей Боярскихъ и Козаковъ, захваченныхъ ими въ плѣнъ. Воеводы знали, что Астраханскій Царевичъ, Едигеръ Магмедъ, ѣдетъ изъ Ногайскихъ Улусовъ съ 500 воиновъ: спешегля и не умѣли схватити его на пуши; онъ пріѣхалъ въ Казань и сѣлъ на ся прешоль, давъ кляшву быти неумолимымъ врагомъ Россіи.

Едигеръ Царь въ Казани.

Въ шо же время Іоаннъ, къ прискорбію своему, узналъ, что не одна шѣлесная, но и душевная зараза господствуетъ въ Свіяжскѣ, наполенномъ людьми военными, коишорые думали, что ои внѣ Россіи, слѣдственно и внѣ Закона, и среди ужасовъ смерпи предавались необу-

данному, самому гнусному любострастію. Г. 1552. Исполняя волю Іоаннову, Митрополитъ послалъ шуда умнаго Архангельскаго Протоіерея Тимофея съ Свѣпою водою, съ наставленіемъ словеснымъ и письменнымъ, къ начальникамъ и ко всѣмъ воинамъ²⁵. »Милоспію Божію, мудроспію нашего Царя и вашимъ мужесивомъ« — писалъ онъ — »пвердныя Христіанская поспавлена въ землѣ враждебной. Господь далъ намъ и Казань безъ кровопроліпія. Мы благоденспвуемъ и славимся. Литва, Германія ишутъ нашего дружества. Чѣмъ же можемъ изъявити признательность Всевышнему? исполненіемъ Его заповѣдей. А вы исполняете ли ихъ? Молва народная превожитъ сердце Государево и мое. Увѣряютъ, что ишкоторые изъ васъ, забывъ спрашъ Божій, упоаюни въ грѣхахъ Содома и Гоморра; что многія благообразныя дѣвы и жены, освобожденныя плѣнницы Казанскія, оскверняюся развращомъ между вами; что вы, угождая имъ, кладете бритву на браны свои, и въ поспыдной шѣгъ спыдипсесь быти мужами. Вѣрю сему, ибо Господь казнитъ васъ, не шолько бохъзію, но и срамомъ. Гдѣ ваша слава? Быть ужасомъ враговъ, ны-

Пославше Митрополита къ Свіяжскому войску.

Г. 1552. «нѣ служите для нихъ посмѣшищемъ. Оружіе шупо, когда нѣшь добродѣтели въ сердца; крѣкіе слабѣють ошъ пороковъ. Злодѣйство возстало; измѣна явилась, и вы уклоняете щипъ предъ ними! Богъ, Іоаннъ и Церковь призываютъ васъ къ раскаянію. Исправьтесе, или увидите гнѣвъ Царя, услышите «кляшву Церковную.»

21
Мал.

Государь по присуществовалъ въ Думѣ, по смотрѣлъ полки и снарядъ огнестрѣльный, изъясняя непрерывнѣе высшупишь въ поле. Бояринъ Князь Иванъ Ѳедоровичъ Мстиславскій и Князь Михайло Ивановичъ Воропынскій, названный погда, въ знакъ особенной къ нему милости Іоанновой, *Слугою Государевымъ*²²⁶, пошли съ главною ратію въ Коломну. Передовую дружину вели Князя Иванъ Провскій Туруншай и Дмипрій Хилковъ, Правую руку Бояринъ Князь Пешръ Щеняшевъ и Князь Андрей Михайловичъ Курбскій, Левую Князь Дмипрій Микулинскій и Плещевъ, Спражу Князь Василій Оболенскій-Серебрянный и Симеонъ Шеремешевъ, а собственную Царскую дружину Князь Владиміръ Воропынскій и Бояринъ Иванъ Шеремешевъ. Уже полки спояли ошъ Коширы до Мурома;

Окою, Волгою плыли суда съ запасами Г. 1552. и пушками къ Нижнему-Новугороду: но Со- въпшъ о Казань въ Царскомъ Совѣшъ было еще несогласіе: многіе думали, что лучше ипши на Казань зимою, нежели лѣшомъ; пакъ въ особенноспи мыслилъ Шигъ-Алей: Іоаннъ призвалъ его изъ Касимова въ Москву, осыпалъ милостями, далъ ему нѣсколько сель въ Мещерѣ и дозволилъ женитсь на вдовѣ Сафа-Гиреевой, Царицѣ Сююнбекѣ²²⁷. Будучи не способенъ къ ратному дѣлу, ни духомъ слабымъ, ни шѣломъ чрезмѣрно пучнымъ, Алей славился умомъ основательнымъ²²⁸. «Казань» — говорилъ онъ — «заграждена лѣсами, озерами и болотами: зима будешъ вамъ мостомъ.» Іоаннъ не хотѣлъ ждашь, и сказавъ: «войско гошово, запасы опправлены, и съ «Божією помощію найдемъ путь къ доброй цѣли,» рѣшилсѣ ѣхашъ немедленно въ спанъ Коломенскій.

16 Іюня Государь проспился съ су- Вы- тздъ- пругою. Она была беременна: плакала, Госу- упала къ нему въ объятія. Онъ казалсѣ дровъ- швердымъ; упшшалъ ее; говорилъ, что исполняешъ долгъ Царя, и не боитсѣ смерши за опечешство; поручилъ Анаспасію Богу, а ей всѣхъ бѣдныхъ и несчастныхъ; сказавъ: «милуй и благошвори

Г. 1552. »безъ меня; даю тебѣ волю Царскую; »отвори́й пемницы; снимай опалу съ са- »мыхъ виновныхъ по повоему усмошрѣнію, »и Всевышній награди́тъ меня за муже- »ство, тебѣ за благоси́е.²²⁹» Анастасія спала на колѣна и въ слухъ молилась о здравіи, о побѣдѣ, о славѣ супруга; укрѣпилась душою, и въ послѣднемъ иѣжномъ цѣлованіи явила примѣръ необыкновеннаго въ юной женѣ великодушія. Государь пошелъ въ церковь Успенія: долго молился; просилъ Митрополита и Епископовъ быти ревностными ходатаями за Россію предъ Богомъ, ушѣшителями Анастасіи и совѣтниками брата его, Юрія, кошо- рый ославался Главою Москвы. Священники, Бояре, народъ, проливая слезы, обнимали Государя. Вышедши изъ церкви, онъ сѣлъ на коня, и съ Дружиною Царскою поѣхалъ въ Коломенское, гдѣ обѣдалъ съ Боярами и Воеводами; былъ веселъ, ласковъ; хошѣлъ ночевашъ въ любимомъ селѣ своемъ Островѣ, и на семь пуши вспрѣннать гонца, съ вѣстію изъ Пушивля, что Крымцы густыми полками идущъ опъ Магааго Дона Сѣверскаго къ нашей Украйнѣ. Не знали, что предводительствуетъ ими Ханъ или сынъ его. Государь не оказалъ ни

Наше-
ство
Хана
Крым-
скаго.

малѣйшаго безпокойства; ободрятъ всѣхъ Г. бывшихъ съ нимъ чиновниковъ, и гово- 1552.
рилъ имъ: »Мы не прогали Хана; но если онъ вздумалъ поглотитъ Христианство, »по спанемъ за отечество: у насъ есть »Богъ!« Иоаннъ спѣшилъ въ Коломну, взявъ съ собою Князя Владиміра Андреевича, коего онъ хошѣлъ-было опуститъ на- задъ въ Москву изъ Острова.

Въ Коломнѣ ожидали Государя повѣя 19
вѣсти: Крымцы шли къ Рязани. Иоаннъ немедленно сдѣлалъ распоряженіе: велѣлъ спашъ Большому Полку у Кольчева, Передовому у Мещиславля, а Лѣвой Рукѣ близъ Голупвина; совѣпвался съ Шигъ-Алеемъ: опправилъ его въ Касимовъ; вмѣстѣ съ Княземъ Владиміромъ Андреевичемъ осмошрѣлъ войско на берегахъ Оки; говорилъ рѣчи сановникамъ и рядовымъ; восхищаль ихъ своего милосіію, одушевлялъ бодростію, и вездѣ слышаль восклицанія: »мы готовы умереть за Вѣру и за тебѣ, Царя добродѣтельнаго!« Избравъ мѣсто для битвы, онъ возвратился въ Коломну и написалъ въ Москву, къ Царицѣ и къ Митрополиту, что ждешъ Хана безъ ужаса, надѣясь на благоси́е Всевышняго, на ихъ молитву и на мужество войска; что храмы въ Москвѣ

Г. 1552. должны быть опверсны, а сердца спокойны.

21 Июня получили въ Коломнѣ извѣстіе, что Крымцы явились близъ Тулы. Воеводы, Князя Щеняшевъ, Курбскій, Туруншай, Хилковъ, Воробинскій, спѣшили къ сему городу; но узнали, что непріятель былъ шамъ въ малыхъ силахъ, ограбилъ нѣсколько деревень и скрылся. 23 Июня, когда Иоаннъ сидѣлъ за обѣдомъ, прискакалъ гонецъ отъ Князя Григорья Темкина, Намѣстника Тульскаго, писавшаго къ Царю: «Ханъ здѣсь — осаждаешъ городъ — имѣетъ много пушекъ и Янычаръ Султанскихъ.» Иоаннъ въ ту же мину пу велѣлъ Царской Дружинѣ выступить изъ Коломны, а главной рати переправляться за Оку; онъ слушалъ молебень въ церкви Успенія, принявъ благословеніе отъ Епископа Феодосія и выѣхалъ на конѣ въ поле, гдѣ войско въ необозримыхъ рядахъ блистало, гремѣло оружіемъ — двинулось впередъ съ радостнымъ кликомъ и *шло на битву какъ на потѣху*. Лѣтописцы не сказываютъ числа, говоря только, что вся Россія казалась шамъ ополченною, хотя въ Свіязскѣ, въ Муромѣ находилось еще другое, сильное войско, а Ко-

Приспущь къ Туль.

ломенское состояло единственно изъ Г. 1552. Дворянъ, Жильцовъ²³⁰ или опборныхъ Дѣпей Боярскихъ, изъ Новгородцевъ и прочихъ сѣверныхъ жителей. Вечеру уже многіе полки были за Окою, и самъ Иоаннъ приближался къ Коширѣ. Тутъ повый гонецъ отъ Князя Темкина донесъ ему, что Тула спасена. 22 Июня въ первомъ часу дня, Ханъ приступилъ къ городу, стрѣляя изъ пушекъ огненными ядрами: дома загорѣлись и Янычары кинулись на спѣны. Тула для защиты своей не имѣла воиновъ, отправивъ ихъ всѣхъ на службу Государеву; но имѣла бодрого начальника и великодушныхъ гражданъ: одни пушили огонь, другіе бились мужественно, и Янычары не могли взять крѣпости. Ханъ опложилъ приступъ до слѣдующаго утра, а ночью удалился, свѣдавъ, что сильныя полки идутъ отъ Коширы. Граждане Тульскіе спояли на спѣнахъ всю ночь: при свѣтѣ зари увидѣли бѣгство Ташаръ; увидѣли съ другой стороны пыль сполбомъ, и воскликнувъ: «Государь, Государь спѣшишь къ намъ!» успремилась въ слѣдъ за непріятелемъ; взяли его снарядъ огнеспирѣльный; убили многихъ людей и шуринъ Ханскаго, Князя Камбирдея²³¹; самыя

Бѣгство Хапа.

Толь VIII.

8.

Г. 1552. жены и дѣти помогали имъ. Тогда пришли Воеводы, Князя Щеняшевъ, Курбскій, и спали на шомъ мѣспѣ, гдѣ были шапры Ханскіе. — Обрадованный симъ успѣхомъ, Іоаннъ далъ опдохнуть войску и ночевалъ подъ Коширою.

На другой день онъ получилъ еще пріятнѣйшую вѣспь: Щеняшевъ и Курбскій, имѣя только 15,000 воиновъ, разбили 30,000 или болѣе непріятелей, которые злодѣйствовали въ окрестностяхъ Тулы, не зная о бѣгствѣ Хана, шли къ нему и встрѣтили Россіянъ²³². Въ сей жестокой битвѣ Князь Андрей Курбскій, Вождь юноша, ознаменовался славными ранами: ему изсѣкли голову и плеча. Воеводы гнали Тапартъ, и на берегахъ рѣчки Шевороны одержавъ новую побѣду надъ ними, освободили множество Россіянъ. Ханъ оставилъ намъ въ добычу обозъ и цѣлыя шабуны вельблюдовъ; а плѣнники объявили, что онъ шелъ на Москву, считая Государя подъ Казанью: узнавъ же о сильномъ Іоанновомъ ополченіи, хопѣлъ по крайней мѣрѣ взять Тулу, чтобы съ меньшимъ стыдомъ бѣжать во свояси. — Легкіе опряды наши шопшали Крымцевъ до самыхъ степей.

Іоаннъ возвратился въ Коломну, извѣспилъ Царицу, брата, Митрополиша¹⁵⁵² о славномъ изгнаніи врага, и послалъ въ Москву профеи: пушки непріятельскія, Паинъ вельблюдовъ, плѣнниковъ, чтобы обра-^{про-}доваши сполнцу свидѣтельствомъ нашей побѣды; а самъ распорядилъ походъ къ Казани двумя пушями, объявивъ, что Дружина Царская, Лѣвая Рука и Запасный Полкъ должны ипши съ нимъ на Владиміръ и Муромъ, главные же Воеводы на Рязань и Мещеру, чтобы сойсписа съ Государемъ въ полѣ за Алашыгремъ. — Въ войскѣ сдѣлался ропощъ: Нового-Родцы, Дѣти Боярскіе, жаловались, что^{потъ} Царь не даешъ имъ опдохновенія; что^{въ вой-} они уже нѣсколько мѣсяцевъ на службѣ и въ прудахъ; что имъ невозможно вынести дальняго похода, для коего не имѣютъ ни силъ, ни денегъ. Іоаннъ весьма огорчился; но, скрывъ досаду, велѣлъ переписать воиновъ усердныхъ, желающихъ служить опечеспву, и шѣхъ, которые по лѣности или неспособности отказываются опъ славы участвовашъ въ великомъ подвигѣ. »Первые« — говорилъ онъ — »будутъ мнѣ любезны какъ дѣти; хочу знашъ ихъ нужды, и все раздѣлю съ ними. Другіе же могутъ опасаться:

Г. 1552. »мнѣ не надобно малодушныхъ!« Сии слова произвели удивительное дѣйствіе. Всѣ сказали въ одинъ голосъ: »Идемъ, куда »угодно Государю; а послѣ онъ увидишь »нашу службу и не оставишь бѣдныхъ.« Самые безпомѣшныя Дѣши Боярскіе молчали о своихъ недоспашкахъ, въ надеждѣ на будущую милость Государеву.

По-
ходѣ.

3 Юля пронулось все войско. Иоаннъ съ опмѣннымъ усердіемъ молился предъ иконою Богоматери, копорая была съ Димитріемъ Донскимъ въ Мамаевой бишвѣ и спояла въ Коломенскомъ храмѣ Успенія. На пупи онъ съ умиленіемъ лобызалъ гробъ древняго Героя Россіи, Александра Невскаго, и благословилъ память Свящыхъ Муромскихъ Угодниковъ, Князя Петра и Княгини Февроніи. Въ Владимірѣ донесли ему изъ Свіяжска, что болѣзнь шамъ прекрашилась; что войско одушевлено ревностію; что Князя Миккулинскій, Серебряный и Бояринъ Данило Романовичъ ходили на мяпежниковъ Горной Спороны, смирили многихъ и новою клятвою обязали бытъ вѣрными подданными Россіи. Въ Муромѣ уведомили Государя изъ Москвы, что супруга его шверда и спокойна надеждою на Провидѣніе; что Духовенство и на-

родъ непреспанно молящъ Всевышняго о Г. здравіи Царя и воинства. Мишпрополишъ 1552. писалъ къ Иоанну съ ласкою друга и съ ревностію Церковнаго учипеля. »Будь »чиспъ и цѣломудренъ душою,« говорилъ онъ: »смирйся въ славъ и бодрствуй въ »печали. Добродѣтели Царя спасительны »для Царства.« И Государь и Воеводы чипали сію грамоту съ любовію. »Бла- »годаримъ тебѣ« — отвѣщспвовалъ Иоаннъ Мишпрополишу — »за Пастырское »ученіе, вписанное у меня въ сердцѣ. »Помогай намъ всегда насшавленіемъ и »молитвою. Идемъ далѣ. Да сподобишь »насъ Господь возврашиться съ миромъ »для Христіанъ²³³!« Онъ не перялъ ни часа въ бездѣйствіи: пѣшій и на конѣ смопрѣлъ полки, людей, оружіе; вельль расписашъ Дѣшей Боярскихъ на сошни и выбрашъ начальника для каждой изъ виновъ знашнѣйшихъ родомъ; ошпустилъ Шигъ-Алея въ судахъ къ Казаши съ Княземъ Петромъ Булгаковымъ и Спрѣльцами; послалъ дружину Яршоульную²³⁴ наводишъ мосны, и 20 Юля, въ слѣдъ за войскомъ переѣхавъ Оку, ночевалъ въ Саканскомъ лѣсу, на рѣкѣ Велешемъ, въ 30 верспахъ ошъ Мурома. Впорый спанъ былъ на Шилекшѣ, шрешій подѣ Сакан-

Г. 1552. скимъ городищемъ. Князья Касимовскіе и Темниковскій присоединились къ войску съ своими дружинами, Татарамъ и Мордвою. Августа 1 Государь святилъ воду на рѣкѣ Мянѣ. Въ слѣдующій день войско переправилось за Алапырь, и 4 Августа съ радостію увидѣло на берегахъ Суры полки Князей Мстиславскаго, Щеняпева, Курбекаго, Хилкова. Съ многочисленныя рапи шли дремучими лѣсами и пустынями, пишались ловлею, ягодами и плодами. »Мы не имѣли запасовъ съ собою«, пишутъ очевидцы: »вездѣ Природа до наступленія поспы гоповила для насъ изобильную шрапезу. Лоси являлись спадами, рыбы шолпились въ рѣкахъ, шпичицы сами падали на землю шпредъ нами«²³⁵.

Тутъ, у Борончеева городища, ждали Царя Послы Свіажекіе и Черемисскіе съ донесеніемъ, что весь правый берегъ Волги ему повинуется въ пишинѣ и мирѣ. Мяшежники раскаялись, и Царь въ знакъ милосши обѣдалъ съ ихъ спарѣйшинами. Они клялись загладилиъ вину свою: очиспили пущь для войска въ мѣспахъ шѣсныхъ; навели мосшы на рѣкахъ; хощѣли усердно служить намъ мечемъ подъ Казанью. — 6 Августа Іоаннѣ

на рѣкѣ Киванѣ слушалаъ Лиштургію и причастился Святихъ Таинъ. 11 Августа Воеводы Свіажекіе встрѣпили Государя съ конницею и пѣхошою; они шли шремя полками: въ первомъ Князь Александръ Горбашій и Вельможа Данило Романовиць; во второмъ Князь Симеонъ Микулинскій и Пешрь Серебряный-Оболенскій съ Дѣшми Болярскими; въ шретшемъ Козаки и Горныя жипелн, Черемисы съ Чувашиами. Царь привѣтшествовалаъ и Воеводъ и воиновъ, числомъ болѣе двадцати тысячъ²³⁶; звалаъ ихъ къ рукѣ; говорилъ съ ними; хвалилъ за успройство и мужество; угоспилъ всѣхъ на лугу Бейскомъ: сановники, рядовые обѣдали подъ намешами шапровъ. Время и мѣспа были прекрасныя; съ одной спороны являлись глазамъ зеленыя равнины, холмы, роши, лѣса шемныя; съ другой величественная Волга съ дикими упесами, съ карпинными оспровами: за нею необозримые луга и дубравы. Изрѣдка показывались селенія Чувашскія, въ крупизнахъ и въ ущельяхъ. Жипели давали намъ хлѣбъ и медъ: самъ Государь въ поспное время не имѣлъ иной вкуснѣйшей шрапезы; пили чистую воду, и ни кто не жаловался: шрезвощь и веселіе господшествовали въ спанѣ²³⁷.

Г. 1552. Августа 13 открылся Свяжскъ: съ любопытствомъ и съ живѣйшимъ удовольствіемъ Царь увидѣлъ сей юный, его величїемъ созданный градъ, знаменіе побѣды и торжества Христіанъ въ предѣлахъ зловѣрія. Духовенство съ креслами, Князь Пепръ Шуйскій и Бояринъ Заблоцкій съ воинскою дружиною приняли Иоанна въ врагахъ крѣпости. Онъ пошелъ въ Соборную церковь: тамъ Діаконы пѣли ему многолѣтіе, а Бояре поздравляли его какъ завоевателя и просвѣщателя земли Свяжской. Осмотрѣвъ крѣпость, богатые запасы ея, красивыя улицы, дома, Государь изъявилъ благодарность Князю Симеону Микулинскому и другимъ начальникамъ; любовался живописными видами, и говорилъ Вельможамъ, что нѣтъ въ Россіи инаго, столь счастливаго мѣстоположенія. Для него изгостили домъ. »Мы въ походѣ,« сказалъ Иоаннъ — сѣлъ на коня, выгналъ изъ города и спалъ въ шатрахъ на лугу Свяги.

Войско, упружденное пушемъ, надѣялось отдохнушь среди изобилія и прїятностей сего новаго мѣста, куда съѣхалось множество купцевъ изъ Москвы, Ярославля, Нижняго, со всякими шовара-

ми; суда за судами входили въ пристань; Г. 1552. берегъ обратился въ гостинный дворъ: на пескѣ, въ шалашахъ раскладывались драгоценности Европейской и Азіатской торговли. Люди знатные и богатые нашли тамъ свои запасы, доставленные Волгою. Все было какъ дома²⁵³: могли вкусно ѣсть и пить, угощать друзей и роскошествовать.... Но Иоаннъ, призвавъ Шигъ-Алей, Князя Владиміра Андреевича и всѣхъ Думныхъ Совѣтниковъ, положилъ съ ними немедленно итти къ Казани. Алей, будучи родственникомъ ея новаго Царя, Едигера, взялся написать къ нему убѣдительную грамоту, чтобы онъ не безумствовалъ въ надменности, не считалъ себя равносильнымъ великому Монарху Христіанскому, смирился и прїѣхалъ въ станъ къ Иоанну безъ всякой боязни. Написали и къ Вельможамъ Казанскимъ, что Государь желаетъ не гибели ихъ, а раскаянія; что если они выдадутъ ему виновниковъ мятежа, то все иныя могутъ быть спокойны подъ его счастливою Державою. Сии грамоты были посланы съ Ташариномъ 15 Августа; а въ слѣдующій день войско уже начало перевозиться за Волгу.

Приспывая къ описанію достопамят-

Г. 1552. ной осады Казанской, замѣтимъ, что она, вмѣстѣ съ Мамаевою битвою, до самыхъ нашихъ временъ живетъ въ памяти народа какъ славнѣйшій подвигъ древности, извѣстный всѣмъ Россіянамъ, и въ черпгахъ и въ хижинахъ. Два обспоятельства дали ей сію чрезвычайную знаменитость: она была *первымъ* нашимъ правильнымъ опытомъ въ искусствѣ брать укрѣпленныя мѣста, и защитники ея показали мужество удивительное, рѣдкое, опчаяніе истинно великодушное, такъ, что побѣду купили мы весьма дорогою цѣною. Бывъ готовы мирно поддаться Іоанну, чтобы избавиться отъ лютой Шигъ-Алеевой, они въ печеніе пяти мѣсяцевъ имѣли время размыслишь о слѣдствіяхъ. Казань съ Намѣстникомъ Іоанновымъ уже существовала бы единственно какъ городъ Московскій. Ея Вельможи и Духовенство предвидѣли конечное паденіе ихъ власти и Вѣры; народъ ужаснулся рабства. Въ душахъ вспыхнула благородная любовь къ государственной независимости, къ обычаямъ, къ законамъ опцевъ: усиленная воспоминаніями древности — раздраженная ненавистію къ Христіанамъ, прежнимъ данникамъ, погдашнимъ угне-

папелямъ Башыева попомества—она пре- Г. 1552. одоляла естественную склонность людей къ мирнымъ наслажденіямъ жизни; произвела воспоргъ, жажду мести и крови, рвеніе къ опасностямъ и къ великимъ дѣламъ. Въ движеніи, въ пылу геройства Казанцы не чувствовали своей слабости; а какъ въ самой опчаянной рѣшимельности надежда еще таилась въ сердцахъ, то они исчисляли всѣ безуспѣшные приступы наши къ ихъ столицѣ, и говорили другъ другу: »не въ первый разъ увидимъ Москвитянъ подъ стѣнами; не въ первый разъ побѣгнутъ назадъ во свояси, и будемъ смѣяться надъ ними!« Таково было расположеніе Царя и народа въ Казани; но Іоаннъ предлагалъ милость, чтобы *исполнить мѣру долготерпѣнія*, согласно съ политикою его отца и дѣда.

19 Августа Государь съ 150,000 воиновъ²³⁹ былъ уже на Луговой сторонѣ Волги. Шигъ-Алей отправился на судахъ занять Госпинный островъ, а Бояринъ Михайло Яковлевичъ Морозовъ везъ снарядъ огнеспрѣльный, рубленныя башни и *тарасы*²⁴⁰, чтобы дѣйствовать съ нихъ противъ крѣпости. Нѣсколько дней шли дожди; рѣки выливались изъ береговъ; низкіе луга обратились въ болота: Ка-

Г. 1552. занцы испортили всѣ мосты и гаши. Падлежало вновь успроишь дорогу. 20 Августа, на берегу Казанки, Иоаннъ получилъ опшвѣстную грамоту опъ Едигера. Царь и Вельможи Казанскіе не оставили слова на мирь; поносили Государя, Росцію, Хрисціанство; именовали Алея предашелемъ и злодѣемъ; писали: »все гопово: ждемъ васъ на цирь!« — Въ сей день войско увидѣло предъ собою Казань, и спало въ шеспи верспахъ опъ нее на гладкихъ, веселыхъ лугахъ, копорые подобно зеленому сукну разспилались между Волгою и горою, гдѣ спояла крѣпость съ каменными мечешами и дворцомъ²⁴¹, съ высокими башнями и дубовыми, широкими спѣнами (набипыми внутри иломъ и хрищомъ). Два дни выгружали пушки и снаряды изъ судовъ. Тупъ явился изъ Казани бѣглець Мурза Камай, и донесъ Государю, чпо онъ ѣхаль къ намъ съ 200 шоварищей, но чпо ихъ задержали въ городѣ; чпо Царь Едигерь, Кульшерифъ-Молна или Глава Духовенства, Князья Изенешъ Ногайскій, Чапкунъ, Апалыкъ, Исламъ, Аликей Нарыковъ, Кебекъ Тюменскій и Дербышь умѣли одушевишь пародъ злобою на Хрисціанъ; чпо никшо не мы-

слипъ о мирь; чпо крѣпость наполне- Г. 1552. на запасами хлѣбными и рапными; чпо въ ней 30,000 воиновъ и 2700 Ногаевъ²⁴²; чпо Князь Япанча со многочисленнымъ опрядомъ конницы посланъ въ Арскую застѣку, вооружишь, собранъ шамъ сельскихъ жипелей и непреспанными нападѣніями превожитъ спанъ Россіанъ. Иоаннъ принялъ Комая милоспиво; совѣшвался съ Боярами; велѣлъ для укрѣплѣнія изгоповишь на каждаго воина бревно, на десятиъ воиновъ шурь; Большому и Передовому Полку заняшь поле Арское, Правой Рукъ берегъ Казанки, Спорожевому успѣе Булака, Львой Рукъ спанъ выше его, Алею за Булакомъ у кладбища, а Царской Дружинъ, предводимой имъ и Княземъ Владиміромъ Андреевичемъ, на Царевомъ лугу²⁴³; спрого запрешилъ чиновникамъ вспупашь въ бипву самовольно, безъ Государева слова — и 23 Августа, въ часъ разсвѣпа, войско двинулось. Впереди шли Князья Юрій Шемякинъ-Пронскій и Ѳедоръ Троекуровъ съ Козаками пѣшими и Спрѣльцами; за Воеводами Апаманы, — Головы Спрѣлецкіе, Сошники, всякой по чину и въ своемъ мѣспѣ, наблюдая успроиство и пишину. Солнце восходило, освѣщая Казань въ глазахъ Иоанна: онъ даль знакъ, и полки спали;

Г. ударили въ бубны, заиграли на трубахъ,
 1552. — распустили знамена и Свящую хоругвь,
 на коей изображался Иисусъ, а вверху во-
 дружень былъ живописующій крестъ,
 бывший на Дону съ Великимъ Княземъ
 Димитріемъ Иоанновичемъ. Царь и всѣ
 Воеводы сошли съ коней, оппѣли моле-
 бенъ подъ сѣнію знаменъ, и Государь
 произнесъ рѣчь къ войску: ободрялъ его
 къ великимъ подвигамъ; славилъ Героевъ,
 которые падушъ за Вѣру; именемъ Рос-
 сіи клялся, что вдовы и сироты ихъ
 будущъ призрѣны, успокоены опечес-
 вомъ; наконецъ самъ обрекалъ себя на
 смертъ, если то нужно для побѣды и
 торжества Христіанъ. Князь Владиміръ
 Андреевичъ и Бояре оппѣшествовали ему
 со слезами: »Держай, Царю! мы всѣ еди-
 ною душою за Бога и за тебя.« Духов-
 никъ Иоанновъ, Протоіерей Андрей, бла-
 гословилъ его и войско, которос изъявля-
 ло живѣйшее усердіе. Царь сѣлъ на арга-
 мака, богато украшеннаго; взглянулъ на
 Спасителя образъ Свяшой хоругви, озна-
 меновалъ себя крестомъ, и громко ска-
 завъ: »о Твоемъ имени движемся!« по-
 велъ рапъ прямо къ городу. Тамъ все ка-
 залось тихо и пусто²⁴⁴: не видно было
 ни движенія, ни людей на стѣнахъ, и

многіе изъ нашихъ радовались, думалъ, Г.
 что Царь Казанскій съ войскомъ оппѣ^{1552.}
 спреха бѣжалъ въ лѣса; но опытные Во-
 еводы говорили другъ другу: »будемъ
 пѣмъ оспорожить!«

Россіяне обступали Казань. 7000 Осада.
 Спрѣльцовъ и пѣшихъ Козаковъ по наве-
 денному мосту перешли пинный Булакъ,
 пекущій къ городу изъ озера Кабана, и
 видя предъ собою — не болѣе, какъ въ
 двухъ спахъ саженьяхъ²⁴⁵ — Царскія па-
 латы, мечети каменные, лѣзли на вы-
 соту, чтобы пройши мимо крѣпости къ
 Арскому полю... Вдругъ раздался шумъ
 и крикъ: заскрыпѣли, опворились воро-
 та, и 15,000 Ташаръ, конныхъ и пѣ-
 шихъ, успремались изъ города на Спрѣль-
 цовъ: разстроили, сломили ихъ. Юные
 Князья, Шемякинъ и Троекуровъ, удержи-
 ли бѣгущихъ: они сомкнулись. Подоспѣ-
 ло нѣсколько Дѣпей Боярскихъ²⁴⁶. Нача-
 лась жестокая сѣча. Россіяне, не имѣя
 конницы, спояли грудью; побѣдили и
 гнали непріятеля до самыхъ стѣнъ, не
 смопря на сильную пальбу изъ города;
 взяли плѣнниковъ и медленно опсщупили,
 въ виду всѣхъ нашихъ полковъ, которые,
 спокойно идучи къ назначеннымъ для нихъ
 мѣстамъ, любовались издали симъ пер-
<sup>Пер-
вал
битва</sup>

Г. вымъ, славнымъ дѣломъ. Приказъ Государя въ почности исполнился: никто безъ его слова не кидался въ битву, и воинская подчиненность ознаменовалась блестящимъ образомъ.

Полки окружили Казань. Разспавили шапры и при церкви полошнянья: Архиспрапига Михаила, Великомученицы Екаперины и Св. Сергія. Ввечеру Государь, собравъ Воеводъ, изуспшно далъ имъ всѣ нужныя повелѣнія. Ночь была спокойна. На другой день сдѣлалась необыкновенно сильная буря: сорвала Царскій и многіе шапры; попопила суда, нагруженныя запасами, и привела войско въ ужасъ. Думали, что всему конецъ; что осады не будетъ; что мы, не имѣя хлѣба, должны удались съ стыдомъ. Не такъ думалъ Иоаннъ: послалъ въ Свіяжскъ, въ Москву за съспными припасами, за теплою одеждою для воиновъ, за серебромъ, и готовился зимовать подъ Казанью²⁴⁷.

25 Августа легкая дружина Князей Шемякина и Троекурова двинулась съ Арскаго поля къ рѣкѣ Казанкѣ, выше города, чтобы опрѣзать его опъ Луговой Черемисы, соединившись съ Правою Рукою и спавъ ближе къ стѣнѣ. Ташары сдѣлали вылазку. Мужеспивенный вишязь,

Князь Шемякинъ, былъ раненъ; но Князь Г. Дмипрій Хилковъ, Глава всѣхъ передо-¹⁵⁵² выхъ опрядовъ, помогъ ему съ Дѣшными Боярскими впопшавъ непріятели въ крепость. — Ночью Спорожевый Полкъ и Лѣвая Рука безъ боя и сопротивленія раз-^{Ста-}спавили шуры и пушки. Спрѣльцы око-^{васть}нались рвомъ; а Козаки, подъ самую горо-^{шуры.}родскою спѣною, засѣли въ каменной, такъ называемой Даировой Банѣ. — Въ сіи два дни Иоаннъ не сходилъ съ коня, ѣздивъ вокругъ города и наблюдалъ мѣста удобнѣйшія для приступа.

26 Августа Большой Полкъ выступилъ передъ вечеромъ изъ спана: Князь Михайло Воропшнскій шелъ съ пѣхопою и капилъ шуры; Князь Иванъ Мениславскій велъ конницу, чтобы помогать ему въ случаѣ нападенія. Государь далъ имъ опборныхъ Дѣпей Боярскихъ изъ собспвенной Дружины. Казанцы ударили на нихъ съ воплемъ; а съ башенъ и стѣнъ^{Силь-} посыпались ядра и пули. Въ дыму, въ^{ная} огнѣ непоколебимые Россіяне опражали^{выла-} конницу, пѣхопу сильнымъ дѣйспвіемъ своихъ бойницъ, ружейною спрѣльбою, копьями и мечами; хладнокровно шли впередъ, вптѣснили Ташаръ въ городъ и наполнили его моспы непріяшельскими^{зка.}

Г. пѣлами. Пищальники, Козаки спали на
 1552. валу, спрѣяли до самой ночи и дали
 время Князю Ворошынскому утвердить,
 насыпавъ землею пуры въ пятидесяти
 саженьхъ око рва, между Арскимъ полемъ
 и Булакомъ. Тогда онъ велѣлъ опусту-
 пить имъ къ пурамъ и закопаться подъ
 оными. Но шемноха не прекратила бип-
 вы: Казанцы до самаго утра выходили
 и рѣзались съ нашими. Не было отды-
 ха; ни воины, ни Полководцы не смы-
 ками глазъ. Иоаннъ молился въ церкви, и
 ежечасно посылалъ своихъ знаменитѣйшихъ
 сановниковъ ободравъ бѣющихъся. Нако-
 нецъ непріятель утомился; восходящее
 солнце освѣтило рѣшительную побѣду
 Россіянъ, и Государь велѣлъ пѣть въ
 спанѣ благодарныя молебны. Казанцы ли-
 шились въ семъ дѣлѣ многихъ храбрыхъ,
 людей, смѣлаго Князя Ислама Нарыкова
 Сюнчелея богатыря и другихъ. Въ числѣ
 убитыхъ Москвитянь находился добрый
 выпязь, Леоній Шущеринъ²⁴⁸.

27 Августа Бояринъ Михайло Яковле-
 вичъ Морозовъ, прикасивъ къ пурамъ
 стѣнобитный снарядъ, открылъ силь-
 ную пальбу со всѣхъ нашихъ бойницъ;
 а пищальники спрѣяли въ городъ изъ
 окоповъ. — Казанцы скрывались за стѣ-

Дви-
 ствіе
 бой-
 ницъ

нами; но желая добыть языка, напали на
 людей разсѣянныхъ въ полѣ, близъ по-
 го мѣста, гдѣ споялъ Князь Мспислав-
 скій съ частію Большаго Полку. Сей Во-
 евода успѣлъ защитить своихъ, обра-
 щилъ непріятеля въ бѣгство, плѣнилъ
 знаменнаго Улана, именемъ Карамыша, и
 представилъ Государю, оказавъ личное
 мужество, и въ двухъ мѣстахъ бывъ
 уязвленъ стрѣлою. Плѣнникъ сказывалъ,
 что Казанцы, готовые умереть, не хо-
 тятъ слышать о мирныхъ переговорахъ.

Въ слѣдующій день Россіане ждали по-
 вой вылазки: непріятель явился съ дру-
 гой стороны: вышелъ густыми полпа-
 ми изъ лѣса на Арское поле, схватилъ ча-
 спражу Передоваго Полку и кинулся на
 его спанѣ. Воевода, Князь Хилковъ, съ
 великимъ усиленіемъ оборонялся, но имѣлъ
 нужду въ немедленной помощи. Князья
 Иванъ Пронскій, Мспиславскій, Юрій
 Оболенскій²⁴⁹, одинъ за другимъ спѣшили
 удержавъ стремленіе непріятеля. Самъ
 Иоаннъ, опредѣливъ къ нимъ часть Цар-
 ской Дружины, сѣлъ на коня. Многие изъ
 нашихъ чиновниковъ падали мертвые или
 раненные. Но число Россіянъ умножалось
 ежеминутно: они прогнали Татаръ въ
 лѣсъ и свѣдали опъ плѣнниковъ, что сіи
 толпы приходили съ Княземъ Япанчею, изъ

Назд-
 никъ
 Князь
 Япан-
 ча.

Г. укрѣпленія сдѣланнаго Казанцами на пупи въ городъ Арскъ; что имъ вѣрно не давашь намъ покоя и дѣлашь всевозможный вредъ часпыми *паздями*.

29 Августа Воеводы Правой Руки, Князя Щеняшевъ и Курбскій, подвинулись къ городу и начали укрѣплять шуры вдоль рѣки Казанки подъ защипою Спрѣльцовъ; а дружина Князей Шемяки и Троекурова возвратилась на Арское поле; гдѣ снова показался непріятель изъ лѣса, и гдѣ Мстиславскій, Хилковъ, Оболенскій, спояли въ рядахъ, ожидая Тапаръ, между шѣмъ, какъ иные Воеводы, Князь Дмипрій Палецкій, Алексѣй Адашевъ и Головы Царской Дружины спавили шуры съ полъ Арскаго до Казанки. Съ обихъ споронъ спрѣляли изъ пушекъ, ружей и луковъ: вымазки не было. Непріятель не опходилъ опъ лѣса, видя Россіянъ гошовыхъ къ бипивъ; и ввечеру донесли Іоанну, что весь городъ окруженъ нашими укрѣпленіями, въ сухихъ мѣстахъ шурами, а въ грязныхъ пыномъ; что нѣтъ пупи ни въ Казань, ни изъ Казани. Съ сего времени Бояринъ Морозовъ, вездѣ разспавивъ снарядъ огнеспрѣльный, неушомимо громилъ спѣны изъ спипидесяти тяжелыхъ орудій²⁵⁰.

Но войско наше въ печеніе недѣли Г. ушомилось до крайности: всегда спояло въ ружьѣ, не имѣло времени опдыхашъ и за недоспапкомъ въ спѣспныхъ припасахъ пипалось полько сухимъ хлѣбомъ. Кормовщики наши не смѣли удаляшь опъ спана: Князь Япанча сперегъ и хватпалъ ихъ во всѣхъ направленіяхъ. Казанцы сносились съ нимъ посредспвомъ знаковъ: выспавляя хоругвь на высокой башнѣ, махали ею и давали разумѣть, что ему должно ударить на осаждающихъ²⁵¹. Сей опасный паздникъ держалъ Россіянъ въ непреспанномъ спрахѣ. Іоаннъ собралъ Думу; положилъ раздѣлить войско на двѣ часпи: одной бытъ въ укрѣпленіяхъ и хранитъ особу Царя; другой, подъ начальспвомъ мужеспвеннаго, опышнаго Князя Александра Горбатаго-Шуйскаго, сильно дѣйспвовашъ проптивъ Япанчи, чтообы заслонить осаду, очиспитъ лѣсъ, успокоить спанъ нашъ. Имѣя 30,000 конныхъ и 15,000 пѣшихъ воиновъ, Князь Александръ расположился за горами, чтообы ушашъ свои движенія опъ непріятеля, и послалъ опряды къ Арскому лѣсу. Япанча увидѣлъ ихъ, и полпы его высыпали на поле. Россіяне, какъ бы ушрашенные, дали пылъ. Тапары гнали

Г. ихъ, вписнули въ обозъ, начали *водитьъ*
 1552. *круги* передъ нашими укрѣпленіями, и пу-
 скали стрѣлы дождемъ; а другія шолпы,
 конныя и пѣшія, шли медленно въ бое-
 вомъ порядкѣ, прямо на спань главнаго
 войска Московскаго. Тогда Князь Юрій
 Шемякинъ съ гошовымъ полкомъ своимъ
 изъ засады успремился на Ташаръ: они
 изумились; но, будучи уже далеко отъ
 лѣса, должны были принять бивву. Ско-
 ро явился и самъ Князь Александръ съ
 конными, многочисленными дружинами;
 а пѣхопа наша съ правой и лѣвой спо-
 роны заходила въ пылъ непріятелю. Та-
 шары искали спасенія въ бѣгствѣ: ихъ
 давили, сѣкли, кололи на проспранствѣ
 десяти или болѣе верспѣ, до рѣки Килари,
 гдѣ Князь Александръ оспановилъ своего
 упоменнаго коня и шрубнымъ звукомъ со-
 звалъ разсѣянныхъ побѣдипелей. На воз-
 вращномъ пуши, въ лѣсу, они убили еще
 множесшво непріятелей, копорые пряпа-
 лись въ чащѣ и въ густопгѣ вѣшвей; взяли
 и нѣсколько сошъ пѣнниковъ²⁵²; однимъ
 словомъ, испребили Япанчу. Государь
 обнялъ Вождей, покрышыхъ бранною пы-
 лью, орошенныхъ попомъ и кровію; хва-
 дилъ ихъ умъ, доблестъ съ живѣйшимъ
 воспоргомъ; изъявилъ благодарность и

Ис-
 треб-
 леніе
 Япан-
 чина
 вой-
 ска.

рядовымъ воинамъ. Онъ велѣлъ привязать Г.
 всѣхъ пѣнниковъ къ кольямъ предъ на- 1552.
 шими укрѣпленіями, чшобы они умоли-
 ли Казанцевъ сдатьсь. Въ то же время
 сановники Государевы подѣхали къ стрѣ-
 намъ и говорили Ташарамъ: »Юаннъ объ-
 »щаепъ имъ жизнь и свободу, а вамъ про-
 »щеніе и милоспъ, если покоритесь ему Оже-
 253. Казанцы, шихо выслушавъ ихъ слова, ченіе
 пуспили множесшво стрѣлъ въ своихъ Ка-
 несчастныхъ, пѣнныхъ согражданъ, и зан-
 кричали: »лучше вамъ умсреть отъ на-
 »шей чистой, нежели отъ злой Христіан-
 »ской руки!« Сіе оспервененіе удивило
 Россіянъ и Государя.

Желая упошребить всѣ средства,
 чшобы взять Казань съ меньшимъ кро-
 вопролипиемъ, онъ велѣлъ служащему въ
 его войскѣ искусному Нѣмцу Размыслу
 (по ешть, Инженеру) дѣлать подкопъ
 отъ рѣки Булака между Апалаковыми и
 Тюменскими ворошами. Мурза Камай из-
 вѣспилъ Государя, чшо осажденные бе-
 рупъ воду изъ ключа близъ рѣки Казан-
 ки, и ходящъ шуда подземельнымъ пу-
 шемъ отъ воропъ Муралеевыхъ²⁵⁴. Воево-
 ды наши хопъли опрыпъ сей шайникъ,
 но не могли, и Государь велѣлъ
 подкопать его отъ камшиной Дауровой

Г. Баши, занятой нашими Козаками. Для сего Размысль опредилъ учениковъ своихъ, которые подь надзоромъ Князя Василья Серебрянаго и любимца Иоаннова, Алексѣя Адашева, рылись въ землѣ десятии дней; услышали надъ собою голоса людей, ходящихъ шайникомъ за водою; вкапчили въ подкопъ 11 бочекъ пороха и дали знать Государю. 5 Сентября, рано, Иоаннъ выѣхалъ къ укрѣпленіямъ. Вдругъ, въ его глазахъ, съ громомъ, съ прескомъ взорвало землю, шайникъ, часть городской стѣны, множество людей; бревна, камни, взлетѣвъ на высоту, падали, давили жишелей, которые обмерли отъ ужаса, не понимая, что сдѣлалось. Въ сію минушу Россіиане, схвативъ знамена, устремились къ обрушенной стѣнѣ: ворвались-было и въ самый городъ, но не могли въ немъ удержаться. Казанцы опомнились, выпѣснили нашихъ — и Государь не велѣлъ возобновлять усилій для приспуга. Мы взяли не малое число плѣнныхъ; убили еще гораздо болѣе, и ждали слѣдствій.

Не смотря на рѣшительность Казанцевъ, послѣ сего бѣдственнаго для нихъ случая обнаружилось уныніе въ городѣ; нѣкоторые изъ жишелей думали, что

Взорваніе шайника.

Уныніе Казанцевъ.

все погибло, и что они уже не имѣютъ Г. средствъ защиты. Но смѣлѣйшіе ободрили 1552. ихъ: рыли, и нашли ключъ, малый, смрадный, коимъ надлежало довольствоваться всему городу; терпѣли жажду, пухли отъ худой воды, молчали и сражались.

Иоаннъ оказывалъ удивительную дѣятельность; не знали, когда онъ имѣлъ оиддохновеніе: всегда, рано и поздно, молился въ церкви или ѣздилъ вокругъ укрѣпленій; оспанавливался, говорилъ съ воинами, утверждалъ ихъ въ терпѣніи. Если Казанцы перевозили насъ всегдашнею стрѣльбою, то и мы не давали имъ покоя: днемъ и ночью гремѣли пушки Россійскія, заряжаемая ядрами и камнями. Арскія ворота были до основанія сбиты: осажденные заградилась въ семь мѣстъ шарами.

6 Сентября Иоаннъ поручилъ Князю Александру Горбачому-Шуйскому взять оспрогъ, сдѣланный Казанцами за Арскимъ полемъ, въ пятнадцати верстахъ отъ города, на крушой высотѣ, между двумя болотами: тамъ соединились оспанки разбитаго Япончина войска. Князь Симеонъ Микулинскій шелъ впереди; съ нимъ были Бояре Данило Романовичъ и Захарія Яковлевъ, Князья Булгаковъ и Палецъ.

Г. кій, Головы Царской Дружины, Дъши
 1552. Боярскіе, Стрѣльцы, Апаманы съ Коза-
 ками, Мордва Темниковская и Горные
 Черемисы, кошорые служили пушководи-
 шелями. Срубленный городнями, насы-
 панный землею, укрѣпленный застѣками,
 острогъ казался неприслупнымъ. Вонны
 сошли съ коней, и въ слѣдъ за смѣлы-
 ми Вождями, сквозь болопо, грязную дебрь,
 чащу лѣса, подъ градомъ пускаемыхъ на
 нихъ стрѣлъ, безъ остановки взлѣзли на
 высоту съ двухъ сторонъ, опбили во-
 ропа, взяли укрѣпленіе и 200 плѣнни-
 ковъ. Тѣла непріятелей лежали кучами.
 Воеводы нашли памъ значную добычу,
 почевали и пошли далѣе, къ Арскому го-
 роду, мѣстами пріятными, удивительно
 плодоносными, гдѣ Казанскіе Вельможи
 имѣли свои дома сельскіе, красивыя и
 богатые²⁵⁵. Россіяне плавали въ изобиліи;
 брали, что хошѣли: хлѣбъ, медъ, скоть;
 жгли селенія, убивали жипелей, плѣняли
 только женъ и дѣшей. Граждане Арскіе
 ушли въ дальнѣйшіе лѣса; но въ домахъ и
 въ лавкахъ оспавалось еще не мало драго-
 цѣнностей, особенно всякихъ мѣховъ, ку-
 ниць, бѣлокъ. Освободивъ многихъ Хри-
 стианъ - соопечесивенниковъ, бывшихъ
 памъ въ неволѣ, Князь Александръ чрезъ

Взл-
 ніе
 ост-
 рога и
 горо-
 да Ар-
 скаго.

десять дней возвратился съ побѣдою, съ Г.
 избыткомъ и съ дешевизною съспныхъ 1552.
 припасовъ, такъ, что съ сего времени
 плащили въ станъ 10 денегъ за корову, а
 20 за вола. Царь и войско были въ радо-
 сти²⁵⁶.

Еще опасности и пруды не умень-
 шились. Лѣсъ Арскій уже не мешалъ Напа-
 стрѣль въ Россіянъ: за то Дуго-
 вые Черемисы опголяли наши табуны дуго-
 и превожили станъ опъ Галицкой доро-
 ги. Споящіе путь Воеводы Правой Руки
 ходили за ними и побкли ихъ на голову;
 но опасаясь новыхъ нападсній, всегдаш-
 нею бдительно оспорожностію упом-
 ляли свой Полкъ, копорый сверхъ того,
 занимал низкія равнины вдоль Казанки,
 болѣе всѣхъ терпѣлъ опъ нальбы съ
 крѣпости²⁵⁷, опъ ненаспья, опъ силь-
 ныхъ дождей, весьма обыкновенныхъ въ
 сіе время года, но суевѣріемъ приписы-
 ваемыхъ чародѣйству. Очевидецъ, Князь
 Андрей Курбскій, равно мужеспвенный
 и благоразумный, плащя дань вѣку, пи-
 шещъ за истину, что Казанскіе волшеб-
 ники еждневно, при восходѣ соляца, явля-
 лись на спѣнахъ крѣпости, вопили го-
 лосомъ, кривлялись, махали одеждами на спва-
 станъ Россійскій, производили въпръ и

Напа-
 денія
 Дуго-
 ой
 Чере-
 мисы.

Мни-
 мыл
 чаро-
 дѣй-

Г. и облака, изъ конхъ дождь лился рѣками; 1552. сухія мѣста сдѣлались болопомъ, шап-ры всплывали и люди мокли съ упра до вечера. Но совѣту Бояръ Государь велѣлъ привезти изъ Москвы Царскій Живописующій крестъ, свяпншь имъ воду, кропитъ ею вокругъ спана — и сила волшебства, какъ увѣряюпъ, исчезла: наспали красные дни, и войско ободрилось.

Желая сильнѣе дѣйствовать на вну-
 строс-
 не
 ысо-
 кой
 башни
 шренность города, Россіане построили
 шайно, верстахъ въ двухъ за спаномъ,
 башню, вышиною въ шестъ сажень; ночью
 придвинули ее къ спѣнамъ, къ самымъ
 Царскимъ воровамъ; поставили на ней
 десятокъ большихъ орудій, шльдесять
 среднихъ и дружину искусныхъ спрѣл-
 ковъ; ждали упра, и возвѣспили оно
 залпомъ съ раската. Спрѣлки спояли вы-
 ше спѣны, и мѣтили въ людей на ули-
 цахъ, въ домахъ: Казанцы укрывались въ
 ямахъ; копали себѣ землянки подъ ша-
 расами; подобно змѣямъ, выползали оп-
 шуда и сражались неослабно; уже не мо-
 гли употреблять большихъ орудій, сби-
 шныхъ нашею пальбою, но безъ умолку
 еспрѣляли изъ ружей, изъ пицалей за-
 шинныхъ²⁵⁸, и мы теряли ежедневно не
 мало добрыхъ воиновъ. — Тщепно Іоаннъ

возобновлялъ мирныя предложенія, при-
 казывая къ осажденнымъ, что если они 1552.
 не хопяпъ сдапсь, по пуспъ идупъ, Пред-
 куда имъ угодно, съ своимъ Царемъ без-
 законнымъ, со всемъ имѣниемъ; съ жена-
 ми и дѣтьми; что мы пребуемъ поль-
 ко города, основаннаго на землѣ Болгар-
 ской, въ древнемъ достоянн Россіи²⁵⁹.
 Казанцы не слышали ни краель уха, но
 выражейю Лвпоисца.

Между тѣмъ храбрый Князь Михай-
 ло Воронинскій подвигалъ шуры ближе
 и ближе къ Арской башнѣ; наконецъ
 одинъ ровъ, шириною въ три сажени, а
 глубиною въ семь, отдѣлялъ ихъ отъ
 спѣны: Спрѣльцы, Козаки, Головы съ
 людьми Боярскими спояли за оными, би-
 лись до изнуренія силъ, и смѣнялись.
 Иногда же, не смояря на близость раз-
 стоянн, бой пресѣкался отъ усталости:
 пѣ и другіе войны отдыкали. Казанцы Кро-
 воспользовались однажды симъ временемъ: шп-
 видя, что многіе изъ нашихъ сѣли объ-
 дапъ, и что у пушекъ оспалось мало
 людей, они, числомъ до десяти тысячъ,
 пнхо выльзали изъ своихъ норъ, и подъ
 начальспвомъ Вельможъ, главныхъ Цар-
 скихъ совѣтниковъ, именуемыхъ Карача-
 ми, успремились къ шурамъ, емали Рос-

Г. 1552. сянъ и схватили ихъ пушки. Тупъ Князь Воровынский самъ, а за нимъ и всѣ знавшійшіе чиновники кинулись въ сѣчу. »Не выдадимъ опщевъ!« кричали Россіяне и бились мужеспвенно. Воеводы, Пешръ Морозовъ, Князь Юрій Кашинъ, пали въ шолдъ, опасно уязвленные: ихъ опхнесли въ спанъ. Князь Михайло Воровынский, раненный въ лице, не оставлялъ биввы: крѣпкій доспѣхъ его былъ изсѣченъ саблями. Многіе Головы Спрѣлецкіе лежали мертвые у пушекъ, и Казанцы еще не успунали намъ взяпныхъ ими профеевъ. Но явились Муромцы, Дѣпши Боярскіе, *стародавние племенль и доблестію*²⁶⁰: ударили, сломили непріапеля, вписнули въ ровъ. Побѣда рѣшилась. Казанцы давили другъ друга, шѣснясь въ воропахъ и вползая въ свои норы. Сіе дѣло было однимъ изъ кровопролишнѣйшихъ. Въ шоже время непріапель напалъ и на шуры Передоваго Полку, однакожь не весьма усильно. Государь видѣлъ собспвенными глазами оба дѣла: изъявивъ особенную милоспъ Князю Михайлу Воровынскому и вишязямъ Муромскимъ, онъ навѣспилъ раненныхъ Воеводъ, благоаря ихъ за усердную службу.

Уже около пяти недѣль Россіяне

спояли подъ Казанью, убивъ въ вылазкахъ и въ городѣ не менѣ десяти тысячъ непріапелей, кромѣ женъ и дѣпей²⁶¹. Наступающая осень ужасала ихъ болѣе, нежели пурды и биввы осады; всѣ хотѣли скорого конца. Чшобы облегчить приступъ и нанести осажденнымъ чувствительнѣйшій вредъ, Иоаннъ велѣлъ близъ Арскихъ воропъ подкопашъ парасы и землянки, гдѣ укрывались жишели опъ нашей спрѣльбы: 30 Сентября онъ взлетѣли на воздухъ. Сіе спрашное дѣйспвіе пороха, хопя уже и не новое для Казанцевъ произвело оцѣпненіе и пишину въ городѣ на нѣсколько минупъ; а Россіяне, не шеря времени, подкапили шуры къ воропамъ Арскимъ, Апшальковымъ, Тюменскимъ. Думая, что насталъ часъ рѣшительный, Казанцы высыпали изъ города и схватились съ шѣми полками, коимъ велѣно было прикрывашъ шуры. Бивва закипѣла. Иоаннъ спѣшилъ ободрить своихъ — и какъ скоро они увидѣли его, то, единогласно воскликнувъ: »Царь съ нами!« бросились къ спѣнамъ; гнали, шѣснили непріапеля на моспахъ, въ воропахъ. Сѣча была ужасна. Громъ пушекъ, прескъ оружія, крикъ воиповъ раздавался въ облакахъ густаго дыма, кошерой и сился

Г. 1552. надъ всѣмъ городомъ. Не смотря на мужественное, опьяненное сопротивление, многіе Россіане были уже на спянь, въ башнѣ отъ Арскаго поля, рѣзались въ улицахъ съ Татарями. Князь Михайло Ворошынскій увѣдомилъ о томъ Государя, и прѣбывалъ, чтобы онъ велѣлъ всѣмъ полкамъ итти на приступъ. Успѣхъ дѣйствительно казался вѣроятнымъ; но Иоаннъ хопѣлъ вѣрнаго: большая часть войска находилась еще въ спанѣ и не могла вдругъ ополчиться: излишняя порохъ произвела бы безпорядокъ и, можетъ быть, неудачу, которая имѣла бы весьма худыя для насъ слѣдствія. Государь не уважилъ ревности войска: приказалъ ему опешушиться. Оно повиновалось неохотно: чиновники съ прудомъ вывели его изъ крѣпости и зажгли мосты. Но чтобы кровопролитіе сего жаркаго дня не оспалось бесплоднымъ, князь Ворошынскій занялъ Арскую башню нашими стрѣлками²⁶²: они укрѣпились штурами и рядомъ пвердыхъ щиповъ; сказали Воеводамъ: «здесь будемъ ждашь васъ»—и сдержали слово: Казанцы не могли опияшь у нихъ сей башни. — Во всю ночь пылали мосты, и часть спянь обгорѣла; дѣйствіе нашего снаряда огне-

Заня-
ніе
Ар-
ской
баш-
ни.

стрѣльнаго также во многихъ мѣстахъ Г. разрушило оную. Казанцы поставили 1542. шпаль высокіе срубы, осыпавъ ихъ землею.

Наконецъ, 1 Октября, Иоаннъ объявилъ войску, чтобы оно готовилось *пить общую чашу крови*—то есть, къ приступу (ибо подкопы были уже готовы), и велѣлъ войнамъ *огнетить душу* на канунъ дня роковаго. Въ шопѣ самый часъ, когда одни изъ нихъ смиренно исповѣдывали грѣхи свои предъ Богомъ и достойные съ умиленіемъ вкушали плѣхо Христова, другіе, подъ громомъ бойницъ, мешали въ ровъ землю и лѣсъ, чтобы проложитъ путь къ спянямъ. Еще Государь хопѣлъ испытать силу увѣщанія: Мурза Камай и сѣдые старѣйшины Горной Спороны, держа въ рукѣ знаменіе мира, приблизились къ крѣпости, усыпанной людьми, и сказали имъ, что Иоаннъ въ послѣдній разъ предлагаетъ милосердіе городу, уже спѣненному, до половины разрушенному; прѣбуетъ единственно выдачи главныхъ измѣнниковъ и прощаетъ народъ. Казанцы отвѣщивовали въ одинъ голосъ: «Не хотимъ прощенія! Въ башнѣ Русь, на спянь Русь: не боимся; поставимъ иную башню, иную спяню;»

Послѣд-
нее
пред-
ложе-
ніе
Ка-
зан-
цамъ.

Г. 1552. »всѣ умремъ или опсидимся!« Тогда Государь началъ успроивашь войско *къ великому дѣлу*.

у. спросе- Чшобы заслонить пыль опъ Луговой
 пие войска Черемисы, опъ Тапаръ бродящихъ по
 для при- тьсамъ, опъ Ногайскихъ Улусовъ, и чшод-
 сшупа. бы опрѣзашь Казанцамъ всѣ пуни для
 бѣгсшва, онъ приказалъ Князю Мстиславскому съ частію Большаго Полка, а Шигъ-Алею съ Касимовцами и жипелями Горной Сшороны занять дорогу Арскую и Чувашскую, Князю Юрію Оболенскому и Григорію Мещерскому съ Дворянами Царской Дружины Ногайскую, Князю Ивану Ромодановскому Галицкую; другой опрядъ Дворянъ, примыкая къ нему, долженъ были спшояшъ вверхъ по Казанкѣ, на Спаромъ Городищъ. Опшпусшивъ сихъ Воеводъ, Іоаннъ распорядилъ присшупъ: велѣлъ бытъ впереди Апшаманамъ съ Козаками, Головамъ съ Сшрѣльцами и Дворовымъ людемъ¹⁶³, раздѣленнымъ на сошни, подъ начальсшвомъ опшборныхъ Дѣпей Боярскихъ; за ними ишши полкамъ Воеводскимъ: Князю Михайлу Воропыньскому съ Околыничимъ Алексѣемъ Басмановымъ ударить на крѣпость въ проломъ опъ Булака и Поганаго озера; Князьмъ Хилкову въ Кабацкія ворошца, Троекурову въ

Г. 1552. Збойливья, Андрею Курбскому въ Ельбугины, Семену Шереметеву въ Мурале-евы, Дмишрію Плещееву въ Тюменскія. Каждому изъ нихъ помогаль особенный Воевода: первому самъ Государь; другимъ же Князья Иванъ Пронскій, Турунцай, Шемякинъ, Щеняпевъ, Василій Серебряный Оболенскій и Дмишрій Микулинскій. Приказавъ имъ изгшповишъся къ двумъ часамъ слѣдующаго ушра и ждашь взорванія подкоповъ, Іоаннъ ввечеру уединилъся съ духовнымъ опцемъ своимъ, провель нѣсколько времени въ его душесшасишельной бесѣдѣ и надѣлъ доспѣхъ. Тогда Князь Воропыньскій прислалъ ему сказашь, чшо Инженеръ кончилъ дѣло, и 48 бочекъ зелія уже въ подкопѣ; чшо Казанцы замѣтили нашу работу, и чшо не надобно шерять ни минушны. Государь велѣлъ высшупашъ полкамъ, слушалъ Заушрню въ церкви, опшпустилъ Дружину Царскую, молилъ изъ глубины сердца . . . Въ сію важную ночь, предшечу рѣшительнаго дня, ни Россіяне, ни Казанцы не думали объ успокоеніи. Изъ города видѣли необыкновенныя движенія въ нашемъ спанѣ. Съ обѣихъ спшоронъ ревностно гшшовились къ ужасному бою.

Г. 1552. Заря освѣтила небо, ясное, чистое. Казанцы спояли на стѣнахъ: Россіяне предъ ними, подъ защитною укрѣпленій, подъ сѣною знаменъ, въ пишинѣ, неподвижно; звучали только бубны и трубы, непріятельскія и наши²⁶⁴; ни стрѣлы не летали, ни пушки не гремѣли. Наблюдали другъ друга; все было въ ожиданіи. Станъ опустили: въ его безмолвіи слышалось пѣніе Іереевъ, которые служили Обѣдню. Государь оставался въ церкви съ немногими изъ ближнихъ людей. Уже восходило солнце. Діаконъ читалъ Евангеліе, и едва произнесъ слова: *да будетъ едино стадо и одинъ пастырь!* грянулъ сильный громъ, земля дрогнула, церковь задрожала. . . . Государь вышелъ на наперсть: увидѣлъ спрашивное дѣйствіе подкопа и густую пьму надъ всею Казанью: глыбы земли, обломки башенъ, стѣны домовъ, люди неслися вверхъ въ облакахъ дыма и пали на городъ. Священное служеніе прервалось въ церкви. Іоаннъ спокойно возвратился и хотѣлъ дослушать Литургію. Когда Діаконъ предъ дверями Царскими громогласно молился, да утвердишь Всевышній Державу Іоанна, да повергнешъ великаго врага и суносша къ ногамъ его, раздался новый ударъ:

Взор-
паніе
подко-
повъ,
и при-
ступъ.

взорвало другой подкопъ, еще сильнѣе первого²⁶⁵ — и тогда, воскликнувъ: *съ нами Богъ!* полки Россійскіе быспро двинулись къ крѣпости, а Казанцы, твердые, непоколебимые въ часъ гибели и разрушенія, вопили: *Алла! Алла!* Герой-призывали Магомета и ждали нашихъ, не стрѣляя ни изъ луковъ, ни изъ пицалей; мѣряли глазами разстояніе, и вдругъ дали ужасный залпъ: пули, каменья, стрѣлы омрачили воздухъ. . . . Но Россіяне, ободренные примѣромъ начальниковъ, достигли стѣны. Казанцы давили ихъ бревнами, обливали кипящимъ варомъ; уже не береглися, не прятались за щипы: спояли открыто на стѣнахъ и помоснахъ, презирая сильный огонь нашихъ бойницъ и стрѣлковъ. Тутъ малѣйшее замедленіе могло быть гибельно для Россіянъ. Число ихъ уменьшилось; многіе пали мерявые или раненные, или отъ страха. Но смѣлые, геройскимъ забвеніемъ смерти, ободрили и спасли болѣзливыхъ: одни кинулись въ проломъ; иные взбирались на стѣны по лѣбеницамъ, по бревнамъ; несли другъ друга на головахъ, на плечахъ; бились съ непріятелемъ въ отвѣрстіяхъ. . . . И въ ту минуту, какъ Іоаннъ, опслушавъ

Г.
1552.

Герой-
ство
съ об-
ихъ
спо-
ропъ.

Г. 1552. всю Литургію, причастясь Святыхъ Тайнъ, взявъ благословеніе опъ своего Опца Духовнаго, на бранномъ конѣ выѣхалъ въ поле, знамена Христіанскія уже развѣвались на крѣпости! Войско Запасное однимъ кликомъ привѣщивало Государя и побѣду²⁶⁶.

Но еще сія побѣда не была рѣшена совершенно. Опчаянные Татары, сломленные, низверженные съ верху сплѣтъ и башенъ, сполли швердымъ оплопомъ въ улицахъ, съклись саблями, схватывались за руки съ Россіянами, рѣзались ножами въ ужасной свалкѣ. Дрались на заборахъ, на кровляхъ домовъ; всѣдъ попирали ногами головы и плѣа. Князь Михайло Воронинскій первый извѣстилъ Иоанна, что мы уже въ городъ, но что бивва еще кипитъ и нужна помощь. Государь опрядилъ къ нему часнъ своего полку; велѣлъ иппи и другимъ Восводамъ. Наши одолѣвали во всѣхъ мѣстахъ и плѣснили Татаръ къ укрѣпленному Двору Царскому. Самъ Едигеръ съ званѣйшими Вельможами медленно опсвкупалъ опъ проломовъ, опстановился среди города, у Тезицкаго или Купеческаго рва, бился упорно, и вдругъ замѣшилъ, что полны наши рѣдѣютъ: ибо Россіяне, овладѣвъ полови-

ною города, славнаго богашепвами Азіатской ипорговли, прельсннлись его сокровищами; опнавляя стчу, начали разбивать дома, лавки — и самыа чиновники, коимъ приказалъ Государь иппи съ обнаженными мечами за войнами, чтообы никого изъ нихъ не допускатъ до грабежа, кицулись на корыспь. Тутъ ожили и малодушныа ипрусы, лежавшіа на полѣ какъ бы мерпвыа или раненныа; а изъ обозовъ прибѣжали слуги, кашевары, да же купцы: всѣ алкали добычи, хватали серебро, мѣха, пкани; опносили въ спань, и снова возвращались въ городъ, не думая помогать своимъ въ бивпѣ²⁶⁷. Казанцы воспользовались упомленіемъ нашихъ войновъ, вѣрныхъ честни и доблести: ударили сильно и попѣснили ихъ, къ ужасу грабинелей, копорые всѣ немедленно опрашлись въ бѣгство, мепались черезъ сплѣну и вопили: *съкутъ!* *съкутъ!* Государь увидѣлъ сіа общее смяпненіе; измѣнился въ лицѣ, и думалъ, что Казанцы выгнали все наше войско изъ города. »Съ нимъ были« — пишепи Курбскій — »великіа Синклиты, мужи «вѣка опцевъ нашихъ, посѣдѣшіа въ «добродѣшеляхъ и въ рашномъ искуспвѣ:« они дали совѣпъ Государю, и Государь

Г. 1552.
Коры-
спо-
любіа
ино-
гихъ
вои-
новъ.

Г. явилъ великодушіе: взялъ Свящую хоругвь и спалъ предъ Царскими воропашами, чпобы удержашь бѣгущихъ²⁶⁸. Половина опборной двадцати тысячной дружины его сошла съ коней и ринулась въ городъ; а съ нею и вельможные спарцы рядомъ съ ихъ юными сыновьями. Сіе свѣжее, бодрое войско, въ свѣшлыхъ доспѣхахъ, въ блестящихъ шлемахъ, какъ буря нагрянули на Татаръ: оно не могли долго прошивишсь, крѣпко сомкнулись и въ порядкѣ опсунули до высокихъ каменныхъ мечетей, гдѣ всѣ ихъ Духовные, Абызы, Сеишы, Моллы (Муллы) и Первосвященникъ Кульшерифъ встрѣшили Россіянъ, не съ дарами, не съ моленіемъ, но съ оружіемъ: въ оспервененіи злобы успремились на вѣрную смерть, и всѣ до единого пали подъ нашими мечами. Едигеръ съ оспальными Казанцами засѣлъ въ укрѣпленномъ Дворѣ Царскомъ и сражался около часа. Россіяне опбили воропаша . . . Тупы юныя жены и дочери Казанцевъ, въ богатыхъ цвѣтныхъ одеждахъ, спояли вмѣстѣ на одной споронѣ, подъ защипою своихъ прелестей; а въ другой споронѣ опцы, бранья и мужья, окруживъ Царя, еще бились усиленно: наконецъ вышли, числомъ 10,000, въ зад-

ній воропаша, къ нижней части города. Г. Князь Андрей Курбскій съ двумя спами войсковъ пресѣкъ имъ дорогу; удерживалъ ихъ въ шѣсцыхъ улицахъ, на крутизнахъ; запрудилъ каждый шагъ; давалъ время нашимъ разишь пылъ непріятеля и спалъ въ збойливыхъ воропашахъ, гдѣ присоединилось къ нему еще нѣсколько сошъ Россіянъ. Гонимые, шѣнимые Казанцы по дирупамъ своихъ лѣзли къ спивнѣ, взвели Едигера на башню и кричали, чпо хотишь всшупишь въ переговоры. Ближайшій къ нимъ Воевода, Князь Дмитрій Палецкій, оспановилъ съчу. «Слушайше» сказали Казанцы: «доколнѣ у насъ было Царство, мы умирали за Царя и опечесиво. Теперь Казань ваша: опдаемъ вамъ и Царя, живаго, неузвѣнчанаго: ведите его къ Иоанку; а мы идемъ на широкое поле, иешинъ съ вами послѣднюю чашу.» Васьснъ съ Едигеромъ они выдали Палецкому главнаго, преспарьлаго Вельможу или Карача; именовъ Заніеша, и двухъ мамисей или совосницпанниковъ Царскихъ²⁶⁹; начавше снова шпрѣлшпъ, прыгали со спѣвнъ внизъ и хопыли ишпи къ спану нашей Правой Руки; но встрѣченные сильною пальбою изъ укрѣпленій, обратились влѣво, шинули

Г. тяжелое оружіе, разулись и перешли мелкую пашь рѣку Казанку, въ виду нашего войска, бывшаго въ крѣпости, на спѣнахъ и Дворѣ Царскомъ, за горами и спремнинами. Одни юные Князья Курбскіе, Андрей и Романъ, съ малочисленною дружиною успѣли сѣсть на коней; обскакали неприятеля, ударили на гусую шоппу его, врѣзались въ ея средину, шоппали, кдоли²⁷⁰. Но Тапаръ было еще 5000, и самыхъ храбрѣйшихъ: они стояли, ибо не спрашилися смерни; списнули нашихъ Героевъ, повергнули ихъ увзленныхъ, дымящихся кровію, за-мертво на землю; или безпрепятственно далье гладкимъ дугомъ до вязкаго болопа, гдѣ конница уже не могла гнашья за ними, и спѣшили въ гусую, темному лѣсу: оспапкъ малый; но своимъ великодушнымъ оспервененіемъ еще опасный для Россіянъ! Государь послалъ Князя Симеона Микулинскаго, Михайла Васильевича Глинскаго и Шереметева съ конною дружиною за Казанку, въ объездъ; чпобы отрѣзашь бѣгущихъ Тапаръ отъ лѣса: Воеводы насигли и побиди ихъ. Никшо не удался живой; опасались не многіе; и шотраненные. Городъ былъ взятъ и шныладъ въ

разныхъ мѣстахъ; съча престала, но кровь лилася²⁷¹: раздраженные воины рѣзали всѣхъ, кого находили въ мечешяхъ, въ домахъ, въ ямахъ; брали въ плѣнь женъ и дѣтей или чиновниковъ²⁷². Дворъ Царскій, улицы, спѣны, глубокіе рвы были завалены мертвыми; отъ крѣпости до Казанки, далье на лугахъ и въ лѣсу еще лежали тѣла и носились по рѣкѣ. Пальба умолкла; въ дѣму города раздавались шолько удары мечей, спонъ убиваемыхъ, кликъ побѣдителей. Тогда главный Восначальникъ, Князь Михайло Воронинскій, прислалъ сказать Государю: »Радуйся, благочестивый Самодержецъ! Твоимъ мужесвомъ и счастиемъ побѣда совершилась: Казань наша, Царь ея въ швоихъ рукахъ, народъ истребленъ или въ плѣну; несмѣшныя богатства обраны: чпо прикажешь?« *Славить Все-шшняго*, опвѣщивалъ Іоаннъ, воздѣлъ руки на небо, велѣлъ плѣнь молебень кресту подъ Святою хоругвию, и собственною рукою на семь мѣспѣ водрузилъ Живошворящій крестъ, назначилъ быль шамъ первой церкви Христіанской²⁷³. Князь Палецкій представилъ ему Едигера: безъ волкаго гнѣва и съ видомъ крѣпости Іоаннъ сказалъ: »Несчастный! развѣ ты не

Г.
1552.Водру-
женіе
кре-
ста
у по-
ротъ
Цар-
скихъ.

1552. П. «Юань» могущесства Россіи и лукавства
 «Казанцевъ?» Едигеръ, ободренный пихо-
 стію Государя, преклонилъ колѣна, изъ-
 являть раскаяніе, шребовать милосшии²⁷⁴.
 Юань проснилъ его, и съ любовію об-
 нялъ брата, Князя Владиміра Андреевича,
 Шигъ-Алей²⁷⁵, Вельможъ; опвѣществовалъ
 на ихъ усердныя поздравленія ласково и
 смиренно; всю славу опдавалъ Богу, имъ
 и воинству; послалъ Болръ и ближнихъ
 людей во всѣ дружины *съ хвалою и съ*
милостибыми словами; велѣлъ очистишь
 въ городѣ одну улицу опгь воропъ Му-
 рамеевыхъ ко Двору Царскому, и въѣ-
 халъ въ Казань: предъ нимъ Воеводы,
 Дворане и Духовникъ его съ крестомъ;
 за нимъ Князь Владиміръ Андреевичъ и
 Шигъ-Алей. У воропъ спояло множеество
 освобожденныхъ Россіанъ, бывшихъ пѣв-
 никами въ Казани: увидѣвъ Государя, они
 пали на землю и съ радостными слезами
 възывали: «Избавишель! шы вывелъ насъ
 «изъ Ада! Для насъ, бѣдныхъ, сырыхъ, не
 «щадилъ головы своей!» Государь прика-
 залъ опвесити ихъ въ спанъ и нишанъ
 опгь спюла Царскаго; ѣхалъ сквозьряды
 складенныхъ шѣлъ и плакалъ; видя шру-
 пы Казанцевъ, говорилъ: «это не Хри-
 «стіане, но подобныя намъ люди»; видя

Въ-
ездъ
Госу-
дарствъ
въ Ка-
зань.

Осво-
божде-
ніе
Рос-
сій-
скихъ
пѣв-
ни-
ковъ.

мершвыхъ Россіанъ, молился за нихъ Р.
 Всевышнему, какъ за жертву общаго спа- 1552.
 сенія²⁷⁶. При веспуленіи во дворець Бол-
 ре, чиновники, войны снова поздравляли
 Юанна. Они съ умиленіемъ говорили другъ
 другу: «Гдѣ царствовало зловѣріе, уни-
 «ваясь кровію Христіанъ, шамъ видимъ
 «крестъ живопорящій и Государя на-
 «шего во славу!» Всѣ единогласно, едино-
 душно, въ умиленіи сердцеъ, принесли
 благодарность Небу. Юаннь велѣлъ пу-
 шить огонь въ городѣ, и всю добычу, всѣ
 богатства Казанскія, всѣхъ пѣвниковъ,
 кромѣ одного Едигера, опдалъ воинству;
 взялъ шолько ушваръ Царскую, вѣнецъ,
 жезлъ, знамя Державное и пушки, сказавъ:
 «моя корысть еспь спокойспвіе и честь
 «Россіи»²⁷⁷! Онъ возвратился въ спанъ;
 хопѣлъ видѣшь войско, и вышелъ къ
 полкамъ съ лицемъ свѣшлымъ. Они еще
 дымились кровію невѣрныхъ и своего;
 многіе выпязи, по словамъ Лѣтописца,
сіями ранями драгоцѣннѣйшими алма-
зовъ. Юаннь спалъ предъ войскомъ и Рѣчь
 громко произнесъ рѣчь, исполненную по- 1552.
 бви и милосшии. «Воины мужеспвенные! войску
 говорилъ онъ: «Болре, Воеводы, чинов-
 «ники! въ сей знаменитый день *страдалъ*
 «за имя Божіе, за Вѣру, опечество и

Рѣчь
Юанна
къ
войску

Е. 1552. »Царя, вы приобрѣли славу несмыханную въ наше время. Никто не оказывалъ никакой храбрости; никто не одерживалъ никакой побѣды! Вы новые Македоняне, »доспойные потомки випязей, которые съ Великимъ Княземъ Димитріемъ сожрушили Мамаю! Чѣмъ могу воздасть вамъ? Любезнѣйшіе сыны Россіи, яамъ, на полѣ чести, лежащія! вы уже сіяете въ вѣнцахъ Небесныхъ вмѣстѣ съ первыми Мучениками Христіанства. Се дѣло Божіе: наше респъ славить васъ во вѣки вѣковъ, вписать имена ваши на хартии священной для поминовенія въ Соборной Апостольской Церкви. А вы, своєю кровію обогренные, но еще живые для нашей любви и признательности! все храбрые, »коихъ вижу предъ собою! вникайте и »вбрыте моему обычу любить и жаловать васъ до конца дней моихъ... Теперь »успокойтесь, побѣдители!« Войско опвѣщивало радостными кликами²⁷⁸. Иоаннъ посѣтилъ, утѣшилъ раненыхъ; немедленно опсправилъ шгурина своего, Данила Романовича, въ Москву съ счастливою вѣспію къ супругѣ, къ Мишрополишу, къ Князю Юрію; сълъ объдасть съ Боярами, и далъ пиръ воинамъ²⁷⁹. Сей ве-

ликолѣпный праздникъ опчества укра- Г. 1552. пался воспоминаніемъ минувшихъ золь, Парь чувствомъ наспоящей славы и падеждою въ спашь. будущаго благоденствія.

Въ тотъ же день Иоаннъ послалъ жалованныя грамоты во все окрестныя мѣста, объявляя жителямъ миръ и безопасность. »Идите къ намъ — писалъ онъ» — безъ ужаса и боязни. Прошедшее за- »бываю, ибо злодѣйство уже наказано. Под- »Плашите мнѣ, чпо вы плашили Царямъ даи- »Казанскимъ.« Успрашенные бѣдствіемъ ство Ар- ихъ споилицы, они разсѣлись по лѣсамъ: ской обла- успокоенные милоспивымъ словомъ Иоан- сии п новымъ, возвратились въ дома. Сперва Дуго- жишели Арскіе, а послѣ вся Луговая Че- Чер- ремиса прислали спарѣйшинъ въ спашъ мисъ. къ Государю и дали кляпву вѣрности.

3 Октябрю погребали мертвыхъ и совершенно очистиши городъ. На другой день Иоаннъ съ Духовенствомъ, Синклипомъ и воинствомъ торжественно вступилъ въ Казань; избралъ мѣсто, заложилъ Кафедральную церковь Благовѣщенія, обошелъ городъ со крестами, и посвятилъ его. *Богу истинному.* Черепи кропили улицы, спѣсны Святою водою, моля Вседержителя, да благословитъ сію новую швердыню Православія, да

Под-
дан-
ство
Ар-
ской
обла-
сти п
Дуго-
вой
Чер-
емисъ.

Тор-
же-
ствен-
ное
вступ-
леніе
въ Ка-
зань.

Г. цвѣшеть въ ней здравіе и доблесті, да
 1552. будетъ: вовеки неприступною для вра-
 говъ, вовеки неопыемлемою собствен-
 носію и честію Россіи! . . . Осмотрѣвъ
 всю Казань, назначивъ, гдѣ бышь хра-
 мамъ, и приказавъ немедленно возобно-
 вить разрушенныя укрѣпленія, спѣши,
 башни, Государь съ Вельможами поѣхалъ
 во дворець, на коемъ развѣвалось знамя
 Христіанское.

Такъ пало къ ногамъ Іоанновымъ
 одно изъ знаменитыхъ Царствъ, основан-
 ныхъ Чингисовыми Моголами въ предѣ-
 лахъ нынѣшней Россіи. Возникнувъ на
 развалинахъ Болгаріи, и поглотивъ ея
 бѣдные оспапки, Казань имѣла и хищ-
 ный, воинственный духъ Моголовъ, и
 торговый, заимствованный ею отъ дре-
 внихъ жипелей сей страны²⁸⁹, гдѣ издавна
 съѣзжались купцы Арменскіе, Хивинскіе,
 Персидскіе (и гдѣ онъ донинѣ сохранил-
 ся: донинѣ Казанскіе Ташары, потомки
 Золошой Орды и Болгаровъ, имѣющъ
 купеческія связи съ Востокомъ). Около
 115 лѣтъ Казанцы намъ и мы имъ не-
 упоминаемо враждовали; отъ перваго ихъ
 Царя, Махметна, у коего прадѣдъ Іоан-
 новъ былъ плѣнникомъ, до Едигера, взя-
 таго въ плѣнъ Іоанномъ, котораго дѣдъ

уже именовался Государемъ *Болгарскимъ*, Г.
 уже считалъ Казань нашею областію, но^{1552.}
 при концѣ жизни своей видѣлъ ея спра-
 шный бунтъ и не могъ опмешить за-
 кровь Россіанъ, памъ проліянную²⁸¹. Но-
 вые мирные договоры служили поводомъ
 къ новымъ измѣнамъ, и всякая была ужа-
 сомъ для Восточной Россіи, гдѣ, на всей
 длинной чертѣ отъ Нижняго Новагорода
 до Перми, люди вѣчно береглися какъ на
 опводной спражѣ. Самая месць сполна
 намъ дорого, и самыя счастливыя походы
 иногда заключались испребленіемъ вой-
 ска и коней отъ болъзней, отъ трудно-
 спей пупи въ мѣспахъ дикихъ, населен-
 ныхъ народами свирѣпыми. Однимъ сло-
 вомъ, вопросъ: надлежало ли покорить
 Казань? соединялся съ другимъ: надле-
 жало ли безопасностію и спокойствіемъ
 утвердить бышіе Россіи? Чувство госу-
 дарственной блага, усиленное ревностію
 Вѣры, производило въ побѣдителяхъ
 общій, живѣйшій воспоргъ, и Лѣпо-
 писцы говорятъ о семъ завоеваніи съ жа-
 ромъ Спихопворцевъ, призывая совре-
 менниковъ и потомство къ *великому зръ-*
лицу Казани, обновляемой во имя Христа
 Спасителя, освѣяемой хоругвями, укра-
 шаемой церквами Православія, оживлен-
 ной.
 Томъ VIII

1552. Г. ной (послѣ ужасовъ кровопротіія, послѣ безмолвія смерти) присуствіемъ многочисленнаго, радостнаго войска, среди свѣжихъ профеевъ, но уже въ глубокой мирной тишинѣ ликующаго на спогнахъ, площадяхъ, въ садахъ, и юнаго Царя сидящаго на славно-завоеванномъ преспольѣ, въ блестящемъ кругу Вельможъ и Полководцевъ, у коихъ была только одна мысль, одно чувство: *мы заслужили благодарность отечества!* — Лѣтописцы сказываютъ, что небо благопріятствовало торжеству побѣды; что время спояло ясное, теплое, и Россіяне, осаждавъ Казань въ мрачную, дождливую осень, вспунили въ нее какъ бы весною.

Учре-
жденіе
Пра-
ви-
тель-
ства.
6 Октябрю Духовникъ Государевъ съ Іереями Свіяжскими освятилъ храмъ Благовѣщенія. Въ слѣдующіе дни Іоаннъ занимался учрежденіемъ Правительсва въ городѣ и въ обласняхъ; объявилъ Князя Александра Горбатаго Шуйскаго Казанскимъ Намѣстникомъ, а Князя Василя Серебрянаго его поварищемъ; далъ имъ писменное наставленіе, 1500 Дѣшей Боярскихъ, 3000 Спрѣльцовъ со многими Козаками, и 11 Октябрю изгосовилъ къ отъѣзду, хощя благоразумные Вельможи совѣщивали ему оснашься шамъ до весны

со всемъ войскомъ, чшобы довершишь 1. покореніе земли, гдѣ обитало племъ на- 1552. Со-
родовъ: Мордва, Чуваши, Вошьяки (въ вѣтъ Вель-
Арекой обласни), Черемисы и Башкирцы можъ.
(вверхъ по Камѣ). Еще многіе изъ ихъ Улусовъ не признавали нашей власти; къ нимъ ушли нѣкоторые изъ злѣйшихъ Казанцевъ, и легко было предузнать опасныя шого слѣдствія. Въ спанѣ и въ Свіяжскѣ находилось довольно запасовъ для прокормленія войска. Но Іоаннъ, не терпѣливо желая видѣть супругу и явить себя Москвѣ во славу, опровергнуть совѣтъ мудрейшихъ, чшобы исполнишь волю сердца, одобряемую братьями Царицы²⁸³ и другими сановниками, которые также хощли скорѣе опдохнуть на лаврахъ. Опивъ молебень въ церкви Благовѣщенія и поручивъ храненіе новой справы своей Іисусу, Дѣвъ Маріи, Рос- Вол-
сійскимъ Угодникамъ Божіимъ, Царь выѣ- врані-
халъ изъ Казани, ночевалъ на берегу Вол- ный
ги, прошивъ Госпинаго острова, и 12 Госу- пущь
Октябрю съ Княземъ Владиміромъ Андре- даря
евичемъ, съ Боярами и съ пѣхопными дру- въ Мо-
жинами опидьль въ ладяхъ къ Свіяжску. скую.
Князь Михайло Воропынскій повель кон-
ницу берегомъ къ Василю городу, пуптемъ
уже безопаснымъ, хощя и пруднымъ.

Г. 1552. Пробывъ полько одинъ день въ Сви-
яжскъ, и назначивъ Князя Петра Шуй-
скаго Правителемъ сей области, Иоаннъ
14 Октября подь Вязовыми горами съѣхъ
на суда. Въ Нижнемъ, на берегу Волги,
вспрѣшили его всѣ граждане со крестами,
и прсклонивъ колѣна, обливались слезами
благодарности за вѣчное избавленіе ихъ
отъ ужасныхъ набѣговъ Казанскихъ; сла-
вили побѣдишеля, громогласно, съ душе-
внымъ восхищеніемъ, такъ, что сей *бла-
годарный плачь*, заглушая пѣніе Священ-
никовъ, принудилъ ихъ умолкнуть²²⁴.
Тупъ же Послы отъ Царицы, Князя
Юрія, Мипрополипа, *здорововали Го-
сударю на Богомъ данной ему отчину,
Царствъ Казанскомъ*. Собравъ въ Ни-
жнемъ все воинство; снова изъявивъ при-
знапельность своимъ усерднымъ сподви-
жникамъ; сказавъ, что распадется съ
ними до перваго случая обнажишь со сла-
вою мечъ за опечество, онъ уволил ихъ
въ дома; самъ поѣхалъ сухимъ путемъ
черезъ Балахну въ Владиміръ, и въ Су-
догодѣ вспрѣшилъ Болрина, Василия Юрь-
евича Траханіюпа, копорый скакалъ къ
нему отъ Анаспасіи съ вѣстію о рожде-
ніи сына, Царевича Димитрія. Государь
въ радости сыркнулъ съ коня, обнялъ,

Ро-
жденіе
Царе-
вича.

цѣловалъ Траханіюпа; благодарилъ Небо, Г.
плакалъ, и не зная, какъ наградить¹⁵⁵²
счастливаго вѣспника, опдалъ ему съ
плеча одежду Царскую и коня изъ-подъ
себя²²⁵. Иоаннъ имѣлъ уже двухъ дочерей,
Анну и Марію, изъ коихъ первая скон-
чалась одиннадцати мѣсяцевъ²²⁶; рожденіе
наслѣдника было тайнымъ желаніемъ его
сердца. Онъ послалъ шурина, Никипу
Романовича, къ Анаспасіи съ нѣжными
привѣтствіями; оспанавливался въ Вла-
димірѣ, въ Суздаль, единствененно для то-
го, чтобы молился въ храмахъ, изъ-
являя чувствительность къ любви жи-
телей, оповсюду спекавшихся видѣть
лице его, свѣтлое радостію²²⁷; заѣхалъ
въ славную Троицкую Обишель Св. Сер-
гія, знаменовался у гроба его, вкусилъ
хлѣба съ Иноками, и 28 Октября ноче-
валъ въ селѣ Тайнинскомъ, гдѣ ждали его
братъ, Князь Юрій, и нѣкошорые Бо-
яре съ поздравленіемъ; а на другой день,
рано, приближался къ любезной ему спо-
лицѣ, увидѣлъ на берегу Яузы²²⁸ безчи-
сленное множество народа, такъ, что на
пространствѣ шести верствъ, отъ рѣки
до посада, оспавался полько самый пѣ-
сннй путь для Государя и дружины его.
Сею улицею, между тысячами Москов-

Встрѣ-
ча Ио-
анна.

г. 1552. скихъ гражданъ, ѡхаль Іоаннъ, кланяясь на обѣ стороны; а народъ, цѣлуя ноги, руки его, восклицалъ непрестанно: «многогая лѣпа Царю благочестивому, побѣдишело варваровъ, избавишело Христіанъ!» Тамъ, гдѣ жипели Московскіе пріятели нѣкогда Владимірскаго образъ Богомашери, несущій спасеніе граду въ нашеспвіе Тамерлана — гдѣ нынѣ монаштырь Срѣшенскій — шамъ Мишрополишь, Епископы, Духовенство съ сею иконою, спарцы Бояре, Князь Михайло Ивановичъ Булгаковъ²⁸⁹, Иванъ Григорьевичъ Морозовъ, слуги опца и дѣда его, со всѣми чиновачальниками спояли подѣ церковными хоругвями²⁹⁰. Іоаннъ сошелъ съ коня, приложился къ Образу, и благословенный Свяшпшелями, сказалъ: «Соборъ Духовенства Православнаго! Опче Мишрополишь и Владыки! я молилъ васъ бышь ревностными ходатаями предѣ Всевышнимъ за Царя и Царство, да оппустяпса мнѣ грѣхи юности, да ушпрую землю, да буду щипомъ ея въ нашеспвія варваровъ; совѣповался съ вами о Казанскихъ измѣнахъ, о средспвахъ прекрашпшь оныя, погаспшь огонь въ нашихъ селахъ, уняпшь текущую кровь Россіянъ, сляпшь цѣпи съ

Рѣчь
Госу-
дарсва
къ Ду-
ховен-
ству.

г. 1552. »Христіанскихъ плѣнниковъ, вывеспн ихъ изъ шемницы, возврашпшь опчестпшу ѡи Церкви. Дѣдъ мой, опецъ, и мы посылали Воеводъ, но безъ успѣха. Наконецъ, исполняя совѣтъ вашъ, я самъ выспушпль въ поле. Тогда явился другой ѡнепріятель, Ханъ Крымскій, въ предѣлахъ Россіи, чшобы въ наше опспушспвіе испребпшь Христіанство. Вспомнпвъ слово Евангельское: *бдите и молитесь, да не впидете въ напасть!* вы, достойные Свяшпшеляи Церкви, молились — и Богъ услышалъ васъ, и помогъ вамъ — и Ханъ, гонимый единспвенно гнѣвомъ Небеснымъ, бѣжалъ малодушно! . . . Ободренные явнымъ дѣйспвіемъ вашей молишвы, мы подвпглпсь на Казанъ, благополучно доспглп цѣли, и милоспцію Божіею, мужеспвомъ Князя Владиміра Андреевича, нашихъ Бояръ, Воеводъ и всего вошнспва, сей градъ многолюдный палъ предѣ нами: судомъ Господнимъ въ единый часъ изгпбли невѣрные *безъ вѣсти*, Царь ихъ взяпъ въ плѣнъ, исчезла прелеспъ Магометова, на ея мѣспѣ водруженъ свяпый креспъ; области Арская и Луговая плапльп даны Россіи; Воеводы Московскіе управляютъ землею; а мы, во здравіи и веселіи, прпшли

Г. 1552. »сюда къ образу Богоматери, къ мощамъ
»великихъ Угодниковъ, къ вашей Святынь, въ
»свою любезную опчизну — и за сіе
»Небесное благодѣліе, вами испрошенное,
»шебъ, опцу своему, и всему Освящен-
»ному Собору, мы съ Княземъ Владимі-
»ромъ Андреевичемъ и со всѣмъ воинсп-
»вомъ въ умиленіи сердца кланяемся»²⁹¹.
Тутъ Государь, Князь Владиміръ и вся
дружина воинская поклонились до земли.
Іоаннъ продолжалъ: »Молю васъ и нынѣ,
»да ревностнымъ ходапайствомъ у пре-
»спола Божія и мудрыми своими наспа-
»вленіями способствуеша мнѣ утвердити
»законъ, правду, благіе нравы внупри Го-
»сударства; да цвѣтеша опечество подъ
»сѣнію мира въ добродѣтели; да цвѣ-
»теша въ немъ Христіанство; да позна-
»юще Бога истиннаго невѣрныя, новыя
»подданные Россіи, и вмѣстѣ съ нами
»да славяте Святую Троицу во вѣки вѣ-
»ковъ. Аминь!»

Опи-
вѣтъ
Ми-
тро-
поли-
товъ.

Митрополишь опвѣщивовалъ: »Ца-
»рю благочестивый! мы, твои богомоль-
»цы, удивленные избышкомъ Небесной къ
»намъ милоспи, что речемъ предъ Го-
»сподомъ? развѣ шокмо воскликнемъ: *ди-
»вень Богъ творитъ чудеса!* . . . Какая побѣ-
»да! какая слава для тебя и для всѣхъ

Г. 1552. »твоихъ свѣплыхъ сподвижниковъ! Чпо
»мы были? и чпо нынѣ? Вѣроломные,
»любые Казанцы ужасали Россію, жадно
»пили кровь Христіанъ, увлекали ихъ
»въ неволю, оскверняли, разоряли свя-
»тыя церкви. Терзаемый бѣдствіемъ опе-
»чества, ты, Царь великодушный, воз-
»ложивъ *неуклонную* надежду на Бога Все-
»держипеля, произнесъ обѣщъ спаспи
»насъ; ополчился съ вѣрою; шель на шу-
»ды и на смертъ; *страдалъ до крови*; пре-
»далъ свою душу и плѣо за Церковь, за
»опечество — и благодашъ Небесная воз-
»сіяла на Тебѣ, якоже на древнихъ Ца-
»ряхъ, угодныхъ Господу: на Констан-
»тинѣ Великомъ, Св. Владимірѣ, Дими-
»пирѣ Донскомъ, Александрѣ Невскомъ.
»Ты сравнялся съ ними — и кпо пре-
»взошелъ себя? Сей царствующій градъ
»Казанскій, гдѣ гнѣзился змій какъ въ
»глубокой норѣ своей, уязвляя, поддая
»насъ — сей градъ, споль знаменитый и
»споль ужасный, лежитъ бездушный у
»ногъ твоихъ; ты распощалъ главу змія,
»освободилъ тысячи Христіанъ плѣнен-
»ныхъ, знаменіями истинной Вѣры освя-
»щилъ скверну Магометову — навѣки,
»навѣки успокоилъ Россію! Се дѣло Бо-
»жје, но чрезъ себя совершенное! ибо ты

Г. 1552. »помнилъ слово Евангельское: рабе бла-
 »гій! съ малъ былъ еси въреть: надъ мно-
 »гими тя поставлю! Веселися, о Царь
 »любезный Богу и опечеству! Даровавъ
 »любъду, Всевышній даровавъ тебѣ и
 »вождельнаго, первороднаго сына! Живи
 »и здравствуй съ добродѣпельною Цари-
 »цею Анаспасією, съ юнымъ Царевичемъ
 »Димитріемъ, съ своими брашьями, Бо-
 »ярами и со всемъ православнымъ воин-
 »ствомъ въ богоспасаемомъ царствую-
 »щемъ градѣ Москвѣ и на всѣхъ своихъ
 »Царстввахъ, въ сей годъ и въ предъиду-
 »щія многія, многія лѣта. А мы тебѣ,
 »Государю благочестивому, за твои шу-
 »ды и подвиги великіе со всеми Свящи-
 »щелами, со всеми православными Христі-
 »анамн кланяемъ.» Митрополициъ, Духо-
 »венство, сановники и народъ пали ницъ
 предъ Іоанномъ; слезы текли изъ глазъ;
 благословенія раздавались, долго и непре-
 рывно.

Тутъ Государь снялъ съ себя воин-
 скую одежду, возложилъ на плеча пор-
 фиру, на выю и на перси крестъ Жи-
 вонворящій, на главу вѣнецъ Мономаховъ,
 и пошелъ за свашими иконами въ Кремль;
 слушалъ молебенъ въ храмъ Успенія; съ
 любовію и благодарностію поклонилъ

мощамъ Россійскихъ Угодниковъ Божіихъ, Г. 1552.
 гробамъ своихъ предковъ; обходилъ всѣ
 храмы знаменитые, и спѣшилъ наконецъ
 во дворець. Царица еще не могла вспрѣ-
 шипъ его: лежала на постелѣ; но уви-
 дѣвъ супруга, забыла слабость и болѣзнь:
 въ воспоргъ упала къ ногамъ Держав-
 наго Героя, копорый, обнимая Анаспа-
 сію и сына, вкусилъ погда всю полнопу
 счастья, даннаго въ удѣлъ челоѵчеству.

Москва и Россія были въ неописан-
 номъ волненіи радости. Вездѣ въ опвер-
 сныхъ храмахъ благодарили Небо и Царя;
 оповсюду спѣшили усердные подданные
 видѣть лице Іоанна; говорили единсп-
 венно о великомъ дѣлѣ его, о преодолен-
 ныхъ трудностяхъ похода, усилияхъ,
 хитростяхъ осады; о зломномъ ожеспо-
 ченіи Казанцевъ, о блистательномъ му-
 жествѣ Россіянъ, и возвышались серд-
 цемъ, повторяя: »мы завоевали Царство!
 »что скажутъ въ свѣтѣ?»

Нѣсколько дней посвятивъ счастью
 семейственному, Іоаннъ, Ноября 8, далъ
 торжественный обѣдъ, въ Большой Гра-
 новилпой палатѣ, Митрополипу, Епи-
 скопамъ, Архимандрипамъ, Игуменамъ,
 Князьямъ Юрію Василіевичу и Владими-
 ру Андреевичу, всемъ Болрамъ, всемъ Вос-

Пиръ
во
двор-
цахъ
и
дворахъ
Іоан-
на

Г. 1551. водамъ, копорые мужествовали подъ Казанью. »Никогда, говорящъ Лѣтописцы, не видали мы таково великолѣпія, празднества, веселія во дворцѣ Московскомъ, ни таково щедрости.« Іоаннъ дарилъ всѣхъ, опѣ Митрополипа до простаго воина, ознаменованнаго или славною раною, или замѣченнаго въ спискѣ храбрыхъ; Князя Владиміра Андреевича жаловалъ шубами, златыми Фряжскими кубками и ковшами; Бояръ, Воеводъ, Дворянъ, Дѣтей Боярскихъ и всѣхъ воиновъ по достоянію одеждами съ своего плеча, бархашами, соболями, кубками, конями, доспѣхами или деньгами; при дни пировалъ съ своими знаменитѣйшими подданными, и при дни сыпалъ дары, коихъ по счету, сдѣланному въ казначействѣ, вышло на сорокъ-восемь тысячъ рублей (около милліона нынѣшнихъ), кромѣ богатыхъ опчинъ и помѣстьевъ, разданныхъ тогда воинскимъ и Придворнымъ чиновникамъ²⁹³.

Чтобы ознаменоватьъ взятіе Казани достойнымъ памяшникомъ для будущихъ сполѣній, Государь заложилъ великолѣпный храмъ Покрова Богоматери, у воротъ Флоровскихъ или Спасскихъ, о девяти куполахъ: онъ естъ донынѣ лучшее произведеніе такъ называемой Гоши-

ческой Архитектуры въ нашей древней Г. 1552. столицѣ²⁹⁴.

Сей Монархъ, озаренный славою, до восторга любимый опечесивомъ, завоевапель враждебнаго Царства, умиритель своего, великодушный во всѣхъ чувстввахъ, во всѣхъ намѣреніяхъ, мудрый Правитель, Законодатель, имѣлъ полько 22 года опѣ роженія: явленіе рѣдкое въ Истории Государствъ! Казалось, что Богъ хопѣлъ въ Іоаннъ удивить Россію и челоѣчество примѣромъ какого-то совершенства, великости и счастья на пронтъ . . . Но здѣсь восходитъ первое облако надъ лучезарною главою юнаго Вънценосца.

ПРОДОЛЖЕНІЕ ГОСУДАРСТВОВА-
НІЯ ІОАННОВА.

Крещеніе Царевича Димитрія и двухъ Царей Казанскихъ. Язва. Милежи въ землѣ Казанской. Болѣзнь Царя. Пустыничество Іоанново въ Кирилловъ монастырь. Смерть Царевича. Важная бесѣда Іоаннова съ бывшимъ Епископомъ Вассіаномъ. Рожденіе Царевича Іоанна. Бѣгство Князя Ростовскаго. Ересь. Умирненіе милежей въ Казанской землѣ. Учрежденіе Епархіи Казанской. Похороненіе Царевича Астраханскаго. Посольства Хивинское, Бухарское, Шавкалское, Тюменское, Грузинское. Подданство Черкесовъ. Дружба съ Ногаями. Дѣль Сибирская. Прибытіе Англійскихъ кораблей въ Россію. Посоль въ Англію. Дѣла Крымскія. Письмо Солтаново. Впаденіе Крымцевъ. Война Шведская. Сношенія съ Литвою. Нападеніе Дѣла Ржевскаго на Исламъ-Кирменъ. Князь Вишневецкій вступаетъ въ службу къ Царю и беретъ Хоринцу. Заповсаніе Темрюка и Тамана. Морь въ Ногайскихъ и Крымскихъ Улусахъ. Усердіе Вишневецкаго. Предложеніе союза Литвѣ. Дѣла Ливонскія. Важный замыселъ, приписываемый Іоанну. Соснодіе Ливоніи. Новое могущество Россіи. Лучшее образованіе войска. Начало войны Ливонской. Взятіе Нарвы. Завоеваніе Нейшлоса, Адежа, Пейгауза. Великодушіе Дерптскаго Бургомистра. Бѣгство Магистра. Новый Глава Ордена. Взятіе Дерпта и многихъ другихъ городовъ. Кеплеръ беретъ Риггенъ. Россіяне опустошаютъ Ливонію и Курляндію. За Ливонію ходатайствуютъ Короли

гольскихъ Шведскій, Датскій. Іоаннъ даетъ перемиріе Ливоніи. Нашествіе Крымцевъ. Впаденіе Россіяне въ Тавриду. Союзъ Ливоніи съ Августомъ. Магистръ нарушаетъ перемиріе. Славная защита Ланса. Угрозы Августовы. Гонимъ онъ Императора. Новое разореніе Ливоніи. Взятіе Мариенбурга. Победы К. Курбскаго, Ковчина Царицы Анастасіи.

Г. 1552 — 1560.

какъ скоро Анастасія могла вспань. Г. 1552. съ поспели, Государь отправился съ нею Крещеніе и съ сыномъ въ Обитель Троицкѣ, гдѣ шеніе Архіепископъ Ростовскій, Никандръ, крещеніе Царевича Димитрія у мощей Св. Сергія²⁹⁵. Димитрія. — Насыщенный мірекою славою, Іоаннъ заключилъ шоржесство государственное Христіанскимъ: два Царя Казанскіе, Утемишь-Гирей и Едигеръ, пріяли Вѣру Спасителя. Перваго, еще младенца, крещеніе Г. 1555. Крещеніе Митрополитъ въ Чудовъ монастырь и нарекъ Александромъ: Государь взялъ его къ себѣ во дворецъ и велѣлъ Крещеніе двухъ Царей Казанскихъ учить грамотѣ, Закону и добродѣтели²⁹⁶. Едигеръ самъ изъявилъ ревностное желаніе озариться свѣтомъ истины, и на вопросы Митрополита: » не нужда ли, не испрахъ ли, не мірская ли польза внушаесть ему сію мысль?« опвѣщивоваль рѣ-

Г. шипельно: »нѣтъ! люблю Исуса и не-
 1553. »навижу Магомеша!« Священный обрядъ
 совершился на берегу Москвы-рѣки, въ
 присутствіи Государя, Бояръ и народа.
 26 Мишрополишъ былъ воспріемникомъ ошъ
 Февр. купъли. Едигеръ, названный Симеономъ,
 удержалъ имя Царя; жилъ въ Кремль, въ
 особенномъ большомъ домѣ; имѣлъ Боя-
 рина, чиновниковъ, множество слугъ, и
 женился на дочери знашнаго сановника,
 Андрея Купузова, Маріи²⁹⁷; пользовался
 всегда милостию Государя и доказывалъ
 искреннюю любовь къ Россіи, забывъ,
 какъ смущную мечту, и прежнее свое
 Царство и прежнюю Вѣру.

Послѣ многихъ неописанно-сладост-
 ныхъ чувствъ душа Іоаннова уже вкуша-
 ла тогда горестъ. Смертоносная язва,
 копорая подъ именемъ *желъзы* споль
 Язва. часно опустошала Россію въ печеніе двухъ
 послѣднихъ вѣковъ, снова открылась во
 Псковѣ, гдѣ съ Октябрю 1552 до осени
 1553 года было погребено 25,000 тѣлъ
 въ скудельницахъ, кромѣ множества со-
 роненныхъ пайно въ лѣсу и въ оврагахъ
²⁹⁸ Узнавъ о семь, Новгородцы немед-
 ленно выгнали Псковскихъ купцевъ, объ-
 явивъ, что если кто-нибудь изъ нихъ
 прѣдетъ къ нимъ, то будетъ сожженъ

съ своимъ имѣніемъ. Осторожность и Г.
 строгость не спасли Новгорода: язва въ 1553.
 Октябрѣ же мѣсяцѣ начала свирѣпство-
 вать и памъ и во всѣхъ окресиноспяхъ.
 Полмиліона людей было ея жертвою;
 въ числѣ ихъ и Архіепископъ Серапіонъ,
 копорый не берегъ себя, упѣшая несча-
 стныхъ. На его опасное мѣсто Мишро-
 полишъ пославилъ Монаха Пимена Чер-
 наго изъ Андреяновской Пустыни; вмѣ-
 стѣ съ Государемъ поржественно молил-
 ся, свяпилъ воду — и Пимень, 6 Дека-
 бря съ умиленіемъ опслуживъ первую о-
 бѣдню въ Софійскомъ храмѣ, какъ бы
 припунилъ жало язвы: она сдѣлалась ме-
 нѣ смертоносною, по крайней мѣрѣ въ
 Новѣгородѣ.

Весьма оскорбился Государь и печальны-
 Ми вѣспями Казанскимъ, увидѣвъ, что онъ <sup>Мл-
вѣспи</sup>
 еще не все совершилъ для успокоенія Рос- <sup>възем-
ль Ка-
зан-
ской.</sup>
 сіи. Луговые и Горные жипели убивали
 Московскихъ купцевъ и людей Боярскихъ
 на Волгѣ²⁹⁹: злодѣвъ нашли и казнили
 74 человекъ; но скоро вспыхнулъ бунтъ:
 Вошяки и Луговая Черемиса не хотѣли
 плашить дани, вооружились, умерщвили
 нашихъ чиновниковъ, спали на высокой
 горѣ, у засѣки; разбили Стрѣльцовъ и
 Козаковъ, посланныхъ усмирить ихъ:

Г. 1555. 800 Россіянь легло на мѣстѣ. Въ семи-десяти верстахъ отъ Казани, на рѣкѣ Мещѣ, мясешники основали земляную крѣпость и непрестанно безпокоили Горную Спорону набѣгами. Воевода, Борисъ Салтыковъ, зимою вышучивъ противъ нихъ изъ Свіяжска съ опрядомъ пѣхошны и конницы, понуль въ глубокихъ снѣгахъ: непріятель, капясь на лыжахъ, окружилъ его со всѣхъ споронъ; въ долговременной, безпорядочной битвѣ Россіяне падали отъ усталости и поперали до плечи копѣи челоуѣкъ. Самъ Воевода былъ взятъ въ плѣнъ и зарѣзанъ варварами; не многіе возвратились въ Свіяжскъ, и буншовщики, гордясь двумя побѣдами, думали, что господство Россіянь уже кончилось въ спранъ ихъ.

Юаннъ вепоминлъ тогда мудрый совѣтъ опытныхъ Вельможъ не ославлять Казани до совершеннаго покоренія всѣхъ ея дикихъ народовъ³⁰⁰. Уныніе при Дворѣ было споль велико, что нѣкоторые Члены Царской Думы предлагали навсегда покинуть сію бѣдспвенную для насъ землю и вывести войско отсюда³⁰¹. Но Государь изъявилъ справедливое презрѣніе къ ихъ малодушію; хотѣлъ исправить свою ошибку, и вдругъ занемогъ сильною

Бо-
лезнь
Царя.

горячкою, такъ, что Дворъ, Москва, Рос- Г. 1553.
сія въ одно время свѣдали о болѣзни его и безнадежности къ выздоровленію. Всѣ ужаснулись, отъ Вельможъ до земледѣльца; мысленно искали вины своей предъ Богомъ, и говорили: »грѣхи наши должны бытъ безмѣрны, когда Небо опнимаешь у Россіи такого Самодержца³⁰²! Народъ толпился въ Кремль; смотрѣли другъ другу въ глаза и боялись спрашивать; вездѣ блѣдныя, слезами орошенныя лица — а во дворцѣ опчаяніе, смущеніе неописанное, шайный шопотъ между Боярами, которые думали, что въ семъ бѣдспвенномъ случаѣ имъ должно не спенать и не плакать, но великодушно устроить судьбу Государства. Предспавилось зрѣлице разишельное. Юаннъ былъ въ памя- Мар-
та II.
ти. Дьякъ Царскій, Михайловъ, прислу- нивъ къ одру, съ пвердспію сказалъ болящему, что ему время совершить духовную. Не смотря на цвѣтущую юность, въ полношѣ жизни и здравія, Юаннъ часно говаривалъ о томъ съ людьми ближними³⁰³; не успрашилъ, и спокійно велѣлъ писать завѣщаніе, объявивъ сына, младенца Димитрія, своимъ преемникомъ, единспвеннымъ Государемъ Россіи. Бумагу написали; хотѣли ушвердить

Г. 1553. ее присягою всѣхъ знапнѣйшихъ сановниковъ, и собрали ихъ въ Царской споловой комнашѣ. Тутъ начался споръ, шумъ, мятежь: одни требовали, другіе не давали присяги, и въ числѣ послѣднихъ Князь Владиміръ Андреевичъ, который съ гнѣвомъ сказалъ Вельможѣ Воропынскому, укоряющему его въ послушаніи: «смѣешь ли браниться со мною?» *Слыго и драгься, отвѣшпшоваль Воропынскій, по долгу усерднаго слуги моихъ и твоихъ Государей, Иоанна и Димитрія; не я, но они повелываютъ тебѣ исполнить обязанность вѣрнаго Россіянина* Иоаннъ позвалъ ослушныхъ Бояръ и спросилъ у нихъ: «Кого же думаете избрать въ Цари, отказываясь цѣловать крестъ на имя моего сына? Развѣ забыли вы данную вами кляпшу служиши единственно мнѣ и дѣшямъ моимъ?.. Не имѣю силъ говориши много,» примолвилъ онъ слабымъ голосомъ: «Димитрій и въ пеленахъ естъ для васъ Самодержецъ законный; но если не имѣете совѣспи, то будете отвѣшпшовать Богу.» На сіе Бояринъ Князь Иванъ Михайловичъ Шуйскій сказалъ ему, что они не цѣловали креста, ибо не видали Государя предъ собою; а Федоръ Адашевъ, опецъ любимца Иоаннова, саномъ Околь-

ничій, изъяснилъ опкровеннѣе такими Г. 1553. словами: «Тебѣ, Государю, и сыну шво-»ему мы усердспвуемъ повиновашься, но «не Захарьинымъ-Юрьевымъ, копорые безъ «сомнѣнія будутъ влашпшовашь въ Россіи «именемъ младенца безсловеснаго. Вопъ «что спрашишь насъ! А мы, до швогого «возраспа, уже испили всю чашу бѣдсп- «вій опъ Болрскаго правленія.» Иоаннъ безмолвспшоваль въ изнеможеніи. Самодержецъ чувспшоваль себя проспнымъ, слабымъ смерпнымъ у могилы: его любили, оплакивали, но уже не слушались, не берегли: забывали священнѣй долгъ покоишъ умирающаго; шумѣли, кричали надъ самымъ одромъ безгласно-лежащаго Иоанна — и разошлись.

Чего же хотѣли сіи дерзкіе сановники, можетъ быши дѣйспвишельно одушевленные любовію къ общему благу, дѣйспвишельно успрашенные мыслию о гибельныхъ для опечеспва смупахъ Боярскихъ, копорыя снова могли водворишья въ Правительспвующей Думѣ, къ ужасу Россіи, въ малолѣспство Димитрія? Они хотѣли возложиши вѣнецъ на главу брата Иоаннова — не Юрія: ибо сей несчастный Князь, обиженный Природою, не имѣль ни разсудка, ни памяти³⁰⁴ — но

Г. Владиміра Андреевича, одареннаго многими блестящими свойствами: умомъ любовнымъ, оспрымъ, дѣятельнымъ, мужествомъ и твердостью. Предполагая самое чистое, благороднѣйшее побужденіе въ сердцахъ Бояръ, Дѣлописецъ справедливо осуждаетъ ихъ замышлять самовольно испровергнуть наследственный успавъ Государства, со временъ Димитрія Донскаго утверждаемый торжественною присягою, основанный на общемъ благѣ, плодъ долговременныхъ, старыхъ опытовъ и причину новаго могущества Россіи. Въ человѣческіе законы имѣютъ свои опасности, неудобства, иногда вредныя слѣдствія; но бывають душою порядка, священны для благоразумныхъ, правдивыхъ людей, и служатъ оплотомъ, твердиною Державъ. Предвидѣніе ослупныхъ Бояръ могло и не исполниться: но если бы малолѣтство Царя и произвело временныя бѣдствія для Россіи, то лучше было сносить оныя, нежели нарушеніемъ главнаго успава государственнаго ввергнуть опечество въ бездну всегдашняго мятежа неизвѣстностию наследственнаго права, сноль важнаго въ Монархіяхъ.

Къ счастью, другіе Бояре остались

вѣрными совѣси и закону. Въ пощъ же Г. 1555. вечеръ Князя Иванъ Ѳедоровичъ Мстиславскій, Владиміръ Ивановичъ Воронинскій, Димитрій Палецкій, Иванъ Васильевичъ Шстремешевъ, Михайло Яковлевичъ Морозовъ, Захарыны - Юрьевы, Дьякъ Михайловъ присягнули Царевичу; также и юный другъ Государевъ, Алексѣй Адашевъ. Между тѣмъ донесли Иоанну, что Князя Пешръ Щеняшевъ, Иванъ Пронскій, Симеонъ Ростовскій, Димитрій Нѣмьинъ-Оболенскій во дворецъ и на площади славашъ Князя Владиміра Андреевича, говоря: «лучше служимъ старому, нежели малому и рабѣтствовашъ Захарынымъ». Испощая послѣднія силы свои, Государь хотѣлъ видѣть Князя Владиміра и пакъ называемою *цѣловальною записью* обязать его въ вѣрности: сей Князь торжественно опрекся опъ присяги. Съ удивительною кропостию Иоаннъ сказалъ ему: «Вижу пвое намѣреніе: «бойся Всевышняго!» а Боярамъ, давшимъ кляпву: «Я слабѣю; оставьте меня и дѣйсвуйте по долгу чести и совѣси.» Они съ новою ревностию начали убѣждать всѣхъ Думныхъ Совѣтниковъ исполнить волю Государеву. Имъ опѣсцово-

Г. вали: » Знаемъ, чего вы желаете: бышь
1553. господами; но мы не сдѣлаемъ по вашему.« Называли другъ друга измѣнниками, властлюбцами; гнѣвъ, злоба кипѣли въ сердцахъ, и каждое слово съ обѣихъ споронъ было угрозою.

Въ часы сего ужаснаго смятенія Князь Владиміръ Андреевичъ и мать его, Евфросинія, собирали у себя въ домъ Дѣшей Боярскихъ и раздавали имъ деньги. Народъ изъявлялъ негодованіе. Благоразумные Вельможи говорили Князю Владиміру, что онъ безразсудно ругается надъ общемою скорбію, какъ бы праздноу болѣзнь Царя; что не время жаловашъ людей, когда опечесство въ слезахъ и въ спрахѣ. Князь и мать его опвѣчали словами колкими, съ досадою; а Бояре, окружающіе Государя, уже не хопѣли пукашъ къ нему сего, явно злонамѣреннаго брапа. Тутъ выступилъ на позорище чрезвычайный мужъ, Сильвестръ, доселѣ главный совѣтникъ Іоанновъ, ко благу Россіи, но къ шайному неудовольствію многихъ, копорые видѣли, что проспый Іерей управляетъ и Церковію и Думою: ибо (по словамъ Лѣтописца) ему недоспавало только сѣдалища Царскаго и Священельскаго: онъ указывалъ и Вель-

можамъ и Митрополиту, и судіамъ и Г.
Воеводамъ³⁰⁵; мыслилъ, а Царь дѣлалъ. 1553.
Сія власпъ, не будучи беззаконіемъ и происходя единспвенно опъ справедливой довѣренности Государевой къ мудрому совѣспнику, могла однакожь измѣнить чистопу его первыхъ намѣреній и побужденій; могла родить въ немъ любовь къ господспву и желаніе утвердить оное навсегда: искушеніе опасное для добродѣтели! Всѣми уважаемый, не всѣми любимый, Сильвестръ терялъ съ Іоанномъ полиническое бышіе свос, и соглашая личное властлюбіе съ пользою государспвенною, *можетъ быть*, шайно доброхотспвовалъ споронъ Князя Владиміра Андреевича, связаннаго съ нимъ дружбою. По крайней мѣрѣ, вида оспервененіе ближнихъ Іоанновыхъ пропивъ сего Князя, онъ вступилъ за него и говорилъ съ жаромъ: »кто дерзаетъ удалять брапа опъ брапа и злословить невиннаго, желаютцаго лишь слезы надъ боляцимъ?» Захарѣины и другіе опвѣспствовали, что они исполняютъ присягу, спужаютъ Іоанну, Димитрію, и не шерпятъ измѣнниковъ. Сильвестръ оскорбился и навлекъ на себя подозрѣніе.

Въ слѣдующій день Государь вню-
Толь VIII 11.

Г. рично созвалъ Вельможъ и сказалъ имъ:
 1555. »Въ послѣдній разъ пребую опъ васъ
 »присяги. Цѣлуйте крестъ предъ моими
 »ближними Боярами, Князьями Мстислав-
 »скимъ и Воропынскимъ: я не въ силахъ
 »быть того свидѣтелемъ. А вы, уже дав-
 »шіе клятву умереть за меня и за сына
 »моего, вспомните оную, когда меня не
 »будетъ; не допустите вѣроломныхъ изве-
 »стии Царевича: спасите его; бѣгите съ
 »нимъ въ чужую землю, куда Богъ укажетъ
 »вамъ путь! . . . А вы, Захарьины, чего
 »ужасаетесь? Поздно щадить вамъ мятеж-
 »ныхъ Бояръ: они не пощадятъ васъ; вы
 »будете *первыми мертвецами*. И пакъ
 »явите мужество: умрите великодушно
 »за моего сына и за мать его; не дайте
 »жены моей на поруганіе измѣнникамъ!
 Сія слова произвели сильное дѣйствіе въ
 сердцѣ Бояръ; они солрогнулись, и без-
 молвствуя вышли въ переднюю комнату,
 гдѣ Дьякъ Иванъ Михайловъ держалъ
 крестъ, а Князь Владиміръ Воропын-
 скій стоялъ подлѣ него. Всѣ присягали
 въ тишинѣ и съ видомъ умиленія, мо-
 ля Всевышняго, да спасетъ Юанна, или
 да будетъ сынъ его подобенъ ему для
 счастья Россіи! Одинъ Князь Иванъ Прои-
 скій-Туруншай, взглянувъ на Воропын-

скаго, сказалъ ему: »опецъ швой и ты
 I.
 1555.
 »самъ былъ первымъ измѣнникомъ по кон-
 »чинѣ Великаго Князя Василія; а теперь
 »приводишь насъ къ святому кресту!« Во-
 »ропынскій отвѣчалъ ему спокойно: »да, я
 »измѣнникъ, а пребую опъ себя клян-
 »вы быть вѣрнымъ Государю нашему и
 »сыну его; ты праведенъ, а не хочешь
 »дать се!» Туруншай замѣчался и при-
 сянулъ.

Но сей священный обрядъ не всѣхъ
 утвердилъ въ вѣрности. Князь Дми-
 трій Палецкій, свать Государевъ, тесъ
 Юрія, тогда же послалъ зятя своего,
 Василія Бороздина, къ Князю Владиміру
 Андреевичу и къ матери его, сказать
 имъ, что если они дадутъ Юрію Удѣлъ,
 назначенный ему въ духовномъ завѣща-
 ннн Великаго Князя Василія, то онъ
 (Палецкій) гоповъ, вмѣстѣ съ другими,
 помогать имъ и возвести ихъ на пре-
 споль! Еще двое изъ Вельможъ оста-
 вались въ подозрѣніи: Князь Дмитрій
 Курляшевъ, другъ Алексѣя Адашева, и Каз-
 начей Никипа Фуниковъ; они не были во
 дворцѣ за болѣзнію, но, по увѣренію до-
 носителей, имѣли пайное сношеніе съ
 Княземъ Владиміромъ Андреевичемъ. Кур-
 ляшевъ на шрешій день, когда уже все

Г. 1553. записало, велѣлъ нести себя во дворець и присягнулъ Димитрію: Фуниковъ также, но послѣдній. Самъ Князь Владиміръ Андреевичъ обязался кляпвенною грамотою *не думать о Царствѣ* и въ случаѣ Іоанновой кончины повиноваться Димитрію какъ своему законному Государю³⁰⁶; а мать Владимірова долго не хотѣла положить Княжеской печати къ сей грамотѣ; наконецъ исполнила рѣшительное требованіе Бояръ, сказавъ: «что значить присяга *невольная*?»

Сии два дни смятенія и превози довели слабость болящаго до крайней степени; онъ казался въ усыпленіи, которое могло быть предверіемъ смерти. Но дѣйствія Природы неизъяснимы: чрезвычайное напряженіе силъ иногда губить, иногда спасаетъ въ жестокомъ недугѣ. Въ какомъ волненіи была душа Іоаннова? Жизнь мила въ юности: его жизнь украшалась еще славою и всѣми ласкательными надеждами вѣщеносной добродѣтели. Въ кипѣніи силъ и чувствительности касаться гроба, падать съ гроба въ могилу, видѣть спрашное измѣненіе въ лицахъ: въ безмолвныхъ дошолѣ подданныхъ, въ усердныхъ любимцахъ непослушаніе, спрощивость; Го-

сударю самовластному уже зависѣнь опытѣ шѣхъ, коихъ судьба зависѣла прежде опытѣ его слова; смиренно молишь ихъ, да спасушь, хотя въ изгнаніи, жизнь и честь его семейства! Іоаннъ перенесъ ужасъ такихъ минушь; огонь души усилилъ дѣлительность Природы, и болящій выздоровѣлъ, къ радости всѣхъ и къ безпокойству нѣкопорохъ. Хотя Князь Владиміръ Андреевичъ и единомышленники его исполнили наконецъ волю Іоаннову и присягнули Димитрію; но могъ ли Самодержецъ забыть мятежь ихъ и муку души своей, ими расперзанной въ минушь его боренія съ ужасами смерти? . .

Что жъ сдѣлалъ Іоаннъ³⁰⁷? вспалъ съ одра исполненный милоспи ко всѣмъ Боярамъ, благоволенія и довѣренности къ прежнимъ друзьямъ и совѣщникамъ; далъ санъ Боярскій опцу Адашева, который смѣле другихъ опровергалъ Царское завшчаніе³⁰⁸; честилъ, ласкалъ Князя Владиміра Андреевича; однимъ словомъ, не хотѣлъ помнить, что случилось въ болязнь его, и казался только признавательнымъ къ Богу за свое чудесное исцѣленіе!

Такова была наружность; но въ сердцѣ осталась рана опасная. Іоанну внушали, что не только Сильвестръ, но и

1555. Г. юный Адашевъ тайно держалъ сторону Князя Владиміра³⁰⁹. Не сомнѣваясь въ ихъ усердіи ко благу Россіи, онъ началъ сомнѣваться въ ихъ личной привязанности къ нему; *увѣжая* того и другаго, проспыль къ нимъ въ *любви*; обязанный имъ главными успѣхами своего царствованія, страшился быть неблагодарнымъ, и соблюдалъ единственно приспойность; шесть лѣтъ усердно служивъ добродѣтели и вкусивъ всю ея сладость, не хотѣлъ измѣнить ей, не мстилъ никому явно, но съ усиленіемъ, которое могло ослабить въ продолженіе времени. Всего хуже было то, что супруга Іоаннова, дополь согласно съ Адашевымъ и Сильвеспромъ пипавъ въ немъ любовь къ свяшой нравственности, опдѣлилась опть нихъ тайною неприязнію³¹⁰, думая, что они имѣли намѣреніе пожертвовашъ ею, сыномъ ея и брашьями выгодамъ своего особеннаго честолюбія. Анаспасія способствовала, какъ вѣрояшно, оспудѣ Іоаннова сердца къ друзьямъ. Съ сего времени онъ неприлпнымъ образомъ почувспивовалъ свою опть нихъ зависимость³¹¹, и находилъ иногда удовольствіе не соглашашься съ ними, дѣлашъ по-своему: въ чемъ, какъ пишущъ, еще болѣе утвердило Царя слѣдующее происшествіе

Исполняя обѣщаніе, данный имъ въ бо-
 лѣзни, Іоаннъ объявилъ намѣреніе ѣхашъ
 въ монастырь Св. Кирилла Бѣлозерскаго
 вмѣстѣ съ Царицею и сыномъ. Сіе опда-
 ленное путешествованіе казалось нѣкопо-
 рымъ изъ его ближнихъ совѣтниковъ не-
 благоразумнымъ: представляли ему, что
 онъ еще не совсѣмъ укрѣпился въ си-
 лахъ; что дорога можетъ быть вредна
 и для младенца Димитрія; что важныя
 дѣла, въ особенности бунты Казанскіе,
 требующъ его присутствія въ сполит-
 цѣ. Государь не слушалъ сихъ представ-
 леній и поѣхалъ сперва въ обители
 Св. Сергія. Тамъ, въ старости, пишяшъ
 и моливъ жилъ славный Максимъ Грекъ,
 сосланный въ Тверь Великимъ Княземъ Ва-
 сіемъ³¹², по освобожденный Іоанномъ какъ
 невинный спрадалецъ. Царь поспыль кѣ-
 лію сего добродѣтельнаго мужа, кото-
 рый, бесѣдуя съ нимъ, началъ говорить
 объ его путешествіи. «Государь!» ска-
 залъ Максимъ, вѣрояшно по внушенію
 Іоанновыхъ совѣтниковъ: «приспойноли
 » тебѣ скипашься по дальнимъ монасты-
 » рямъ съ юною супругою и съ младен-
 » цемъ? Обѣщанія неблагоразумныя угодны
 » ли Богу? Вездѣущаго не должно искази-
 » шодько въ пусыняхъ: весь міръ испол-

Г.
1553.
Путе-
шес-
ствіе
Іоан-
ново
въ
Ки-
рил-
ловъ
мона-
стырь

Май.

Г. 1553. **Генъ Его.** Если желаешь изъяснить ревностную признательность къ Небесной благости, по благопвори на престолахъ. Завоеваніе Казанскаго Царства, счастливое для Россіи, было гибелію для многихъ Христіанъ; вдовы, сироты, матери избіенныхъ лютыя слезы: утѣши ихъ своею милостию. Воиъ дѣло Царское³¹³! Иоаннъ не хотѣлъ опмѣнить своего намѣренія. Тогда Максимъ, какъ увѣряющъ, велѣлъ сказать ему чрезъ Алексея Адашева и Князя Курбскаго, что Царевичъ Димитрій будетъ жерпивою его упрямства. Иоаннъ не испугался пророчества: поѣхалъ въ Дмитровъ, въ Пѣсношскій Николаевскій монастырь, опшуда на сулахъ рѣками Яхромою, Дубною, Волгою, Шексною въ Обишель Св. Кирилла, и возвратился чрезъ Ярославль и Росповъ въ Москву безъ сына: предсказаніе Максимова сбылося: Димитрій скончался въ дорогѣ³¹⁴. — Но важнѣйшимъ обстоятельствомъ сего, такъ называемаго *Кирилловскаго пзда* было Иоанново свиданіе въ монастырь Пѣсношскомъ, на берегу Яхромы, съ бывшимъ Коломенскимъ Епископомъ Вассіаномъ, который пользовался нѣкогда особенною милостию Великаго Кнзя Василія, но въ Болгарское

Юль.
Смерть
Царевича
Дмитрия.

правленіе лишился Епархіи за свое лукавство и жестокосердіе³¹⁵. Маслиная старость не смягчила въ немъ души: склоняясь къ могилѣ, онъ еще кипалъ мирскія спрасны въ груди, злобу, ненависть къ Болрамъ. Иоаннъ желалъ лично узнать человека, заслужившаго довѣренность его родителея; говорилъ съ нимъ о временахъ Василія и пребывалъ у него совѣтникомъ, какъ лучше править Государствомъ. Вассіанъ опвѣщивалъ ему на ухо: «Если хочешь быть истиннымъ Самодержцемъ, по не имѣй совѣтниковъ мудре себя; держись правила, что ты долженъ учиться, а не учишься — повѣляешь, а не слушаешься. Тогда будешь твердъ на Царствѣ и грозою Вельможъ. Совѣтникъ мудрѣйшій Государя неминуемо овладѣетъ имъ.» Сіи ядовитыя слова проникли во глубину Иоаннова сердца. Схвативъ и поцѣловавъ Вассіанову руку, онъ съ живостию сказалъ: *самъ отецъ мой не далъ бы мнѣ лучшаго совѣта!*... «Нѣтъ, Государь! могли бы мы возразить ему: нѣтъ! совѣтъ, шебъ данный, внушенъ духомъ лжи, а не истины. Царь долженъ не властвовать пополько, но властвовать благодѣтельно: его мудрость, какъ человѣческая, имѣетъ ну-

Г. 1553.
Важная бесѣда Иоаннова съ бывшимъ Епископомъ Вассіаномъ.

Г. 1553. жду въ пособіи другихъ умовъ, и пѣмъ превосходише въ глазахъ народа, чѣмъ мудрѣ совѣшники, имъ выбираемые. Монархъ, опасаясь *улиныхъ*, впадаетъ въ руки *хитрыхъ*, которые въ угодность ему припворяются даже глазами; не плѣняя въ немъ разума, плѣнявъ спраспъ, и поведущъ его къ своей цѣли. Цари должны опасаться не мудрыхъ, а коварныхъ или безмысленныхъ совѣшниковъ. « Съ такими или подобными разсужденіями описываетъ Князь Курбскій злою бесѣду спарца Вассіана, кошорая, по его увѣщенію, расплила душу юнаго Монарха.

Но еще долгое время онъ не переѣнился *явно*: чинилъ мужей добродобивыхъ, съ уваженіемъ слушалъ наспавленія Сильвеспровы, ласкалъ Адашева, и далъ ему санъ Окольничаго³¹⁶, упопробляя его, вмѣстѣ съ Дьякомъ Михайловымъ, въ важнѣйшихъ дѣлахъ вѣшней Полицики. Чрезъ девять мѣсяцевъ утѣшеннй рожденіемъ вѣорато сына, Іоанна³¹⁷, Государь въ новомъ, тогда написанномъ завѣщаніи показалъ величайшую довѣренность къ брату, Князю Владиміру Андреевичу: объявилъ его, въ случаѣ своей смерти, не только опекуномъ юнаго Царя, не только Государственнмъ Правителемъ, но

Рожденіе Царевича Іоанна.

и наследникомъ Трона, если Царевичъ Г. Іоаннъ скончается въ малолѣтствѣ; а¹⁵⁵³ Князь Владиміръ далъ кляпву быши вѣрнымъ совѣши и долгу, не щадитъ ни самой матери, Княгини Евфросиніи, если бы она замыслила какое либо зло противъ Анастасіи или сына ея; не знаетъ ни мещи, ни приспраспія въ дѣлахъ государственныхъ, не вершитъ оныхъ безъ вѣдома Царицы, Митрополиша Думныхъ Совѣшниковъ, и не держатъ у себя въ Московскомъ домѣ больше спта воиновъ³¹⁸. — Въ Бг-ство Князя Роспоскаго. самыхъ справедливыхъ наказаніяхъ Государь, какъ и прежде, слѣдовалъ движеніемъ милосердія; на примѣръ: Князь Симеонъ Роспосвскій, знашнй Вельможа, оказавъ себя въ болѣзнь Государя противникомъ его воли, не могъ быши спокоенъ духомъ; не вѣрилъ наружной пихости Іоанновой, мучился спрахомъ, вздумалъ бѣжати въ Липву съ братьями и племянниками; сносился съ Королемъ Августомъ, съ Липовскими Думными Панами, открывалъ имъ государственные тайны, давалъ вредные для насъ совѣшы, чернилъ Царя и Россію. Онъ послалъ къ Королю своего ближняго, Князя Никишу Лобанова-Роспоскаго: его оспановили въ Торонць, допросили, узнали измѣну; и Князь Симеонъ, взяшій

Г. 1552. подъ спражу, самъ во всемъ признался, извиняясь скудоспію и малоуміемъ. Бояре единогласно осудили пресступника на смерщную казнь; но Государь, внявъ моленію Духовенства, смягчилъ рѣшеніе суда: Князя Симеона *выставили на позоръ* и заповчили на Бѣлоозеро. — Въ дѣлѣ иного рода оказалось также милосердіе Іоанново. Донесли Государю, что возникаетъ Ересь. опасная ересь въ Москвѣ; что нѣкто Машвѣй Башкинъ проповѣдуетъ ученіе совсѣмъ не-Христіанское, отвергаетъ таинства нашей Вѣры, Божественность Христа, дѣянія Соборовъ и святость Угодниковъ Божіихъ. Его взяли въ допросъ: онъ заперся, называя себя истиннымъ Христіаниномъ; но посаженный въ шемницу, началъ посковашъ, открылъ ересь свою ревностнымъ Инокамъ Іосифовскаго монастыря, Герасиму и Филоею; самъ описалъ ее, наименовалъ единомышленниковъ, Ивана и Григорія Борисовыхъ, Монаха Бѣлобаева и другихъ; сказалъ, что развращителями его были Каполики, Апшекать Машвѣй Липвинъ и Андрей Хотѣевъ; что какіе-то Заволжскіе Спарцы въ искренней бесѣдѣ съ нимъ объявили ему такое же мнѣніе о Христѣ и Святыхъ; что будто бы Рязан-

скій Епископъ Кассіанъ благопріятствовалъ ихъ заблужденію, и проч.⁵¹⁹. Царь 1553. и Мишрополищъ, Соборомъ уличивъ ерешиковъ, не хотѣли употребить жестокой казни: осудили ихъ единственно на заповченіе, да не съюощъ соблазна между людьми; а Епископа Кассіана, разбишаго параличемъ, опешавили.

Доказавъ, что болѣзнь и горестность ея слѣдствія не ожесточили его сердца — что онъ умѣетъ быть выше обыкновенныхъ спраспей человѣческихъ и забываетъ личныя, самыя чувствительныя оскорбленія — Іоаннъ съ прежнею ревностію занялся дѣлами государственнымъ, 1553. —57. изъ коихъ главнымъ было тогда усмиреніе завоеваннаго имъ Царства. Онъ послалъ Данила Адашева, брата Алексѣева, съ Дѣтьми Боярскими и съ Вяпчанами на Каму⁵²⁰; а знаменитыхъ доблестію Воеводъ, Князя Симеона Микулинскаго, Ивана Шеремешева и Князя Андрея Михайловича Курбскаго въ Казань со многими полками. Они выступили зимою, въ самыя жестокіе морозы; воевали цѣлый мѣсяць въ окрестностяхъ Камы и Мещи; разорили тамъ новую крѣпость, сдѣланную мяшежниками; ходили за Ашищъ, Уржумъ, до самыхъ Вяпскихъ и Башкир-

Усмиреніе мяшежей въ Казанской землѣ.

Г. 1555. скихъ предѣловъ; сражались ежедневно въ дикихъ лѣсахъ, въ снѣжныхъ пустыняхъ; убили 10,000 непріятелей и двухъ злѣйшихъ враговъ Россіи, Князя Янчуру Измаильянина и богатыря Черемисскаго Алеку; взяли въ плѣнъ 6000 Ташаръ, а женъ и дѣтей 15,000. Князя Иванъ Мстиславскій и Михайло Васильевичъ Глинскій воевали Луговую Черемису, захватили 1600 имениныхъ людей, Князей, Мурзъ, чиновниковъ Ташарскихъ, и всѣхъ умертвили. Воеводы и сановники, дѣйствуя ревностно, неупомимо, получили отъ Государя *золотыя медали*, десную награду сего времени: ими вишязи украшали грудь свою вмѣсто нынѣшнихъ крестовъ Орденскихъ ³²⁴. — Еще бунтъ не угасалъ; еще бѣглецы Казанскіе укрывались въ ближнихъ и дальнихъ мѣстахъ, вездѣ волнуетъ народъ; грабили, убивали нашихъ купцевъ и рыболововъ на Волгѣ; строили крѣпости; хотѣли возстановить свое Царство. Одинъ изъ Луговыхъ Сопниковъ, Мамичъ Бердей, призвавъ какого-то Ногайскаго Князя, далъ ему имя Царя, но самъ умертвилъ его какъ неспособнаго и малодушнаго: опрубивъ ему голову, взопкнулъ ее на высокое дерево и сказалъ: «Мы взяли тебѣ на Царство для войны и побѣды; а ты съ своею дружиною умѣлъ поль-

»ко объѣдать насъ! Теперь да царствуй тебѣ голова твоѣ на высокомъ престолѣ» ¹⁵⁵³ — 57. ³²⁵ Сего опаснаго мятежника Горные жители заманили въ сѣни: дружелюбно звали къ себѣ на пиръ, схватили и опослали въ Москву: за что Государь облегчилъ ихъ въ налогахъ. Нѣсколько разъ земля Арская присягала и снова измѣняла: Луговая же долѣе всѣхъ упорствовала въ мятежѣ. Россіяне лишь лишь не опускали меча: жгли и рѣзали. Безъ пощады губятъ вѣроломныхъ, Іоаннъ награждаетъ вѣрныхъ: многіе Казанцы добровольно крестились; другіе, не ославляя Закона отцевъ своихъ, вмѣстѣ съ первыми служили Россіи. Имъ давали землю, пашню, луга и все нужное для хозяйства. Наконецъ усилія бунтовщиковъ ослабли; вожди ихъ погибли все безъ исключенія, крѣпости были разрушены, другія (Чебоксары, Лаишевъ) вновь построены нами и заняты Спирѣльцами. Вотьяки, Черемисы, самые отдаленные Башкирцы приносили дань, требуя милосердія. Весною въ 1557 году Іоаннъ въ сію несчастную землю, наполненную пепломъ и могилами, послалъ Спрянчаго, Семена Ярцова, съ объявленіемъ, что ужасы ратные миновались, и что народы ея

Г. 1553
—57. могутъ благоденствоватьъ въ пишинѣ какъ вѣрные подданные Бѣлаго Царя. Онъ милосердиво принялъ въ Москвѣ ихъ Спартѣйшинъ и далъ имъ жалованныя грамоты.

Съ того времени Казань сдѣлалась мирною собственностію Россіи, сохраняя имя Царства въ титулѣ нашихъ Монарховъ. Иоаннъ въ 1553 году Соборомъ Духовенства успавилъ для ея новыхъ Христіанъ особенную Епархію; далъ ей Архіепископа, уступавшаго въ спартѣйшинствѣ одному Новгородскому Владыкѣ; подчинилъ его духовному вѣдомству Свіяжскъ, Васильгородъ и Вяпку; опредѣлилъ въ жалованье на церковныя расходы десятину изъ доходовъ Казанскихъ³²⁵. Первымъ Священникомъ былъ шамъ Гурій, Игуменъ Селижарова монастыря. Съ какою ревностію сей добродѣтельный мужъ, причисленный нашею Церковію къ лику Угодниковъ Божіихъ, насаждалъ въ своей пасхѣ Вѣру Спасителю, средспвами истинно Христіанскими, ученіемъ любви и кротости: съ такимъ усердіемъ Намѣстникъ Государевъ, Князь Пешръ Ивановичъ Шуйскій, образовалъ сей новый край въ гражданскомъ порядкѣ, изглаждая слѣды опустошеній, водворяя спокой-

ствіе, оживляя торговлю и земледѣліе. Г. 1553
—57. Села Царскія и Княжескія были отданы Архіепископу, монастырямъ и Дѣтямъ Боярскимъ³²⁴.

Совершилось и другое, менѣ прудное, но также славное завоеваніе. Издревле, еще до начала Державы Россійской, при устьѣ Волги существовалъ городъ Козарскій, знаменитый торговлею, Апелъ или Балангаръ³²⁶; въ XIII вѣкѣ онъ принадлежалъ Аланамъ, именуемый Сумеркенпомъ³²⁶, а въ нашихъ лѣтописяхъ сдѣлался извѣстенъ подъ именемъ *Асторокани*, будучи владѣніемъ Золотой Орды, и со времени ея паденія столицею особенныхъ Хановъ, единоплеменныхъ съ Ногайскими Князьями. Тѣснимые Черкесами, Крымцами, сіи Ханы слабые, невоинственные, искали всегда нашего союза, и послѣдній изъ нихъ, Ямгурчей, хопѣлъ даже, какъ мы видѣли³²⁷, быть данникомъ Иоанновымъ, но, обольщенный покровительствомъ Султана, обманулъ Государя: приспалъ къ Девлетъ-Гирею и къ Юсуфу, Ногайскому Князю, опцу Сююбекину, которъ возненавидѣлъ Россію за плѣтъ его дочери и внука, сверженнаго нами съ престола Казанскаго. Посла Московскаго обезчестили въ Аспрахани и

Покореніе Царства Аспраханскаго.

Г. 1553
- 57. держали въ неволь³²⁸: Государь воспользовался симъ случаемъ, чпобы, по мнѣнію погдашнихъ *книжниковъ*, возврапитъ Россіи ея древнее достояніе, гдѣ будшо бы княжилъ нѣкогда сынъ Св. Владиміра, Мстиславъ: ибо они считали *Астрахань* древнимъ *Тмутороканемъ*, основывался на сходствѣ имени³²⁹. Мурзы Ногайскіе, Исмаилъ и другіе, непріатели Юсуфовы, утверждали Іоанна въ семъ намѣреніи: молили его, чпобы онъ далъ Астрахань изгнаннику Дербышу, ихъ родспвеннику, бывшему тамъ Царемъ прежде Ямгурчей, и хотѣли помогать намъ всѣми силами³³⁰. Государь, призвавъ Дербыша изъ Ногайскихъ Улусовъ, весною въ 1554 году послалъ съ нимъ на судахъ войско, не многочисленное, но опборное: оно состояло изъ Царскихъ Дворянъ, Жильцовъ, лучшихъ Дѣпей Боярекихъ, Спрѣльцовъ, Козаковъ, Вяпчанъ. Предводителями были Князь Юрій Ивановичъ Пронскій-Шемякинъ и Постельничій Игнапій Вешняковъ, мужъ оплично храбрый³³¹. 29 Іюня, достигнувъ Переволоки, Шемякинъ опрядилъ впередъ Князя Александра Вяземскаго, который близъ Чернаго оспрова встрѣпилъ и побилъ нѣсколько сотнъ Аспраханцевъ, высланныхъ развѣдать о

нашей силѣ. Узнали опть плѣнниковъ, чшо Г. 1553
Ямгурчей споптъ пяпъ верстъ ниже — 57.
города, а Таптары засѣли на оспровахъ, въ своихъ Улусахъ. Россіане плыли мимо сполицы Башыевой, Сарая, гдѣ 200 лѣтъ Государи наши унижались предъ Ханами Золотой Орды; но памть были уже однѣ развалины! Видѣть, во время славы, памтники минувшаго спыда легче, нежели во время уничиженія видѣть памтники минувшей славы! . . . Въ сей нѣкогда ужасной спранѣ, *полной мечей и копій*, обитала погда безоружная, мирная робосшь: все бѣжало — и граждане и Царь. Шемякинъ 2 Іюля вступилъ въ безлюдную Аспрахань; а Князь Вяземскій нашелъ въ Ямгурчевомъ спанѣ не мало кипушыхъ пушекъ и пицалей. Гнались за бѣгущими во всѣ споронны, до Бѣлаго озера и Тюмени: однихъ убивали, другихъ вели въ городъ, чпобы дать подданныхъ Дербышу, объявленному Царемъ въ пустынной сполицѣ. Ямгурчей съ двадцатью воинами ускакалъ въ Азовъ. Настигли только женѣ и дочерей его³³²; также многихъ знашныхъ чиновниковъ, которые всѣ хотѣли служить Дербышу и зависть опть Россіи, шребуя единспвенно жизни и свободы личной. Ихъ предспа-

Г. вили новому Царю: онъ велѣлъ имъ жить въ городѣ, распуснивъ народъ по Улусамъ. Князѣй и Мурзъ собралося пятьсотъ, а просившихъ людей десять тысячъ. Они вмѣстѣ съ Дербышемъ клялися въ помя, чипобы повиноваться Іоанну какъ верховному своему Власпителю, прислалъ ему 40 тысячъ алпынъ и 3 тысячи рыбъ, какъ ежегодную дань, а въ случаѣ Дербышевой смерти нигдѣ не искать себѣ Царя, нождать, кого Іоаннъ или наслѣдники его пожалуютъ имъ въ Правители. Въ кляпвенной грамотѣ, скрѣпленной печатями, сказано было, что Россіяне могутъ свободно ловить рыбу опть Казани до моря, вмѣстѣ съ Аспраханцами, *безданно и безъявно*. — Учредивъ порядокъ въ землѣ, оставивъ у Дербыша Козаковъ (съ Дворяниномъ Тургеневымъ) для его безопасности и для присмотра за нимъ, Князь Шемякинъ и Вешняковъ возвратились въ Москву съ пятью взятыми въ плѣнъ Царицами и съ великимъ числомъ освобожденныхъ Россіянъ, бывшихъ невольниками въ Аспраханскихъ Улусахъ.

Вспть о семъ счастливомъ успѣхѣ Государь получилъ 29 Августа, въ день своего рожденія, празднуя его въ селѣ Ко-

ломенскомъ съ Минирополипомъ и со Г. вѣмъ Дворомъ⁵⁵³: изъявилъ живѣйшую радость; уславилъ церковное молебствие; милоспиво наградилъ Воеводъ; вспрѣчилъ плѣнныхъ Царицъ съ великою честью и въ удовольствіе Дербышу опшусшилъ назадъ въ Аспраханъ, кромѣ младшей изъ нихъ, которая на пути родила сына и вмѣстѣ съ нимъ крестилась въ Москвѣ: сына назвали *Царевичемъ Петромъ*, а мать Іуліанією, и Государь женилъ на ней своего именитаго Дворянина, Захарію Плещеева⁵⁵⁴. — Не долго Аспраханъ была еще особеннымъ Царствомъ: скоро въроломство Дербыша доказало необходимость учредить въ ней Россійское правительство: ибо нѣтъ надежной среды между независимостию и совершеннымъ подданствомъ Державы. Мужествомъ нашихъ Козаковъ опразивъ изгнанника Ямгурчя, хотѣвшаго завоевать Аспраханъ съ помощію Крымцевъ и сыновей Ногайскаго Князя Юсуфа, Дербышъ замыслилъ измѣну: не смощря на то, что Государь снисходительно успунилъ его народу всю дань перваго года, онъ шайно сноился съ Ханомъ Девлешъ-Гиреемъ, взявъ къ себѣ Царевича Крымскаго Казбулапа въ должность Калги⁵⁵⁵. Голова

Г. Спрѣлецкій, Иванъ Черемисиновъ, съ новою воинскою дружиною былъ посланъ обличить и наказать измѣнника. Дербышъ снялъ съ себя личину, вывелъ всѣхъ жишелей изъ города, соединился съ полками Ногайскими, Крымскими, и дерзко началъ войну, ободренный малочисленностию Россіянъ. Но у насъ былъ искренній, ревностный другъ: Князь Ногайскій Исмаиль, своимъ ходатайствомъ дославивъ пресполь сему неблагодарному, помогъ Черемисинову — и Дербышъ, разбишый на голову (въ 1557) году, по слѣдамъ Ямгурчелъ бѣжалъ въ Азовъ³³⁶. Тогда всѣ жишели, удостоверенные въ безопасности, возвратились въ городъ и въ окрестныя Улусы, дали присягу Россіи, и не думали уже измѣнять, довольные своимъ жребіемъ подъ властью великой Державы, которой сила могла быть имъ защитною отъ Тавриды и Ногаевъ. Черемисиновъ утвердилъ за ними прежнюю собственность: оспрова, пашни; обложилъ всѣхъ данію легкою, наблюдалъ справедливостъ, пріобрѣлъ общую любовь и довѣренность; однимъ словомъ, успроилъ все наилучшимъ образомъ для пользы жишелей и Россіи.

Съ этого времени Государь въ под-

писи своихъ грамотъ началъ означать Г. льпа Казанскаго и Асирраханскаго завое-¹⁵⁵³ ваний³³⁷, коихъ эпоха естъ безъ сомнѣнія самая блестящая въ нашей Испоріи среднихъ вѣковъ. Громкое имя *покоритель Царствъ* дало Иоанну, въ глазахъ Россіянъ-современниковъ, безпримѣрное величіе и возвысило ихъ государственное достоинство, пльняя честолюбіе, ципная гордость народную, удивительную для иноземцевъ, которые не понимали ея причины, ибо видѣли только гражданскіе недоспапки наши въ сравненіи съ другими Европейскими народами, и не сравнивали Россіи Василія Темнаго съ Россією Иоанна IV: первый имѣлъ только 1000 воиновъ для ея защиты³³⁸, а впорый взялъ чуждос Царство опрядомъ легкаго войска, не пирогая своихъ главныхъ полковъ. Между сими происшествіями минуло едва сполѣтніе, и народъ могъ еспешвенно возгордиться споль быстрыми шагами къ величію. Не только иноземцы, но и мы сами не оцѣнимъ справедливо Государственныхъ успѣховъ древней Россіи, если не вникнемъ въ обстоятельство тѣхъ временъ, не поспавимъ себя на мѣспіи предковъ и не будемъ спопрѣвпть ихъ глазами на вещи и дѣанія, безъ обманчива-

1. 1553
—57. го соображенія съ новѣйшими временами, когда все измѣнилось, умножились средспва, прозляли сѣмена и насажденія. Великія усилія раждають великое: а въ швореніяхъ государственныхъ начало едвали не шруднѣе совершенія.

Кромѣ славы и блеска, Россія, прикнувъ свои владѣнія къ морю Каспійскому, открыла для себя новые источники богатства и силы; ея шорговля и политическое вліяніе распростирались. Звукъ оружія изгналъ чужеземныхъ купцевъ изъ Аспрахани: спокойствіе и тишина возвратили ихъ. Они пріѣхали изъ Шамахи, Дербенша, Шавкала, Тюмени, Хивы, Сарайчика, со всякими шоварами, весьма охотно плаща въ Государеву казну установленную пошлину. Цари Хивинскій и Бухарскій прислали своихъ знатныхъ людей въ Москву съ дарами, желая благоволенія Іоаннова и свободной шорговли въ Россіи⁵⁵⁹. Земля Шавкалская, Тюменская, Грузинская хотѣли бытъ въ нашемъ подданствѣ. Князья Черкесскіе, присягнувъ Государю въ вѣрности, пребывали, чшобы онъ помогъ имъ воевать Сулпанскія владѣнія и Тавриду³⁴⁰. Іоаннъ отвѣтствовалъ, чшо Сулпанъ въ мирѣ съ Россіею, но чшо мы всеми силами будемъ оборо-

Посольства Хивинское, Бухарское, Шавкалское, Тюменское, Грузинское.

Подданство Черкесовъ.

1555
—57. няпъ ихъ опъ Хана Девлетъ-Гирея. Въ Г. ра Снасиелства, насажденная между Чернымъ и Каспійскимъ моремъ въ самыя древнія времена Имперіи Византійской, еще не совсемъ угасла въ сихъ шранахъ; Друзба съ оставались ея темныя преданія и нѣкопторыя обряды³⁴¹: извѣстность и могутество Россіи оживили памъ памяшь Христианства и любовь къ оному. Князья крестили дѣтей своихъ въ Москвѣ, отдавали ихъ на воспитаніе Царю, — нѣкоторыя сами крестились. Сынъ Князя Сибока, Кудадскъ-Александръ, и Темрюковъ Салшанукъ-Михайль, учились грамотѣ во дворцѣ Кремлевскомъ вмѣстѣ съ Сююмбскинымъ сыномъ. — Принащельный къ усердію союзныхъ съ нами Ногаевъ, Государь позволилъ имъ кочевать въ зимнее время близъ самой Аспрахани: они мирно и спокойно въ ней шорговали. Князь Исмаиль, убивъ своего брата, Юсуфа, писалъ къ Іоанну изъ городка Сарайчика³⁴²: »Врага швоего уже нѣпъ на свѣстѣ; племянники и дѣти мои единодушно дали мнѣ поводы уздѣ своихъ: я властную надо всеми Улусами.« Опъ совѣтовалъ Россіянамъ основать крѣпость на Переволкѣ, а другую на Ирнзѣ (въ нынѣшней Сарашовской Губерніи),
Толь VIII
12.

Г. гдѣ скипались нѣкопорые бѣглые Ногайскіе Мурзы, не хощѣвшіе ему повиноваться и бывше намъ друзьями. Утверждая пріязнь дарами и ласками, Государь однакожь не позволялъ Исманлу въ шерпныхъ грамопахъ называться ни *отцемъ* его, ни *братомъ*, считая по унизишельнымъ для Россійскаго Монарха³⁴³.

Слухъ о нашихъ завоеваніяхъ проникъ и въ опдаленную Сибирь, коей имя, означая тогда единственную среднюю часть нынѣшней Тобольской Губерніи, было давно извѣстно въ Москвѣ отъ нашихъ Югорскихъ и Пермскихъ данниковъ. Тамъ господствовали Князья Могольскіе, попомки Башыева брата Сибана или Шибана³⁴⁴. Вѣроятно, что они и прежде имѣли сношенія съ Россією, и даже признавали себя въ нѣкопорой зависимости отъ сильнаго ея Царя: Іоаннъ уже въ 1554 году именовался въ грамопахъ Власшишелемъ Сибири³⁴⁵; но льшописи молчали о томъ до 1555 года: въ сіе время Князь Сибирскій, Едигеръ, прислалъ двухъ чиновниковъ въ Москву поздравить Государя со взятіемъ Казани и Аспрахани³⁴⁶. Дѣло шло не объ одной учтивости: Едигеръ вызвался платить дань Россіи, съ условіемъ, чтообы мы

утвердили спокойствіе и безопасность Г. его земли. Государь увѣрилъ Пословъ въ 1555 своей милости, взялъ съ нихъ кляпву въ вѣрности и далъ имъ *жалованную грамоту*. Они сказали, что въ Сибири 30,700 жителей: Едигеръ хощѣлъ съ каждаго человека давать намъ ежегодно по соболю и бѣлкѣ. Сынъ Болрекій, Дмитрій Куровъ, поѣхалъ въ Сибирь, чтообы обязалъ присягою Князя и народъ; возвратился въ концѣ 1556 года съ новымъ Посломъ Едигеровымъ, и вмѣсто обѣщанныхъ *тридцати тысячъ*, привезъ только 700 соболей. Едигеръ писалъ, что земля его, разоренная Шибанскимъ Царевичемъ, не можетъ дать болѣе, но Куровъ говорилъ прощивное, и Царь велѣлъ заключить Посла Сибирскаго. Наконецъ, въ 1558 году, Едигеръ доставилъ въ Москву дань полную, съ увѣреніемъ, что будетъ впредь исправнымъ плательщикомъ³⁴⁷. — Такимъ образомъ Россія открыла себѣ путь къ неизмѣримымъ приобрѣщеніямъ на Сѣверъ Азіи, неизвѣстномъ дополъ ни Историкамъ, ни Географамъ образованной Европы.

Сіе достопамятное время Іоаннова царствованія прославилось еще тѣснымъ союзомъ Россіи съ одною изъ знамени-

Г. швейцарскихъ Державъ Европейскихъ, ко-
 1553
 — 57. При- бытіе Ан- глий- скихъ кора- блей въ Рос- сію.
 рая была вѣ ея полипическаго горизонтца,
 едва знала объ ней по слуху, и вдругъ,
 нечаянно, нашла доступъ къ самымъ от-
 даленнымъ, всѣхъ менѣе извѣстнымъ
 справамъ Государства Іоаннова, чтобы
 съ великою выгодною для себя дашь намъ
 новыя средства обогащенія, новыя спо-
 собы гражданскаго образованія. Еще Ан-
 глія не была тогда первостепенною мор-
 скою Державою, но уже спремилась къ
 сей дѣли, соревнуя Испаніи, Португаліи,
 Венеціи и Генуѣ; хотѣла проложить
 путь въ Китай, въ Индію Ледовитымъ
 моремъ, и весною въ 1553 году, въ цар-
 ствованіе юнаго Эдуарда VI, послала три
 корабля въ Оксанъ Сѣверный. Нача-
 лниками ихъ были Гугъ Виллоби и Капи-
 танъ Ченселеръ. Разлученные бурей, сіи
 корабли уже не могли соединиться; два
 изъ нихъ погибли у береговъ Россійской
 Лапландіи, въ мрншани Арцинѣ, гдѣ
 Гугъ Виллоби замерзъ со всѣми людьми
 своими: зимою, въ 1554 году, рыбаки
 Лапландскіе нашли его мёртваго, сидя-
 щаго въ шалашѣ за своимъ Журналомъ³⁴⁸.
 Но Капитанъ Ченселеръ благополучно
 доплылъ до Бѣлаго моря; 24 Августа,
 1553 года, вошелъ въ Двинскій заливъ и

присталъ къ берегу, гдѣ былъ тогда мо-
 настырь Св. Николая, и гдѣ послѣ осно-
 ванъ городъ Архангельскъ. Англичане уви-
 дѣли людей, изумленныхъ явленіемъ боль-
 шаго корабля; свѣдали отъ нихъ, что
 сей берегъ есть Россійскій; сказали, что
 имѣютъ отъ Короля Англійскаго письмо
 къ Царю и желаютъ завести съ нами
 торговлю³⁴⁹. Давъ имъ свѣстные при-
 пасы, начальники Двинской земли немед-
 ленно отправили гонца къ Іоанну, кото-
 рый шопчасъ понялъ важность сего слу-
 чая, благопріяпнаго для успѣховъ нашей
 торговли, — велѣлъ Ченселеру бытъ въ
 Москву и доставилъ ему всѣ возможныя
 удобства въ пути. Представленные
 Государю, Англичане съ удивленіемъ ви-
 дѣли, по ихъ словамъ, *безприпрное* ве-
 лѣніе его Двора: ряды красивыхъ чинов-
 никовъ, кругъ сановитыхъ Бояръ въ зла-
 тыхъ одеждахъ, блестящій шронъ, и
 на немъ юнаго Самодержца въ блиста-
 тельной коронѣ, окруженнаго величіемъ
 и безмолвіемъ³⁵⁰. Ченселеръ подалъ слѣ-
 дующую грамоту Эдуардову, писанную
 на разныхъ языкахъ *ко вельмъ Сѣвернымъ*
и Восточнымъ Государямъ:

«Эдуардъ VI вамъ, Цари, Князья,
 »Властиители, судии земли, во всѣхъ спра-

Г. 1553
—57.
 «нахъ подь солнцемъ, желешь мира
 «спокойствія, чести, вамъ и спранамъ
 «вашимъ! Господь всемогущій даровалъ
 «человѣку сердце дружелюбное, да благо-
 «творитъ ближнимъ и въ особености
 «спранникамъ, копорые, пріѣзжая къ
 «намъ изъ мѣстъ опдаленныхъ, ясно до-
 «казываютъ пѣмъ превосходную любовь
 «свою къ брапскому общежитію. Такъ
 «думали опцы наши, всегда гостепрім-
 «ные, всегда ласковые къ иноземцамъ,
 «пробующимъ покровительства. Всѣ лю-
 «ди имѣютъ право на гостепрімство,
 «но еще болѣе купцы, презирая опасно-
 «сти и пруды, оспавляя за собою моря
 «и пущыни, для того, чпобы благосло-
 «венными плодами земли своей обогатить
 «спраны дальнія и взаимно обогатиться
 «ихъ произведеніями: ибо Господь вселен-
 «ныя разсыялъ дары Его благоспи, чпо-
 «бы народы имѣли нужду другъ въ дру-
 «гѣ, и чпобы взаимными услугами утвер-
 «ждалась пріязнь между людьми. Съ
 «симъ намѣреніемъ нѣкопорые изъ на-
 «шихъ подданныхъ предпріяли дальнее
 «пушешествіе моремъ, и претребовали опъ
 «насть согласія. Исполняя ихъ желаніе, мы
 «позволили мужу доспойному, Гугу Вил-
 «лоби, и поварищамъ его, нашимъ вѣр-

г. 1553
—57.
 «нымъ слугамъ, вѣхашъ въ спраны, до-
 «нынѣ неизвѣстныя, и мѣняшь съ ни-
 «ми избыткомъ: брапъ, чего не имѣемъ,
 «и давалъ, чѣмъ изобилуемъ, для обоюд-
 «ной пользы и дружества. И пакъ мо-
 «лимъ васъ, Цари, Князья, Власпители,
 «чпобы вы свободно пропустили сихъ
 «людей чрезъ свои земли: ибо они не ко-
 «снутъся ничего безъ вашего дозволенія.
 «Не забудете чловѣчества. Великодушно
 «помогите имъ въ нуждѣ, и пріимите
 «опъ нихъ, чѣмъ могутъ вознаградишь
 «васъ. Поспушите съ ними, какъ хоши-
 «те, чпобы мы поступили съ вашими
 «слугами, если они когда-нибудь къ намъ
 «заѣдутъ. А мы клянемся Богомъ, Госпо-
 «домъ всего сущаго на небесахъ, на зе-
 «мль и въ морѣ, клянемся жизнію и бла-
 «гомъ нашего Царства, чпо всякаго изъ
 «вашихъ подданныхъ воспрѣшимъ какъ
 «единоплеменника и друга, изъ благодар-
 «ности за любовь, копорую окажете на-
 «шимъ. За симъ молимъ Бога Вседержи-
 «теля, да сподобитъ васъ земнаго дол-
 «гольшія и мира вѣчнаго. Дано въ Лон-
 «донѣ, нашей сполитцѣ, въ лѣпо опъ со-
 «творенія міра 5517, Царствования на-
 «шего въ 7³⁵¹.

Г. 1555
—57. Англичане, принятыя милосливо, обѣдали у Государя въ Золотой Палатѣ, и съ новымъ изумленіемъ видѣли пышность Царскую. Гости, числомъ болѣе ста, ѣли и пили изъ золотыхъ сосудовъ; одежда спа-пятидесяти слугъ также сіяла золотомъ³⁵⁴. — Послѣ сего Ченселеръ имѣлъ переговоры съ Болрами, и былъ весьма доволенъ оными. Его немедленно оппустили назадъ (въ Февраль 1554 года) съ опивѣтомъ Иоанновымъ. Царь писалъ къ Эдуарду, что онъ, искренно желая быти съ нимъ въ дружбѣ, согласно съ ученіемъ Вѣры Христіанской, съ правилами истинной науки государственпой и съ лучшимъ его разумніемъ, гошовъ сдѣлашь все ему угодное; что, принявъ ласково Ченселера, такъ же примешъ и Гуга Виллоби, если сей послѣдній будетъ у насъ; что дружба, защита, свобода и безопасность ожидаютъ Англійскихъ Пословъ и купцевъ въ Россіи³⁵⁵. — Эдуарда не спало: Марія царствовала въ Англии, и Ченселеръ, вручивъ ей Иоаннову грамоту съ Нѣмецкимъ переводомъ, произвелъ своими вѣспами живѣйшую радость въ Лондонѣ. Всѣ говорили о Россіи какъ о *вновь открытой* землѣ; хотѣли знашь ея любопытную Исторію, Геогра-

фію, и немедленно соспавилое общество купцевъ для торговли съ нею. Въ 1555 году Ченселеръ вѣпорично отправился къ намъ на двухъ корабляхъ съ повѣренными сего общесѣва, Гремъ и Киллингворпомъ³⁵⁴, чтобы заключишь торжественный договоръ съ Царемъ, коему Марія и супругъ ея, Филиппъ, письменно изъявили благодарность въ самыхъ сильныхъ выраженіяхъ. Иоаннъ съ новою милостию принялъ Ченселера и его шоварицей въ Москвѣ; обѣдая съ ними, обыкновенно сажалъ ихъ передъ собою; говорилъ ласково, и называлъ Королеву Марію любезнѣйшею сестрою. Учредили особенный Совѣтъ для разсмотрѣнія правъ и вольностей, коихъ требовали Англичане: въ немъ присуствовали и купцы Московскіе. Положили, что главная мѣна поваровъ будетъ въ Колмогорахъ, осенью и зимою; что цѣны остающіяся произвольными, но что всякіе обманы въ куплѣ судящяся какъ уголовное прескупленіе. Иоаннъ далъ наконецъ торговую жалованную грамоту Англичанамъ, уславивъ въ ней, что они могутъ свободно купечествовать во всѣхъ городахъ Россіи, безъ всякаго спѣсненія, и не плащя никакой пошлины — вездѣ жить, имѣшь

Г.
1555
—57.

2

Г. дома, лавки — нанимать слугъ, работниковъ и брашь съ нихъ присягу въ вѣрности; что за всякую вину опившешвуспшъ только виновный, а не общество; что Государь, какъ законный судя, имѣеть право опиять у преступника честь и жизнь, но не касаеться имѣнй; что они изберушъ Спаръйшину для разбора ссоръ и шяжбъ между ими; что Намѣстники Государевы обязаны дѣяпельно помогать ему въ случаѣ нужды для усмиренія ослушныхъ и давашь орудя казни; что не лзя взять Англичанина подь спражу, если Спаръйшина объявишь себя его порокою; что Правительство немедленно удовлетворяешъ ихъ жалобамъ на Россйянь и строго казнишь обидчиковъ³⁵⁵. — Главными изъ поваровъ, привезенныхъ Англичанами въ Россю, были сукна и сахаръ. Купцы наши предлагали имъ 12 рублей (или гиней) за половинку сукна и 4 алпына (или шиллинга) за фунтъ сахару; но сія цѣна казалась для нихъ низкою³⁵⁶.

Съ шого времени приспань Св. Николая — гдѣ, кромѣ бѣднаго, уединеннаго монастыря, было пять или шесть домиковъ — оживилась и сдѣлалась важнымъ цорговымъ мѣстомъ. Англичане

построили тамъ особенный, красивый г. домъ, а въ Колмогорахъ нѣсколько обширныхъ дворовъ для складки поваровъ. Имъ дали землю, огороды, луга. — Между шѣмъ, надѣясь отккрыть путь чрезъ Ледовитое море въ Кишай, Капишанъ ихъ, Стефанъ Борро, опъ успѣя Двины дохотилъ до Новой Земли и Вайгача, но успрашенный бурями и ледяными громадами, въ исходѣ Августа мѣсяца возвратился въ Колмогоры.

Въ 1556 году Ченселеръ опплылъ въ Англю съ чепырма, богато нагруженными кораблями и съ Посланникомъ Государевымъ, Иосифомъ Непѣю Вологжанинномъ³⁵⁷. Счастіе, дошоль всегда благопріятное сему искусному мореплавателю, измѣнило ему: буря разсыла его корабли; только одинъ изъ нихъ вошелъ въ приспань Лондонскую. Самъ Ченселеръ упонуль близъ Шопландскихъ береговъ; спасли только Посланника Юаннова, копорый, лишась всего, былъ осьпанъ въ Лондонѣ дарами и ласками. Знашные сановники государственные и спю сорокъ купцевъ со множествомъ слугъ, всѣ на прекрасныхъ лошадяхъ, въ богатой одеждѣ, выѣхали къ нему на встрѣчу. Онъ сѣлъ на коня, великолѣпно украшеннаго,

Г. и окруженный Спарфйшинами купечества, въѣхалъ въ городъ. Любопытныя жипели Лондонскіе пѣснились въ улицахъ, привѣщивуя Посланника громкими восклицаніями. Ему отвѣлили одинъ изъ лучшихъ домовъ, гдѣ богатство уборовъ отвѣчало роскоши ежедневнаго угощенія; угадывали, предупреждали всякое желаніе гостя; по звали его на пиры, по водили обозрѣвать всѣ достопамятности Лондона, дворцы, храмъ Св. Павла, Веспминстеръ, крѣпость, рапушу. Принятый Марією съ опмѣннымъ благоволеніемъ, Непѣя въ торжественный день Ордена Подвязки сидѣлъ въ церкви на возвышенномъ мѣстѣ близъ Королевы. Нигдѣ не оказывалось такой чести Русскому имени. Сей незнапный, но достойный предспавинель Іоаннова лица умѣлъ заслужить весьма лестный отзывъ Англійскихъ Министровъ: они донесли Королевѣ, что его умъ въ дѣлахъ равняется съ его благородною важностію въ поступкахъ³⁵⁸. Въспѣ съ грамошою Царскою вручивъ Маріи и Филиппу нѣсколько соболей, Непѣя сказалъ, что богатѣйшіе дары Іоанновы во время Ченселерова кораблекрушенія были расхищены Шотландцами. Королева послала къ Царю са-

мья лучшія произведенія Англійскихъ Г. суконныхъ фабрикъ, блестящій доспѣхъ, ¹⁵⁵⁵ льва и львицу³⁵⁹; а Спарфйшины Россійскаго торговаго общества, въ послѣдній разъ великолѣпно угостивъ Непѣю въ залѣ Лондонскихъ суконниковъ, объявили, что не Дворъ, не Казна, но ихъ общество взяло на себя всѣ издержки, коихъ требовало его пребываніе въ Англіи, и что они сдѣлали по съ живѣйшимъ удовольствіемъ, въ знакъ своей добросердечной, ревностной, *нлжной* дружбы къ нему и къ Россіи³⁶⁰. Онъ получилъ отъ нихъ въ даръ золотую цѣпь во спо фунтовъ Сперлинговъ и пяць драгоценныхъ сосудовъ; возвратился на Англійскомъ кораблѣ въ Сентябрѣ 1557 года и привезъ въ Москву ремесленниковъ, рудокоповъ и Медиковъ, въ числѣ коихъ былъ искусный Докпоръ Спендишъ. Такъ Россія пользовалась всякимъ случаемъ занимать отъ иноземцевъ нужнѣйшее для ея гражданскаго образованія.

Съ удовольствіемъ читая ласковыя письма Маріи и Филиппа, которые именовали его въ оныхъ *великимъ Императоромъ*; слыша отъ Непѣи, сколько чести и пріязни оказали ему въ Лондонѣ и Дворъ и народъ, Іоаннъ обходился съ

Г. Англичанами какъ съ любезнѣйшими го-
 1555 г. г. спями Россіи; велѣлъ опвеспи имъ дома
 — 57. во всѣхъ торговыхъ городахъ, въ Вологдѣ,
 въ Москвѣ, и лично привѣтствовалъ ихъ
 столь милоспиво, что они не могли безъ
 чувства живѣйшей благодарности писать
 о томъ къ своимъ Лондонскимъ знаком-
 цамъ. Главный начальникъ Англійскихъ
 кораблей, прибывшихъ въ 1557 году къ
 устью Двины, Антоній Дженкисонъ, ѣз-
 дилъ изъ Москвы въ Аспрахань, чтобы
 завести торговлю съ Персіею: изъявляя
 совершенную довѣренность къ видамъ
 Лондонскаго купечества, Государь обѣ-
 щалъ доставить оному всѣ способы для
 сего дальняго перевоза товаровъ. — Од-
 нимъ словомъ, связь наша съ Британніею,
 основываясь на взаимныхъ выгодахъ безъ
 всякаго опаснаго совмѣстичества въ
 Полипникѣ, имѣла какой-то особенный ха-
 рактеръ искренности и дружелюбія, слу-
 жила доказательствомъ мудрости Царя и
 придавала новый блескъ его царствованію. —
 Открытіемъ Англичанъ немедленно вос-
 пользовались и другіе купцы Европейскіе:
 изъ Голландіи, изъ Брабанта начали при-
 ходить корабли къ сѣвернымъ берегамъ
 Россіи и торговать съ нею въ Корель-
 скомъ устьѣ: что продолжалось онъ
 1555 до 1587 года³⁶¹.

Сии достопамятныя происшествія Г.
 были не единственнымъ предметомъ Ю- 1555
 — 57. анновой дѣятельности. Умирняя Казань,
 покоряя Аспрахань, возлагая дань на Си-
 бирь, распространяя власть свою до
 Персіи, а торговлю до Самарканда, Шель-
 ды и Темзы, Россія воевала и съ Ханомъ
 Девлетъ-Гиреємъ, и съ Швеціею, и съ
 Ливоніею, неуспинно наблюдая Ливву.

Совершенное паденіе Казанскаго Цар-
 ства приводило въ ужасъ Тавриду: Дев-
 летъ-Гирей, кипя злобою, хотѣлъ бы
 поглотить Россію; но чувствовалъ па-
 шу силу, ждалъ времени, манилъ Юанна
 мирными обѣщаніями и грозилъ нападеніемъ. Въ 1553 году Царь споялъ съ пол-
 ками въ Коломнѣ, ожидая Хана³⁶²; но Ханъ
 прислалъ въ Москву грамоту шерпную:
 соглашаясь быть намъ другомъ, онъ
 претовалъ богатыхъ даровъ, и называлъ
 Юанна только Великимъ Княземъ. Госу-
 дарь писалъ ему въ отвѣтъ, что мы
 не покупаемъ дружбы, и скромно извѣ-
 стилъ его о взятіи Аспрахани. Тогда
 нѣкоторые изъ Думныхъ Совѣтниковъ
 предлагали Государю довершить великое
 дѣло славы, безопасности, благоденствія
 нашего завоеваніемъ послѣдняго Царства
 Батыева³⁶³; и если бы онъ исполнилъ ихъ

Дѣла
Крым-
скія.

1555
—57.
П совѣшъ, но предупредилъ бы двумя въ-
ками знаменитое дѣло Екаперины Впо-
рой: ибо вѣроятно, что Крымъ не могъ
бы противиться усиліямъ Россіи, ко-
торая уже спояла пятою на двухъ, ле-
жащихъ предъ нею Царсвахъ, и смол-
рѣла на преніе какъ на лесную добы-
чу: двѣсти тысячъ побѣдителей⁶⁴ гопо-
вы были ударить на гнѣздо хищниковъ,
способныхъ болѣе къ разбою, нежели
къ войнѣ оборонительной. Есть время
для завоеваній: оно проходитъ, и долго
не возвращается. Но сія мысль казалась
еще дерзкою: путь къ Крыму еще не
былъ знакомъ войску; степи, даль, труд-
ность продовольствія устращали. Сверхъ
того Іоаннъ опасался раздражить Сул-
тана, верховнаго Власишелея Тавриды,
съ коимъ мы находились въ дружесвен-
ныхъ сношеніяхъ: возбуждая противъ
насъ Князей Ногайскихъ⁶⁵, онъ искалъ
свою неприязнь и въ знакъ уваженія пи-
салъ *золотыми буквами* къ Іоанну, име-
новалъ его *Царемъ счастливымъ и Пра-*
вителемъ мудрымъ; напоминалъ ему о
старой любви, и присылалъ въ Москву
кунцевъ за шоварами⁶⁶. Еще и другая
мысль склоняла Государя щадить Таври-
ду: онъ надѣялся, подобно своему дѣду,

Пись-
мо Со-
лима-
нобо.

употреблять ея Хановъ въ орудіе нашей г.
Полишки, чтобы вредить или угрожать 1555
Лившъ. Уже опыты доказывали ненадеж- —57.
ность сего орудія; но мы хотѣли но-
выхъ опытовъ, чтобы удословиться
въ необходимости испребленія варваровъ,
и оставили въ ихъ рукъ огонь и мечъ на
Россію!

Видя ложь, обманы Девлетъ-Гирея,
и свѣдавъ, что онъ идетъ воевать зем-
лю Пятигорскихъ Черкесовъ, нашихъ
друзей, Государь (въ Іюнь 1555 года) по-
слалъ Воеводу Ивана Шереметева изъ Бѣ-
лева Муравскою дорогою съ принадлеж-
ными тысячами Дѣпей Боярскихъ, Сирѣль-
цовъ и Козаковъ въ Мамаевы Луга, къ
Перекопи, чтобы опогнать спяща Хан-
скія⁶⁷. Но Девлетъ-Гирей опъ Изюмека-
го Кургана своропилъ вѣтвь, и вдругъ
успремился къ предѣламъ Россіи, имѣя
тысячъ шестидесять войска. Шереме-
тевъ, находясь близъ Свяшыхъ Горъ и
Донца, открылъ сіе движеніе непріятель-
ля, увѣдомилъ Государя и пошелъ въ Крым
сѣдъ за Ханомъ, къ Туль. Самъ Іоаннъ 1555
немедленно выступилъ изъ Москвы съ 12*
Княземъ Владиміромъ Андреевичемъ, Ца-
ремъ Казанскимъ Симеономъ, со всеми
Воеводами и Дѣшми Боярскими; уже не

Виде-
ніе
Крымъ
12*

Г. 1555
—57. хощь, какъ бывало въ спарину, ждашь Крымцевъ на Окѣ, но слышишь въспрѣнши ихъ далѣе въ полѣ. Девлетъ-Гирей былъ между двумя войсками и не зналъ шого. Нескромность Дьяковъ Государевыхъ спасла его отъ гибели: они писали изъ Москвы къ Намѣстникамъ Украинскимъ, что Ханъ въ сѣняхъ; что спереди Царь, сзади Шереметевъ въ одно время списнушь, испребяшь непріятели. Намѣстники разгласили счастливую вѣсть, которая дошла и до Хана, чрезъ жипелей, захваченныхъ Крымцами⁵⁶⁸. Въ ужасѣ онъ рѣшился бѣжать. Между тѣмъ мужественный, дѣятельный Шереметевъ взялъ обозъ Девлетъ-Гиреевъ, 60,000 коней, 200 аргамаковъ, 180 вельблюдовъ; отправилъ сію добычу во Мценскъ, въ Рязань; оспался только съ семью тысячами воиновъ; во 150 верстахъ отъ Тулы, на Судбицахъ, въспрѣшилъ всю непріятельскую силу и не уклонился отъ битвы: сломилъ передовой полкъ, оспалъ знамя Ширинскихъ Князей и ночевалъ на мѣстѣ сраженія. Къ Хану привели двухъ пѣшниковъ⁵⁶⁹: ихъ пытали; одинъ молчалъ, а другой не вынесъ мукъ и сказалъ ему о маломъ числѣ Россіянъ. Опасаясь нашего главнаго войска, но слы-

Г. 1553
—57. дясь услышавъ побѣду горсти опважныхъ выпязей, Девлетъ-Гирей упрямъ возобновилъ нападеніе всѣми полками. Битва часовъ восемь, и Россіане нѣсколко разъ видѣли пылъ непріятели; одни Янычары Сулпановы спояли крѣпко, берегли Хана и снаряды огнеспрѣльный. Къ несчастію, Герой Шереметевъ былъ раненъ: другіе Воеводы не имѣли его духа; усилія наши ослабѣли, а непріятель удвоилъ свои. Россіане смѣшались; искали спасенія въ бѣгствѣ. Тупъ мужественные чиновники, Алексѣй Басмановъ и Стефанъ Сидоровъ, ударили въ бубны, запрубили въ трубы, оспановили бѣгущихъ, и засѣли съ двумя тысячами въ буеракъ: Ханъ прижды присупалъ, не могъ одолѣть ихъ, и боясь перяшь время, на закапѣ солнца ушелъ въ степи.

Государь приближался къ Тулѣ, когда донесли ему, что Шереметевъ разбитъ, и что Ханъ будто бы идетъ къ Москвѣ съ несмѣтною силою. Люди боязливые совѣповали Царю иппи назадъ за Оку, а смѣлые впередъ: онъ послушался смѣлыхъ и всупилъ въ Тулу, куда прибыли Шереметевъ, Басмановъ, Сидоровъ съ оспашкомъ своихъ воиновъ. Узнавъ, что Ханъ слышавъ къ предѣламъ Та-

Г. вриды, и что нельзя догнать его, Иоаннъ
 1553
 —57. возвратился въ Москву. Онъ милоспиво
 наградилъ всѣхъ усердныхъ сподвижни-
 ковъ Шереметева, не побѣдителѣй, но
 ознаменованныхъ славою опчаянной бип-
 вы. Многіе изъ нихъ умерли онъ ранъ, и
 въ помъ числѣ храбрый Воевода Сидо-
 ровъ, уязвленный пулею и копьемъ: оп-
 служивъ Царю, онъ скинулъ съ себя оба-
 гренный кровію доспѣхъ и скончался въ
 манпін Схимника³⁷⁰.

Въ сіе время Иоаннъ долженъ былъ
 обратити вниманіе на Швецію. Гуспавъ
 Ваза, съ безпокойспивомъ вида возраста-
 ющее могущесиво Россіи, спарался шай-
 1553
 Швед-
 скал. но вредити ей: сноился съ Королемъ
 Польскимъ, съ Ливонією, съ Герцогомъ
 Прусскимъ, съ Данією, чтообъ общимъ
 усиліемъ Сверхнихъ Державъ пропивишь-
 ся опасному Иоаннову властолюбію; и
 встревоженный нашею выгодною тор-
 говлею съ Англичанами, убѣждалъ Коро-
 леву Марию запретишь оную, какъ несо-
 гласную съ благососпоянїемъ Швеціи и
 дающую новыя средства избышка, но-
 вую силу спешественнымъ врагамъ ея³⁷¹.
 Не смотря на то, ни Гуспавъ, ни Царь
 не хотѣлъ кровопролитія: первый чув-
 ствовалъ слабость свою, а послѣдній не

имѣлъ никакихъ видовъ на завосваніа въ г.
 Швеціи. Но споры о неясныхъ границахъ 1553
 произвели войну. Ссылаясь на старыи
 —57. договоръ Короля Магнуса съ Новгород-
 цами³⁷², Россіане считали рѣки Саю и
 Сеспръ предѣломъ обѣихъ Державъ: Шве-
 ды выходили за сей рубежъ; ловили ры-
 бу, косили сѣно, пахали землю въ на-
 шихъ владѣніяхъ; именовали Сеспрію со-
 всѣмъ иную рѣку, и не слушали ника-
 кихъ возраженій³⁷³. Россіане жгли ихъ
 нивы, а Шведы жгли наши села, умерш-
 вивъ нѣсколько Боярскихъ Дѣтей и по-
 саживъ одного изъ нихъ на колъ; опшяли
 у насъ также нѣсколько погосптовъ въ
 Лапландіи и хотѣли разорити тамъ уе-
 диненный монастырь Св. Николая на Пе-
 ченгъ, прошивъ *Варгаву*³⁷⁴. Новгородскій
 Намѣстникъ, Князь Димитрій Палецкій,
 опправилъ къ Королю Гуспаву сановни-
 ка Никипу Кузмина: его задержали въ
 Спокгольмѣ какъ лазушчика по ложному
 допесенію Выборгскаго пачальника³⁷⁵, и
 Гуспавъ не далъ опвѣта Князю Палец-
 кому, желая обьяснитися письменно съ
 самимъ Царемъ. Жипели Новгородской
 обласпи вооруженною рукою заняли нѣ-
 которыя спорныя мѣста: Шведы побили
 ихъ на голову. Еще съ обѣихъ споронъ

Г. предлагали дружелюбно изслѣдовать взаимныя неудовольствія; назначили время и мѣсто для съѣзда повѣренныхъ: Шведскіе не явились. Государь велѣлъ Князю Ногшеву и Воеводамъ Новгородскимъ защитить границу; а Гуспавъ, опасаясь нападенія, самъ прибылъ въ Финляндію единственно для обороны. Но Адмиралъ его, Іоаннъ Багге, пылая ревностію отличилъ себя подвигомъ славы, убѣждалъ Короля предупредить насъ; оповѣщивалъ ему за успѣхъ; донесъ, что слухъ носился о внезапной кончинѣ Царя; что Россія въ смятеніи; что онъ надѣется собрать двадцать тысячъ воиновъ и проникнуть съ ними въ средину ея владѣній³⁷⁶. Спарецъ Гуспавъ, имъ обольщенный, согласился дѣйствовать наступательно; а Багге немедленно осадилъ Ношебургъ, или Орѣшекъ, съ конницею, пѣхошою, со многими вооруженными судами: громилъ сѣны изъ пушекъ и жегъ наши селенія. Россіяне взяли мѣры: крѣпость оборонялась сильно; съ одной стороны Князь Ногшевъ, съ другой Дворецкій Симеонъ Шереметевъ пѣснили непріятеля, разбивали его отряды, хватали кормовщиковъ, брали суда. Настала осень, и Багге, потерявъ не мало лю-

дей въ печеніе мѣсяца, возвратился въ Г. Финляндію, хвалясь единственно пѣмъ,¹⁵⁵³ —57. что Россіяне не могли преградить ему пути, и что онъ вездѣ мужественно отражалъ ихъ.

Зимою собралось многочисленное войско въ Новѣгородъ; а Царь оказывалъ еще миролюбіе: Воеводы Московскіе писали къ Королю, что онъ, безсовѣстно нарушивъ перемиріе, будетъ виновникомъ ужаснаго кровопролитія, если въ печеніе двухъ недѣль самъ не выѣдетъ къ нимъ на границу или не пришлетъ Вельможъ для разсмотрѣнія обоюдныхъ неудовольствій и для казни обидчиковъ. Въмѣсто Гуспавъ оповѣщивали Выборгскіе чиновники, что Адмиралъ Багге началъ войну безъ Королевскаго повелѣнія; что Шведы, доказавъ Россіянамъ свое мужество, готовы возобновить спарую дружбу съ ними. Но сей оповѣсть казался неудовлетворительнымъ: Воеводы, Князь Пепръ Щеняшевъ и Дмитрій Палецкій, съ Аспраханскимъ Царевичемъ Кайбулою вступили въ Финляндію: взяли въ осажденномъ Шведами городкѣ Кивенъ семь пушекъ, сожгли его, и за пять верстъ отъ Выборга вспрѣшили непріятеля, котораго, смаявъ ихъ передо-

Г. 1553
—57. вые опряды, расположилъ на горѣ. Мѣ-
спю давало ему выгоду: Иоанновы иску-
сные Воеводы обошли его, напали съ
пылу, — рѣшили побѣду и плѣнили зна-
нѣйшихъ сановниковъ Королевскихъ³⁷⁷.
Шведы заключились въ Выборгъ: при-
дни спрѣлявъ по городу, Россіяне не мо-
гли сбить крѣпкихъ спѣнъ; оуптопили
берега Воксы, разорили Нейцлопъ,
вывели множество плѣнниковъ. Лыпо-
писецъ говоритъ, что они продавали че-
ловѣка за гривну, а дѣвку за пѣшь ал-
пынѣ. — Иоаннъ былъ доволенъ Воеводами;
послать въ даръ Погайскому Князю Исма-
илу нѣсколько Шведскихъ доспѣховъ и
писалъ къ нему: »Вопъ новые профен
»Россіи! Король *Нѣмецкій сгубилъ* намъ:
»мы побили его людей, взяли города,
»испребили селенія³⁷⁸. Такъ казимъ вра-
говъ: будь намъ другомъ!»

Густавъ, опъ самой юности при-
мѣръ благоразумія между Вѣнценосцами,
ибо умѣлъ бытъ Геросемъ безъ воинскаго
славолюбія, и великодушно избавивъ опе-
чешво опъ иноземнаго пирана, хотѣлъ
всегда мира, пишины, благоденствія —
Густавъ на спароспи могъ винить себя
въ ошибкѣ легкомыслія: видѣлъ, что
Швеція безъ союзниковъ не въ силахъ бо-

ропъся съ Россією, и прислалъ сановни- Г.
ка Канупа въ Москву. Онъ писалъ къ 1553.
Иоанну учпиво, дружелюбно, пребуя ми-
ра, обвиняя бывшаго Новгородскаго На-
мѣспника, Князя Палецкаго (погда смѣ-
неннаго), и доказывая, что не Шведы,
а Россіяне начали войну³⁷⁹. Канупъ пред-
ставилъ дары Густавовы: *десять Швед-
скихъ лисицъ*, и хопя былъ Посланникомъ
недруга, однакожь имѣлъ честь обѣдать
съ Государемъ, ибо сей недругъ уже про-
силъ мира³⁸⁰. Опвѣщешвуя Густаву,
Царь не соглашался съ нимъ въ причи-
нахъ войны, но соглашался въ желаніи
прекратишь ее. »Твои люди«—писалъ онъ
—»дѣлали ужасныя неисповства въ Ко-
»рельской землѣ нашей: не только жгли,
»убивали, но и ругались надъ церквами,
»снимали кресты, колокола, иконы. Жи-
»тели Новгородскіе пребовали опъ меня
»*большихъ полковъ*, Московскихъ, Тапар-
»скихъ, Черемисскихъ и другихъ; Воево-
»ды мои пылали неперпвнѣемъ иппи къ
»Абову, къ Спокгольму: мы удержали ихъ,
»ибо не любимъ кровопролипнѣя. Все зло
»произошло опъ того, что пы по сво-
»ей гордоспи не хотѣлъ сносипься съ
»Новгородскими Намѣспниками, знамени-
»пыми Болрами Великаго Царства. Если
Томъ VIII. 13.

»не знаешь, каковъ Новгородъ, по спроси у своихъ купцевъ: они скажутъ тебѣ, что его пригороды болѣе своего Спокогольма³⁸¹. Оставь надменность, и будемъ друзьями.« Гуславъ оставилъ ее:

Г. 1557. Послы его, Совѣтникъ Государственный Спенъ Эриксонъ, Архіепископъ Упсальскій Лаврентій, Епископъ Абовскій Михаилъ Агрикола, и Королевскій Печатникъ Олофъ Ларсонъ въ Февраль 1557 года пріѣхали въ Москву на 150 подводахъ, жили на Дворѣ Липовскомъ какъ бы въ заключеніи, не могли никого видѣть кромѣ Царскихъ чиновниковъ, поднесли Иоанну серебряный кубокъ съ часами³⁸², обѣдали у него въ Грановитой Палатѣ и должны были принять всѣ условія, имъ объявленныя. О рубежѣ не спорили: возобновили старыя; но Послы долго требовали, чтобы мы освободили безденежно всѣхъ плѣнниковъ Шведскихъ, и чтобы Король имѣлъ дѣло единственно съ Царемъ. Бояре отвѣчали: 1) »Вы, какъ виновные, обязаны безъ выкупа отпустить Россіянъ, купцевъ и другихъ, вами захваченныхъ; а мы, какъ правые, дозволяемъ вамъ выкупить Шведскихъ плѣнниковъ, у кого ихъ найдете, если они не приняли нашей Вѣры. 2) Не без-

честіе, а честь Королю имѣть дѣло съ Г. 1557. »Новгородскими Намѣстниками. Знаете ли, кто они? Дѣти или вѣучаща Государей Липовскихъ, Казапскихъ или Россійскихъ³⁸³. Пыльпшій Намѣстникъ, Князь Глинскій, есть племянникъ Михаила Львовича Глинскаго, столь знаменитого и славнаго въ земляхъ Нѣмецкихъ. »Скажемъ вамъ также не въ укоръ, но единственно въ разсудъ: кто Государь вашъ? Вѣщеносецъ, правда; но давно ли еще торговалъ волами? И въ самомъ великомъ Монархѣ смиреніе лучше надменности.« Послы уступили: за то Бояре, желая изъяснить снисхожденіе, согласились не именовать Короля въ договорѣ клятвеннопреступникомъ! Написали въ Москвѣ перемирную грамоту на сорокъ лѣтъ и велѣли Новгородскимъ Намѣстникамъ скрѣпить ее своими печатями³⁸⁴. Между тѣмъ Посламъ оказывалась честь, какой ни отецъ, ни дѣдъ Иоанновъ никогда не оказывалъ Шведскимъ: ихъ встрѣчали и провожали во дворцѣ знатные сановники³⁸⁵, угощали на золотѣ, пышно и великолѣпно. Въспно дара Государь прислалъ къ нимъ двадцать освобожденныхъ Финляндскихъ плѣнниковъ³⁸⁶. Историкъ Швеціи разсказываетъ, что

Г. 1557. Иоаннъ желалъ слышать богословское првіе Архіепископа Упсальскаго съ нашимъ Митрополипомъ: выбрали для того Греческій языкъ; но переводчикъ, не разумѣя смысла важнѣйшихъ словъ, полковалъ оныя споль нелѣпо, что Государь велѣлъ прекратишь сей разговоръ, въ знакъ благоволенія надѣвъ золотую цѣпь на грудь Архіепископа³⁸⁷.

Въ сей кратковременной Шведской войнѣ Король Августъ и Магиспръ Ливонскій еспешвенно доброжелательствовали Густаву; обѣщались и помогашъ ему, но оставались спокойными зрители. Первый только ходатайствовалъ за него въ Москвѣ, убѣждая Иоанна не пѣснить Швеціи, которая могла бы вмѣстѣ съ Польшею дѣйствовать противъ невѣрныхъ³⁸⁸. »Я не пѣсню никого,« писалъ Государь въ отвѣтъ Августу: »имѣю Царство обширное, которое опъ время Рюрика до моего непрестанно увеличиваешся; завоеванія не льстятъ мѣня, но спюю за честь.« Возобновивъ перемиріе съ Ливвою до 1562 года, Иоаннъ соглашался заключишь и вѣчный миръ съ нею, если Августъ признаешъ его Царемъ; но Король упрявился, опвѣствуя, что не любитъ новостей;

что сей пипуль принадлежишь одному Г. Нѣмецкому Императору и Султану. Бо-1557. яре наши явили его Посламъ грамоты Папы Климентія, Императора Максимилиана, Султановы, Государей Испанскаго, Шведскаго, Датскаго, которые именовали еще дѣда, опца Иоаннова Царемъ; явили и новѣйшую грамоту Королевы Англійской: ничто не убѣдило Августа³⁸⁹. Кажалось, что онъ спрашился пипула болѣе, нежели силы Государя Россійскаго. Иоаннъ поржественно увѣдомилъ его о завоеваніи Аспрахани: Король изъявилъ ему благодарность, и писалъ, что радуется его побѣдамъ надъ невѣрными! Такое увѣреніе было одною учливостію; но разбои Хана Девлетъ-Гирея, не щадившаго и Ливвы, могли бы склонишь сіи два Государства къ искреннему союзу, если бы не вспрѣшились новыя, важныя противности въ ихъ выгодахъ.

Послѣднее впаденіе въ наши предѣлы дорого спюило Хану, который лишился не только обоза, но и знашней части войска въ битвѣ съ Шереметевымъ³⁹⁰. Не смюпря на то, онъ хвалился побѣдою и снова ополчался. Козаки подъ начальствомъ Дьяка Ржевскаго сперегли его между Днѣпромъ и Дономъ³⁹¹: они из-

Г. 1557. вѣсшили Государя (въ Маѣ 1556), что Ханъ расположился спаномъ у Конскихъ Водъ и мѣшишь на Тулу или Козельскъ.

Напа- Въ нѣсколько дней собралосѣ войско :
деніе Дьяка Ржев- Царь осмошрѣлъ его въ Серпуховѣ и хо-
скаго на Ис- щѣлъ вспрѣшишь періряицелъ за Тулою
ламь- валасѣ. Смѣлый Дьякъ Ржевскій, прима-
Кир- нивъ къ себѣ присла Малороссійскихъ Ли-
мень. повскихъ Козаковъ съ Атаманами Млын-
скимъ и Есковичемъ, ударилъ на Исламъ-
Кирмень, на Очаковъ; шестъ дней билсѣ съ Ханскимъ Калгою³⁹³, умершвилъ множесшво Крымцевъ и Турковъ, опогналъ ихъ пѣбуны, вышелъ съ добычею и принудилъ Девлешъ-Гирей спѣшишь назадъ для защиты Крыма, гдѣ, сверхъ того, свирѣисшвова-

Князь ли смертноносныя болѣзни. Въ сіе же вре-
Виш- мя, къ удовольствію Государя, предло-
невец- жилъ ему свои услуги одинъ изъ знаш-
кій вступ- нѣйшихъ Князей Липовскихъ, пошом-
пасишь въ слу- ковъ Св. Владиміра : Дмишрій Вишневец-
жбу къ кій, мужъ ума пылкаго, опиважный, ис-
Царю, кусный въ рашномъ дѣлѣ. Бывъ любви-
и бе- ретъ мымъ вождемъ Днѣпровскихъ Козаковъ и
Хор- начальникомъ Канева, онъ скучалъ мир-
пицу. ною системою Августа; хотѣлъ подви-
говъ, опасносшей, и прельщенныи славою нашихъ завоеваций, воскищлъ ревностію

мужествовать подѣ знаменами своего Г. 1557. древняго опечесства, коему Провидѣніе явно указывало пушь къ необыкновенному величію. Вишневецкій спыдился предспащъ Иоанну въ видѣ бѣглеца : вышелъ изъ Липвы со многими усердными Козаками, занялъ оспровъ Хортицу близъ Днѣпровскаго устья, прошивъ Конскихъ Водъ³⁹⁴; сдѣлалъ крѣпосшь, и писалъ къ Государю, что не пребуесть у него войска : пребуесть единшвенно чести именоващъя Россілиномъ, и запрешъ Хана въ Тавридѣ, какъ въ вершепѣ. Обшадеженый Иоанномъ въ милоспи, сей удалецъ сжегъ Исламъ-Кирмень, вывезъ опшуда пушки въ свою Хортицкую крѣпосшь, и славно опразилъ всѣ нападенія Хана, который 24 дни безъ успѣха приспуналъ къ его оспрову. Съ другой стороны Черкесскіе Князѣя именемъ Россіи овладѣли двумя городками Азовскими, Темрюкомъ и Таманомъ, гдѣ было наше древнее Тмутороканское Княженіе³⁹⁵. Девлешъ-Гирей и Ташманъ. Завоеваніе Темрюка и Тамана. Вишневецкій и Князѣя Черкесскіе сосшавляютьъ шолько передовый опрядъ нашего главнаго войска; ждалъ самого Иоанна, просилъ у него мира, и въ опчаяннн писалъ къ Султану, что все погнбло, если

Г. онъ не спасеть Крыма. Никогда — гово-
 1557. рить современный Испорикъ³⁹⁶ — не бы-
 Моръ вало для Россіи удобнѣйшаго случая ис-
 въ Но-пребывать оспашки Моголовъ, явно кара-
 гай-емьихъ погда гнѣвомъ Божиимъ. Улусы
 скихъ и Ногайскіе, прежде многолюдные, бога-
 Крым-тые, опустили въ жестокую зиму 1557
 скихъ Улу-года; скопъ и люди гибли въ степяхъ
 сахъ. ость несноснаго холода. Нѣкоторые Мур-
 зы искали убѣжища въ Тавридѣ, и нашли
 въ ней язву съ голодомъ, произведеннымъ
 чрезвычайною засухою. Едва ли 10,000
 исправныхъ конныхъ воиновъ оспавалось
 у Хана; еще менѣе въ Ногаихъ. Къ симъ
 бѣдствіямъ присоединялось междуособіе.
 Въ Ногайской Ордѣ Улусы возспавали на
 Улусы. Въ Тавридѣ Вельможи хотѣли
 убишь Девлетъ-Гирея, чпобы объявить
 Царемъ Тохпамыша, жившаго у нихъ
 Астраханскаго Царевича, брата Шигъ-
 Алеева. Заговоръ открылся: Тохпамышъ
 бѣжалъ въ Россію³⁹⁷, и могъ основательно
 извѣстивъ Государя о слабости Крыма.

Но мы — по мнѣнію Испорика, зна-
 менитаго Курбскаго — не слѣдовали ука-
 занію перса Божія, и дали оправиться
 невѣрнымъ. Вишневецкій не удержался на
 Хорпицѣ, когда явились многочисленныя
 дружины Турецкія и Волошскія, прислан-

ныя къ Девлетъ-Гирею Сулпаномъ: ис- Г.
 1557. щивъ силы и запасы, оспавилъ свою Усер-
 крѣпость, удалился къ предѣламъ Ли- діе
 повскимъ, и занявъ Черкасы, Каневъ, Виш-
 гдѣ жипели любили его, наисалъ къ каго. невец-
 Иоанну, чпю, будучи снова гопповъ иппи
 на Хана, можеть оказатъ Россіи еще ва-
 жнѣйшую услугу покореніемъ ея ски-
 пепру всѣхъ южныхъ областей Днѣпров-
 скихъ. Предложеніе было лестно; но Го-
 сударь не хотѣлъ нарушитъ упвержден-
 наго съ Липвою перемирія: велѣлъ воз-
 врапитъ Черкасы и Каневъ Августу,
 призвалъ Вишневецкаго въ Москву и далъ
 ему въ помѣстье городъ Бѣлевъ со мно-
 гими богатыми волостями, чпобы имѣть
 въ немъ спрашилище какъ для Хана,
 шакъ и для Короля Польскаго³⁹⁸. — Меж-
 ду тѣмъ Девлетъ-Гирей опдохнулъ. Хо-
 птя онъ все еще изъявлялъ желаніе бытъ
 въ мирѣ съ Россією; хоня съ чеснію
 опнуспилъ нашего Посла Загряжскаго, Г.
 державъ его у себя пять лѣтъ какъ плѣн- 1358.
 ника; доспавилъ и союзную грамоту Ю-
 анну, обязываясь, въ знакъ искренней къ
 намъ дружбы, воеватъ Липву: однакожь
 предлагалъ условія гордыя и пребовалъ
 даны, какую присылалъ къ нему Сигиз-
 мундъ и Августъ³⁹⁹. »Для себя« — гово-

Г. риль Девлешъ-Гирей — «разрываю союзъ
1558. » съ Липвою: слѣдственно ты долженъ
«вознаградить меня.» Сыновья его дѣйствитель-
но грабили тогда въ Вольніи и
въ Подоліи, къ изумленію Августа, счита-
вшего себя ихъ другомъ. Они искали
легкой добычи и находили ее въ сихъ
плодоносныхъ областяхъ, гдѣ Королев-
скіе Паны гордо хвалились мужествомъ
на пирахъ и малодушно бѣжали отъ раз-
бойниковъ, не умѣя оберегать земли⁴⁰⁰.
Узнавъ о томъ, Государь созвалъ Бояръ:
всѣ думали что пребываніе вѣроломнаго
Девлешъ-Гирей не достойно вниманія;
что надобно воспользоваться симъ слу-
чаемъ и предложишь Августу союзъ про-
тивъ Хана. Снова послали Князя Вишне-
вецкаго на Дитпръ; дали ему 5000 Жиль-
цовъ, Дѣшей Боярскихъ, Спрѣльцовъ и
Козаковъ; велѣли имъ соединиться съ
Князьями Черкесскими и вмѣстѣ воевать
Тавриду⁴⁰¹; а къ Королю написалъ Іоаннъ,
что онъ беретъ живѣйшее участіе въ
бѣдствіи, прешертливою Липвою отъ
гибельнаго набѣга Крымцевъ; что время
имъ обоимъ вразумиться въ истинную
пользу ихъ Державъ и общими силами со-
крушить злодѣевъ, живущихъ обманами
и грабежемъ; что Россія готова помо-

Пред-
ложе-
ніе со-
юзъ
Лип-
въ.

гать ему въ томъ усердно всеми данны- Г.
ми ей отъ Бога средствами. Сіе предло- 1558.
женіе шло радостно удивило Короля,
Вельможъ, народъ, связанный съ нами
узами единокровія и Вѣры, что Послан-
ника Московскаго носили на рукахъ въ
Липвъ, какъ вѣспника пишины и бла-
годенствія для ея гражданъ, которые
всегда ужасались войны съ Россією. Че-
стили его при Дворѣ, въ знатныхъ до-
махъ; славили умъ, великодушіе Іоанна.
Августъ въ знакъ искренней любви осво-
бодилъ нѣсколько старыхъ плѣнниковъ
Московскихъ и прислалъ своего Комман-
да Виленскаго, Яна Волчкова, изъявивъ
живѣйшую благодарность Государю, объ-
щаясь немедленно выслать и знаменѣ-
йшихъ Вельможъ въ Москву для заключе-
нія мира вѣчнаго и союза. Съ обѣихъ
сторонъ говорили съ жаромъ о Христіан-
скомъ брашнѣ; воспоминали судьбу
Греціи, жертвы бывшаго между Евро-
пейскими Державами несогласія; хотѣли
вмѣстѣ унять Хана и противиться Тур-
камъ⁴⁰². — Сіе обоюдное доброе располо-
женіе исчезло какъ мечпа: дѣла снова за-
лупались, и древняя взаимная ненависть,
между нами и Липвою, воспрянула.

Виною тому была Ливонія. Съ 1503

Г. года мы не имѣли съ нею ни войны, ни
 1558. пвердаго мира; возобновляли только пе-
 Дѣла Ливон.-ремиріе и довольствовались единственно
 скіл. купеческими связями. Съ ревностію пред-
 пріавъ возвеличили Россію не только по-
 бѣдами, но и внутреннимъ гражданскимъ
 образованіемъ, дающимъ новыя силы Го-
 сударству, Іоаннъ съ досадою видѣлъ не-
 доброжелательство Ливонскаго Ордена,
 который заграждалъ путь въ Москву
 не только людямъ искуснымъ въ художе-
 ствахъ и въ рашномъ дѣлѣ, но вообще и
 всѣмъ иноземцамъ. «Уже Россія такъ опа-
 »сна» — писали чиновники Орденскіе къ
 Императору — «что всѣ Христіанскіе со-
 »сѣдственныя Государя уклоняютъ главу
 »предъ ея Вѣщеносцемъ, юнымъ, дѣяшель-
 »нымъ, власполюбивымъ, и молящъ его
 »о мирѣ⁴⁰³. Благоразумно ли будешь умно-
 »жать силы природнаго врага нашего со-
 »общеніемъ ему искусствъ и снарядовъ
 »воинскихъ? Если откроемъ свободный
 »путь въ Москву для ремесленниковъ и
 »художниковъ, то подъ симъ именемъ
 »устремится шуда множеству людей,
 »принадлежащихъ къ злымъ Сектамъ Ана-
 »баптистовъ, Сакраментистовъ и дру-
 »гихъ, гонимыхъ въ Нѣмецкой землѣ: они
 »будутъ самыми ревностными слугами

»Царя. Нѣтъ сомнѣнія, что онъ замыш- Г.
 »ляеть овладѣть Ливонією и Балтійскимъ 1558.
 »моремъ, дабы шѣмъ удобнѣе покоришь Важ-
 »всѣ окрестныя земли: Липву, Польшу, ный
 »Пруссію, Швецію.« По крайней мѣрѣ Іо- замы-
 аннъ не хотѣлъ терпѣть, чтобы Ли- вывае-
 вонцы препятствовали ему въ исполне- мый
 ніи благотѣльныхъ для Россіи намѣре- Іоан-
 ній, и готовилъ мстѣ. Въ 1554 году По- ну.
 слы Магистра Генрика Фонъ-Галена, Ар-
 хіепископа Рижскаго и Епископа Дерпт-
 скаго молили его возобновить перемиріе
 еще на 15 лѣтъ. Онъ соглашался, съ усло-
 віемъ, чтобы область Юрьевская или
 Дерптская плащала ему ежегодно искони-
 ушавленную дань. Нѣмцы изъявили уди-
 вленіе: имъ показали Пleshенбергову до-
 говорную грамоту, писанную въ 1503
 году, гдѣ именно упоминалось о сей дани
 забышой въ печеніе пятидесяти лѣтъ
 404. Ихъ возраженій не слушали. Именемъ
 Государевымъ Адашевъ сказалъ: «или пакъ,
 »или нѣтъ вамъ перемирія!» Они усту-
 пили, и Дерптъ обязался грамотою, за
 ручательствомъ Магистра, не только
 впредъ давать намъ ежегодно по Нѣмец-
 кой маркѣ съ каждаго человѣка въ его
 области, но и за минувшія 50 лѣтъ пред-
 ставить въ при года всю недоимку. Ма-

Г. 1558. гиспръ клялся не быти въ союзѣ съ Королемъ Польскимъ и возспаловити наши древнія церкви, вмѣстѣ съ Каполическими опуспошенныя Фанатиками новаго Люперанскаго Исповѣданія въ Дерптѣ, Ревелѣ и Ригѣ: за что еще опецъ Іоанновъ грозилъ местию Ливонцамъ, сказавъ: »я не Папа и не Императоръ, которые не умѣютъ защищати своихъ храмовъ«⁴⁰⁵. Торговлю объявили свободною, по волю Іоанна, копорому жаловалась Ганза, что Правительство Рижское, Ревельское, Дерптское запрещаетъ ея купцамъ ввозити къ намъ мѣталлы, оружіе, доспѣхи, и хочеть, чпобы Нѣмцы покупали наше сало и воскъ въ Ливоніи⁴⁰⁶. Только въ одпомъ успоялъ Магиспръ: онъ не далъ слова пропускати иноземцевъ въ Россію: обспоятельство важное, копорое дѣлало миръ весьма ненадежнымъ.

Съ сею грамошою, написанною въ Москвѣ и скрѣпленною печатями Ливонскихъ Пословъ, опиравился въ Дерптъ Іоанновъ чиновникъ, Келарь Терпигоревъ, чпобы, согласно съ обычаемъ, Епископъ и Спарѣйшины утвердили оную своею клятвою и печатями. Но Епископъ, Бургомиспръ и Совѣтники ихъ ужаснулись быти данниками Россіи; угощая Терпи-

горева, шайно разсуждали между собою; Г. 1558. винили Пословъ Ливонскихъ въ легкомыслии, въ преспуленіи данной имъ власти, и не знали, чпо дѣлать. Минуло нѣсколько дней: чиновникъ Московскій пребоваъ присяги, не хотѣлъ ждати и грозился уѣхать. Тогда Епископскій Канцлеръ, понкій Полишникъ, предложилъ Совѣту обмануть Іоанна. »Царь силенъ оружіемъ, а не хитрѣ умомъ«, сказалъ онъ: »чпобы не раздражити его, утвердимъ договоръ, но объявимъ, что не можемъ вступити ни въ какое обязательство безъ согласія Императора Римскаго, нашего законнаго кровопея; опнесемъ къ нему, будемъ ждати, медити — а шпамъ, что Богъ дастъ«⁴⁰⁷! Сіе мнѣніе одержало верхъ: присягнули и возвратили грамошу Послу Іоаннову, съ оговоркою, что она не имѣетъ полной силы безъ утвержденія Императорскаго. »Царю моему нѣтъ дѣла до Императора!« сказалъ Посолъ: »дайте мнѣ только бумагу; дадите и серебро.« Велѣвъ Дьяку вернуть грамошу въ шелковую шкандь, онъ примолвилъ съ усмѣшкою: »береги: это важная вещь!« — Терпигоревъ донесъ Государю, что обрядъ исполненъ, но чпобы Нѣмцы замышляютъ обманъ.

Г. 1558. Иоаннъ молчалъ; но съ сего времени уже писался въ грамошахъ *Государель Ливонскія земли*⁴⁰⁸. Въ Февралѣ 1557 года снова явились въ Москвѣ Послы Магистровы и Дерптскаго Епископа. Узнавъ, что они пріѣхали не съ деньгами, а съ пустыми словами, и желають доказывають Болрамъ несправедливостъ нашего пребыванія, Царь велѣлъ имъ ѣхать назадъ, съ опвѣстомъ: »Вы свободно и кляпвенно обязались пла-»пить намъ дань; дѣло рѣшено. Если не»хотите исполнить обѣща, то мы най-»демъ способъ взять свое«⁴⁰⁹. Онъ запретилъ купцамъ Новгородскимъ и Псковскимъ ѣздить въ Ливонію, объявивъ, что Нѣмцы могутъ торговать у насъ спокойно; послалъ Околыничаго, Князя Шапунова, заложивъ городъ съ приспанью въ самомъ устьѣ Наровы⁴¹⁰, желая имѣть моремъ вѣрное, безопасное сообщеніе съ Германією, и началъ гововипись къ войнѣ, копорая, по всѣмъ вѣрояшностямъ, обѣщала намъ дешевые успѣхи и легкое завоеваніе. Ливонія и въ лучшее, славнѣйшее для Ордена время, при самомъ великомъ мужѣ Плетшпенбергѣ видѣла невозможность счастливо воевать съ Россією: Орденъ лишенный опоры Нѣмецкаго, сдѣлался еще слабѣе, и пятидесятилѣтній

Со-
стоя-
ніе
Ливо-
ніи.

Г. 1558. миръ, обогативъ землю, умноживъ при-
яшности жизни, роскошь, нѣгу, совер-
шенно опучилъ Рьцарей опъ суровой
воинской дѣяпельности: они въ велико-
лѣпныхъ замкахъ своихъ жили единствен-
но для чувственныхъ наслажденій и низ-
кихъ спраспей (какъ увѣряюють современ-
ные Лѣпописцы): пили, веселились,
забывъ древнее происхождение ихъ брап-
спва, вину и цѣль онаго; гнушались не
пороками, а скудоспію; безспыдно нару-
шая святыя успавы нравспвенности,
спыдились только успупають другъ дру-
гу въ пышности, не имѣють драгоцѣн-
ныхъ одеждъ, множеспва слугъ, богато
убранныхъ коней и прекрасныхъ любов-
ницъ. Тунейдспво, пиры, охота были
главнымъ дѣломъ значныхъ людей въ
семъ, по выраженію Испорика, *земномъ
раю*⁴¹¹; а какъ жили Орденскіе, Духов-
ные сановники, пакъ и Дворяне свѣпскіе,
и купцы, и мѣщане въ своемъ избыткѣ;
одни земледѣльцы прудились въ потѣ ли-
ца, обременяемые налогами алчнаго ко-
рысплюбія, но опличались не лучшими
нравами, а грубѣйшими пороками въ без-
спыслии невѣжества и въ губельной за-
разѣ пьянспва. Многосложное, раздѣлен-
ное Прависпельспво было слабо до край-

Г. 1558. носпи: пять Епископовъ, Магистръ, Орденскій Маршалъ, восемь Командоровъ и восемь *Фохтовъ* владѣли землею; каждый имѣлъ свои города, волости, усаивы и права; каждый думалъ о частныхъ выгодахъ, мало заботясь о пользѣ общей. Введеніе Люшеранскаго Исповѣданія, принятаго городами, свѣтскимъ Дворянствомъ, даже многими Рыцарями, еще болѣе замѣшало Ливонію: волнуемый усердіемъ къ новой Вѣрѣ, народъ мятежничалъ, опустошалъ Лапинскія церкви, монастыри¹²; Властители, опчаясь за Вѣру, опчаясь за корысть, возсравали другъ на друга. Такъ преемникъ Магистра Фонъ Галена, Фиршенбергъ, свергнувъ и заключилъ Архіепископа Рижскаго, Маркграфъ Вильгельма (послѣ освобожденнаго угрозами Короля Августа.) Для храненія самой внутрешней тишины нанимая воиновъ въ Германіи, миролюбивый Орденъ не думалъ о способахъ противившся сильному врагу внѣшнему; не имѣя собственнорядной рати, не имѣлъ и денегъ: Магистры, сановники богашѣли, а казна скудѣла, изводимая для ихъ удовольствій и пышности; они щипали досрочаніе Орденское своимъ, а свое не Орденскимъ. Однимъ словомъ, избытокъ земли, слабость

Правленія и нѣга гражданъ манили завоевателя. Г. 1558.

Россія же была могущественнѣе Новое прежняго. Кромѣ славы громкихъ завое- могущество ваний, мы приобрѣли новыя вещественныя силы: усмиренные народы Казанскіе Россіи. давали намъ ратниковъ; Князья Черкесскіе Лучшее пріѣзжали служить Царю со многими образованіе людными конными дружинами. Но всего войска. важнѣе было тогда новое, лучшее образованіе нашего войска, почти удвоившее силу онаго. Сіе знаменитое дѣло Іоаннова царствования совершилось въ 1556 году, когда еще лилася кровь на берегахъ Волги, когда мы воевали съ Швеціею и ждали впаденія Крымцевъ: учрежденіе равно досрочаніе въ воинскомъ и гражданскомъ законодательствѣ Россіи. Опъ время Іоанна III чиновники Великокняжескіе и Дѣти Боярскіе награждались землями, но не всѣ: другимъ давали судное право въ городахъ и волостяхъ, чтобы они, въ званіи Намѣстниковъ, жили судными оброками и пошлинами, храня устроительство, справедливость и безопасность общую. Многіе честно исполняли свой долгъ; многіе думали единственно о корысти: пѣсни и грабили жищелей. Непрестанныя жалобы доходили

Г. до Государя: смѣняя чиновниковъ, ихъ
 1558. судили, и слѣдствіемъ было то, что самыя невинныя разорялись опть пѣжбъ и ябеды⁴¹⁵. Чшобы искоренишь зло, Иоаннъ *отмѣнилъ судныя платежи*, указавъ безденежно рѣшишь пѣжбы избираемымъ Старосіамъ и Солскимъ, а вмѣсто сей пошлины наложилъ общую дань на города и волости, на промыслы и земли, собираемую въ казну Царскими Дьяками; чиновниковъ же и Боярскихъ Дѣшей всѣхъ безъ исключенія уравнилъ или денежнымъ жалованьемъ или помѣстьями, сообразно съ ихъ достоинствомъ и заслугами; опняя у нѣкопорыхъ *лишнюю* землю и далъ неимущимъ, успавивъ службу не только съ помѣстьевъ, но и съ вопчинъ Боярскихъ, шакъ что владѣлецъ спа чешвершей *угожей* земли долженъ былъ иппи въ походъ на конѣ и въ доспѣхъ, или вмѣсто себя выслать челоуѣка, или внеспи уложенную за то цѣну въ казну. Желая пріохотишь людей къ службѣ, Иоаннъ назначилъ *вспль* денежное жалованье во время похода и двойное Боларскимъ Дѣшамъ, которые выславляли лициныхъ рашниковъ сверхъ опредѣленнаго закономъ числа. Такимъ образомъ, измѣривъ земли, узнали нашу силу воинскую; доставивъ

рапнымъ людамъ способъ жить безъ Г. нужды въ мирное время и содержащъ се-
 1558. бя въ походахъ, могли шребовать опть нихъ лучшей исправности и спроже наказыывать лѣнвивыхъ, избѣгавшихъ службы. Съ сего времени, какъ говорилъ Лѣтписцы, число воиновъ нашихъ несравненно умножилось⁴¹⁴. Имѣвъ подъ Казанью 150,000, Иоаннъ чрезъ нѣсколько лѣтъ могъ выводити въ поле уже *до трехъ сотъ тысячъ*⁴¹⁵ всадниковъ и пѣшихъ. Последніе, именуемые *Стрѣльцали* и вооруженные пищалами, избирались изъ волостиныхъ сельскихъ людей, сославляли *безсильную рать*, жили обыкновенно въ городахъ, и были преимущественно употребляемы для осады крѣпостей: учрежденіе приписываемое Иоанну, по крайней мѣрѣ имъ усовершенное⁴¹⁶. Хопя оно еще не могло вдругъ измѣнишь нашего древнаго, Азіатскаго образа войны, но уже сблизало его съ Европейскимъ; давало болѣе твердости, болѣе успройства ополченіямъ.— Прибавимъ къ сему неупомимоси Россіанъ, ихъ физическую окрѣпоси въ прудахъ, навѣкъ сносишь недоспапокъ, холодъ въ зимнихъ походахъ, — вообще опышность рашную; прибавимъ наконецъ необъяпную нравспвенную силу

Г. Государства Самодержавнаго, движимаго
1558. единою мыслию, единымъ словомъ Вън-
ценосца юнаго, бодраго, который, по
сказанію нашихъ и чужеземныхъ совре-
менниковъ, *жилъ только для подвиговъ
войны и Вѣры*⁴¹⁷. Чего могли ожидать
Ливонцы, имѣя дѣло съ такимъ непрі-
ятелемъ? погибели.

Всякое бореніе слабого съ сильнымъ,
возбуждая въ сердцахъ естественную жа-
лость, склоняетъ насъ некакъ справедли-
вости на споронѣ перваго: но и Россій-
скіе и Ливонскіе Историки⁴¹⁸ винятъ Ор-
денъ въ томъ, что онъ своимъ явнымъ
недоброжелательствомъ, коварствомъ, об-
манами раздражилъ Иоанна, дѣйствуя по
извинительному чувству нелюбви къ со-
сѣду опасному, но дѣйствуя неблагораз-
умно. Истинная Политика великъ быть
другомъ, ежели нѣтъ силъ быть вра-
гомъ; прямодушіе можетъ иногда усовѣ-
спитъ и властолюбца, опирающаго у него
предлогъ законной мести: ибо не легко
наглымъ образомъ пощипать уславы
правосвенности, и самая коварная или
дерзкая Политика должна закрываться
ея личиною. Иоаннъ, начиная войну Ли-
вонскую, могъ шайно дѣйствовать по
властолюбію, раждаемому или питаемому

блестящими успѣхами; однакожь могъ Г.
искренно увѣрять себя и другихъ въ 1558.
своей справедливости, обязанный сею вы-
годною худому расчету Ливонскихъ Вла-
стителей, которые, зная физическую
силу Россіянъ, надѣялись ихъ проводить
хитростию, Посольствами, учтивыми
словами, льстивыми обѣщаніями, и на-
влекли на себя ужасное двадцати-пяти-
лѣтнее бѣдствіе, въ коемъ, среди разва-
линь и могилъ, палъ вѣнхій Орденъ какъ
упало дерево.

Свѣдавъ о нашемъ вооруженіи, Ма-
гистръ Фирстенбергъ и Дерпінскій Епи-
скопъ требовали отъ Царя *опасной гра-
моты* для проѣзда въ Москву ихъ но-
выхъ Пословъ. Иоаннъ далъ грамоту; но
гошцы Швецкіе видѣли у насъ вездѣ
спрашныя пригопцовленія къ войнѣ: обо-
зы съ разными запасами шли къ предѣ-
ламъ Ливоніи; вездѣ наводили мосты,
учреждали станы, ямы, гостиницы по
дорогѣ⁴¹⁹— и въ исходѣ осени 1557 года
уже сорокъ тысячъ вонновъ сползло на
границъ подъ начальствомъ Шигъ-Алея,
Бояръ Глинскаго, Данила Романовича,
Ивана Шереметева, Князей Серебряныхъ,
Андрея Курбскаго и другихъ знатныхъ
сановниковъ. Кромѣ Россіянъ, въ семь

Г. войскъ были Таттары, Черемисы, Мордва,
 1558. Пяшигорскіе Черкесы. Ждали только
 слова Государева, а Государь ждалъ По-
 словъ Ливонскихъ: они пріѣхали съ бо-
 гатыми дарами и съ краснорѣчіемъ⁴²⁰:
 Іоаннъ не хотѣлъ ни того, ни другаго.
 Алексѣй Адашевъ и Дьякъ Иванъ Михай-
 ловъ, указывая имъ на договорную хар-
 тию, требовали дани. Согласились нако-
 нецъ, чинобы Дерпичъ, вмѣсто поголов-
 ной, ежегодно присылалъ намъ тысячу
 Венгерскихъ золотыхъ, а Ливонія запла-
 тила 45,000 ефимковъ за воинскія издер-
 жки. Написали договоръ; оставалось ис-
 полнить его: но Послы объявили, что
 съ ними нѣтъ денегъ. Тогда Государь,
 какъ пишущъ, пригласилъ ихъ обѣдать
 во дворцѣ и вслѣлъ подать имъ только
пустыя блюда⁴²¹: они всшали изъ-за спо-
 ла голодные и поѣхали назадъ ни съ чѣмъ;
 а за ними войско наше, среди холодной,
 снѣжной зимы, 22 Генваря, съ огнемъ
 и мечемъ вступило въ Ливонію. Не смо-
 гла на то, что угрозы Іоанновы были
 ясны и приговоренія къ войнѣ давно
 извѣстны, Ливонскіе Власпиттели изу-
 мились, пируя въ сіе время на пышной
 свадьбѣ какого-то знашнаго Ревельскаго
 чиновника⁴²². Россіане дѣлали, что хо-

Нача-
 ло
 войны
 Ли-
 вон-
 ской.

пѣли въ землѣ, оснавивъ Нѣмцевъ си- г
 дѣть покойно въ городахъ укрѣпленныхъ. 1558.
 Князя Барбашинъ, Рѣпинъ, Данило Ое-
 доровичъ Адашевъ громили Южную Ли-
 вонію на пространствѣ двухъ сотъ
 верстъ; выжгли посады Нейгауза, Ки-
 ремпе, Маріенбурга, Курслава, Ульцена⁴²³,
 и соединились подъ Дерпичомъ съ глав-
 ными Воеводами, которые взяли Аллен-
 пурнъ и также на пути своемъ все об-
 рашили въ пепель. Нѣмцы осмѣлились
 сдѣлать вылазку изъ Дерпича, конные и
 пѣшие, въ числѣ пяти сотъ: ихъ побили
 на голову⁴²⁴. Проспоявъ три дни въ виду
 сей важной крѣпости, Воеводы пошли
 къ Финскому Заливу, — другіе къ рѣкѣ
 Аа; еще разбили Нѣмцевъ близъ Везен-
 берга; сожгли предмѣстіе Фалькенау, Кон-
 готы, Лаиса, Пиркелл⁴²⁵; были только
 въ пятидесяти верстахъ отъ Риги, въ
 тридцати отъ Ревеля, и въ концѣ Фе-
 враля возвратились къ Иванюгороду съ
 полнами пѣвниковъ, съ обозами бога-
 той добычи, умерививъ множество лю-
 дей. Нѣмецкіе Испорики говорящъ съ
 ужасомъ о свирѣпости Россіянъ, жалуясь
 въ особенности на шайки такъ называ-
 емыхъ *охотниковъ*, Новгородскихъ и
 Псковскихъ, которые, видя Ливонію без-

Г. 1558. защитною, вездѣ опустошали ея селенія, жестокостию превосходя самыхъ Татарѣ и Черкесовѣ, бывшихъ въ семь войскѣ⁴²⁶. Россіяне, посланные не для завоеванія, а единственно для разоренія земли, думали, что они исполняютъ долгъ свой, дѣлая ей какъ можно болѣе зла; и главный Полководецъ, Князь Михайло Глинскій, сполько любилъ корысть, что грабилъ даже въ области Псковской, надѣясь на родственную милость Государеву, но ошибся: изъявивъ благоволеніе всѣмъ другимъ Воеводамъ, Іоаннъ въ справедливомъ гнѣвѣ велѣлъ доправитъ съ него все, незаконно взятое имъ въ походѣ⁴²⁷.

Совершивъ казнь, Воеводы Московскіе написали къ Магистру, что Нѣмцы должны единственно винить самихъ себя, дерзнувъ играть свястостию договоровъ; что если они хотящѣ исправитъ, то могутъ еще умилосердивши Іоанна смиреніемъ: что Царь Шигъ-Алей и Бояре гошovy за нихъ ходатайствовашъ, изъ жалости къ бѣдной землѣ, дымящейся кровію. Ливонія дѣйствительно была въ жалоспномъ состояніи: несчастныя земледѣльцы, избѣжавшіе меча и плѣна, не могли помѣститься въ городахъ, умирали

отъ изнуренія силъ и холода среди ль- Г. 1558.
совъ, на кладбищахъ; вездѣ воля народный пребывать защиты или мира отъ Правителей, которые, на Сеймѣ въ Венденѣ долго разсуждавъ о лучшихъ мѣрахъ для ихъ спасенія, по гордо хваляся славою, мужествомъ предковъ, по съ ужасомъ воображая могущество Царя, рѣшились вновь опправить Посольство въ Москву. Шигъ-Алей — коего одни изъ Ливонскихъ Испориковъ именуютъ свирѣлымъ кровоіидею, а другіе весьма умнымъ, скромнымъ человекомъ⁴²⁸ — взялся склонять Іоанна къ миру, дѣйствуя конечно по данному ему отъ Государя наказу. Но Судьба хотѣла, чтобы Орденъ былъ жертвою неразумія своихъ чиновниковъ, и чтобы сильный Іоаннъ, перзая слабую Ливонію, казался правымъ.

Ожидая Магистровыхъ Пословъ, Государь велѣлъ прекратитъ всѣ воинскія дѣйствія до 24 Апрѣля⁴²⁹. Наспалъ Великій постъ: благочестивые Россіяне спокойно говѣли и молились въ Иванъгородѣ, опдѣляемомъ рѣкою отъ Нарвы, гдѣ Нѣмцы, новые Люперане, презирал успавы дремлей Вѣры, не считали за грѣхъ пировать въ сіе время, и вдругъ, разгоряченные виномъ⁴³⁰, начали спрѣ-

1558. г. лишь въ Иваньгородъ. Тамошніе Воеводы, Князь Куракинъ и Бупурлинъ, извѣстили о шомъ Государя, кошорый велѣлъ имъ обороняться, и послалъ Князя Темкина, споявшаго въ Изборскѣ, воевать ближайшіе предѣлы Ливонія, чптобы наказать Нѣмцевъ за ихъ вѣроломство. Темкинъ выжегъ села въ окрѣпностяхъ Валка; разбилъ опрядь непріятельскій, взялъ чешыре пушки, и возвратился. Еще главная рашь Московская не прогалаась; но изъ Нарвы безпрестанно лепали ядра въ Иваньгородъ и били жителей; а Нѣмцы Нарвскіе, какъ бы въ насмѣшку, приказывали къ Иоанновымъ Воеводамъ: »не мы, но Фохтъ Орденскій стрѣляетъ; »не можемъ унять его⁴³¹. Тогда Воеводы сами открыли сильную пальбу: ядра *огненныя* и каменныя осыпали Нарву въ печеніе недѣли; люди гибли; дома пылали, разрушались — и Нѣмцы, въ ужасъ забывъ гордость, требовали пощады. Бургомистры, Рапманы выѣхали къ Воеводамъ; объявили, чпто ни въ чемъ не прошивающа Иоанновой волѣ; умолили ихъ прекратить стрѣльбу; дали заложниковъ и послали въ Москву Депушатовъ, Иоакима Крумгаузена и Аршта Фонъ-Дедена. Когда сіи Депушаты явились въ

Кремлевскомъ дворцѣ, Окольнічій Адашевъ и Дьякъ Михайловъ вышли къ нимъ опъ Государя и спросили, чего хопяшь они? *Быть, какъ мы были*, опъвѣспивовалъ умный Крумгаузенъ: *не перемѣнять нашихъ законовъ; остаться городоми Ливонскимъ; удовлетворить встѣмъ инымъ требованіямъ Царя милостиваго.* Нѣтъ!« сказала Адашевъ: »мы не смѣемъ »донести ему о такихъ условіяхъ. Вы »дерзко нарушили перемиріе, стрѣляли »въ Россіянь, и видя гибель надъ собою »объявили, чпто гоповы исполнишь волю »Царя; а Царю угодно, чптобы вы немед- »ленно прислали въ Москву своего Орден- »скаго Властителя (Фохта Шнелленберга) »и сдали намъ городъ: за чпто Иоаннъ ми- »лостиво общаетъ не выводитъ васъ »изъ домовъ; не касаться ни лицъ, ни »собспвенности, ни древнихъ вашихъ обы- »чаевъ; блюсти общее благоденствіе и »свободу торговли; однимъ словомъ, вла- »дѣть Нарвою, какъ владѣли ею санов- »ники Орденскіе. Такъ, и не иначе!« Де- »пушаты, заплакавъ, присягнули Россіи за себя и за всѣхъ согражданъ; были предспавлены Государю и получили опъ него жалованную грамоту. Велѣвъ увѣдомитъ опомъ Нарвское Правительство, Иоаннъ

Г. писалъ къ Воеводамъ, чпобы они берегли сей городъ, какъ Россійскій, опть Магиспра. 1558.

Но все перемѣнилось въ Нарвѣ: ся легкомысленные граждане, узнавъ, чпо Магиспръ шлетъ къ нимъ 1000 воиновъ съ Коммандоромъ Ревельскимъ, ободрились, забыли спрахъ и послали сказать нашему главному Воеводѣ, чпо Депушаты ихъ не имѣли власни предапъ опечество Царю Московскому⁴³²; а Коммандоръ, думая воспользоваться нечаянноспію, хопѣлъ схватипъ Россійскую спражу за рѣкою Нарвою: ударилъ — и бѣжалъ опть первыхъ выспрѣловъ⁴³³. Вѣспъ о новомъ вѣроломствѣ Нѣмцевъ дошла до Москвы почпи въ одно время съ другою, радоспною, совершенно нежданасмою: съ вѣспію, чпо Нарва уже взяпа Россіянами!

Взятіе Нарвы. Сіе происшествіе ославилось чудомъ. Рассказываютъ, чпо пьяные Нарвскіе Нѣмцы, увидѣвъ икону Богоматери въ одномъ домѣ, гдѣ живали купцы Псковскіе, бросили ее въ огонь, опть когго вдругъ сдѣлаея пожаръ (11 Мая) съ ужасною бурею. Россіане изъ-за рѣки увидѣли общее смяшеніе въ городѣ, и не слушались Воеводъ своихъ, устремились туда: кто

плыль въ лодкѣ, кто на бревнѣ или доскѣ⁴³⁴; выскочили на берегъ и дружно приступили къ Нарвѣ. Воеводы уже не могли бытъ праздными зрителиями, и сами повели къ нимъ оспальное войско. Въ нѣсколькo минутъ все рѣшилось: Головы Спрѣлецкіе съ Бояриномъ Алексѣемъ Басмановымъ и Даниломъ Адашевымъ (Околичимъ, мужеспвеннымъ брапомъ любимца Государева) вломились въ Русскія воропа, а Иванъ Бушурлинъ въ Кольванскія; въ огнѣ и въ дыму рѣзали успрашенныхъ Нѣмцевъ, вогнапи ихъ въ крѣпкій замокъ, называсмый Вышегородомъ, и не дали имъ шамъ опомнипся: грома его изъ всѣхъ пушекъ, своихъ и взяпыхъ въ Нарвѣ, разбивали спѣны, гоповили лѣспницы. Между шѣмъ два Коммандора, Феллинскій и Ревельскій, Кешлеръ и Зегегафенъ, съ сильною дружиною, пѣхоптою, конницею и съ огнеспрѣльнымъ снарядомъ спояли въ прехъ миляхъ опъ города, видѣли пожаръ, слыщали пальбу, и не двигались съ мѣста, разсуждая, чпо крѣпость, имѣющая каменныя спѣны и желѣзныя воропа, должна безъ ихъ помощи опразипъ неприпеля. Но къ вечеру замокъ сдался, съ условіемъ, чпобы побѣдипели выпустили Фохта Шнеллен-

Г. 1358 берга, Нѣмецкихъ воиновъ и жипелей, копорые захопяпъ удалипсь. Вышли знапнѣйшіе шолько съ женами и дѣтьми, оспавивъ намъ въ добычу все свое имѣніе; другіе отпуспили семейства, а сами, вмѣспѣ съ народомъ, присягнули Царю въ вѣрности. Россіане взяли 230 пушекъ и великое богатство; но, гася пожаръ, усердно и безкорыспно спасали дошояніе пѣхъ жипелей, копорые сдѣлались нашими подданными. — Сіе важное завоеваніе, давъ Россіи знаменипую купеческую приспань, споль обрадовало Іоанна, что онъ съ великою пышностию шоржестшвовалъ его въ Москвѣ и во всемъ Государствѣ; наградилъ Воеводъ и воиновъ; милоспиво подпвердилъ жалованную грамоту, данную Крумгаузену и Фонъ-Дедену, не смощра на перемѣну обспояпельспивъ; освободилъ всѣхъ Нарвскихъ пльвиниковъ; указалъ опцапъ собственностъ всякому, кпю изъ вышедшихъ жипелей Нарвы захочетъ возвращпшсь. Архіепископъ Новгородскій долженъ былъ немедленно опсправитъ шуда Архимандрита Юрьевскаго и Софійскаго Прошоіерея, чтобы оспавишъ мѣсто во имя Спасителя, крестнымъ ходомъ и молебнами *очиститъ отъ Вѣры Латинской*

и Лютеровой, соорудитъ церковь въ замкѣ, другую въ городѣ, и поспавипъ въ ней шу икону Богоматери, опъ коей загорѣлась Нарва, и копорую нашли цѣлую въ пеплѣ⁴³⁵.

Въ сіе время пріѣхали наконецъ Послы Ливонскіе въ Москву, братъ Магиспра Фирстенберга, Теодоръ, и другіе чиновники⁴³⁶, не съ данію, но съ моленіемъ, чтобы Государь уступилъ ее землѣ разоренной. »Вся спрана Дерпшская« — говорили они Боярамъ — спенаетъ въ бѣдспвіи, и долго не увидитъ дней счастливыхъ. Съ кого спребовапъ дани? вы уже взяли ее своимъ оружіемъ, — взяли въ десятиъ разъ болѣе. Впредь можемъ исправипсь, и тогда заплашимъ по договору.« Государь опвѣщспвовалъ чрсзъ Адашева: »Послѣ всего, что случилось, змогу ли еще слушапъ васъ? Кпю вѣрптъ вѣроломнымъ? Мнѣ оспается шолько искапъ управы мечемъ. Я завоевалъ Нарву и буду пользоваться своимъ счастиемъ. Однакожь, не любя кровопролитія, еще предлагаю средство уняшъ его: «пусть Магиспръ, Архіепископъ Рижскій, Епископъ Дерпшскій лично ударятъ мнѣ челомъ, заплапятъ дань *со всей Ливоніи*, и впредь повинуются мнѣ какъ

Г. 1558. »Царь Казанскіе, Аспраханскіе и другіе знаменитые Владышели: или я силою возьму Ливонію«⁴³⁷. Послы ужаснулись, и сказавъ: »видимъ, что намъ здѣсь не »будешъ дѣла«, просили опшуска, копорый и дали имъ немедленно. Хопя Магиспръ и Епископъ Дершпскій, пораженные судьбою Нарвы, уже готовы были заплашпть намъ 60,000 ефимковъ; хопя, не безъ усилія, собрали и деньги⁴³⁸: но время прошло: Государь пребовалъ уже не дани Юрьевской, а подданства всей земли. Началась иная война, и Россіи не, снова вступивъ въ Ливонію, не довольствовались ея разореніемъ: они хопѣли городовъ и поспояннаго владычества надъ нею.

25 Мая Князь Федоръ Троскуровъ и Данило Адашевъ осадили Нейшлосъ, а 6 Июня взяли на договоръ. Тамонній Фохпъ вышелъ изъ крѣпости съ немногими людьми и съ пустыми руками, отдавъ все оружіе и достояніе побѣдителямъ. Жители города и всего Уѣзда (въ длину на 60, а въ ширину на 40 и 50 верспъ) Лапыши и самыя Нѣмцы признали себя подданными Россіи, такъ, что берега озера Чудскаго и рѣка Нарова, опъ ея верховья до моря, заключились въ нашихъ

Г. 1558. владычійхъ. Государь, пославъ къ Воеводамъ золотыя медали, велѣлъ исправитъ память укрѣпленія и соорудитъ церковь во имя Св. Иларіона: ибо въ день его памяти одался Нейшлосъ. Жители Уѣзда и городка Адежскаго добровольно присягнули Юаину, вмѣстѣ съ нѣкоторыми соседственными Везенбергскими волостями, и выдали Россіянамъ все казенное имѣніе, пушки, запасы⁴³⁹.

Главная сила, подъ начальствомъ многихъ знашихъ Воеводъ, Князей Петра Шуйскаго, Василія Серебрянаго, Андрея Курбскаго, шла къ Дершпу⁴⁴⁰. Прежде надлежало взять Пейгаузъ, городъ весьма крѣпкій, гдѣ не было ни двухъ сощъ воиновъ, но былъ Вицязъ Орденскій, Уксиль Фопъ-Паденормъ, копорый, вооруживъ и гражданъ и земледѣльцевъ, около мѣсяца мужеспвенно прошивился многочисленному войску. Съ сямъ Героемъ Нѣмцы, по выраженію нашего Лыпописца, *сидѣли на смерти*: бились опчаянно, неупомимо, и заслужили удивленіе Московскихъ Полководцевъ. Сбивъ спѣны, башни, Россіи не вошли въ городъ: Уксиль опешупилъ въ замокъ съ горспію людей и хопѣлъ умереть въ послѣдней его развалинѣ; но сподвижники

Г. 1558. 50 Июля. объявили ему, что не имѣють болѣе силъ — и Воеводы, изъ уваженія къ храбрости, дозволили имъ выйти *съ гестію* 441. Сей примѣръ доказывалъ, что Ливонія, ограждаемая многими крѣпостями и богатая снарядомъ огнеспрѣльнымъ, могла бы весьма затруднить успѣхи Иоаннова оружія, если бы другіе защитники ея, хопя и малочисленные, имѣли духъ Укскнлевъ, а граждане добродѣтель Тилеву, одного изъ Бургомиспрровъ Дерпнскихъ, который, въ тогдашнемъ собраніи Земскихъ Чиновъ сильно и проглательно изобразивъ бѣдспвіе отечества, сказалъ: «Наспало время жерпвъ или погпбели: лишимся всего, да спасемъ честь и свободу нашу; принесемъ въ казну свое золото и серебро; не оставимъ у себя ничего драгоцѣннаго, ни сосуда, ни украшенія; дадимъ Правншельству способъ нанаять войско, купимъ дружбу и зашщину Державъ сосѣдспвенныхъ!» Но убѣжденія и слезы великодушнаго мужа не произвели никакого дѣйствія: его слушали и молчали⁴⁴²!

Великодушнше Дерптскаго Бургомиспра. Во время осады Нейгауза Магиспръ Фирспенбергъ, Коммандоры и самъ Епископъ Дерптскій съ 8000 воиновъ⁴⁴³ неподвижно спояли въ придцани верспахъ

опшуда, за Двиною и вязкими болошами, въ мѣснть неприспупномъ, и не сдѣлали ничего для спасенія крѣпости; узнавъ же, что она сдалася, зажгли сптанъ свой и кородокъ Киремне, гдѣ находилось множество великихъ припасовъ; спшчили улалинься, бѣжали день и ночь, Магиспръ Бургъ къ Валку, а Епископъ къ Дерпшу, гонимые нашими Воеводами, которые за 30 верспъ отъ Дерпша настпгли и разбили Епископа, взяли его чиновниковъ въ плѣнъ, весь обозъ и снаряды. Магиспръ, избравъ крѣпкое мѣспю близъ Вайка, оспановилсѣ: Воеводы велѣли передовой дружннѣ вступнть съ нимъ въ бппву, а сами начали обходить его и принудили бѣжашъ далѣе къ Вендену, такъ скоро и въ такой жаръ, что люди и лошади издыхали отъ успалбспн. Россіяне испребили весь задній опрядъ Фирспенберговъ, едва не схвативъ знаменнпѣйшаго изъ Коммандоровъ, Гопгарда Кешлера, подъ коимъ въ семь дѣль упала лошадъ. Обозъ Магиспрровъ былъ нашею добычею, и Воеводы, извѣспивъ Государя, что непріятеля уже нѣтъ въ полѣ, обратплись къ Дерпшу⁴⁴⁴.

Въ снхъ для Ордена ужасныхъ обспоянельствахъ спарець Фирспенбергъ

Г. сложилъ съ себя досноинство Магистра, 1558. и юный Кеплеръ, повинувся Чинамъ, принялъ его со слезами⁴⁴⁵. Славясь оплитчвымъ умомъ и твердостью характера, онъ вселялъ надежду въ другихъ, но самъ имѣлъ весьма слабую, и только изъ великодушія согласился быть — послѣднимъ Магистромъ издыхающаго Ордена! Чтобы употребить всевозможныя средства спасенія, Кеплеръ ревностно спарался воспламенить хладныя сердца любовью къ опечеснву, заклиналъ сновниковъ дѣйствовать единодушно, не жалѣть ни достоянїя, ни жизни для блага общаго; собиралъ деньги и людей; требовалъ защиты отъ Императора, Короля Данскаго, Шведскаго, Польскаго; писалъ и къ Царю, моля его о мирѣ: но не видалъ желаемаго успѣха. Раздоръ, взаимныя подозрѣнїя Ливонскихъ Властителей мѣшали всѣмъ добрымъ намѣренїямъ Магистра. Хотѣли спасенїя, но безъ жернивъ, торжественно доказывая, что богатыя люди не обязаны разоряться для онаго⁴⁴⁶ — и Кеплеръ могъ единственно займомъ наполнить пустую казну Ордена для необходимыхъ, воинскихъ издержекъ. Помощи вѣншей не было. Императоръ Карль V, обвинявшій взоромъ своимъ всю

Новый
Глава
Орде:
на.

Европу, уже оспавилъ тогда короны г. и престолы; какъ вторый Діоклетїанъ^{1558.} удалился отъ міра, споль долго волнуемаго его властолюбїемъ, и хотѣлъ въ пустынѣ удивить людей особеннымъ родомъ славы, рѣдкой, но не менѣе суетной: славы казаться выше земнаго величїя. Новый Императоръ Фердинандъ ссорился съ Папою, мирилъ Германїю, опасался Турковъ, и только жалѣлъ о бѣдной Ливонїи; другїе Государи довольствовались обѣщанїемъ склонить Іоанна къ миролюбїю; а Царь опвѣщивовалъ Кеплеру: «жду тебя въ Москвѣ, и смотря по моему челобитью, изъяслю милость»⁴⁴⁷. Сїя милость казалась Магистру послѣднимъ изъ возможныхъ бѣдспвїй для Державнаго Ливонскаго Рыцарства: онъ лучше хотѣлъ погибнуть съ честью, нежели съ униженїемъ бесполезнымъ.

Воеводы Іоанновы не теряли времени: взявъ Киренге, Курславъ и крѣпкій замокъ Вербекъ на Эмбахѣ⁴⁴⁸, всѣми силами присупили къ Дерпшу, славному богатствомъ жилищей и многими общеспвенными, благодѣшельными заведенїями. Кромъ вооруженныхъ гражданъ, городовыхъ спояшь за честь и вольность, двѣ тысячи наемныхъ Нѣмцевъ⁴⁴⁹ были за-

Взл-
пїе
Дерп-
ша и
мно-
гихъ
дру-
гихъ
горо-
докъ.

Г. щипниками сего важнаго, искусно укрѣпленнаго мѣста, подъ главнымъ начальствомъ Епископа, Германа Вейланда, который хвалился болѣе воинскою доблестію, нежели смиренною набожностію Христіанскаго Пастыря. Шестъ дней продолжались битвы жестокия и достойныя мужей *Рыцарскихъ*, какъ пишетъ Воевода Курбскій, очевидецъ и правдивый судія дѣлъ ратныхъ. Но превосходная сила одолевала: вылазки дорого стоили осажденнымъ, и Россіяне, пользуясь густымъ туманомъ, заперли городъ со всѣхъ сторонъ штурами, вели подкопы, спавили бойницы, разрушали стѣны пальбою, предлагая жителямъ самыя выгодныя условія, если они сдадутся. Епископъ не хотѣлъ сперва слышать о переговорахъ: но Магистръ донесъ ему, что городъ не въ силахъ обороняться долго; что многіе изъ воиновъ и гражданъ пали въ вылазкахъ, или больны, или отъ усталости едва дѣйствуютъ оружіемъ; что пушки непріятельскія, вредя стѣнамъ, бьютъ людей и въ улицахъ. Послала тайныхъ вѣспниковъ къ Магистру: они возвратились благополучно. Магистръ писалъ, что Орденъ занимаетъ воиновъ и молится о спасеніи Дерпша!

Главный Воевода Іоанновъ, Князь П. Петръ Ивановичъ Шуйскій, былъ, по сказанію современнаго Ливонскаго Историка⁴⁵⁰, мужъ добродушивый, честный, благородный душою. Совершивъ подкопы и прикапавъ штуры къ самымъ стѣнамъ, онъ велѣлъ объявить съ барабаннымъ боемъ, что даетъ жителямъ два дни на размышленіе, а въ третій возьметъ Дерпшъ приступомъ; что Іоаннъ поржественно обѣщаетъ имъ милость, свободу Вѣры, цѣлость ихъ древнихъ правъ и законовъ; что всякой можетъ безопасно выѣхать изъ города и безопасно возвратиться. Тогда Магистръ и граждане единодушно сказали » Епископу: Мы готовы умереть, готовы » обороняться, пока естъ у насъ *блюдо на » столъ и ложка въ рукахъ*, если упорство » наше будетъ достохвальнымъ муже- » ствомъ, а не безмысленною дерзостію; » но благоразумно ли отвергать велико- »душныя предложенія Царя, когда въ са- » момъ дѣлѣ не имѣемъ силъ ему проп- » виться?« Тоже говорили и воины Нѣмецкіе, пребуя оппуска и свидѣльства въ оказанной ими вѣрности; поже и Священники Римской Вѣры, опасаясь упрямствомъ раздражить непріятеля. Епископъ согласился. Написали слѣдующія условія:

Г
1558. »1) Государь даетъ Епископу монастырь
»Фалькенау съ принадлежащими къ оному
»волосцями, домъ и садъ въ Дерпигъ;
»2) подъ его вѣдомствомъ будутъ Духо-
»венство и церкви Лапинскія съ ихъ до-
»спояніемъ; 3) Дворяне, желающіе быть
»подданными Россіи, спокойно владѣютъ
»своими замками и землями; 4) Нѣмецкіе
»рашники выдупъ изъ города съ оружіемъ
»и съ пожизнками; 5) въ печеніе двѣнад-
»цати дней всякой Дерпигскій жителъ
»воленъ ѣхать, куда хочеть; 6) Исповѣ-
»даніе Аугсбургское остается главнымъ
»и безъ всякихъ перемѣнъ; 7) Магистратъ
»*Нѣмецкій* всѣмъ управляетъ, какъ было,
»не лишаясь ни правъ, ни доходовъ сво-
»ихъ; 8) купцы свободно и безъ пошлинъ
»торгуютъ съ Германією и съ Россією;
»9) не выводитъ никого изъ Дерпигской
»въ Московскія области; 10) кто захочеть
»переселиться въ другую землю, можетъ
»взять или продать имѣніе; 11) граждане
»свободны опъ рашнаго посяга; 12) всѣ
»пресупленія, самыя государственныхыя,
»даже оскорбленія Царскаго Величества,
»судятся чиновниками Магистрата; 13)
»новые граждане присягаютъ Царю и Ма-
»гистрату⁴⁵¹. Благоразумный Шуйскій,
уполномоченный Иоанномъ, не отвергнулъ

ни одной шпагъ, руководствуясь не только Г.
ко человеколюбіемъ, но и Полипикою: 1558.
надлежало милостію, снисхожденіемъ, ду-
хомъ умеренности ослабить ненависть
Ливонцевъ къ Россіи, и шѣмъ облегчить
для насъ завоеваніе земли ихъ.

Когда уже всѣ условія были одобре-
ны побѣдителямъ, и когда надлежало
только скрѣпить оныя печатями, сна-
рецъ Антонъ Тиле, добродѣтельный Бур-
гомистръ Дерпигскій, еще выступилъ
изъ безмолвнаго круга унылыхъ сановни-
ковъ. »Свѣплѣйшій Князь и Государь!«
сказалъ онъ Епископу: »если кто-нибудь
»думаетъ, что Дерпигъ можно спасти
»оружіемъ и биспою, да явился! Иду съ
»нимъ, и мы вмѣстѣ положимъ свои го-
»ловы за отечество⁴⁵²! Сія рѣчь, видъ,
голосъ спарца произвели сильное впечат-
лѣніе. Епископъ опвѣсповалъ: »Мужъ
»достойный! никшо изъ насъ не заслу-
»житъ имени малодушнаго: уступаемъ
»необходимости.« — 18 Іюля Дерпигъ сда-
ся. Желая сдѣлать все возможное въ поль-
зу несчастныхъ, Князь Шуйскій отпра-
вилъ спражу у ворошъ и не велѣлъ пус-
кать Россіянъ въ городъ, чтобы жители
спокойно укладывались и выѣзжали; обе-
регалъ ихъ въ пуши; давалъ имъ провод-

Г. 1558. никовъ до мѣспъ безопасныхъ. Епископа опшуспили въ Фалькенау съ двумя спами опборныхъ Московскихъ всадниковъ.

Когда все зашхло въ городъ, Депушашы Магиспрапа вручили Шуйскому ключи опъ крѣпоспи. Онъ сѣлъ на коня и споржешвенно вспушилъ въ городъ. Вспреди вѣхалъ младшій Воевода, держа въ рукѣ знамя мира⁴⁵³; за нимъ Шуйскій, окруженный Депушашами и Канониками. На улицахъ въ два ряда спюли Государеви Дѣши Боярскіе. Уже народъ не спрашилъ побѣдипелей и съ любовныпспвомъ спюпрълъ на ихъ мирное, спройное шеспвіе; самыя жены не пршались. Магиспрапъ поднесъ Шуйскому золошую чашу⁴⁵⁴. Сей умный Князь, изъавивъ благодарносшь, сказалъ, что »его жилище и слухъ »будущъ опверспы для всякаго; что онъ »пришелъ казнить злодѣевъ и благопво»ришь добрымъ« — ласково звалъ къ себѣ обѣдаль Дерптскихъ чиновниковъ и Спарѣшшнъ, далъ имъ въ замкѣ великолѣпный пиръ, и своимъ привѣпливымъ обхожденіемъ заслужилъ любовь общую.— Россіане взяли въ Дерптѣ 552 пушки, шакже не мало богапства казеннаго и частнаго, оспавленнаго шѣми жипелями, копорые выѣхали въ Ригу, въ Ревель, въ

Фелминъ⁴⁵⁵. Государь ушвердилъ договоръ Г. 1558. заключенный Воеводами; но велѣлъ Епискому Герману и знапнѣйшимъ Дерптскимъ сановникамъ бышь въ Москву. Сей бывшій Державный Епископъ, проклинаемый въ опечеспѣ за мнимую измѣну, уже не выѣхалъ изъ Россіи и кончилъ дни свои въ гореспіи, слыпша, что друзей и слугъ его, обвиняемыхъ въ пайномъ согласіи съ непріапелемъ, пыпаюпъ, казнятъ въ Ливоніи: чѣмъ Орденскіе Власпиптели хошѣли закрпшь свою слабосшь, увѣрля народъ, что одна измѣна причиною нашихъ выгодъ.

Но сія жестокосшь не запруднила успѣховъ для могуцества, соединеннаго съ благоразуміемъ. Примѣръ Дерпта доказывалъ, что Іоаннъ умѣетъ щадить побѣжденныхъ: Шуйскій писалъ опшуда ко всѣмъ градоначальникамъ Ливонскимъ, шребовалъ подданства, общалъ, грозилъ⁴⁵⁶ — и крѣпоспи Везенбергъ, Пиркель, Лаисъ, Оберпалень, Рингенъ или *Тушпнъ*, Ацель, сдалися нашимъ Воеводамъ, копорые вездѣ мирно выпускали Орденскихъ Власпипелей, довольспвовались прислагою жипелей и не касалися ихъ собспвенноспи; но все предавали огню и мечу въ обласпяхъ непокорныхъ: въ Фелминъ

Г. 1558. ской, Ревельской, Венденской, Шваненбургской; сожгли посадъ Вишпенштейна, гдѣ начальствовалъ юный мужесквенный Рыцарь, Каспаръ фонъ Ольденбокъ⁴⁵⁷; разбили Нѣмцевъ въ полѣ, близъ Вендена и Шваненбурга; плѣнили двухъ знапныхъ чиновниковъ; взяли всего двадцать городовъ⁴⁵⁸, и въ каждомъ оставивъ нужные запасы, охранное войско, въ концѣ Сентября прѣехали къ Государю. Опъ былъ въ Троицкой Лаврѣ: вспрѣшилъ ихъ съ милосцію и веселіемъ; обнималъ, славилъ за ревностную службу; вмѣстѣ съ ними молился, благодарилъ Бога, и поѣхалъ въ Александровскую слободу, гдѣ изъ собсвенныхъ рукъ жаловалъ имъ шубы, кубки, доспѣхи; велѣлъ выбиратьъ любимыхъ изъ коней Царскихъ и сверхъ того далъ богачья помѣстья, а Дѣшамъ Боярскимъ земли и маешности въ завоеванной Ливоніи, что бы они шѣмъ усерднѣ берегли оную⁴⁵⁹.

Новые начальники, присланные сюда изъ Москвы, Князя Дмитрій Курляшевъ и Михайло Рѣпнинъ, были менѣ счастливы: хопя завоевали еще городокъ Кавелехшъ, сожгли Верполь и побили Нѣмцевъ въ самомъ предмѣстіи Ревеля⁴⁶⁰; но Магистръ и Воевода Архіепископа Риж-

скаго, Фелькерзамъ, собравъ болѣе десяти тысячъ ратниковъ⁴⁶¹, осадили Рингенъ въ виду нашихъ полковъ и взяли сію крѣпость, не смотря на мужество ея защитника, Головы Спрѣлецкаго, Русина-Игнашева, который съ двумя или тремя снами воиновъ держался въ ней около пяти недѣль, опразилъ два приступа, и не имѣлъ уже наконецъ ни фунта пороху⁴⁶². Воеводы Иоанновы оправдывались крѣпостию Нѣмецкаго стана, упомненіемъ своей рапи, и хвалились побѣдою, одержанною ими надъ брапомъ Магистровымъ, Иоанномъ Кеплеромъ, кого они плѣнили вмѣстѣ съ двумя снами шестидесятью Нѣмцами между Рингеномъ и Дерпшомъ; но Магистръ самъ напалъ на нихъ, споншалъ дружину Князя Рѣпнина⁴⁶³, и могъ бы опнять у насъ Дерпшъ, гдѣ оставалось мало ратниковъ, а жипели знапнѣйшіе тайно звали его къ себѣ. Къ счастью нашему, упружденные Нѣмцы хопѣли опдохновенія. Число ихъ уменьшилось до шести тысячъ. Зная, что Полководцы Московскіе ждуть вспоможенія и любящъ воевать зимою, Магистръ въ исходѣ Октябрия ушелъ назадъ, безчеловѣчно умерщвивъ всѣхъ Россіянъ, взятыхъ имъ въ Рингенъ⁴⁶⁴; а мы снова

Г. 1558.
Кеп-
леръ
беретъ
Рин-
генъ.

Г. 1558. заняли сей городъ. — Въ то же время непріятель опъ Лужи, Резицы и Валка превозжилъ набѣгами Исковскую обласи: сжегъ предмѣстіе Краснаго, монастырь Св. Николая близъ Себежа и множество сель⁴⁶⁵.

Недовольный Курляшевымъ и Рѣпнинымъ, Государь въ Декабрѣ мѣсяцъ послалъ въ Ливонію мужественныхъ Воеводъ, Князей Симеона Микулинскаго, Василія и Петра Серебряныхъ, Ивана Шереметева, Михайла Морозова, Царевича Тохшамыша, Князей Черкесскихъ и войско сильное⁴⁶⁶, чпобы ишши прямо къ Ригѣ, опустошишь землю, испребляишь непріятелиа въ полѣ. Гоповые начашъ кровопролишіе, они писали къ Магистеру, чпо опъ него зависишь война и миръ; чпо Иоаннъ еще можетъ проспишь, если Нѣмцы изъявляшь покорносшь. Отвѣла не было. 17 Генваря Россіяне вступили въ Ливонію: опъ городка Краснаго, захвашивъ пространство ста верешъ или болѣе, шли на Маріенбургъ, и близъ Тирсина встрѣшили Нѣмцевъ, коими предводительствовалъ Фелькерзамъ. Тупъ былъ одинъ Князь Василій Серебряный съ своею дружиною. Непрідатель оказалъ мужество: знашнѣйшіе вишязи Ордена и чиновники

Г.
1559.
Рос-
сіане
опу-
сто-
ша-
ютъ
Ливо-
нію и
Кур-
ляндію.

Архіепископа Рижскаго спояли въ рядахъ. Г.
Храбрый Фелькерзамъ и чепшыреста Нѣм- 1559.
цевъ пали въ бишвѣ. Канцлеръ Архіепископовъ и придцаиъ лучшихъ Дворянъ находились въ числѣ плѣнниковъ⁴⁶⁷; оспальные разсѣялись, и Князь Серебряный опкрылъ безопасный пушь войску до самаго моря. Зима была жестокая. Не занимаясь осадю большихъ крѣпостей, Вендена, Риги, Воеводы подспунали единственно къ маленькимъ городкамъ. Нѣмцы уходили изъ нихъ. Одинъ Шмильшенъ не сдавался: Козаки наши разбили ломами каменную стѣну его и долго рѣзались въ улицахъ съ опчаяннымъ непріятелиа⁴⁶⁸. Россіяне брали пушки, колокола, запасы; предавали огню все, чего не могли взашъ съ собою; испребили пакимъ образомъ одинадцаиъ городовъ; при дни спояли подъ Ригю, сожгли множество кораблей въ устьѣ Двины, опустошили ея берега, приморскую землю, Курляндію до Пруссіи и Литвы; обогатились добычею, и съ несмѣпнымъ числомъ плѣнниковъ вышли, 17 Февраля, къ Опочкѣ, извѣспивъ Иоанна, чпо рашъ его цѣла, а Ливонія въ пепла!

Наконецъ явились ходапай за сію несчастную землю. Мы оспавили Короля
Толиъ VІІІ
15.

Г. Августъ голповаго къ твердому миру и
 1559. За Ливонію ходатайствуютъ Королю Польскій, Шведскій и Датскій.
 союзу съ Россіею пропивъ Хана⁴⁶⁹: для
 чего въ Маршѣ 1559 года прибыли въ
 Москву Послы Липовскіе. Начали гово-
 рить о мирѣ: Іоаннъ хопель, чшобы
 объ Державы владѣли безспорно, чѣмъ
 владѣютъ; но Августъ въ первомъ сло-
 вѣ претовалъ Смоленска! Сего мало: онъ
 предписывалъ намъ не воевать Ливоніи,
 будшю бы опданной ему Императоромъ
 и Германскими Чинами! Іоаннъ велѣлъ
 Посламъ ѣхать назадъ, сказавъ: »Вижу,
 »чшо Король перемѣнилъ свои мысли: да
 »будетъ, какъ ему угодно! Ливонцы супъ
 »древніе данники Россіи, а не ваши: я
 »наказываю ихъ за невѣрность, обманъ,
 »торговля вины и разореніе церквей.« По-
 слы уѣхали. Государь не согласился за-
 ключить и новаго перемирія съ Ливово;
 обѣщался только не нарушать спараго
 (до 1562 года), если Король будетъ да-
 вать лучшую управу Россіянамъ, обижа-
 емымъ его подданными⁴⁷⁰. — Однимъ сло-
 вомъ, ясно было, чшо война Ливонская
 произведетъ Липовскую. Августъ думалъ
 не о томъ, чшобы великодушно спасти
 вешкій, слабый Орденъ, но чшобы не оп-
 данъ его богатыхъ владѣній Іоанну, а
 взять себѣ, если можно. Желаніе весьма

сшесшвенное въ шодашнихъ обшоя- Г.
 шельсвахъ Ордена, Липвы и Россіи — 1559.
 весьма согласное съ благоразуміемъ Поли-
 тики, которая осудила бы безнечность
 сего Монарха, если бы онъ не уопре-
 билъ всѣхъ способовъ испоргнуть Ливо-
 нію изъ рукъ Царя. Надлежало только
 имѣть рѣшимельность и швердость: че-
 го не доставало Августу. Онъ шелъ на
 войну, и хопель удалилъ се; смѣло во-
 ображалъ оную впередъ, ужасаясь мысли
 обнажить мечъ немедленно.

Гораздо болѣе равнодушія, гораздо ме-
 нѣ ревности оказывалъ другой заступ-
 никъ Ордена: спаредъ Гуспавъ Ваза. Тщеш-
 но хопѣвъ пропившися власполюбію
 Россіи соединенными силами Державъ Сѣ-
 верныхъ — видѣвъ, чшо Августъ и Ма-
 гиспръ не думали помогать ему въ вой-
 нѣ съ Іоанномъ, ограничиваясь единствен-
 но нусными увѣреніями въ доброжела-
 шельствѣ — Гуспавъ писалъ къ Царю:
 »Не указываю тебѣ въ дѣлахъ шеоихъ;
 »не шребую, но шолько въ угодность
 »Императору Фердинанду молю шебя,
 »какъ великодушнаго сосѣда, даровать
 »миръ Ливоніи, изъ жалости къ человѣ-
 »честву и для общей пользы Христіан-
 »ства. Я самъ не могу хвалиться искрен-

Г. 1559. «Внимъ дружествомъ и честностію Ливонцевъ: знаю ихъ по опыту! Если хочешь, по напишу къ нимъ, что они должны пастъ къ ногамъ своимъ съ раскаяніемъ и смиреніемъ⁴⁷¹. Уймешь ли кровопролитіе, или нѣтъ, во всякомъ случаѣ буду свято хранить заключенный договоръ съ Россією и чинить выскою своею дружбу.» Иоаннъ благодарилъ Густава за доброе расположеніе; изяснялъ причину войны, и сказалъ: «если не имѣешь особеннаго желанія вступать въ дѣла Ливоніи, по нѣтъ тебѣ нужды писать къ Магистру: я самъ найду способъ образумить его.»

Третьимъ ходатаемъ былъ Король Датскій, Фридерикъ II. Эстонія, какъ извѣстно, принадлежала нѣкогда его предкамъ⁴⁷². Тѣснимая Иоанномъ, и видя, что Орденъ не можетъ спасти ее, сія земля искала защиты опца Фридерикова, Христіана III: Ревель, вся Гаррія и Вирландія изъявили ему желаніе быть снова у него въ подданствѣ. Но Христіанъ, уже старій и близкій къ концу, отвѣчалъ равнодушно: «Мнѣ шрудно править и своими землями: благоразумно ли искашь еще новыхъ и за нихъ сражаешься?» Однакожь далъ Эстоніи нѣсколько

тысячъ гульденовъ, нѣсколько пушекъ, Г. 1559. и назначилъ Посольство въ Москву; между тѣмъ умеръ⁴⁷³. Имѣя болѣе властлюбія и дѣятельности, сынъ его желалъ возвратити Даніи сію немаловажную область: писалъ къ Магистру, къ Епископу Ревельскому, къ Дворянству Эстонскому; обѣщалъ имъ не только ходатайство, но и войско въ случаѣ нужды; далъ Посламъ своимъ наставленіе и велѣлъ имъ свѣщити въ Москву. Уже болѣе сорока лѣтъ мы не имѣли никакого сношенія съ симъ Королевствомъ: Фридерикъ I и Христіанъ III считали бесполезнымъ союзъ Россіи, споль уважаемый Христіаномъ II, другомъ Василія Иоанновича. Самыя торговыя связи прервалися между Копенгагеномъ и Новымъгородомъ. Увѣдомивъ Иоанна, какъ *добраго, любезнаго сосѣда* о своемъ воспесивіи на престолѣ, изъявивъ ревностное желаніе быть ему другомъ и возстановити торговлю съ нами, уничтоженную *слутными обстоятельствоми лишившихъ времени*, Фридерикъ убѣдительно просилъ, чтобы онъ не превозжилъ Эстоніи, издревле области Датской, *только на время поруганной Магистру*, и чтобы, благосклонно уваживъ безкорыстное его (Фридериково) хо-

Г. 1559. дапшайство, даровалъ миръ и самому Ордену⁴⁷⁴. Адашевъ именемъ Царя сказалъ Посламъ: «Мы со вниманіемъ слушали ваши рѣчи; читали грамоты писанныя Государями Россійскими къ Дапскимъ и Дапскими къ Россійскимъ; видѣли ихъ любовь взаимную; видѣли, что подданные обѣихъ Державъ свободно и выгодно торговали другъ съ другомъ. Если Король желаетъ возобновить сію взаимную дружбу, то и мы искренно расположены къ оной. Но удивляемся, что вы находите Дапскія владѣнія въ той землѣ, которая уже шесть сотъ лѣтъ принадлежитъ Россіи. Великій Князь Георгій Владиміровичъ, именуемый Ярославомъ, завоевалъ Ливонію, основалъ городъ Юрьевъ, построилъ тамъ церковь Греческія, обложилъ всю землю данью — и съ того времени она не бывала достояніемъ иныхъ Государей. Знаю, что вы жили безъ вѣдома Россіи взяли-было къ себѣ двухъ Королевицъ Дапскихъ; но предки мои казнили ихъ за сію вину огнемъ и мечемъ, а Королевицъ выслали; казнили и впрочемъ, свѣдавъ, что Ливонцы тайно признали надъ собою минимумъ власти Римскаго Цесаря. Если Фридерикъ не знаетъ сего, то мы

Голландцы
дасть перемирие
Ливонцы

Г. 1559. «великимъ лживымъ вамъ древніе договоры Ордена съ Намѣстниками Новгородскими: читайте и разумѣйте истину сказаннаго нами! . . . Было время, когда мы, сиротспивуя во младенчествѣ, не могли защитить правъ своихъ: враги ликовали, шѣснили, губили Россію. Тогда и Магистръ и Епископы Ливонскіе не захотѣли платить намъ дани: брали ее съ земледѣльцевъ, съ городовъ, но для себя» Описавъ вины ихъ, Государь продолжалъ: «И такъ да не вспугнется Фридерикъ въ Эстонію. Его земля Данія и Норвегія, а другихъ не вѣдаемъ. Когда же хочешь добра Ливоніи, да совѣтуешь ея Магистру и Епископамъ лично явиться въ Москвѣ предъ нами: тогда, изъ особеннаго уваженія къ Королю, дадимъ имъ миръ согласный съ честью и пользою Россіи. Назначаемъ срокъ: шесть мѣсяцевъ Ливонія можетъ быть спокойна!» Посламъ вручили *опасную грамоту* на имя Властителей Ливонскихъ, въ коей было сказано, что Царь *жалуетъ* перемирие Ордену отъ Мая до Ноября 1559 года, и чтобъ Магистръ или самъ ударилъ ему челомъ въ Москвѣ, или, вмѣсто себя, прислалъ *знатнѣйшихъ людей* для вѣчнаго мирнаго распоряженія⁴⁷⁵. Сичъ оподохно-

г. 1559. веніемъ Ливонія обязана была въ самомъ дѣлѣ не ходатайству Короли Фридерика, но услугамъ другаго, не исканнаго ею благопріятеля: Хана Девлетъ-Гирея. Іоаннъ долженствовалъ унять Крымцевъ, и чинобы не раздѣлялъ силу, далъ на время покой Ордену, въ удосповрєніи, что Россія всегда можетъ управиться съ симъ слабымъ непріятелемъ.

Князь Дмитрій Вишневецкій, въ 1558 году посланный воевать Тавриду⁴⁷⁶, доходилъ до успья Днѣпра, не встрѣпивъ ни одного Тапарина въ полѣ: Девлетъ-Гирей со всеми Улусами сидѣлъ внупри полуострова, ожидая Россіянъ. Вишневецкій возвратился въ Москву, оставивъ на Днѣпрѣ мужественнаго Дьяка Ржевскаго съ Козаками. Между тѣмъ Ханъ, желая узнать, что дѣлается въ землѣ Казанской, посылалъ къ берегамъ Волги легкіе отряды, употребляемые Горными жителями и Козаками⁴⁷⁷. Долго не смѣлъ онъ предпріять ничего важнаго, но услышавъ о войнѣ Ливонской, и повѣривъ ложной вѣсти, что все наши силы заняты ею — что Россія беззащитна, и самъ Іоаннъ борется съ непріятелемъ спрашнымъ на отдаленныхъ берегахъ моря Бальшійскаго⁴⁷⁸ — Девлетъ-Гирей ободрилъ

ся, приманилъ къ себѣ многихъ Ногаевъ г. 1559. ⁴⁷⁹, и собравъ, какъ пишутъ, до ста тысячъ всадниковъ, зимою (въ Декабрѣ 1558 года) велѣлъ сыну своему, Магметъ-Гирею, идти къ Рязани, Улану Магмету къ Туль, Ногаймъ и Князьямъ Ширинскимъ къ Коширѣ. Сіе войско уже достигло рѣки Мечи⁴⁸⁰: шутъ пѣвники сказали Царевичу, что Іоаннъ въ Москвѣ, и что въ Ливоніи только малая часть нашей рати. Онъ изумился; спросилъ: гдѣ смѣлый Князь Вишневецкій? гдѣ храбрый Иванъ Шереметевъ? и свѣдавъ, что первый въ Бѣлѣвѣ, а послѣдній въ Рязани, и что Князь Михайло Воропынскій споймъ въ Туль съ полками сильными, Магметъ-Гирей не дерзнулъ идти далѣе: гонимый однимъ страхомъ, бѣжалъ назадъ и помирилъ не только лошадей, но и всадниковъ. Князь Воропынскій шелъ за нимъ до Оскола по шупамъ и не могъ его настигнуть; а Донскіе Козаки, пользуясь отсутствіемъ Крымскаго войска, близъ Перекопи разбили Улусы Ногаевъ, ушедшихъ отъ своего Князя, Ислама, къ Девлетъ-Гирею, и взяли 15,000 коней.

Чинобы Ханъ не имѣлъ времени образумиться, Іоаннъ приказалъ Князю Вишневецкому съ пятью тысячами легкихъ

Г. 1559. воиновъ ишши на Доятъ, построишь суда, плышь къ Азову и съ сей спорошы преревожишь нападеніями Тавриду⁴⁸¹. Тогда же извѣсннй мужествомъ Околыничій Данило Адашевъ выпуилъ изъ Москвы къ Днѣпру съ дружиною Дѣпей Боярскихъ, съ Козаками и Спрѣльцами для нанесенія чувствительнѣйшаго удара непріятелю, смощря по обспояпельствамъ. Успѣхи Вишневецкаго были маловажны: онъ испребилъ нѣсколько сошь Крымцевъ, хощѣвшихъ снова пробрапья къ Казани; но юный, досшойный брапья любимца Государева, Данило Адашевъ, искусствомъ и смѣлостію заслужилъ удивленіе современниковъ. Съ осмью пытычами воиновъ⁴⁸² онъ сѣлъ близъ Кременчуга на ладіи, имъ самимъ построеныя въ сихъ, тогда ненаселенныхъ мѣстахъ, спушился къ усшью Днѣпра, взялъ два корабля на морѣ и присталъ къ Тавридѣ⁴⁸³. Сдѣлалась неописанная преревога во вѣсхъ Улусахъ; кричали: »Русскіе! Русскіе! и Царь съ »ними!« уходили въ горы, прыпались въ дѣбряхъ. Ханъ пререпешалъ въ ужасѣ, звалъ воиновъ, видѣлъ только бѣглецовъ — и болѣе двухъ педѣлъ Адашевъ на свободу громилъ западную часть полуострова, жегъ Юршы, хвашалъ спада и людей,

Впа-
деніе
Рос-
сіанъ
въ Та-
вриду.

освобождая Роеіійскихъ и Липовскихъ не- г.
вольниковъ. Наполнивъ ладіи добычею,^{1559.}
онъ съ шоржествомъ возвратился къ Оча-
кову. Въ числѣ плѣнниковъ, взятыхъ на
корабляхъ и въ Улусахъ, находились Тур-
ки: Адашевъ послалъ ихъ къ Пашамъ Оча-
ковскимъ, велѣвъ имъ сказать, что Царь
воевалъ землю своего злодѣя, Девлешъ-
Гирей, а не Сулпана, коому всегда хо-
четъ бытъ другомъ. Паша сами выѣха-
ли къ нему съ дарами, слава его муже-
ство и добрую пріязнь Іоаннову къ Со-
лиману. Между пѣмъ Ханъ опомнился:
узналъ о малыхъ силахъ непріятеля, и
гналъ берегомъ за Адашевымъ, копорый
медленно плыль вверхъ Днѣпра, спрѣ-
лялъ въ Таптаръ, миновалъ пороги и спалъ
у Монастырскаго острова, готовый къ
битвѣ; но Девлешъ-Гирей, опасаясь по-
ваго стыда, съ малодушною злобою об-
рашилелъ назадъ.

Вспнь о семъ счастливомъ подвигѣ
младаго вишязя, привезенная въ Москву
Княземъ Федоромъ Хвороспининымъ, его
сподвижникомъ, не только Государю, но
и всему народу сдѣлала величайшее удо-
вольствіе. Минпрополишь служилъ благо-
дарственный молсбень. Чипали шорже-
сшвенно донесеніе Адашева; радовались,

Г 1559. что онъ проложилъ намъ путь въ нѣдра сего *темнаго* Царства, гдѣ дошолъ сабля Русская еще не обагралась кровію неспирныхъ⁴⁸⁴; вспоминали, что тамъ цвѣло нѣкогда Христіанство и Св. Владиміръ узналъ Бога истиннаго; думали, что Іоанну оспашелъ пожелать, и Крестъ снова возсіяетъ на берегахъ Салгира. Уже Государь хотѣлъ перемѣнить нашу древнюю, робкую систему войны проливъ сихъ неупоминимыхъ разбойниковъ и дѣйствовать наступательно⁴⁸⁵: послать золотыя медали Адашеву и его товарищамъ, велѣлъ имъ быть къ себѣ для совѣща; но война Ливонская опять запылала сильнѣе прежняго и спасла Тавриду. Іоаннъ оспавилъ только Ногаймъ и Козакамъ превозмочь Хана⁴⁸⁶, и писалъ къ нему въ отвѣтъ на его новыя мирныя предложенія: »Видишь, что война съ Россією уже не есть чистая прибыль. Мы узнали путь въ твою землю и степями и моремъ. Не говори *безлѣпцы* и докажи опыномъ свое искреннее миролюбіе: »шогда будемъ друзьями«⁴⁸⁷. — Кромѣ Ногаевъ, послушныхъ Князю Исламу, вѣрному союзнику Россіи, и Донскихъ Козаковъ, Царь имѣлъ на Югѣ усердныхъ слугъ въ Князьяхъ Черкесскихъ: они пре-

бавали опъ насъ Полководца, чпобы воевать Тавриду, и Церковныхъ Пастырей, чпобы просвѣтитъ всю ихъ землю ученіемъ Евангельскимъ. То и другое желаніе было немедленно исполнено: Государь послалъ къ нимъ бодрого Вишневецкаго и многихъ Священниковъ, которые, въ дѣбрыхъ и на скалахъ горъ Кавказскихъ основавъ церкви, обновили тамъ древнее Христіанство⁴⁸⁸.

Давъ какъ бы изъ милосши перемиріе Ордену, Государь не думалъ, чпобы Ливонцы нарушили оное: вывелъ большую часть войска изъ Эстоніи и ждалъ вѣспей опъ Магистра. Но Кешлеръ молчалъ; увѣренный, что надобно или побѣдить Россіянъ или принадлежать Россіянамъ, онъ рѣшился ѣхать не въ Москву, а въ Краковъ, чпобы склонить Августа къ дѣятельному, ревностному участию въ сей войнѣ, на какихъ бы то ни было условіяхъ, и даже съ опасностію для самой независимости Ордена: ибо Ливонцы въ крайности хотѣли лучше зависѣть опъ Польши, нежели опъ Россіи, издревле имъ ненавистной. Еще доспоинство Ордена Магистра не упало въ общемъ мнѣніи: юный Кешлеръ, одаренный пріятною наружностію, умомъ, краснорѣ-

Г. 1559. чіемъ, благородными душевными свойствами, предсхалъ Августу въ смиренномъ величїи, окруженный многими знапными сановниками; сильно изобразилъ бѣдствїе Ливонїи, опасности самой Польши, спрашныя замыслы Іоанновы⁴⁸⁹; доказывалъ необходимость войны для Короля и вѣроятность побѣды, не уменьшая многочисленности Россїянъ, но говоря съ презрѣніемъ о нашемъ искусствѣ рапномъ. Августъ желалъ знать мнѣніе Сейма: Вельможи Польскіе, прорупные краснорѣчіемъ Магистра, хотѣли немедленно обнажить мечъ; а Литовскіе, лучше зная силу Россїи, совѣщовали употребить прежде все иныя способы для защиты Ордена: убѣдительное ходатайство, настоятельныя преобаванїя, угрозы, подкрѣпляемыя вооруженїемъ⁴⁹⁰. На-

Союзъ Ливо- нїи съ Авгу- стомъ
конецъ подписали договоръ. Магистръ и Рижскій Архіепископъ отдали Королю въ залогъ крѣпости Марїенгаузенъ, Лубанъ, Ашеранъ, Дюнебургъ, Розипень, Луценъ, съ условїемъ заплатить ему семь соипъ тысячъ гульденовъ по окончанїи войны; а Король обязался стоянть всѣми силами за Ливонїю, возстановитъ цѣлостнъ ея владѣнїи и брашски раздѣлитъ съ Орденомъ будущїя завоеванїя въ Россїи⁴⁹¹

Г. 1559.
Съ сею харпнею Кеплеръ возвра- пился въ Ливонїю какъ съ прочемъ: 1559.
ободрилъ чиновниковъ и гражданъ: ручался за вѣрность Короля и за успѣхъ; пре- бовалъ только усердія и великодушїя оипъ испинныхъ сыновъ опечества. Надежда блеснула въ сердцахъ. Увѣряли себя въ могуществѣ Ливвы; воспоминали сла- вную для нее битву Дитировскую⁴⁹²; иска- ли между извѣстными Воеводами Авгу- стовыми новыхъ Консманшиновъ Острож- скихъ. «Мы должны указать имъ путь къ побѣдѣ», говорили Кеплеръ: «кто «пребуптъ содѣйствїи, долженъ дѣйство- «вать; первые обнаживъ мечъ, увлечемъ «друзей за собою въ поле.» Герцогъ Мек- ленбургскій, Христофъ, Кoadьюторъ Риж- скаго Архіепископа, привелъ изъ Герма- нїи новую дружину наемниковъ. Сеймъ Имперскій обѣщалъ Кеплеру сто тысячъ золотыхъ. Герцогъ Прусскій, Ревельскій Магистрантъ и иѣкошорые усердные гра- ждане ссудили его значную суммою де- негъ: пакъ одинъ Рижскій лавошникъ далъ ему шрицать тысячъ марокъ подъ роспи- ску⁴⁹³. Богатѣйшіе выходцы Дерпшскіе хотѣли бѣжать въ Германїю съ своимъ имѣніемъ: у нихъ взяли серебро и золо- то въ казну Орденскую. Симъ способомъ

Г. Магистръ удвоилъ число воиновъ, и зналъ, что Россіяны мало въ Ливоніи, выступилъ изъ Вендена, за мѣсяць до назначеннаго въ перемирной грамогъ срока, осенью, въ ужасную грязь; печально явились близъ Дерпна и на голову разбилъ неоспорожнаго Воеводу Захарію Плещеева, положивъ на мѣсяць болѣе тысячъ Россіянъ⁴⁹⁵. Сіе нападеніе справедливо казалось Іоанну новымъ вѣроломствомъ: онъ поручилъ мѣсяць своимъ знаменитѣйшимъ Воеводамъ, Князьямъ Ивану Мстиславскому, Петру Шуйскому, Василию Серебряному, которые съ лучшими Дѣшьями Боярскими, Московскими и Новгородскими, спѣшили спасти завоеванную нами часть Ливоніи. Худыя дороги препятствовали скорому походу, и непріятель могъ бы имѣть важныя успѣхи въ землѣ, гдѣ всѣ жилища были на его сторонѣ, гошовые свергнувъ иго Россіянъ; но умъ и мужество двухъ нашихъ сановниковъ обратили въ ничто побѣду Магистрову.

Кеплеръ немедленно приступилъ къ Дерпну. Тамошній Воевода, Бояринъ Князь Андрей Кавшыревъ-Росповскій, успѣлъ взять мѣры: заключилъ опасныхъ гражданъ въ рашушъ⁴⁹⁵; вспрѣшилъ Нѣмцевъ сильною пальбою и сдѣлалъ удачную вы-

лазку. Магистръ десять дней споялъ въ верстѣ отъ города, спрѣлля изъ пушекъ безъ всякаго вреда для осажденныхъ. Морозы, вьюги, худая пища произвели ропотъ въ его станѣ. Наемные Германскіе воины не любили прудовъ. Кеплеръ долженъ былъ рѣшиться на долговременную, зимнюю осаду, или на приступъ: то и другое казалось ему неблагоразуміемъ. Крѣпкія спѣны охранялись многими бѣйницами, сильною дружиною и Воеводою искуснымъ; граждане не могли имѣть сношенія съ осаждающими и способствовать имъ въ успѣхъ; а число Россіянъ въ полѣ ежедневно умножалось: они заходили въ тылъ къ Нѣмцамъ, показывая намѣреніе окружить ихъ⁴⁹⁶. Принужденный удалиться отъ Дерпна, Магистръ хотѣлъ по крайней мѣрѣ взять Лаисъ, гдѣ находилось чепыресна воиновъ съ неустрашимымъ Головою Спрѣлецкимъ, Кошкаровымъ. Нѣмцы поставили туры, разбили спѣну и не могли вломиться въ крѣпость: Россіяне изумили ихъ своимъ отчаяннымъ сопротивленіемъ, такъ что Кеплеръ, два дни приступавъ съ жаромъ, ушелъ назадъ къ Вендену какъ побѣжденный, и знашнымъ урономъ въ людяхъ, а еще болѣе уныніемъ воиновъ надолго

Г. 1559. лишилъ себя способа предпріять что-нибудь важное. Сія удивительная защита Ланса есть одно изъ самыхъ блестящихъ дѣяній воинской Исторіи древнихъ и новыхъ временъ, если не число дѣствующихъ, а доблеснѣ ихъ опредѣляешь цѣну подвиговъ. Князь Андрей Рословскій прислалъ самого Кашкарова съ донесеніемъ о бѣгствѣ Нѣмцевъ. Государь изъявилъ живѣйшую благодарность тому и другому за спасеніе вѣранныхъ имъ городовъ, нашей чести и славы ратной.

Въроятно, что Магистръ, съ такимъ усиленіемъ и успѣхомъ возобновивъ кровопролитіе, ждалъ отъ Августа, по уговору съ нимъ, какогонибудь движенія прошивъ Россіи: Король дѣйствительно готовилъ войско, но только готовилъ, и прислалъ въ Москву Секретаря своего, Володковича, съ грамотою, въ коей рѣшительно пребывалъ, чтобы Іоаннъ вывелъ войско изъ Ливоніи и возвратилъ всѣ взятыя имъ города: иначе

Угрозы Ав-густовъ. (писалъ онъ) я долженъ буду оружіемъ защитить мою собственность: ибо Магистръ торжественно назвалъ себя присяжникомъ Великаго Герцогства Ливонскаго. Минималъ права Россіи на Ливонію суть новый вымыселъ: ни опецъ,

Г. 1560. ни дѣлъ твоя, ни ны самъ донынѣ не объявлялъ ихъ⁴⁹⁷. Володковичъ словесно убѣждалъ Болръ Московскихъ способствовать миру, открывая имъ за пайну, что Польскіе Вельможи готовы свергнуть Короля, если онъ не вступится за Ливонію. Іоаннъ, вельвъ показавъ ему договорную Магистрову грамоту о Дерпидской дани, сказалъ: «опъ наше право!» и, по совѣту Болръ, опвѣчалъ Августу: «Не только Богу и всѣмъ Государямъ, но и *самоу народу* извѣстно, кому принадлежатъ Ливонія. Она, съ вѣдома и согласія нашего, избирая себя Нѣмцевъ и *мужей духовныхъ*, всегда платила дань Россіи. Твои прѣбыванія смѣшны и непристойны. Знаю, что Магистръ тѣдилъ въ Ливву и беззаконно опдалъ тебѣ нѣкопорья крѣпости: если хочешь мира, то выведи опшуда всѣхъ своихъ начальниковъ, и не вступайся за измѣнниковъ, коихъ судьба должна зависѣть отъ нашего милосердія. Вспомни, что честь обязываетъ Государей и дѣлашь и говоришь правду. Искренно хотѣвъ бытъ въ союзѣ съ опобою прошивъ невѣрныхъ, не отказываюсь и теперь заключить его. Жду опъ тебя Пословъ и благоразумнѣйшихъ предложеній⁴⁹⁸. Іоаннъ ждалъ войны.

Г. Оспавалось полько знать, кому начашь
1560. ее ?

Гонимый Императоромъ тогда же прѣхалъ въ Москву гонецъ изъ Вѣны отъ Цесаря Фердинанда, копорый, не имѣвъ дополь сношенія съ Россією, писалъ къ Іоанну, что желаетъ его дружбы и проситъ не воевать Ливоніи, Имперской области. Письмо было учтиво и ласково; но Государь сухо отвѣщивалъ Фердинанду, что «если онъ, подобно Максимилиану и Карлу V, дѣйствительно хочетъ дружества Россіи, то долженъ объясниться съ нимъ чрезъ Пословъ, людей именистыхъ: ибо съ гонцами не разсуждаютъ о дѣлахъ важныхъ»⁴⁹⁹ — и не сказалъ болѣе ни слова, хотя Императоръ, какъ законный покровитель Ордена, справедливѣе Ливоніи и Даніи могъ за него вступиться.

Новое разореніе Ливоніи. Между шѣмъ Ливонія пылала. Россіане въ слѣдъ за бѣгущимъ Кешлеромъ устремились изъ Дерпта съ огнемъ и мечемъ казнить въроломство; подспунили къ Тарваспу, гдѣ находился спарый Магистръ Фиршенбергъ, спопшали его въ сдѣланной имъ вылазкѣ, сожгли предмѣстіе и побили Нѣмцевъ у Феллина⁵⁰⁰; а главные Воеводы Московскіе, Князя Мстиславскій, Шуйскій, Серебряный,

разгромили всю землю отъ Псковскаго Г. озера до Рижскаго Залива, въ уѣздахъ^{1560.} Венденскомъ, Вольмарскомъ, гдѣ еще многія мѣста оспавались цѣлы до сего новаго и для бѣдныхъ жителей нечаяннаго впаденія. Напрасно искавъ Магистра и биспы въ полѣ, Воеводы пришли къ *Альсту* или Маріенбургу. Сей городокъ былъ тогда однимъ изъ прекраснѣйшихъ въ Ливоніи; сполалъ на островѣ среди большаго озера и казался недоспуннымъ въ лѣтнее время: зима проложила къ нему путь, и Россіане, подкашивъ тяжелый снарядъ огнеспрѣльный (коимъ управлялъ Болринъ Михайло Морозовъ, славный Казанскою осадю) въ нѣсколько часовъ разбили до основанія спѣну. Нѣмцы благо разумно сдались; но Глава ихъ, Коммандоръ Зибургъ, умеръ за то въ Кирхгольмской пемницѣ: ибо Магистръ хотѣлъ, чтобы Орденскіе сановники защищали крѣпости подобно Уксилію и Кошкарору⁵⁰¹. Воеводы, исправивъ спѣны, оставили въ Маріенбургъ сильную дружину, возврапились во Псковъ, и получили отъ Государя золотыя медали. — Весною Россіане опять ходили изъ Дерпта въ Эстонію; выманили Нѣмцевъ изъ Верисля и засадю испребили всѣхъ до

Г. 1560. одного челоѣка; а такъ называемые *сторонники* Псковскіе, или вольница, уже не находя ничего въ Ливонскихъ селахъ, искали земледѣльцевъ въ лѣсахъ, и полками гнали ихъ для продажи въ Россію⁵⁰².

Но Іоаннъ, предвидя неминуемую войну Липовскую, хотѣлъ какъ можно скорѣе управиться съ Орденомъ, и еще въ концѣ зимы послалъ новую рать къ Дерпту съ Княземъ Андреемъ Курбскимъ. Желая изъяснить ему особенную довѣренность, онъ призвалъ его къ себѣ въ свальню; исчислилъ всѣ знаменитыя дѣла сего храбраго мужа, и сказалъ: »Мнѣ должно или самому ѣхать въ Ливонію или вмѣсто себя послать Воеводу опытнаго, бодрого, смѣлаго съ благоразуміемъ: избираю тебя, моего *любимаго*! »Иди и побѣждай!⁵⁰³ Іоаннъ умѣлъ плѣнять своихъ ревностныхъ слугъ: Курбскій въ восторгѣ цѣловалъ руку Державнаго. Юный Государь обѣщалъ неизмѣнную милость, юный Бояринъ усердіе до конца жизни: оба не сдержали слова, къ несчастію своему и Россіи!... Помощникомъ Курбскаго былъ славный Данило

Побѣдашевъ. Они въ исходѣ Мая выступили изъ Дерпта къ *Бѣлолу камню* или Вишпенштейну; взяли крѣпкій замокъ Епи-

скопа Ревельскаго, Фегеферъ⁵⁰⁴; опустошили богатѣйшую область Коскильскую, гдѣ находилось множество прекрасныхъ усадебъ Рыцарскихъ, схватили отрядъ Нѣмецкій подъ самымъ Вишпенштейномъ, и свѣдавъ отъ плѣнниковъ, что бывший Магистръ Фиршенбергъ съ девятью полками, конными и пѣхотными, споймъ въ осьми миляхъ отъ города, за вязкими болошами, рѣшились идти на него съ пятью тысячами легкихъ, отборныхъ воиновъ, пославъ въ Дерптъ обозы съ добычею. Цѣлый день Россіяне вязли въ болошахъ, и если бы Фиршенбергъ ударилъ въ сіе время, то съ меньшимъ числомъ испребилъ бы ихъ совершенно; но онъ ждалъ непріятеля на гладкомъ широкомъ полѣ, въ десяти верстахъ отсюда. Солнце садилось. Россіяне дали отдохнуть конямъ; шли тихо, въ лунную, самую ясныйшую ночь, какая бываетъ лѣтомъ только въ мѣсяцъ приморскихъ; увидѣли Нѣмцевъ гошовыхъ къ бою, и сразились въ самую полночь. Около двухъ часовъ продолжалась сильная пальба; наши имѣли пу выгоду, что стояли лицомъ къ огнямъ непріятельскимъ и лучше могли цѣпить. Курбскій оставилъ назадъ запасное войско: оно при-

Г. 1560. спыло: Россіане устремились впередъ, сломили, гнали Нѣмцевъ верспы шеспы, до глубокой рѣки, гдѣ мостъ обрушился поды бѣгущими. Фиршенбергъ спасся съ немногими: одни упонули, другіе пали опъ меча или сдались. Курбскій на восходѣ солнца возвратился къ Магиспрову спану; взялъ весь его обозъ, и привелъ въ Дерпипъ сто семдесятъ чиновныхъ пѣтниковъ. — Сей Воевода въ два мѣсяца одержалъ еще шеспы или семь побѣдъ: важнѣйшею была Фелминская. Фиршенбергъ охранилъ сію крѣпость: видя нѣсколько сопы Тамарскихъ всадниковъ передъ спѣнами, опъ выѣхалъ съ дружиною, попался въ засаду, и едва ускакалъ на борзомъ конѣ, оставивъ многихъ Рыцарей на мѣстѣ бипвы⁵⁹⁵.

Но въ то время, какъ сильная рука Иоаннова давила слабую Ливонію, Небо гошовило ужасную перемѣну въ судьбѣ его и Россіи.

Тринадцатъ лѣтъ опъ наслаждался полнымъ счастиемъ семейственнымъ, основаннымъ на любви къ супругѣ нѣжной и добродѣтельной. Анаспасія еще родила сына, Феодора, и дочь Евдокію⁵⁹⁶; цвѣла юностию и здравіемъ: но въ Іюль 1560 года зансмогла тяжкою болѣзнію, умно-

женною испугомъ⁵⁹⁷. Въ сухое время, при Г. сильномъ вѣтрѣ, загорѣлся Арбатъ; шу-^{1560.} чи дыма съ пылающими головнями неслися къ Кремлю. Государь вывезъ болыную Анаспасію въ село Коломенское; самъ потушилъ огонь, подвергаясь величайшей опасности: сполъ пропивъ вѣпра, осыпаемый искрами, и своею неустрашимостию возбудилъ шакое рвеніе въ знатныхъ чиновникахъ, что Дворяне и Бояре кидались въ пламя, ломали зданія, носили воду, лазили по кровлямъ. Сей пожаръ нѣсколько разъ возобновлялся и сполилъ бипвы: многіе люди лишились жизни или оспались изувѣченными⁵⁹⁸. Царица опъ спраха и безпокойства сдѣлалось хуже. Искусство Медиковъ не имѣло успѣха, и, къ опчаянію супруга, Анаспасія 7 Августа, въ пятомъ часу дня, преставилась . . . Коп-
чина
Цари-
цы А-
наспа-
сія. Никогда общая гореспы не изображалась умилишельнѣе и сильнѣе. Не Дворъ одинъ, а вся Москва погребала свою *первую* любезнѣйшую Царицу. Когда несли шыло въ Дѣвичій Вознесенскій монастырь, народъ не давалъ пуши ни Духовенству, ни Вельможамъ, шѣснясь на улицахъ ко гробу. Все плакали, и всѣхъ неупѣшнѣ бѣдные, нищіе, называл Анаспасію именемъ мапери. Имъ

Г. 1360. хопъли раздавать обыкновенную въ па-
кихъ случаяхъ милосшыню : они не при-
нимали, чуждаясь всякой оправды въ сей
день печали ⁵⁰⁹. Иоаннъ шелъ за гробомъ:
братья, Князя Юрій, Владиміръ Андре-
евичъ и юный Царъ Казанскій, Алек-
сандръ, вели его подъ руки. Онъ сше-
наль и рвался : одинъ Мишрополищъ,
самъ обливаясь слезами, дерзалъ напоми-
нашь ему о швердосши Христіанина
Но еще не знали, что Анаспасія унесла
съ собою въ могилу!

Здѣсь конецъ счастливыхъ дней Ио-
анна и Россіи : ибо онъ лишился не поль-
ко супруги, но и добродѣтели, какъ уви-
димъ въ слѣдующей главѣ.

Конецъ VIII Тома.

ПРИМЪЧАНІЯ

КЪ VIII ТОМУ

ИСТОРИИ

ГОСУДАРСТВА РОССІЙСКАГО.

+++++

(1) См. *Синод. Лѣт.* No 351, л. 117. Сія лѣтопись и *Царственналъ Книга* суть главные источники для описанія первыхъ временъ Иоанновыхъ.

(2) См. въ *Древн. Рос. Вивлію.* XX, 27, *Списокъ Болгаръ.*

К. Бор. Горбатый былъ Намѣстникомъ въ Новгородѣ, К. Мих. Кубенскій во Псковѣ, К. Барбашинъ въ Новгородѣ Сѣверскомъ, и проч.

(3) См. Т. VII, стр. 187.

(4) См. Гербершт. R. M. Com. стр. 80.

(5) См. *Синод. Лѣт.* No. 351, л. 126 на об. и 145.

(6) См. *Царствен. Кн.* 35 и *Псков. Лѣт.* Гр. Толстаго.

(7) См. *Синод. Лѣт.* No 351. К. Горбатый названъ брапомъ Шуйскаго.

(8) См. *Царствен. Кн.*

(9) Увидимъ, что К. Андрей Шуйскій былъ освобожденъ по копчили Правительницы.

(10) См. *Синод. Лѣт.* No 351.

(11) Опець Бѣльскихъ выѣхалъ изъ Липвы. К. Симеонъ и Ляпцкій съ сыномъ бѣжали въ Августъ.

(12) См. Гербершт. R. M. Com. 80, *Царствен. Кн.* 38 и *Синод. Лѣт.* 128 и 178, гдѣ сказано: » Септ. » 15 престависъ К. Мих. Льв. Глянской. »

(13) См. *Послужный Списокъ Болгаръ въ Древ. Рос. Вивлію.* XX, 30.

(14) См. *Дѣла Крым.* No 8, л. 20.

(15) См. *Синод. Лѣт.* No 351, л. 176 на об.

(16) См. тамъ же, л. 182 — 186 и 191, и *Царствен. Кн.* 67. Андрея звали въ Москву будто бы для того, чпобы узнать его мнѣніе о войнѣ Казанской. Въ сіе время Сава-Гирей подспуналъ къ Мурому (см. ниже). См. также *Синод. Лѣт.* въ листѣ, подъ No 318, и въ Архивѣ Иностран. Кол. нѣкоторыя бумаги о дѣлѣ Князя Андрея.

(17) См. *Синод. Лѣт.* No 351, л. 138 на об. и 181. Первые, Финляндскіе Послы пріѣхали въ Москву 16 Генваря въ 1535 г. и названы Гупманъ Лавровъ, Машиишъ Лавровъ (у Далниа Гудмундъ Ларсонъ; Маписъ Ларсонъ) и Оабрехъ Овкимовъ; а впорые, Шведскіе, пріѣхавшіе 25 Февр. 1537, Куишъ Андрей съ товарищи. Договоръ ихъ съ Новгород. Намѣспинками, подписанный 25 Марша, хранится въ Архивѣ Иноспраи. Коллегіи. Далниъ пишеишь (III, гл. 5, что Густавъ не утвердилъ договора, заключеннаго первыми Послами.

(18) См. сію грамоту въ Архивѣ Иноспраи. Коллегіи No 3 между Лифляндскими. Со стороны Псковичишъ были при договорѣ Староспы Богданъ Ковыришъ, Назаръ Глазашой, Андрей Анкудиновъ; опъ Магистра же Иванъ Лодеиъ и Ѳедоръ Корѣъ. См. *Синод. Лѣт.* л. 142. Тамъ сказано, что Послы Ливонскіе пріѣхали въ Москву 16 Марша 1535; а въ грамотѣ, что исремриѣ заключаеишь опъ 1 Октябрия 1534.

(19) См. *Синод. Лѣт.* л. 124, 129, 151, 154. Прежде Тимоѳея Васильевича Заболоцкаго ѣздилъ въ Молдавію Посланникъ Иванъ Прокудишъ.

(20) См. Капшмирову Исторію Опшом. Имперіи.

(21) См. *Синод. Лѣт.* л. 193.

(22) См. Дѣла Ногайскія, No 2, л. 7, 9, 18, 67, 103. Ногайскіе Послы были въ Москвѣ въ 1534, 1536 и 1537 годахъ. Иногда, на возвратномъ пути, они грабили въ Россіи. Опъ насъ шакже ѣздили послашники въ Ногаи.

(23) См. Дѣла Польскія No 2, 167—169. Въ Перешной Архивской Книгѣ No 1, л. 257 на об. означено, что еще въ 1531 году были посылаиы Мешко Ивашиниъ и Булгаковъ къ Венгерскому Королю Фердинанду.

(24) Въ Генв. 1534 повхалъ Сыиъ Бояр., Тимоѳей Заболоцкій, къ Сигизмунду съ извѣснѣиъ о кончинѣ Василія, и возвращаиъ 22 Поля. См. Дѣла Польскія No 2, сир. 154.

(25) 8 Мая. Пльнииковъ взяли полько 53.

(26) Бѣльскому далъ Король Зизморы, Спокліски и Кормялово, а Ляпцкому съ сыномъ Высокій Дворъ и Жолудокъ въ Троцкомъ Восводствѣ (См. Сприковскаго).

(27) См. *Царствен. Кн.* 38 — 40, *Синод. Лѣт.* л. 132 — 134, и *Архив. Лѣт.* л. 10 — 11.

(28) См. Архив. *Псков.* и Архив. *Ростов. Лѣт.*

(29) *Царствен. Кн.* 40, *Синод. Лѣт.* л. 135 — 137, и Дѣла Крымскія No 8, л. 130. Въ *Псков. Лѣт.* Гр. Толстаго сказано, что въ войскѣ Московскоиъ находилися Татары съ Царемъ своимъ, лыжники и Мордвичи Рязанскіе; что опъ на возвратномъ пути шелъ черезъ область Псковскую и весьма опягопилъ землю поборами. Сей Царь долженъ быиъ Шигъ-Алей; по еще Василій сослалъ его на Бѣлоозеро. Здѣсь Лѣтописецъ по видимому ошибся, равно какъ и въ шомъ, что будто бы Алей започили въ 1534 году.

(30) См. *Синод. Лѣт.* л. 129 на об.

(31) См. Дѣла Крымскія No 8, л. 3 — 203.

(32) См. *Синод. Лѣт.* л. 144 — 147. Вторымъ начальникомъ Московскои рати былъ К. Данило Дми-пріевичъ Пронскій. Въ числѣ другихъ Воеводъ именуется К. Ѳедоръ Курбскій, К. Василій Охлбшиниъ, К. Троскуровъ, и проч. См. также *Псков. Лѣт.* Гр. Толстаго и Архив. *Ростов. Лѣт.*

(33) См. Дѣла Крымскія, л. 209, 227.

(34) *Синод. Лѣт.* л. 147 — 150. Въ *Псков. Лѣт.* Г. Толстаго сказано о числѣ Татаръ. Воеводы Московскіе посылаиы за Оку при опрада выгнати ихъ изъ Рязанскихъ предѣловъ.

(35) См. *Синод. Лѣт.* Въ *Царствен. Кн.* сказано, что Щенишъ *встрѣтилъ* непріятелей и сдалъ имъ городъ.

(36) См. *Синод. Лѣт.* л. 150 — 152, *Псков. Лѣт.* Г. Толстаго и Архив. *Ростов. Лѣт.*

(37) См. Дѣла Крымскія No 8, л. 257 на об.) Въ *Казанск. Лѣтописцѣ* сказано, что Еналей убишъ спя-

щій. О женишбѣ Сафа-Гирсевой см. Дѣла Ногайскія, No 3, л. 110 на об.

(38) За Шигъ-Алеемъ посылали К. Никишу Турешна. Опъ прѣѣхалъ въ Москву 12 Дек.

(39) Въ *Царствен. Кн.* стр. 54: «Елена посовѣтовала съ Бояры, чпо пригоже ли у неѣ быти Царю, зане же еще Вел. Государь младъ, а положеніе Царскаго скипетра и державы на ней, и проч.

(40) *Синод. Лѣт.* л. 169, *Псков. Лѣт.* Г. Толстаго и Архив. *Ростов. Лѣт.*

(41) *Синод. Лѣт.*, л. 170 — 172, *Псков. Лѣт.* Г. Толстаго, и *Царствен. Кн.* 59.

(42) Дѣла Крымск. No 8, л. 246. Сіе было въ концѣ зимы 1536.

(43) *Синод. Лѣт.*, л. 172. Тутъ были и Азовскіе Татары.

(44) См. Дѣла Крым. No 8, л. 201 — 305. Послѣ 1535 г. Исламъ присылалъ еще въ Москву Князя Бачака для возобновленія союза.

(45) См. *Синод. Лѣт.* л. 147.

(46) См. Дѣла Польск. No 2, стр. 155 — 159.

(47) Послы Липовскіе прѣѣхали 14 Генв., а выѣхали изъ Москвы 18 Февраля. Кромѣ Себежа и Заволочья Россія взяла волость Долайскую съ селами Чечерскими и Крычевскими, Залъсье, Бабици, Свѣшловичи, Голодно, Скарбовичи и Липечи. Подлинная перемирная грамота находилась въ Архивѣ подъ No 11.

(48) Дѣла Польск. No 2, стр. 166 — 169.

(49) Дѣла Крым. No 8, л. 308, 317 и 318 на об.

(50) Дѣла Крым. No 8, 318 — 331.

(51) См. Дѣла Ногайск. No 2, л. 185, 186.

(52) Узнавъ о мирѣ Санпъ-Гирея съ Исламомъ, Болре посылали къ первому гоуца съ грамотою и съ дарами, а послѣ и знашнаго чиновника Никишу Млслага. Санпъ такжѣ писалъ къ нимъ дружелюбно (см. Дѣла Крым. No 8, л. 214, 344, 374).

(53) См. тамъ же, л. 416, 425, 473, 478.

(54) См. Дѣла Крым. No 8, л. 480.

(55) См. *Никон. Лѣт.* стр. 2, *Синод. Лѣт.* л. 127, 144, и *Ростов. Лѣт.*

(56) См. Озарія. *Китаецъ* назывались многіе изъ Татарскихъ чиновниковъ, и даже Андрей Боголюбскій во младенчествѣ своемъ, какъ сказано въ *Синодистѣ*.

(57) См. Архив. *Ростов. Лѣт.* 610 и 611.

(58) См. *Синод. Лѣт.*, л. 143, и Архив. *Ростов. Лѣт.*

(59) Гербершт. R. M. Com. 80, и Одерборн. Joannis Vas. Vita. стр. 251, 252, въ *Reg. Moscov. Auct.*

(60) R. M. Com. 80.

(61) *Синод. Лѣт.* л. 194.

Въ лѣтописяхъ Еленина времени находилась еще слѣдующія извѣстія:

Въ 1534 году, въ Февр. отъ иконы Св. Варвары бысть чудотвореніе, слѣпца прозираху (и проч.). На Покровъ бысть вражнимъ навожденіемъ спрехованіе велико въ Шелонской (Новгородской) Пятинѣ въ 5 погостѣхъ, въ Косицкомъ, въ Передольскомъ, во Фроловскомъ, въ Петровскомъ, въ Горюдскомъ; начаша люди бѣгати пикимъ гоними, а мнѣша вси, яко иноплеменицы на нихъ идутъ; и много шкоты уинилося, и 15 человекъ безъ вѣспи погубе. См. Архив. *Ростов. Лѣт.*

Г. 1536 «Окп. въ 21 освящена церковь Срѣшеніе теплая на Дворищѣ; а се начальная церковь теплая въ Новгородѣ, oprично того, что у Архіепископа во дворѣ и въ обителехъ» (см. тамъ же).

(62) См. Т. VI, стр. 143.

(63) См. Послужный Спсоекъ Болръ въ *Рос. Вивлѣд.* XX, 27.

(64) См. *Синод. Лѣт.*

(65) Тамъ же.

(66) Свадьба была Юня 6. К. Василій Шуйскій пожалованъ въ Бояре въ 1506 году (см. Спсоекъ Болръ).

(67) См. Т. VII, стр. 123.

(68) 21 Октябрия: см. *Царствен. Кн.* 75, и *Синод. Лѣт.* No 351.

(69) По *Никон. Лѣт.* К. Василій умеръ въ Октябрь же 1538 году: съдѣшвенно пошпчасъ по сверженши Бѣльскаго.

(70) 2 Февраля. Тогда былъ въ Москвѣ Архіепископъ Новгородскій, Макарій. 6 Февраля возвели Тоасафа на Дворъ Митрополитій, а 9 посвящили. — Запещь, копирюю Даниль опречаеися опъ своего сапа, находится въ одной исторической рукописи, принадлежащей Г. Спроеву. — Между рукописями Новгород. Софійской библиотеки находились нѣсколько правоуишельныхъ посланій, писанныхъ сверженнымъ Митроп. Даниломъ къ разнымъ лицамъ и къ Царю Иоанну Вас.—См. *Исторію Рос. Иерарх.* II, XXVIII.

(71) См. опвъп. грамоту Иоанна къ К. Курбскому.

(72) См. *Псков. Лѣт.* Г. Толстаго и Архив. *Псков. Лѣт.*

(73) См. Дѣла Крымскія, No 8, л. 490 — 492.

(74) Окольникій Спешпанъ Ивасовичъ Злобинъ опправился Посломъ къ Хану въ 1538 году.

(75) См. *Архив. Лѣт.*, л. 51, и Дѣла Крымскія No 8, л. 514 на об. Кромъ гонцевъ и Посланниковъ съ обѣихъ сторонъ, осенью 1538 году ѣздилъ изъ Москвы въ Казань Посолъ Игнатій Ивановичъ Яхоншовъ; но Царь претовалъ еще заплашійшаго, и не опсправляяъ своего Посла къ намъ будно бы для того, что носился слухъ о походѣ Россіянь къ Казани (см. *Синод. Лѣт.* л. 195 — 210.)

(76) См. *Казань. Лѣт.*

(77) См. Дѣла Крым. No 8, л. 617.

(78) См. тамъ же, л. 580 — 650. Ханскій Посолъ Сулемша привезъ шершную грамоту въ Москву весною 1539 года; но Болре претовали перемѣны нѣкоторыхъ словъ, и Ханъ на то согласился.

(79) *Синод. Лѣт.* л. 209 и 213.

(80) Осдоръ Григор. Адашевъ повхалъ въ Царьградъ 26 Дек. 1538, а возвратился въ Ноябрь 1539.—Шарапъ Замыцкій опсправился изъ Новгорода въ Швецію 7 Септ. 1538, а возвратился 12 Юля 1539

съ Шведскимъ Посланникомъ Нилусомъ. — Посолъ Ганзы, Яковъ, прибылъ въ Москву 27 Февраля 1540! О сихъ и другихъ посольствахъ см. въ *Синод. Лѣт.* л. 200 — 222.

(81) Тамъ же, л. 215.

(82) См. Архив. *Псков. Лѣт.* г. 1541 и *Псков. Лѣт.* Г. Толстаго.

(83) См. *Синод. Лѣт.* No 351, л. 221 и 231. К. Владиміръ освобожденъ въ Дек. 1540.

(84) См. Т. VI, г. 1491.

(85) *Синод. Лѣт.* No 351, л. 221.

(86) См. *Родослови. Кн.* I, 23.

(87) См. *Синод. Лѣт.* No 351, л. 223: въ Маѣ 1541.

(88) Тамъ же, л. 220. Съ нимъ были и Крымцы и Ногаи. Опъ спольяъ два дни подъ Муромомъ.

(89) См. *Царствешую Кн.* 78.

(90) См. *Синод. Лѣт.* No 351, л. 225 — 230, и *Царствеш. Кн.* 78 — 96. Съ Ханомъ были и Бѣлогородцы, п. е. жипелн Акермана.

(91) См. *Никон. Лѣт.*

(92) См. Т. V, стр. 221.

(93) См. *Синод. Лѣт.*

(94) Въ Розридахъ сего времени весьма часто находимъ, что Воеводы опказывались служкипъ подъ начальствомъ другихъ.

(95) См. *Никон. Лѣт.* 25.

(96) То есть, для поминовенія въ церквахъ.

(97) Въ *Царствеш. Кн.* » Правнукъ Осипѣвъ, родъ » Свибловъ. « Вторымъ начальникомъ былъ Александръ Кобяковъ, изъ Рязанскихъ Бояръ.

(98) См. *Царствеш. Кн.*

(99) См. *Синод. Лѣт.* No 351.

(100) См. *Царствеш. Кн.*

(101) Съ нимъ былъ еще Иванъ Большой Шереметьевъ.

(102) Новгородцевъ, какъ прибавлено въ *Царствеш. Кн.* См. также *Синод. Лѣт.* No 351.

(103) См. Курбскаго.

(104) При Государь Василии Иоанновичъ, въ 1524 и 1530 году.

(105) См. выше, г. 1541.

(106) 19 Марта на посвященіи были Досифей Архіеп. Ростовскій, Ферафонтъ Е. Суздальскій, Гурій Смоленскій, Иона Рязанскій, Акакій Тверскій, Васіанъ Коломенскій, Досифей Сарскій, Алексій Вологодскій.

(107) См. Архив. Псков. Лѣт.

(108) Договоръ заключенъ 21 Марта. См. Дѣла Польскія No 3, стр. 1 — 63.

(109) Дьякъ читалъ Русскую перемирную грамоту. Послы стояли близъ Государя. Секретарь ихъ читалъ Литовскую. Ту и другую положили на блюдо: Русскую сверху; а на нихъ *Воздвизательный крестъ*. Государь вспалъ и поцѣловалъ крестъ: Послы также. Имъ вручили грамоту, и самъ Вели. Князь подчивалъ ихъ вишневымъ медомъ. — 28 Іюня Болринъ Вас. Григорьевичъ Морозовъ, Дворецкой Федоръ Семсн. Воронцовъ и Дьякъ Фед. Моклоковъ опправились въ Липву для размены грамотъ. — Сигизмундъ сказалъ имъ, что онъ еще для Василія Иоанновича снялъ цѣпи съ нашихъ плѣнниковъ, кошорые вообще не шерпяшъ никакой пужды.

(110) Дѣла Польскія No 3, стр. 195 — 217.

(111) См. Синод. Лѣт. No 351, л. 234, 236, 237, 239 на об., и Царствен. Кн. 104.

(112) См. Синод. Лѣт. л. 236 на об.

(113) См. тамъ же л. 239 на об.

(114) Если вѣрнѣе *Послужнолу списку Болръ*, то К. Иванъ Вас. Шуйскій умеръ въ 1546 году. Въ 1542 году, при возобновленіи перемирія съ Литвою, онъ сидѣлъ на *сторомѣ* мѣсѣхъ подлѣ Государя (а на первомъ К. Димитрій Бѣльскій); но съ сего времени нигдѣ не находимъ его имени, ни въ дѣлахъ Минисперскихъ, ни въ Розрядахъ.

(115) Братъ Болрина Михайла Семеповича, кошорый былъ любимцемъ В. К. Василія Иоанновича.

(116) См. Царствен. Кн.

(117) См. Курбскаго.

(118) Курбскій называетъ Михайла Васильевича Глинскаго *всему злу нагальникоу*. Народъ, какъ увидятъ посла, ненавидѣлъ К. Юрья Глинскаго, пожалованнаго въ 1540 году изъ Кравчикъ въ Болре.

(119) Царствен. Кн. 114.

(120) См. Синод. Лѣт. No 50, л. 415, бывший въ рукахъ К. Щербатова.

(121) Царствен. Кн. 114.

(122) 16 Дек. 1544. Мать его была дочь К. Андрея Васильевича Углицкаго, брата Юаша III: см. *Родослов. Кн. 1, 123.*

(123) См. Курбскаго.

(124) См. Т. VI, г. 1491.

(125) 3 Сент. 1545. См. Царствен. Кн. 119.

(126) Сынъ Ивана Васильевича Шуйскаго. Это было въ Окт. 1545: въ Декабрѣ сняли съ нихъ опалу.

(127) 30 Дек. 1544.

(128) Онъ 6 Мая до Августа 1546.

(129) См. Царствен. Кн.

(130) Казнь была Іюля 21. См. Синод. Лѣт. No 351, также Царствен. Кн. 124.

(131) 22 Марта 1545 пріѣхалъ въ Москву онъ Сигизмунда-Августа посланникъ Янъ Комасвскій.

(132) См. Царствен. Кн. 116.

(133) По дѣламъ Ногайскимъ No 4, л. 43, извѣстно, что Сафа-Гирей возвратился было къ Казани съ полною Астраханцевъ и хотѣлъ силою войти въ городъ, но опраженный жителями, ушелъ къ своему шестю, Юсуфу, Ногайскому Князю. О семъ упоминаетъ и Казан. Лѣт.; но говоритъ несправедливо, что Сафа-Гирей подслушалъ къ Казани съ Юсуфомъ.

(134) См. Казан. Лѣт.

(135) См. Казан. Лѣт. и Царствен. Кн.

(136) См. Царств. Кн.

(137) См. Архив. Псков. Лѣт. и друг.

(158) Выписка изъ лѣтописей сего времени:

1540 » Юня 1 поставленъ Макаріемъ Митрополитомъ Архіепископъ Θεодосій Великому Новгороду и Искоу, Игуменъ ст. Хушынъ. — Остави Епископію Васіанъ Коломенскій « (въ Юнь 1542). » Юля 2 поставленъ Макаріемъ Митрополитомъ Епископъ на Коломну Θεодосій, Архим. отъ Спаса Новаго ст. Москвы. Преставился (въ Августъ) Архіеп. Ростов. Досеней и положенъ въ Роснѣвъ. — Февр. 25 (1543) поставленъ Архіеп. Ростову и Ярославлю Алексій, Троицкій Игуменъ Сергіева монастыря. Тоя же зими преставился Еписк. Отрапоитъ Суздальскій, и положенъ въ Суздаль. (1544) Преставился Еписк. Крупицкій Досеней (въ Февраль). Поставленъ въ Суздаль Епископъ Іона Собина, Архим. Чудовскій, Февр. 21, и Епископъ на Крупицу Сава, Архим. Симоновскій. « Былъ дорогъ хлѣбъ: четверка ржи стоила въ Новгородѣ около гривны Москвской. Въ 1545 г. была въ Новгородѣ дорога бумага: книжная десь стоила два алпына.

(139) См. Царствен. Кн.

(140) См. сей Исторіи Т. II, г. 1116 — 1123.

(141) См. тамъ же, примѣч. 194.

(142) Только въ одной повѣйшей рукописной Степен. Книгѣ упоминается здѣсь о муромомазаніи. Подробное описаніе Царскаго вынчанія (въ Синод. Библиот. No 355) составлено въ 1642 году. Тамъ находимъ муромомазаніе, причащеніе, нѣкоторыя новыя молитвы и поученіе Царю отъ Патріарха. Въ описаніи Царской ушвари Михайла Θεодоровича уже говорится о скипетрѣ и яблѣхъ или державѣ (см. Никон. Лѣт. VIII, 206).

(143) См. Архив. Псков. Лѣт.

(144) См. Степен. Кн. Лапухина. Грамота Патріарха Іоасафа находящаяся между Греческими дѣлами въ Архивѣ, No 1, л. 175. Іоасафъ пишетъ: » яко вышній наставшій Царь Моск. Іоаннъ отъ роду своего и

» крови Царскіе ведется, иже отъ поля принопамятныя Царицы и Владычицы Госпожи Анны сесниры Самодержца и Царя Багряиороднаго Мономаха, въ шестызъ же отъ благочест. Царя Константина, и проч. Если Патріархъ говоритъ объ Аннѣ супругѣ Владиміра Свялаго, но братъ ея Константинъ не именовался Мономахомъ.

(145) См. Архив. Псков. Лѣт. и Собран. Госуд. Грамотъ, Т. II, стр. 43.

Описаніе сей Іоанновой свадьбы см. въ Рос. Вивліов. XIII, 29.

Въ Родословныхъ Книгахъ сказано, что Андрей Ивановичъ Кобыла имѣлъ брата Θεодора Шевлягъ: что у Андрея былъ сынъ Θεодоръ Кошка, у Θεодора Иванъ, у Ивана Захарія, у Захарія Юрій, у Юрія Романъ, у Романа Данило, Долмашъ и Никиша. Сестра Анастасія, Анна, была супругою Князя Ситкаго. — Новѣйшіе повѣствователи увѣряютъ, что опецъ Андреевъ былъ Князь Прусскій, одинъ изъ потомковъ перваго Царя Лапышскаго, Видуша; что сей Князь, вытхавъ къ намъ съ двумя сыновьями, крестился въ 1287 году и былъ названъ Іоанномъ.

(146) Въ лѣтописяхъ явственно сказано, что предобря Анастасія наставляла и приводила Іоанна на всякія добродѣтели. Рѣчь Митр. Макарія къ новобрачнымъ, Царю и Царицѣ, напечатана въ Дрв. Рос. Вивліов. XIV, 227.

(147) См. Царствен. Кн. 142.

(148) См. Архив. Псков. Лѣт. и Царствен. Кн.

(149) См. Курбскаго.

(150) На примѣръ, въ государствованіи Донскаго и Темпаго.

(151) См. Стоглавъ.

(152) Въ Лапухин. Степен. Кн.: » Василій юродивый (на канувъ пожара) приде въ монастырь Воздвиженскій, иже зовешся на Оспровъ, и спа предъ

» церковно, къ ней же умильно зря, и умно молящу
» творя, и плакашеся неупышно. Людѣ, видяще его,
» дивляхуся... Жельзо яко олово разливашеся и мѣдъ
» яко вода расплавашеся.»

(153) См. *Царствен. Кн. 142.*

(154) См. Курбскаго.

(155) См. тамъ же.

(156) См. тамъ же и *Стоглавъ*, гдѣ самъ Іоаннъ го-
воритъ о погданшемъ своемъ исправленіи.

(157) См. Курбскаго.

(158) См. тамъ же.

(159) Ся любовыиная рѣчь находится въ Архив.
Степен. Книгъ Хрущова. Вышеисвасень оную оишъ
слова до слова: » Повелъ (Іоаннъ) собрати свое Го-
» сударство изъ городовъ всякаго чина, и въ день Не-
» дѣльный изыде со кресты на лобное мѣсто, и со-
» вершивъ молебнѣя, нача рѣчь говорити къ Митро-
» политу: *Молю тя, Св. Владыко, да будещи помощ-
» никъ намъ и любви поборникъ. Въмъ, бжеа дѣла и
» любви желатель еси. Азъ, Владыко, и самъ ты въ-
» си, яко азъ остался отца своего четырёхъ лѣтъ, и
» матери своей осми лѣтъ. Родители о мнѣ не бре-
» гоша, а сильнѣи мои Бояре и Вельможи о мнѣ не
» радѣша и самовластни быша, и сами себѣ сами и
» гесты похитиша моимъ и ченемъ, и мнѣ же мѣсть
» возбраняюще, и во многіе корысти и въ хищенія
» и въ обиды упражилхуся. Азъ же яко глухъ, и не
» слышахъ, и не имый во успѣхъ своихъ обличеніи
» юности ради моеи и пустоты. Ои же властвова-
» ху... О неправднѣи лихоимцѣи и хищницѣи и не-
» правднѣи судѣи по себѣ творяще! что иынь намъ
» отвѣтъ даеши, иже многои слезы на ся воздвигосте?
» Азъ же гистъ отъ крове сел. Ожидайте воздаяніи сво-
» его. И вѣмъ поклонися на всѣ спрашы, и глагола:
» Людѣ Божіи, и намъ дарованіи Богомъ! молю вашу
» спру къ Богу и къ намъ любовь. Нынь вашихъ обидъ
» и разореній и намъ исправити невозможно замед-
» ленія ради юности моеи и пустоты и безпомощ-*

*» ства, и неправдѣ ради Бояръ моихъ и властей, и
» безсудства неправеднаго и лихоиманія, и сребролю-
» бнѣи. Молю васъ, оставите другъ другу вражды и тлѣ-
» готы свои, развѣ слико того большего дѣла не вѣль-
» стно; и въ томъ и въ иыихъ вновь я вѣмъ, слико
» вѣлѣстно намъ, сами буду судія и оборони, и непра-
» вды разорити, и хищенія возвращати.»* Въ сей *Сте-
пен. Кн.* сказано, что Іоанну было тогда 20 лѣтъ:
не 20, а 17, если онъ говорилъ эту рѣчь скоро по-
слѣ бышаго пожара.

(160) См. *Стоглавъ.*

(161) См. Архив. *Степен. Кн. Хрущова.* Алексѣй
Адашевъ по списку Бояръ и чиновниковъ Двора (см.
Древ. Рос. Вивлио. XX, 40) былъ пожалованъ въ
Окольничіе уже въ 1555 году.

(162) См. Курбскаго.

(163) См. Архив. *Псков. Лѣт. и Курбскаго.*

(164) См. Курбскаго.

(165) См. *Царствен. Кн. 146:* Генв. 6 (1549).

(166) Князь Юрій женился 3 Ноября 1547. См.
описаніе его свадьбы въ *Древ. Рос. Вивлио. XIII, 36.*
Въ 1547 г. вошли въ Бояре Дворецкій Ив. Ив. Ха-
баровъ, Григорій Юрьевичъ Захарыинъ, К. Дашило
Дмитріевичъ Пропскій, К. Дм. Ѳед. Палецкій, и К.
Ѳед. Андр. Куракинъ-Булгаковъ.

(167) На его мѣсто былъ пожалованъ К. Вас. Вас.
Чумокъ-Ушапой, а въ 1550 году Бояринъ Ив. Петр.
Ѳедоровъ.

(168) Со времянъ Донскаго.

(169) См. описаніе сей свадьбы въ *Вивлио. XIII, 46.*

(170) На примѣръ въ Судебникъ: » Царь и Вел.
» Князь съ своею братьею и съ Бояры уложилъ.»

(171) См. указъ 1556 г. о кормленіяхъ и о службѣ,
въ прибавленіяхъ къ Судебнику.

(172) См. въ прибавленіяхъ къ Судебнику указъ 1550
г. о мѣстничествѣ.

(173) См. *Стоглавъ* въ Синод. Библиот. No 524.
На Соборъ были, кромѣ Митрополита, Ѳеодосій Ар-

хіеп. Новгородскій, Никандръ Арх. Ростовскій, Трифонъ Еп. Суздальскій, Гурій Смоленскій, Кассіанъ Рязанскій, Акакій Тверскій, Θεодосій Коломенскій, Савва Сарскій и Подонскій, Кипріянь Пермскій.

(174) См. *Стоглавъ* л. 12 и 14 на об.

(175) Тамъ же, л. 12 — 19.

(176) Вел. Князь Василій Иоаннович далъ Присяжныхъ Новугороду, а К. Иванъ Бѣльскій Пскову, какъ мы уже сказали выше.

(177) См. *Стоглавъ*, л. 22 и Судебникъ, гл. 68.

(178) Въспъ заглавіе сего устава: *Царскіе вопросы и Соборныя отвѣты о многообразныхъ Церковныхъ гнѣхх*. Послѣ будемъ говорить объ немъ въ особенной главѣ.

(179) См. въ *Древ. Рос. Вивлію*. XIV, 266, грамоту Новгород. Архіеп. Геннадія къ Митрополиту Симону (писанную около 1500 года).

(180) См. *Стоглавъ*. — Въ Глушицкомъ (Вологодскомъ) монастырѣ есть грамота Вел. Князя Иоанна Вас., писанная къ Игумену Θεодосію 1535 году (свѣдственно еще въ малолѣтствѣ Иоанново), въ коей уже запрещается монастырямъ покупать и брать въ закладъ вопчины безъ вѣдома Государева. См. *Исторію Рос. Иерархіи* III, 712.

(181) См. Preussisches Archiv von Faber, стр. 6. Иоаннъ Шлипптъ или Шлиппше былъ родомъ изъ Гослара.

(182) У Гадебуша (*Livl. Jahrbüch. I, 589*) упомянуто сіе число до трехъ сотъ; но по бумагамъ самого Шлиппта, храпящимся въ Кенигсбергскомъ Архивѣ, ихъ было 125 человекъ: 4 Θεолога, 4 Медика, 2 Юриста, 4 Аптекаря, 2 Оператора, 8 цырюльниковъ, 8 подлекарей, 1 плавильщикъ, 2 колодезника, 2 мельника, 3 плотника, 12 каменщиковъ, 8 сноляровъ, 2 Архитектора, 2 липейщика, 1 спекольщикъ, 1 бумажный мастеръ, 2 рудокопа, 1 человекъ искусный въ водоводствѣ, 5 шолмачей, 2 слесари, 2 часовщика, 1 садовникъ для винограда, другой для хмѣля, 1 пивоваръ, 1 денежникъ, 1 пробирщикъ, 2 повара, 1 пирож-

никъ, 1 солесварь, 1 карпочникъ, 1 шкачь, 4 карепника, 1 скорнякъ, 1 маслобой, 1 горшеникъ, 1 пипографикъ, 2 кузнеца, 1 медникъ, 1 коренщикъ, 1 пѣвецъ, 1 органистъ, 1 шерстобой, 1 сокольникъ, 1 шпукапуръ, 1 мастеръ для варенія квасцовъ, другой для варенія сѣры, 4 золотаря, 1 площальщикъ, 1 перешлетчикъ, 1 поршней.

(183) См. Preuss. Archiv. Черезъ полтора года Шлипптъ бѣжалъ изъ Любекской темницы, и въ 1555 году, 5 Марта, писалъ къ Царю изъ Аугсбурга, пребывая денегъ и новой вѣрующей грамоты; увѣрялъ, что исполнитъ данное ему порученіе; дѣйствительно старался о томъ на Сеймѣ Аугсбургскомъ, но не имѣлъ успѣха, и послалъ какого-то Иоанна Фоглера, Цюрихскаго уроженца, къ Царю съ кипю бумага, оппосланныхъ къ образованію Россіи. Фоглеръ уѣхалъ въ Италію, и тамъ заложилъ сіи бумаги. Одинъ изъ его заимодавцевъ, Венштъ Ценге, выкупилъ ихъ, привезъ въ Аугсбургъ, и требовалъ денегъ съ Шлиппта; но Шлипптъ скрылся и лѣтомъ въ 1557 году былъ уже въ Москвѣ, куда отправился Венштъ Ценге, кошпорый, проѣзжая чрезъ Кенигсбергъ, далъ списокъ со всѣхъ бумага Шлипптовыхъ Герцогу Прусскому, Албрехту. Сей списокъ уцѣлѣлъ въ Кенигсбергскомъ Архивѣ. Шлипптъ предлагалъ, чтобы Посолъ Россійскій, всегда находясь при особѣ Императора, имѣлъ у себя Доктора и Магистра Богословія, двухъ Докторовъ Правъ, Гомейстера, Медика, двухъ Секретарей, нѣсколько другихъ чиновниковъ, Пажей, слугъ, искусныхъ поваровъ; давалъ обѣды, пиры и на все издерживалъ болѣе шестидесяти тысячъ талеровъ.

Сей-то Шлипптъ сочинилъ отъ имени Царя Иоанна письмо къ Карлу V, напечатанное въ *Materialien zu der Rus. Geschichte, I, 451 — 460*, весьма не глупое, оппчаски и достопамятное, но содержащее въ себѣ нѣсколько историческихъ ошибокъ. Переведемъ нѣкошорый мѣста изъ сей длинной *эпистолии*, писанной совсѣмъ не въ духъ Рускомъ, и безъ сомнѣнія

опверженной Царемъ: » Желая соединенія Вѣръ, мы
 » (Юаннъ) хотѣли имѣть ученыхъ Богослововъ Нѣмец-
 » кихъ, чѣобы они узнали наши Законы, а мы вашъ
 » Латинскій; искали также Архиспекторовъ для спрое-
 » нія крѣпостей, искали пушечниковъ, оружейниковъ,
 » дабы съ успѣхомъ отражать невѣрныхъ, Татаръ,
 » Скиновъ. . . Дружелюбный отвѣтъ швей (Карла V),
 » изъ Аугсбурга отъ 31 Генв. 1548, дошелъ до насъ
 » весьма поздно, и по въ списокъ, отъ зависти и зло-
 » словія негодныхъ корышолобцевъ, поргующихъ въ
 » Россіи (Ганзейскихъ купцевъ). . . Они будутъ на-
 » казаны. . . Вопреки ихъ клеветамъ, мы издрече
 » Христиане истинные. . . Дѣдъ, опедъ мой сколько
 » варварскихъ земель покорилъ единственно во славу
 » Христа! . . . У насъ вездѣ множесиво церквей: въ
 » ономъ Кремль Московскомъ 16, а въ Новѣгородѣ
 » боуде, чѣмъ дней въ году, какъ по пишеть ученый
 » Севастіанъ Мюнстеръ въ своей Космографіи. . .
 » Каждой Россіянинъ носить крестъ на груди. . . Для
 » удобнѣйшаго сношенія съ Имперією хотимъ имѣть
 » всегдашняго Посла, Нѣмца, при пвоей особѣ, или
 » въ Аугсбургѣ, знаменнѣйшемъ городѣ, отъ коего
 » до Москвы онъ учредитъ почту; а его, какъ искус-
 » наго въ дѣлахъ церковныхъ и государственныхъ, мы
 » сдѣлали Кавалеромъ поваго Россійскаго Ордена. . .
 » Чрезъ Господъ Фукгеровъ, Антонія и Юанна, слав-
 » ныхъ богатствомъ въ Европѣ, мы доставимъ 750,000
 » палеровъ, обещанныхъ нами Имперіи для войны съ
 » Турками. . . Принимаемъ и войско съ братомъ мо-
 » имъ, Георгиемъ. . . Мы одного происхожденія съ Нѣм-
 » цами: ихъ предки жили въ Скивіи и Сарматіи;
 » многіе древніе города наши, рѣки, горы, лѣса, назы-
 » ваюпся Нѣмецкими именами. . . Для того выннсы-
 » ваемъ ученыхъ не изъ Франціи, не изъ Италіи, а
 » изъ Германіи. . . Желаемъ имѣть полкъ Нѣмецкій. . .
 » Дадимъ Имперіи, въ замогъ вѣрности, 25 молодыхъ
 » Князей. . . Пылаемъ ревностію ипшии на Царь-
 » градъ, до коего отъ насъ не далеко, « и проч.

- (184) См. Гадебуша *Livl. Jahrbüch.* I, 388.
 (185) См. Курбскаго.
 (186) Сей походъ былъ въ 1547 и 1548 году. Царь
 возвратился въ Москву 7 Марша.
 (187) 18 Февраля. Они 7 дней воевали Казанскія
 окрестности и благополучно вышли.
 (188) Въ Окт. 1548.
 (189) См. Дѣла Польскія, No 4, стр. 1 — 80. По-
 слы уѣхали было 10 Февр., а 13 утвердили переми-
 ріе. Съ грамотою ѣздили отъ насъ въ Литву Бол-
 ринъ Мих. Яков. Морозовъ, Дворецкій Рязанскій Писръ
 Вас. Морозовъ и Дѣякъ Карачаровъ.
 (190) См. тамъ же, стр. 80 — 195. Споры о по-
 граничныхъ земляхъ продолжались.
 (191) См. Дѣла Крымскія, No 9, л. 57.
 (192) См. тамъ же, л. 30 на об. и 56 на об.
 (193) Тамъ же, л. 51.
 (194) См. *Казан. Лит.*
 (195) См. *Царствев. Кн.*
 (196) См. Курбскаго. Сей Историкъ спавитъ Ю-
 анна въ примѣръ Государямъ Западнымъ, которые
 любятъ сидѣть дома, играть въ карты; оставляютъ
 своимъ Полководцамъ сражаться за ихъ честь, и
 сами только-что забавляются.
 (197) См. *Никон. Лит.* 70.
 (198) См. *Казан. Лит.*
 (199) См. выше, страниц. 77.
 (200) Государь выѣхалъ 20 Юля, а возвратился въ
 Москву Авг. 23.
 (201) См. Дѣла Ногайскія, No 3, л. 111, 112, 135
 на об. и 158; см. также *Никон. Лит.* 72.
 (202) Въ *Синод. Лит.* No 351: » поставленіе По-
 ваграда Свѣжскаго, нареченнаго во Царское имя
 » *Ивальградъ*. « Сіе имя исчезло.
 (203) » А пришелъ (К. Серебрный) на Казанскій
 » посадъ на 1 часу дни не со всіми людьми; многіе
 » заблудилися; мгла бо велика тогда бысть на Волгѣ. «
 Лѣтписцы рассказываютъ здѣсь о знаменіяхъ быв-

шихъ на Свѣтъ рѣкъ, о чудесномъ колокольномъ звонѣ, о явленіи Св. Сергія, о пророчествахъ и чудесахъ въ Казани. На примѣръ: » Онь коровы родися дѣтницъ челоувѣческимъ образомъ, и внезапно премънися въ совершенна мужа вооруженна и глаголаше зрящимъ на него: *повишуйтеся безъ лукавства Московскому Государю!*... и абіе невидимъ бысть... Рыболовы излекоша мрежу и видѣша въ ней челоувѣка спара лежаща и глаголюща къ нимъ: *послышите умолити Московскаго Царя.* Они же хотѣша убити его; онъ же ввержеся въ рѣку... Во градъ же Казани имѣяху многія избы вкопаны въ землю онь Русскаго спрълянія огненнаго, и во едину вшедшимъ Ташаромъ, и видѣша ю пенду и благовоишу, яко же Христіанскую избу, и пещу полную хлѣбовъ пшеничныхъ, и во единой спранѣ посидѣла вельможеска, на ней же лежаше мужъ съдъ, и рече: *не будете противни Москов. Царю.*... и абіе невидимъ бысть, ни одръ, ни хлѣбы, ни благовоиѣ, по смрадъ ощутишь.» и проч.

(204) Шигъ - Алей съ шѣмъ послалъ (въ Москву) Дворецкаго своего Шабаса Князя Шамова, а Бояре Ивана Шишкина. — Въ *Казан. Лѣт.*: » Двѣ бо Черемисы въ Казан. обласи, а языки ихъ три; чешвершый же варварскій. Едина Черемиса объ сию спрану Волги сидитъ по удоіямъ и словеть Горная, а другая объ опую Луговая; а всѣ тѣ люди землешцы и прудники и зломые рапники. Въ шой же спранѣ Луговой естъ Черемиса Коктажская и Вещлаужская, живущіе въ пущыняхъ лѣсныхъ, ни съютъ, ни орютъ, по ловомъ звѣршымъ и рыбнымъ и войлоу питаются и живущіе акн дикіе.»

(205) И приходилъ Чуваша Арскал съ боемъ на Крымцевъ: *о гелъ-де не біете геломъ Государю?* на Царевъ дворъ, и Кошьякъ Улашъ съ шоварини съ шими блисля, и побили Чувашу. — См. еще *Казан. Лѣт.*

(206) Адашевъ прѣхалъ къ Шигъ-Алею Авг. 6. — *Казан. Лѣт.* баснословнщъ, что Алей хотѣлъ тогда жениться

на Сююмбекъ, по что она прислала ему ядъ въ кушань и въ одеждъ; чпо Алей далъ первое собакъ, и собака издохла; надѣлъ вторую на преступника, и преступникъ уналъ мершвый. Это напоминаетъ Медею. Сююмбека была послъ женою Алей, какъ увидимъ.

(207) См. *Казан. Лѣт.* Но по не правда, чпобы К. Серебр. Оболенскій взалъ Царицу въ Казани и вывезъ опшуда въ Царскія сокровища. Сей Лѣтописецъ, не всегда доеповѣрный, говоритъ: » Москов. Воевода, К. Василій (Пешрь) Серебряный, вшедъ въ Казань съ 3000 вооруженныхъ и съ 1000 опешныхъ Спирьльцовъ, ялъ Царицу и со Царевичемъ яко смирную шѣкую шпичу въ полапахъ ея. Аще бы вѣдала изыманіе свое, то сама бы ся убилла. Вшедъ же къ ней Воевода съ Казанскими Вельможами, одѣлъ въ златную одежду, и ста предъ нею съемши златшый шлыкъ, и рече ей слово шхо и чеспно: » понмана еси, вольная Царица, Великимъ Господемъ нашимъ Іисусъ Христомъ... Той оптемлетъ Царство твое и предаетъ тя въ рущъ великому и благочестн. Царю Ивану Васильевичу... Она же воспринувъ опъ мѣсна Царскаго и ста поддержима подъ руку двѣма рабынями, и отвѣца: буди воля Божія и Самодержца Московскаго!... и разразися о поль... И хошяху Казанцы Восводу убити; по не даше имъ власшени ихъ... И влѣзши Царица въ мечеть, и раздра верхнія ризы своя, и паде у гроба Царева, власы своя терзающе и лице свое деруща.» Слѣдуенъ ея плачь, напоминающій Евдокіишъ (сестру Донскаго). На примѣръ: » О милый мой Царю! виждь Царицу свою, ея же любить наче всѣхъ: се ведома въ плѣтъ ипользычпыми войны и съ любимымъ сыномъ плвоимъ... Увы! почпо рано зайде красоша швола онъ очію моею подъ шемною землею, оставитъ меня сиротою? Увы мнѣ! гдѣ шамо живени, да пойду и живу съ шобото? Почпо ны остави здѣ? Предаемъ въ рущъ Москов. Царю: мнѣ единой не могущей пропшвишсея смѣ и

» крѣпости его, и не имѣхъ помогающихъ мнѣ. Аще
 » бы опть иного коего Царя плѣнена быхъ была лзы-
 » ка нашего и Вѣры, шо шла бы и не шужила. Увы
 » милый мой Царю! отверзи мнѣ шемный свой гробъ,
 » и буди намъ гробъ швой единъ тебѣ и мнѣ Цар-
 » ская наша ложница и свѣшпала палата!... Прійми
 » юную Царицу свою, да не насладится иновѣрцы
 » красоты моея!... Кому печаль мою возвѣщу? съ-
 » ну ли? по той еще млечныя пищи пребуеши. Или
 » опцу моему? по той далече. Казанцамъ ли? по они
 » чрезъ кляпву отдаютъ меня. Увы милый Царю!
 » не опшвѣщаеши ничшо же. Се при дверяхъ немилос-
 » стивые вонны споятъ, и хопятъ мя яко звѣрсе
 » дивнн восхипиши. Царица быхъ, нынѣ же горькая
 » плѣшница и раба убогая; за радость и за веселіе слезы
 » горькія постигоша насъ. Уже плакатися не могу, ослѣ-
 » постивъ очима, и премоаче гласъ мой опть вопля. —
 » Самъ Воевода нашъ, смошрл на насъ, плакалъ, какъ
 » сказано въ сей лѣтописи. Далѣе: » Царица же, егда
 » новезена бысть къ Москвѣ, горько плакашеса, Вол-
 » гою ѣдучи, зряще прямо на Казань и глаголюще:
 » Горе тебѣ, градъ кровавый и унылый! Спаде въ-
 » нець съ главы твоея, и яко вдова лвляешися, оси-
 » ропѣвши, и рабъ еси, а не Государь: прейде бо сла-
 » ва шволя; ты же изнемогши надеся, яко звѣрсе не-
 » имущій главы. Не срамъ ни естъ: аще бы и Вави-
 » лонскія столпы и Римскія стѣны имѣлъ еси, по-
 » никако опть шаковаго Царя сильнаго устояши не
 » возмогъ бы еси. Царство Царемъ премудрымъ са-
 » модержителю, а не стѣнами и столпами. Царь твой
 » сильный умре, и Воеводы изнемогоша... Гдѣ нынѣ
 » Царскія швои пирове и веселія? Гдѣ Улановъ и Кня-
 » зей швоихъ красованіе и величаніе? Гдѣ младыхъ женъ и
 » красивыхъ дѣвиць ликовъ и пѣсни и плясаніе? Въ тебѣ
 » рѣки медвенныя (медовыя) и попоцы вишныя печаху:
 » нынѣ же людей швоихъ крови проливаюцца и слезъ
 » горячихъ испочишцы пропекаюцца, и не изсякнутъ,
 » и мечъ Рускій не опшметсея, дождеже въ тебѣ вся

» люди твоя изгибнутъ. Увы мнѣ! гдѣ возьму пищцу
 » борзоплающую, глаголющую лзыкомъ челошвѣскимъ,
 » да пошлю къ опцу моему и къ мащери, да возвѣ-
 » стивншъ случившесея чаду ихъ? Суди Богъ и мени
 » супноспату нашему, злому Шигъ-Алсею, не хопящу
 » мя наплѣшцу понятн и большаго женою имѣши!» и
 » проч. — Сююшбека прѣхала въ Москву Септ. 5.

(208) См. *Синод. Лѣт.* No 351.

(209) См. память же.

(210) Мы слыдуемъ достоверному Лѣтописцу Мо-
 сковскому; а Казанскій многое не такъ рассказываетъ.

(211) *Выписка изъ лѣтописей сего времени:*

Въ 1547 г. 30 Генв. поставленъ Москов. Богояв-
 лен. Игуменъ Кириакъ въ Епископы на Пермь. Дек. 20
 въ Новгородъ Царь уничтожилъ коримы. Въ 1548 »Апр.
 » 22 поставленъ бысть Епископъ на Рязань Архи-
 » мандр. Чудов. Михаилъ. « Въ 1549 »Марта 10 поста-
 » вленъ бысть Епископъ въ Суздаль, Архим. Симонов-
 » скій Трифонъ, а Марта 17 Архiep. въ Росповѣ,
 » Игуменъ Троицкій Никандръ. — Авг. 10, въ 4 часть
 » ноци, родися Царю дщи, Царевна Анна. — Дек. 30
 » Государь въ В. Новгородѣ порушилъ ряды и гра-
 » монны рядовыя собралъ въ казну. — Авг. (г. 1550)
 » преставися Царевна Анна. — Марта 17 (г. 1551)
 » въ 10 часть ноци родися Царю дочь, Царевна Марія.
 » Июня 14 поставленъ Архiep. въ Великій Новгородъ,
 » Серапионъ Курцовъ, Игуменъ Троицкій Сергіева мо-
 » настыря; а Июня 18 Епископъ въ Суздаль, Алаисей,
 » Игуменъ Кириллова монастыря. Мѣсяца Авг. по-
 » ставленъ на Пронѣ Михайловъ городъ. — Поста-
 » вленъ въ 1552 году Шапской городъ въ Мещерѣ.

(212) См. *Царствен. Кни.* 203 — 205.

(213) См. Дѣла Польск. No 4, л. 196—204.

(214) См. выше, примѣч. 211.

(215) См. сей *Исторіи* Т. VI, примѣч. 458, и Т.
 VII, примѣч. 128.

(216) См. Дѣла Ногайск. No 4, л. 91. Самъ Царь Иоаннъ Васильевичъ, въ сношеніяхъ съ Ханомъ Крымскимъ, говоритъ: » *Нашихъ* Казаковъ на Дону нѣтъ » никого; а живущъ на Дону изъ нашего Государства *бѣлые* люди.« (См. Дѣла Крым. No 15, л. 446—447).

(217) См. сей *Историю* Т. VII, стр. 261.

(218) См. сей *Историю* Т. VII, примѣч. 128.

(219) См. Дѣла Ногайск. No 3, л. 135 на об. и No 4, л. 39.

(220) Девзеть-Гирей, по нашимъ Родослов. Книгамъ, былъ сынъ Мубарекъ-Гирей, и внукъ Менгли-Гиреевъ. Дегишъ пишетъ, что Султанъ въ 1551 году посылалъ Рустанъ-Пашу свергнуть Саипъ-Гирей за убіеніе Ислама (см. *Histoire des Huns*, кн. XVIII).

(221) См. Дѣла Ногайск. No 4, л. 39 и 40.

(222) См. тамъ же, л. 91.

(223) Сперва Горные люди побѣли Казанцевъ, привели въ Свияжскъ двухъ взятыхъ ими чиновниковъ и казнили ихъ; но въ Апрѣль Воеводы уведомили Государя объ ихъ невѣрности.

(224) См. *Казан. Лѣт.* — Едигеръ не пошлъ ли самый Царевичъ, который прежде былъ въ Москвѣ? См. выше, спраш. 83.

(225) См. *Царствен. Кн.* стр. 210-217. — Въ сіе время (въ Апр. 1552) Государь далъ въ Москвѣ наказъ чиновникамъ, Андрею Берсеневу и Хозяину Тюпину, чтобы они строго наблюдали за точнымъ исполненіемъ правилъ Московскаго Собора 1551 года въ отношеніи ко нравамъ Духовенства и мірянъ; чтобы Ипоки и Священники не ходили въ корчмы, ни пьяные по улицамъ; чтобы никто не дерзалъ ни срамословить, ни класаться, ни *брить бороды*, ни занимать волшебствомъ или звездочешствомъ. Уличенные преступники подвергались *великой опаль по градскимъ законамъ и духовной казни по священнымъ правиламъ*. См. *Законы В. К. Иоанна Вас. и внука его*, стр. 113-115.

(226) Здѣсь въ первый разъ упоминается о семь

почетномъ званіи, которое давалось знаменитѣйшимъ Вельможамъ.

(227) См. *Царствен. Кн.* 218. — Отецъ Сююнбеки, Князь Ногайскій Юсуфъ, усильно требовалъ, чтобы Иоаннъ прислалъ ее къ нему и съ сыномъ; но Государь отъвѣчалъ, что она сама захотѣла быть супругою Шигъ-Алея (Дѣла Ног. No 4).

(228) См. *Царствен. Кн.* 225.

(229) См. тамъ же, 220.

(230) » Бояре его и *Жилыцы*, выборомъ Дѣти Боярскіе.« Имя происходитъ отъ шого, что они жили въ столицѣ, при Государѣ, будучи первостепенными воннами.

(231) Въ Архив. *Новгород. Лѣт.* Малиновъ сказано, что въ 1551 году привезли въ Новгородъ шурна Царя Крымскаго. — Въ годъ можешь быть ошибка; но въ *Царствен. Кн.* и въ другихъ лѣтописяхъ сказано, что Камбирдса убили.

(232) См. *Курбскаго*. Онъ сказывалъ, что ему было тогда 23 года.

(233) См. *Царствен. Кн.* 236—253.

(234) *Яртоулолы* или *Яртоулынылы* полкомъ назывался *легкій передній отрядъ передоваго полку*.

(235) См. *Царствен. Кн.*

(236) См. *Курбскаго*. Во второмъ полку былъ и отецъ Алексѣя Адашева, Окольниковъ Федоръ Григорьевичъ Адашевъ.

(237) См. *Курбскаго*.

(238) См. тамъ же.

(239) Только въ одномъ Морозовскомъ Лѣтописцѣ Граза Толстаго нашелъ я сіе число Иоаннова войска.

(240) *Тарасы*, подобно шурмамъ, насыпались землею, и служили защитою въ осадѣ городовъ.

(241) См. *Курбскаго*,

(242) См. тамъ же. Всѣ косыми буквами напечатанныя слова взяты изъ него, или изъ лѣтописей.

(243) *Турь*, а не *тура*: коробъ, насыпанный землею.

- (244) См. Курбскаго.
 (245) См. тамъ же.
 (246) См. *Царствен. Кн.* 267, и Курбскаго.
 (247) См. тамъ же, 270. Государь ежедневно молился въ храмъ Св. Сергія.

(248) Здѣсь разсказываются чудесныя видѣнія Апостоловъ, Св. Николая, Данила Переславскаго, и пр. Слово *бойницы* употребилъ я въ смыслѣ *батареи*, какъ оно употреблялось иногда въ старинныхъ книгахъ; обыкновенно же называли такъ опровержія въ городской стѣнѣ или на валу, чрезъ кон дѣйствовавшія пушки.

(249) Онъ былъ Воеводою Князя Владиміра Андреевича.

(250) См. Курбск.—Въ пѣкопорохъ лѣтописяхъ именуются здѣсь главныя пушки: *Коница, Ушатал, Злѣй Свѣрстной, Злѣя летучая.*

(251) См. Курбскаго.

(252) 340 человекъ. См. Курбскаго.

(253) См. тамъ же. Въ другихъ лѣтописяхъ сказано, что Государь велѣлъ побить пѣшкитовъ.

(254) То же сказали Государю и наши пѣшкиты, копорые наши способъ уйши къ намъ изъ Казани.

(255) См. Курбскаго.

(256) См. тамъ же.

(257) См. тамъ же.

(258) Небольшой родъ пушекъ. См. тамъ же.

(259) См. *Исторію о Казанск. Царствѣ* пензвѣстнаго сочинителя, стр. 204, и Лызлова I, 145. Но Болгарская земля никогда не принадлежала Россіи.

(260) См. Курбскаго и *Царствен. Кн.* 290—292.

(261) См. Курбскаго.

(262) См. *Царствен. Кн.*

(263) Они же назывались и *Боярскими Людями*, и были ниже *Дрѣтей* Боярскихъ. Въ *Казан. Исторіи* сказано, что при каждомъ конномъ полку было 1000 Стрѣльцовъ съ пищалями, и 700 или 800 Козаковъ,

съ луками и рогатинами; что полки Боярскихъ людей состояли изъ пяти тысячъ. А Лызловъ, ссылаясь на Ботера, пишетъ, что Государь для новыхъ велѣлъ сдѣлать щипы на кадкахъ и колесахъ изъ досокъ.

(264) См. *Царствен. Кн.* 300—302, *Исторію Казанскую* 313, и Лызл. I, 163. Слѣдуемъ въ главныхъ обстоятельствевахъ *Царствен. Кн.* или Московскому Лытописцу, столь вѣрному, что и Курбскій на него ссылается.

(265) См. *Исторію Казан.*

(266) См. *Царствен. Кн.*

(267) См. тамъ же, и Курбскаго. Онъ пишетъ, что братъ его первый взосель на стѣну.

(268) Изъ полку Курбскаго легло въ городъ 98 воиновъ, самыхъ лучшихъ. Съча продолжалась часовъ пять.

(269) См. Курбскаго. По *Казан. Исторіи* войны Рос. хотѣли убить Едигера, не зная его; но Ташары закричали: *не убивайте: се Царь!*

(270) Онъ пишетъ: » Коня зѣло быстра и добра » имѣхъ, и всѣхъ первѣе вразился во весь полкъ Бу- » сурманскій, и памятую то, иже съкущесь при ра- » зы въ нихъ конь мой оперся, и въ четвертый зѣло » раненъ повалился въ срединѣ ихъ со мною; и уже » отъ великихъ ранъ не памятую вяще. Очувся же » попомъ, аки по малѣ годивъ, видѣхъ, аки падъ мер- » пвцомъ, плачущихъ двѣма слугамъ моимъ надо мною » и двѣма воиномъ Царскимъ. Азъ же видѣхъ себя об- » нажеша лежаща, многими ранами учащенна, а жи- » вопъ дѣлъ: понеже на мнѣ збруйка была прапте- » ческая зѣло крѣпкая... Помомъ, глаголющъ, приспѣвъ » мой братъ, и въ самое чело быстро, всеми уздами » распусши коня, вразився въ нихъ (Казанцевъ), такъ » храбро, иже вѣрѣ не подобно, яко всемъ свидѣтель- » ствовавши, аки два крапъ проѣхавъ посреди ихъ, » съкуще ихъ и обращающе конемъ посреди ихъ. Егда » же въ шрешій разъ вразився въ нихъ... такъ его

» уранили, иже по пяни стрѣль въ погахъ ему было,
 » кромѣ ивыхъ ранъ... Егда же уже шомъ конь подъ
 » нимъ ураненъ, другаго коня обрѣль у единого Дворя
 » шина, гонивъ паки съ другими воины полкъ Бусур
 » манскій... умре на другое лѣшо опъ пѣхъ лю
 » пыхъ ранъ.« Сіе рѣдкое мужество Курбскаго за
 » свидѣтельствовано и другими Лѣтописцами (см. *Цар
 » ствен. Кн.* 307, и *Архив. Лѣт.*).

(271) Для пѣкопорохъ чинашелей замѣшимъ, что
 » сѣа означаешъ бипву или сраженіе, а не убіеніе лю
 » дей уже безоружныхъ.

(272) См. *Царствен. Кн.*

(273) См. *Царствен. Кн.*, *Архив. Лѣт.*, *Казанск.
 Исторію* и Лызлова. Церковь была посвящена Спасу.
 Узнавъ о совершенномъ взятіи Казани, Государь по
 » слалъ пуда шурина своего, Данила Романовича.

(274) См. *Казан. Исторію* 242. Въ нѣкоторыхъ лѣ
 » тописяхъ сказано, что Едигеръ тогда же требовалъ
 » крещенія.

(275) См. *Царствен. Кн.*

(276) См. тамъ же 312, и Лызлов. 183.

(277) См. *Исторію Казанск.* 245, *Царствен. Кн.*
 313 и Лызлов. 183.

(278) Сія рѣчь находилъ въ *Казан. Лѣт.* и въ *Лы
 » зловъ*, I, 184—186.

(279) См. *Царствен. Кн.* 314.

(280) См. сей *Исторіи* Т. III, стр. 235.

(281) См. сей *Исторіи* Т. VI, стр. 397.

(282) См. *Курбскаго*.

(283) Даниломъ и Никишою Романовичами.

(284) См. *Царствен. Кн.* 318.

(285) См. *Морозов. Лѣт.*

(286) См. выше, примѣч. 211, г. 1549, 1550 и 1551.

(287) Изъ Володимера потхалъ Государь въ Суз
 » даль къ Покрову Пречистыя, и шамъ молсбная со
 » верша, потхалъ на Юрьевъ къ Живонач. Троицъ
 » къ Св. Сергію, и встрѣтиша его за градомъ
 » божіимъ *Митрополитъ Иоасафъ* и Игумень съ бра

» шією съ кресты... Игумену и братіи великіе.
 » слова съ челобитьемъ говорипъ за ихъ шруды
 » и молитвы. « Неизвѣстно, когда Иоасафъ, свер
 » женный Шуйскими, возвратился изъ Кириллова мо
 » настыря въ Троицкій, гдѣ онъ былъ прежде Игу
 » меномъ.

(288) Гдѣ нынѣ деревня Растокино.

(289) См. выше, стр. 157.

(290) Въ *Казан. Исторіи*. несправедливо сказано, что
 » Митрополитъ встрѣтилъ Иоаша въ Кншаѣ, на
 » Стрѣлцкой улицѣ: см. *Царствен. Кн.* 321.

(291) См. *Царствен. Кн.* 321—328.

(292) См. *Казан. Исторію* 256.

(293) См. *Царствен. Кн.* 330.

(294) Нынѣ сія церковь именуется *Василіемъ Бла
 » женнымъ*: см. ниже, примѣч. 509, г. 1555.

(295) *Царствен. Кн.* 337.

(296) Восприемникомъ Упенишь-Гирелъ былъ Савва,
 » Крупицкій Епископъ, Генв. 8.

(297) *Царствен. Кн.* 334 и *Никон. Лѣт.* 208. Си
 » меонъ женился Ноября 5. См. описаніе его свадьбы
 » въ *Ар. Рос. Вивліов.* XIII, 57.

(298) См. *Архив. Псков. Лѣт.*, *Новгород. Лѣт.*
 » Малинов. л. 52, и *Царствен. Кн.* 330, 331.

(299) См. *Царствен. Кн.* 331—336, и Курбскаго.

(300) См. выше, стр. 218.

(301) См. Курбскаго. Онъ приписываетъ сію ро
 » бость вышешію нѣкоторыхъ Монаховъ.

(302) См. Больш. Лѣтопис. въ Лавръ Александро
 » Невской, Но I, также *Царствен. Кн.* 336, *Архив.*
 » и *Никон. Лѣт.*

(303) См. *Царствен. Кн.* 338. Тупъ описаны всѣ
 » подробности Иоанновой болѣзни.

(304) См. *Курбскаго*.

(305) *Царствен. Кн.* 342. См. о Сильвестрѣ вы
 » ше, стр. 113.

(306) См. *Собраніе Государств. Грамотъ*, стр.
 » 460 Сія цѣловальная запись подписана 12 Марца

1553. Болѣзнь Іоаннова именуется въ льтописяхъ *огневото*.

(307) Здѣсь должны мы замѣтить важную ошибку К. Щербатова: ссылался на *Царствени. Книгу*, онъ пишетъ, что Іоаннъ по выздоровленіи своемъ велѣлъ Дьяку Захарову изслѣдовать, по чьему паущенію Болре не хотѣли прислать Царевичу Димитрію: казнили Дворецкаго К. Ивана Ивановича Кубенскаго, Ѳедора и Василя Воропцовыхъ, и К. Димитрія Курляпсва, а Болрина Ивана Петровича Ѳедорова сослалъ на Белоозеро. «Кубенскаго и Воропцовыхъ казнили еще въ 1546 году (о чемъ мы писали во второй главѣ Іоаннова Царствованія); тогда же сослали и Ѳедорова; а К. Димитрій Курляпсвъ черезъ плѣчь льпъ по выздоровленіи Государя воеводствовалъ въ Ливоніи, и умеръ въ 1562 году. Самъ К. Щербатовъ писалъ въ 1546 году о казни первыхъ, но забылъ! Сія ошибка произошла отъ того, что листы въ *Царствени. Кни.* перемѣнены, и нѣкоторыя двойныя.

(308) Ѳедоръ Григорьевичъ Адашевъ пожалованъ въ Болре въ 1553 году.

(309) См. Посланіе Іоанна къ Курбскому.

(310) См. тамъ же.

(311) Тамъ же.

(312) См. Хронографъ Гр. Толстаго, л. 429, и о Максимѣ Т. VII, стр. 198. Въ библиотекѣ Волоколам. монастыря, въ книгѣ подъ № 666, есть списокъ грамоты Александрійскаго Патріарха Іоакима къ Царю Іоанну о Максимѣ Грекѣ: тамъ сказано: »Въ Царствѣ твоемъ обрѣтается нѣкій человекъ, »учитель вѣры, Инокъ отъ Св. горы Афонскія — имя »ему Максимъ — сего же, отъ дѣйства Дяволя и »злыхъ человекъ козней, ввергъ еси въ темницахъ и »узахъ першнихъ, и не можешь ходити и учити »Слову Божию; о немъ бо слышхомъ и писанія пряхомъ »отъ многихъ, якоже неправедно связанъ есть отъ »власти твоея. . . . Сичево не творятъ Царіе достой-

»ни, но всѣмъ имѣють дверь свою отворену прихо- »дцимъ. . . . Учишеля, яко же того убогаго Максима, »ниже научилъ и пользовалъ многихъ Христіанъ въ »Царствіи твоемъ и идѣ, нѣспъ праведно дрѣжати »силою. . . . ниже льно есть, да вѣру имени всякому »слову безъ испытанія. Сего ради молимъ, да осво- »бодишь Инока Максима и даси ему всяку волю иппи, »идѣже хоцешъ, а наипаче въ посприженіе его. . . . »Не оскорби убо мене о семь. . . . не преспану отъ »таковаго прошенія. . . . льпа 7053 (1545), Аур. въ 4. «

(313) См. Курбскаго.

(314) См. тамъ же, и *Никон. Льт.* 202.

(315) Вассіанъ, родомъ изъ Дворянъ, прозваніемъ Топорко или Топорковъ, былъ Епископомъ отъ 1525 до 1542 года.

(316) Въ 1555 году.

(317) Царевичъ Іоаннъ родился 28 Марта 1554, и былъ крещенъ 15 Апрѣля въ Чудовъ монастырь у мощей Св. Алексія.

(318) *Собраніе Госуд. Грамотъ* стр. 465. К. Владиміръ по смерти Іоанновыхъ сыновей долженствовалъ быть Царемъ, клятвенно облызався въ такомъ случаѣ опдать Анастасіи и К. Юрью назначенные имъ въ Государевой духовной удѣлы. — Сія цѣловальная запись подписана Мишрополитомъ Макаріемъ въ Маѣ 1554 года.

(319) См. въ *Никон. Льт.* годъ 1553, стр. 204, и Щербатовскій Льтописецъ въ томъ же году (*Исторія Рос. К. Щербатова*, V, 466); также одинъ кратк. Льтоп. принадлежащій Графу Ѳ. А. Толстому. О поспавленіи Рязан. Еп. Кассіана нѣспъ въ льтописяхъ. Въ нѣкоторыхъ Каталогяхъ показано, что онъ отлученъ въ 1554 году. — Вѣроятно, что о сей же ереси упоминаетъ К. Курбскій въ житіи благочестиваго Инока Ѳеодорита, сказывая, что многіе неспъные поспирадали тогда отъ клеветы: на примѣръ, бывший Троицкій Игуменъ Артемій и Монахъ Савва

Шахъ, обесенные злымъ навѣшникомъ, Спарцемъ Некпаріемъ; пакже и самъ блаженный Теодоритъ Соловецкій, призванный бытъ свидѣтелемъ вмѣстѣ съ Бѣлобаевымъ: ихъ подозрѣвали въ согласіи съ ерешниками. Курбскій пишеть, что Царь, Минпрополишь и *пьяные* Епископы не исполнили своего долга: не просвѣтили раскольниковъ, а шолько наказали зашоченіемъ. Лѣтописецъ напрошивъ того хвалишь ревность, благоразуміе, умѣренность Собора.

(320) Весною въ 1553 г. — См. *Архив. Лѣт.*, пакже Курбскаго.

(321) Еще Іоаннъ III посылалъ *золотые* храбримъ воинамъ: см. Т. VI въ описаніи 1469 года. Сн медали были иногда золотыя иностранныя деньги, иногда же нарочно для того били въ Москвѣ, и назывались Московками. Я видѣлъ ихъ пѣсколько, и разной величины, въ Кабинетѣ Г. А. И. Мусина-Пушкина. Воеводамъ давались большія, съ изображеніемъ лица Государева.

(322) См. Курбскаго.

(323) См. *Никон. Лѣт.* 231. Гурій, избранный *по жеребью* Февр. 3, и поставленный въ присущствіи всего Двора, Липовскихъ и Волошскихъ Пословъ, отправился въ Казань 26 Мая съ образами, съ Архимандритами и Игуменами. Царь и Минпрополишь проводили его за Флоровскія ворота, Бояре и Духовенство до Сямонова, а Епископъ Крушицкій до судовъ.

(324) *Никон. Лѣт.* 286.

(325) Т. I, стр. 43.

(326) Т. IV, стр. 69.

(327) См. выше, въ описаніи 1552 года.

(328) *Никон. Лѣт.* 209.

(329) Тамъ же.

(330) См. тамъ же и Дѣла Ногайскія, No 4, л. 86. Въ Окт. 1553 пріѣхали Ногайскіе Послы въ Москву, гдѣ Алексій Адашевъ уговорился съ ними, чтобы Исмаиль дѣйствовалъ противъ Астрахани въ одно время съ нашимъ войскомъ, и свергнулъ браша своего,

Юсуфа, который держалъ Іоанновыя голицы въ оковахъ. — Дербышъ находился въ Россіи еще съ Окт. 1551 и владѣлъ Звенигородомъ.

(331) См. Курбскаго и *Никон. Лѣт.* 210.

(332) См. *Никон. Лѣт.* 217 — 225, и *Архив. Лѣт.* л. 231 и слѣд. *Тюмень*, о коемъ здѣсь упоминается, не есть Сибирскій: пакъ назывался городъ около Терека во стѣ-осьмидесяти верстахъ отъ Дербенша (см. *Большой Чертежъ* стр. 242).

(333) К. Юрій Шемякинъ прислалъ съ *сеунгемъ* (съ вѣстію) К. Вас. Барашина. « — Дербышъ прислалъ погда духъ Князей съ изъявленіемъ благодарности Государю.

(334) Царицы пріѣхали въ Москву 18 Окт. Ихъ въспрѣчали за посадомъ Казначей, и кушанье присылали имъ изъ дворца.

(335) См. Дѣла Ногайскія No 4, л. 253.

(336) 13 Апр. 1555 Дербышъ извѣстилъ Государя о приходѣ изгнаника Ямгурчей къ Астрахани, а въ Маѣ уже началъ сноситься съ Хапомъ Крымскимъ. См. *Никон. Лѣт.* 224 — 287.

(337) На примѣръ, въ грамошѣ Царя къ Іоанну, Королю Шведскому (Дѣла Шведск. No 3, л. 6 на об.): « Царствъ пашинъ Россійскаго 26, Казанскаго 20, « Астраханскаго 18. «

(338) См. Т. V, стр. 354.

(339) См. *Никон. Лѣт.* 289, и *Архив. Лѣт.* л. 327 на об. и 344.

(340) См. *Архив. Лѣт.* л. 327, 344, и *Никон.* 197, 246, 288, 289.

(341) Въ XIII вѣкѣ Рубруквисъ находилъ тамъ многихъ Христіанъ между Алапами. Въ 1552 г. пріѣзжалъ въ Москву К. Черкасскій *Иванъ*, вѣроятно Христіанинъ.

(342) См. Дѣла Ногайск. No 4, л. 313 и слѣд. и *Никон. Лѣт.* 250.

(343) Дѣла Ног. No 4, л. 326 и 356.

(344) См. Абульгази и Карпина, также сей *Исторіи* Т. IV.

(345) Въ грамотѣ къ Англ. Кор. Эдуарду VI: Commander of all Siberia (см. Hakluyt's Navigations, II, 235).

(346) См. *Никол. Лѣт.* г. 1555, стр. 228.

(347) *Архив. Лѣт.* г. 1556, л. 328 и 328.

(348) Hakluyt's Navigations II, 232 — 236. Имена Англійскія: Hugh Willoughby, Chancellor, Chancelour, Chancelour.

См. также *Двинск. Лѣтопис.* стр. 126.

(349) Сіи люди были рыбаки: они хотѣли топчась уплыть въ лодкѣ, но Чевселерь догналъ ихъ (см. *Накл.*, стр. 246). См. *Двинск. Лѣт.* стр. 125.

(350) *Накл. Navig.* стр. 231, 249.

(351) Тамъ же, стр. 230. Сіе письмо издано на Англійскомъ и Лапшскомъ языкѣ.

(352) Англичане пишутъ, что слуги во время объѣда три раза перемѣняли одежду, и что сей объѣдъ продолжался до ночи (зимною); см. тамъ же, стр. 250.

(353) Тамъ же, стр. 255. Письмо Государево было писано по Русски съ Голландскимъ (Dutch: не съ Нѣмецкимъ ли?) переводомъ, въ Февр. 1554.

(354) George Killigworth, Graic, по старинному правописанію. Ниже упоминается о Капишанѣ Burrough. См. также *Двинск. Лѣт.*

(355) *Накл. Navig.* стр. 265.

(356) Тамъ же, стр. 263.

(357) *Никол. Лѣт.* 264. Они поѣхали изъ Москвы въ Іюль, а оплыли съ Двицы 23 Іюля. Государь велѣлъ отдасть Англичанамъ все найденное на корабляхъ несчастнаго Виллоби. Съ Непѣю поѣхали въ Лоцдонъ изъ гощей Фофанъ Макаровъ и Михайло Григорьевъ. Здѣсь Двинскій Лѣтописецъ называетъ Англію *Нѣмецкою землею*.

(358) Hakluyt II, 287 и 288.

(359) См. *Архив. Лѣт.* г. 1557, Септ. — Непѣя подаль Марин и Филиппу списокъ Іоанновымъ дарамъ, которые были расхищены Шотландцами: 1) 6 паръ

богатыхъ соболей; 2) 20 цѣлыхъ соболей съ зубами, ушами и кохпями; 3) четыре живыхъ съ цѣпями и ошейниками; 4) шесть большихъ пикуръ (не мѣховъ ли?) которыхъ послалъ самъ Царь за ихъ рѣдкостью; 5) большой кречетъ съ серебрянымъ барабаномъ и съ выдолбленною съшкою.

(360) См. Гаклуйта.

(361) *Накл.* II, 324. и *Двинск. Лѣт.* 127.

(362) См. *Никол. Лѣт.* 202 — 240.

(363) См. Курбскаго.

(364) Іоаннъ въ 1556 г. писалъ къ Исламу, Ногайскому К.: »нынѣ намъ дорога Крымская вѣдома, и » Богъ дастъ, хотимъ съ Крымскимъ свое дѣло дѣлать и ши; много для есмь и съ Липовскимъ помирился.» Онъ велѣлъ сказать Исмаилу, что Россія можетъ послать до четырехъ сотъ тысячъ воиновъ на Хапа.

(365) См. выше, стр. 160.

(366) Въ Марпѣ 1558 г. пріѣзжалъ въ Москву опгъ Султана купецъ Мустафа Челибей съ богатыми дарами, бархатами, апласами, коврами шелковыми, для Царя и дѣтей его (см. *Никол. Лѣт.* 300).

(367) См. тамъ же, 242.

(368) См. Курбск. Опъ жалуется на излишнюю довѣренность Іоаннову къ Дьякамъ, говоря, что сін люди никогда не бывали въ такой чести.

(369) См. тамъ же.

(370) Черезъ 5 пядей. См. *Никол. Лѣт.* 244.

(371) См. Далина *Gesch. des R. Schw.* III, 344, 351, 360. Марія отвѣчала, что она не запретитъ своимъ подданнымъ выгодной для нихъ торговли, но возмепгъ мѣры, чтобы они не доставляли воинскихъ снарядовъ Россіянамъ.

(372) См. сей *Исторіи* Т. IV, г. 1349—1350.

(373) См. *Никол. Лѣт.* 247.

(374) См. Дѣла Гвѣдск. Но 1, л. 1—56.

(375) Кузминъ говорилъ о *Мурманской* (Норвежской) землѣ и *Варгаанъ*: Шведы не понимали его, какъ шепетъ Далинъ, не зная сихъ названій.

(376) См. Далина, стр. 354, Дѣла Швед. No 1, л. 47, и *Никон. Лѣт.*

(377) См. *Архив. Лѣт.* л. 161, и *Никон.* 254.

(378) Дѣла Ног. No 4, л. 315.

(379) Дѣла Швед. No 1, л. 5 и слѣд.

(380) Тамъ же, л. 18 и 34.

(381) Тамъ же, л. 49.

(382) Тамъ же, л. 60.

(383) Тамъ же, л. 97.

(384) См. *Никон. Лѣт.* 281.

(385) *Дѣла Швед.* л. 59.

(386) Далинъ 362.

(387) Тамъ же.

(388) Дѣла Польск. No 4, 644—661, Окп. 1556.

(389) Переписка о пишуль продолжалась до Марта 1556 года, когда Вишебскій Воевода, К. Степ. Андр. Збаражскій, и Маршалокъ Шимковичъ заключили въ Москвѣ новое перемиріе на шесть лѣтъ. Они спросили у Бояръ: «если Государи ваши издавна именовались Царями, то для чего же овецъ и дѣдъ Иоанновъ не требовали сего пишула?» «*Для того (сказали Бояре), что они не вѣнчались на Царство. Государи Польскіе также назывались единственно Великими Князьми до Ягайла; но послѣ его Королевскаго вѣнчанія приняли титулъ Королей.* — Бояринъ Ив. Мих. Воронцовъ отвѣзъ къ Августу договорную грамоту. См. Дѣла Польск. No 4, 215—261.

(390) См. *Никон. Лѣт.* 250.

(391) См. тамъ же, 262, 264.

(392) См. *Архив. Лѣт.* и *Никон.* 266.

(393) См. *Архив. Лѣт.* и *Никон.* 266 и 267.

(394) См. *Никон. Лѣт.* 272, 274, 276 и 284.

(395) См. тамъ же, стр. 276.

(396) Курбскій. Слѣдующее взяно изъ него же.

(397) См. *Никон. Лѣт.* 276.

(398) См. тамъ же, 293.

(399) См. тамъ же, 296.

(400) См. Дѣла Польск. No 4, 661—692, и *Архив.*

Лѣт. 297 на об. Курбскій пакъ говоритъ о Королѣ и Панахъ: »Его Королевское Величество не къ по-
му« (не къ защитѣ земли) »обращалось умомъ, но
»яче въ различныя плясанія и въ пренеспещренныя
»машкары; пакожь и Властели земли моя драго-
»цѣнными колачи горшань и чрево напшыкающе, и
»яко бы во уплыи дельвы дражайшія различныя вина
»безмѣрно лююще и съ Печенѣги купно высоко скачу-
»ще и воздухъ біюще, и прегордѣ другъ друга пль-
»ни восхваляюще... Егда же возлагушь на одрѣхъ
»своихъ между шолстыми перинами, тогда едва ко
»полудню проспавшись со связанными головами едва
»живы съ похмѣлья.»

(401) См. *Никон. Лѣт.* 295, и Курбскаго.

(402) См. Дѣла Польск. No 4, стр. 661—718. Къ Королю посланъ былъ Романъ Вас. Олферьевъ, а опъ него съ благодарностію пріѣзжалъ Виленскій Ковюшій Волчковъ. Августъ освободилъ тогда К. Мих. Юр. Оболенскаго, Кн. Ив. Фед. Шелешпальскаго и шрехъ иныхъ плѣнниковъ.

(403) См. между моими Кенигсберг. бумагами, No 638, письмо Филиппа фопъ-дерь-Брюггена, Ливонскаго Посла, къ Римскому Императору въ 1551 году.

(404) *Никон. Лѣт.* 215, Аршъ *Lief. Chr.* 217, и между моими Кенигсберг. бумагами No 698 донесеніе Ливон. Пословъ Магистру.

(405) Аршъ, 194.

(406) См. Кельха *Lief. Hist.* 189, Кенигсб. бумага No 697, и *Архив. Лѣт.* г. 1556, л. 277.

(407) Сей умникъ назывался Георгъ Гольцшуръ: см. Арша 229, Кельха 215, и *Архив. Псков. Лѣт.* г. 1554.

(408) Такимъ образомъ: »и всеа Сибирскіе земли
»и сѣверныя спраны повелителя, и Государя Ливон-
»скіе земли и иныхъ.« Сей пишуль уже находится въ письмѣ Иоанна къ Эдуарду VI опъ Февр. 1554. (см. *Nakluyt II*, 255).

(409) См. *Никон. Лѣт.* 282.

(410) См. тамъ же, стр. 285 и 288. Шаспуновъ съ поварницами побхалъ въ Апр., а въ Юлѣ городъ былъ уже гошовъ.

(411) См. Кельха, стр. 190, 200.

(412) См. Ариша, стр. 194, 195.

(413) См. *Никон. Лѣт.* г. 1556, стр. 259, и *Архив. Лѣт.* л. 267. Еще до Казанскаго похода, въ Окт. 1550 года, Царь издавъ указъ о раздачѣ земель сапошникамъ и Дѣтямъ Волярскимъ. См. въ *Указатель Рос. Законовъ* Т. I, стр. 106—117.

(414) См. *Никон. Лѣт.* 265.

(415) См. *Архив. Псков. Лѣт.* г. 1581.

(416) Уже при отцѣ его, В. К. Василии, брали съ городовъ *Пищальниковъ*, которые были то же, что Спрѣльцы. См. *Псков. Лѣт.* Малши. Въ *Двинск. Лѣт.* сказано, что въ 1656 г. взято было на Двинѣ 500 уздыныхъ людей въ городовые Спрѣльцы, а въ 1658 съ двухъ дворовъ креспяянскихъ по человѣку въ Московскіе Спрѣльцы.

(417) См. *Никон. Лѣт.* 260, и Гаклуиш. II, стр. 320.

(418) Кельхъ, Аришъ и проч.

(419) См. Ариша 226.

(420) См. *Никон. Лѣт.* 294.

(421) См. Кельха, стр. 223. Впрочемъ съ послами обходились весьма учтиво. Тогда родился у Царя сынъ Феодоръ: имъ дозволили бытъ свидѣтелями его крещенія, а не *прѣмниками*, какъ сказано въ *Подробной Лѣтописи*, коюрой сочинитель бралъ свои извѣстія изъ Бреденбаха или Гваньини, и въ коюрой ешь пелѣности; на примѣръ, сказано, что Иоанновымъ войскомъ въ Ливоніи предводительствоваля *Сисеалердія* (Шинъ-Алей), *славный морской разбойникъ* (стр. 10: см. Ариша 229 въ примѣчаніи).

(422) См. тамъ же.

(423) По нашимъ лѣтописямъ: »Новова городка, »Керекени, Алыста, Курслова, Бабя городка.« Я

называю въ мѣста по Аришу (Tabelle der Städte, стр. 338).

(424) См. *Никон. Лѣт.* 297.

(425) Одинъ городокъ названъ въ Лѣтописи: *Аскилусъ*. Это не Уксиль: ибо Русскіе не подходили такъ близко къ Ригѣ: развѣ Atzell? Они всего на все потеряли 33 человѣка.

(426) См. Ариша 230, и *Архив. Псков. Лѣт.*

(427) См. *Архив. Псков. Лѣт.*

(428) См. Кельха 223, и Ариша 230. Современникъ благодарумный, Нейштетъ, хвалишь Шинъ-Алея.

(429) Сіе перемиріе было означено въ *опасной грамотѣ*, данной Государемъ для свободнаго проѣзда Магнспровыхъ Пословъ въ Москву. См. въ монхъ Кенигсберг. бумагахъ донесеніе Ливонск. Пословъ No 699.

(430) См. Курбскаго.

(431) См. *Никон. Лѣт.* 300—305.

(432) Тамъ же, стр. 305.

(433) Тамъ же.

(434) См. Курбскаго, *Никон. Лѣт.* 306, и Ариша 232.

(435) См. Курбск. и *Никон. Лѣт.* 307.

(436) См. *Архив. Лѣт.* и *Никон. Лѣт.* 309. Ливонскіе Историки несправедливо пишутъ, что сіи Послы привозили съ собою деньги, и што Царь уже не хотѣлъ взять оныхъ.

(437) См. между монхи Кенигсберг. бумагами опъвъшъ Царя Посламъ Ливонскимъ, и донесеніе ихъ No 699.

(438) См. Ариша 233.

(439) См. *Архив. Лѣт.* л. 309—311.

(440) *Архив. Лѣт.* л. 311 на об. Тутъ былъ и Данила Адашевъ.

(441) См. тамъ же, л. 312 — Ариша 234, и Курбскаго.

(442) См. Кельха, стр. 228.

(443) См. Курбскаго и Ариша 233.

(444) См. *Архив. Лѣт.* 312—314, и Аришта 234.

(445) См. Аришта и Кельха. Кетслеръ принялъ тогда единственно имя Кoadьютора или Помощника Магистерскаго, а Магистромъ былъ названъ въ слѣдующемъ году.

(446) См. Аришта 237.

(447) См. *Архив. Лѣт.* 314.

(448) См. *Архив. Лѣт.* 313, и Аришта 235. Въ *Архив. Псков. Лѣт.*: «Косперъ на Омовжѣ (Эмбахѣ) взяли Козаки.»

(449) См. Курбскаго.

(450) См. Аришта 236.

(451) См. Аришта 237.

(452) См. тамъ же.

(453) Тамъ же.

(454) Сверхъ того нѣсколько бочекъ вина, пива, рыбы, овса.

(455) См. *Архив. Лѣт.* 314. Очевидецъ, Дерптскій знатный Баронъ Крузе, пишетъ, что добыча Россіянь была не весьма важна, по великодушію Шуйскаго (см. Аришта 237). Несогласіе между жителями Дерптскими Лапшской и Люшеранской Вѣры способствовало намъ, какъ увѣряюнь, овладѣнь снмъ городомъ. — Курбскій сказываеень, что Царь далъ Епископу большое помѣстье въ Россіи.

(456) Между моими Кенигсберг. бумагами находящіяся отношенія Бояръ къ Магистру, къ Правительству Ревеля, Мариенгаузена и другихъ городовъ, съ требованіемъ, чтобы они изъявили покорность Царю.

(457) См. Кельха 234.

(458) См. *Архив. Лѣт.* 315 — 316.

(459) По извѣстію Нейштета, современника: см. Гадебуша *Livl. Jahrb.* г. 1558, стр. 545.

(460) Кавелехнъ называется въ нашихъ лѣтописяхъ Киневель и Пшпвисель, а Верполь Полчевъ: см. *Архив. Лѣт.* л. 326.

(461) См. *Архив. Псков. Лѣт.* г. 7067.

(462) См. *Архив. Лѣт.* л. 326 — 328.

(463) Въ *Архив. Псков. Лѣт.* сказано, что Россіянь было 2000.

(464) Аришта пишетъ, что Кетслеръ велѣлъ изрубить 400 Россіянь въ замкѣ; а по сказанію Курбскаго, онъ уморилъ ихъ голодомъ и холодомъ.

(465) См. *Архив. Псков. Лѣт.*

(466) 130,000, по сказанію Ливонскихъ Историковъ, которые число нашихъ всегда умножаютъ, а своихъ уменьшаютъ: см. *Архив. Лѣт.* л. 329.

(467) См. *Архив. Лѣт.* л. 335 и Аришта 245.

(468) См. *Архив. Лѣт.* л. 332 на об.

(469) См. выше, стр. 299.

(470) См. Дѣла Польск. No 5, стр. 1—113. Опъ Короля пріѣзжали въ Москву Воевода Подляцскій Тишковичъ и Андрей Хоружевъ, въ Марпѣ и въ Ноябрь 1559. Іоаннъ въ Іюнѣ посылалъ къ Августу Дворянина Попова требовать удовлетворенія въ обидахъ, сдѣланныхъ нашимъ купцамъ въ Липвѣ, и подписался *Государемъ Ливонскіе земли града Юрьева.*

(471) Дѣла Швед. No 1, л. 189 на об. Въ Апр. 1559 пріѣзжалъ опъ Густава въ Москву гонецъ Машвѣй, въ Окт. Посланникъ Машсонъ, а въ Іюль 1560 Посланникъ Ларсонъ (см. тамъ же, л. 151 — 202).

(472) См. сей *Истории* Т. III, г. 1223.

(473) См. Аришта 242 и слѣд.

(474) См. Дѣла Датскія, No 1. Послы пріѣхали въ Москву 19 Марта 1559: Клаусъ Урне или Vhroe, Войдиславъ Вобиссеръ, Пепиръ Бильде и Геронимъ Тенпервъ (Thenperw или Ternetz), Секретарь и Докторъ Правъ.

(475) См. тамъ же. Въ сей грамотѣ сказано: «Мы для Фредерика Короля вась пожаловали: дали вамъ тихое престолнкіе на 6 мѣсяць опъ Маіа 1.»

(476) См. выше, и *Архив. Лѣт.* 307.

(477) См. *Архив. Лѣт.* 315.

(478) Курбскій пишетъ, что сія вѣсь дана была Хану изъ Москвы опъ Танаръ.

(479) См. *Архив. Лѣт.* 227.

(480) См. тамъ же 330 — 332.

(481) См. тамъ же 332 и 336 на об.

(482) См. Курбскаго.

(483) См. *Архив. Лѣт.* 337 на об.

(484) Тамъ же.

(485) Съ Марша 1559 Царь началъ-было готовиться къ большому походу на Крымъ со всеми знаменитѣйшими Воеводами, ославляя Главою Москвы брата, К. Юрія (см. Розряд. Кн., г. 1559).

(486) См. *Архив. Лѣт.* 339—346. Слѣдующія извѣстія выписываю изъ Синодальнаго Лѣтописца No 270, въ листѣ, и съ такими же раскрашенными изображеніями, какъ въ Царственой Книгѣ; онъ идетъ далѣе всѣхъ извѣстныхъ мнѣ лѣтописцевъ времени Іоаннова: я буду называть его *Продолженіемъ Царственой Книги*.

Крымцы еще дѣлали набѣги на Россію. Въ *Архив. Лѣт.* 337: » Приходили къ Пронску « (лѣтомъ въ 1559 г.) » Крымскіе люди, и Василій Бупурлинь ихъ » побилъ. « Въ Розрядн. Книг.: » Были на Коломнѣ (въ » 1559 г.) Воеводы Ив. П. Ѳедоровъ, да Вас. Аюдр. » Бупурлинь, да К. Вас. Мих. Троскуровъ; и прихо- » дили Царевичи, и Воеводы послали Головъ... и Ца- » ревичей побилъ. — Другой набѣгъ былъ на Тульскія » мѣстна (въ Ноябрь 1559). См. *Архив. Лѣт.* 342 на об.

(487) См. *Архив. Лѣт.* л. 348. Гонимецъ опть Хана прѣѣзжалъ въ Генв. 1560.

(488) См. *Архив. Лѣт.* 340 и 349.

(489) См. выше, стр. 300.

(490) См. Дѣла Польск. No 5, 113 — 141.

(491) Аришъ 248 и Гадебушъ 552, г. 1559.

(492) См. Т. VII, стр. 74.

(493) Аришъ 248.

(494) См. *Архив. Лѣт.* 341 — 343, и *Архив. Псков. Лѣт.*

(495) См. Ариша, *Архив. Лѣт.*, и *Архив. Псков. Лѣт.*

(496) См. Руссова и Гадебуша 554, г. 1559, и *Архив. Лѣт.*

(497) См. Дѣла Польск. No. 5, стр. 113 — 141.

(498) См. тамъ же, стр. 141 — 183. Съ отвѣтомъ Государевымъ посылали къ Королю Никишу Суцова. Онъ выѣхалъ изъ Москвы 11 Іюля, а 15 прѣѣхалъ опть Августа Дворянинъ Станиславовичъ съ грамотою опть 15 Іюля, въ коей онъ жалуется на изгнѣ въ плѣнъ спараго Магистра Фирстенберга; но Россіяне взяли Феллинь и Фирстенберга уже въ концѣ Августа.

(499) Въ *Продолж. Царств. Кн.* (см. выше примѣч. 486): Грамота Фердинандова, опть 19 Окт. 1558, находится въ Ватиканскихъ выпискахъ Аббата Альбертранди. Объяснивъ связь Ордена съ Имперією и необходимость вступиться за Ливонію, разоряемую нашими войскомъ, Фердинандъ убѣждаетъ Іоанна (Serenitatem Vestram benevole hortamur et requirimus) прекратить непріятельскія дѣйствія, возвращить завоеванныя имъ мѣста, кончить ссору дружескими разборомъ, и проч.

(500) См. *Продолж. Цар. Кн.* л. 472 — 476, и Курбскаго.

(501) См. выше, и Ариша 250.

(502) См. *Архив. Псков. Лѣт.*

(503) См. Курбскаго.

(504) См. Ариша 253 и Курбскаго.

(505) См. Курбск. Онъ пишетъ, что къ нему присоединилось тогда 2000 охотниковъ.

(506) Въ *Архив. Лѣт.*: » Февр. 26 (въ 1556 г.) ро- » дился Царю и В. К. дщерь, Царевна Евдокія. — Маѣ » 11 (1557) родился сынъ Царю, Ѳеодоръ. — Пре- » спався (въ Іюнь 1558) дщи Царя Евдокія, и того » же дни ее схоронили въ монастырь у Вознесенья. «

(507) Анастасія запемгла въ первый разъ въ Ноябрь 1559, когда Іоаннъ былъ съ нею въ Можайскѣ. См. *Продолж. Цар. Кн.* л. 454 на об.

(508) См. тамъ же, л. 486: » 17 Іюля на семомъ » часу дни загорѣлся на Арбанѣ у Ризъ Положенія » Князя Ѳедоровской дворъ *Пожарьского* — (здѣсь,

кажется, въ первый разъ упоминается о Князьяхъ *Пожарскихъ*) — и проч.

» Авг. въ 7, въ пятый часъ дни, преспавися Царница и В. Княгиня Анастасія.... Та бысть *первал* Царница Русская *Московского Государства*, « и проч. (509) Тамъ же л. 490.

Дополнительная выписка изъ летописей сего времени:

Въ 1553 г. основанъ городъ въ Мещерь, въ Шацкихъ воеводствахъ, на рѣкѣ Шатъ, К. Дм. Сем. Шестуновымъ. — Въ 1554, 11 Марта, поставленъ на Крушицу Владыка, Новоспас. Архим. Нифонъ, а на Рязань Гурій, Игум. Троицкій. На полъ, прошивъ Тулы, сдѣланъ городъ Дедиловъ К. Дм. Жижемскимъ. 23 Мая Новогородцы присягали Царю. Въ Септ. ѣздилъ Царь къ Троицѣ. » Женилъ Государь (въ Нояб.) » К. Ив. Дм. Бѣльскаго: даль за него сестричю свою, » Царевичеву Пешрову вѣну, дочь К. Вас. Вас. » Шуйскаго; а выдавалъ ее съ своего Двора. Придоша (въ Дек.) Старцы отъ горы Афонскія изъ Хиладаря монастыря Сербскаго...., и Государь ихъ » взялъ во свое имя, и строеніе церковное посылаетъ. » Генв. (1555) пришли Послы отъ Волоцкаго Восвода Александра, Степанъ Перкалабъ Романовской, » да Микула Перкалабъ Сорокинъ, биши челомъ, » чшобъ Государь помогъ, чѣмъ окупилися отъ Турскаго, и Государь Пословъ отпустилъ по прежнимъ » обычаемъ... Старцы Свяшгорскаго монастыря » ѣздили по всемъ монастыремъ, просили милосыни. » — Марта 17 поставленъ въ Смоленскъ Владыка, » Кирил. Игумень Симеонъ, а Гурей оставилъ Епископство за немощью и спиде въ монастырь.... » Апр. 28 женилъ Царь и В. К. брата своего, К. » Владим. Андреев., взялъ за него дочь Князь Романову Одоевского, Евдокію.... Пришли Священники съ Вяпкы биши челомъ Государю, что на » Вяпкѣ образъ Николы Великорѣцкаго чудеса пшорилъ, да отъ многа лѣтъ не подѣлыванъ, и Госу-

» даръ велѣлъ имъ съ образомъ въ судѣхъ быти, и образъ » разъ принесенъ бысть Юня 29.... И обновля образъ » самъ Митрополишь.... а съ нимъ Андрей Протопопъ Благовѣщенской.... и Государь велѣлъ заложить » церковь каменну Покровъ о девяти верхахъ, » которой былъ преже древлнъ, о Казанскомъ » пшѣ у Фроловскихъ ворошъ надо рвомъ придѣлъ той же » церкви Живоач. Троицы Николу Чудотворца » Вяпцаво; а преже того за два года заложена » на Троица, и Государь велѣлъ прибавить къ той же » церкви Покровъ Богоматери и придѣлы, и поставити » церковь древлну Св. Николы Вяпцково, и съ его образа » такой же написати въ новый храмъ Покрова, и свяца ю Митрополишь Юля въ 29; и чудотворнымъ образомъ издѣленія многа быша.... » Авг. 3 (1556) отпущенъ изъ Москвы образъ Николы на Вяпкю, украсенъ златомъ и жемчугомъ.... » Позлаченъ верхъ у Троицы Сергія. Септ. 1 выѣхалъ Царь съ Царицею и съ сыномъ, и братъ его » К. Юрьи Вас. ко Троицѣ.... — Отпущенъ (въ Генв. » 1557) Митропол. Греческой, а съ нимъ Государь послалъ къ Патріарху соборей на 2000 золотыхъ, а » въ Хиладарь монастырь многую милосыню, да катопетазму шипу, на ней образъ І. Х. и Богоматери, » пакже упваръ съ жемчугомъ и ахоншы.... Почаша писцы (см. Архив. *Псков. Лѣт.*) писати городъ » Псковъ и пригороды, и земли мѣриши, и оброки велики на оброчныя воды и пожни и на мельницы наложити. » Апр. въ 30 (1558) обрѣтоша мощи Епископа на Св. Никиты цѣлы.... и послаша къ Москвѣ. — » Въ Февр. (1559) родися сынъ у К. Юрья Васильев. » Московскаго, Углецкова и Колужскаго, К. Василей » Юрьев. — Февр. 20 (1560) преспавилася К. Василей » Юрьевичъ, Князь Юрьевъ сынъ Васильевича, году » безъ дву недѣль. Тое же ночи родилася К. Володимѣру Андреев. дочь Евдокія отъ его Княг. Евдокіи.

Конецъ Примѣчаній VIII Тома.

О Г Л А В Л Е Н І Е

VIII ТОМА.

Г Л А В А I.

Спраи.

Безпокоенство Россіи о малолѣтствѣ Іоанна.
Составъ Государственной Думы. Главные Вель-
можи, Глинскій и Телешевъ. Присяга Іоанну.
Заключеніе Князя Юрія Іоанновича. Общій
страхъ. Измѣна К. Симеона Бѣльскаго и Лип-
цкаго. Заключеніе и смерть Мих. Глинскаго.
Смерть Князя Юрія. Бѣгство, умыселъ и за-
ключеніе К. Андрея Іоанновича. Казнь Бояръ и
Дѣшей Боярскихъ. Смерть К. Андрея. Дѣла
вышнія. Перемиріе съ Швеціею и съ Ливоною.
Молдавія. Посланникъ Турецкій. Астрахань.
Дѣла Ногайскія. Посольство къ Карлу V. При-
сяга Кзанцевъ. Гордый отвѣтъ Сигизмундовъ.
Нападеніе Крымцевъ. Война съ Липвою. Ис-
ламъ господствуетъ въ Тавридѣ. Спросиіе крѣ-
постей въ Липвѣ. Набѣгъ Крымцевъ. Липовцы
беруть Гомель и Спародубъ. Мятежь Казани.
Шигъ-Алей въ милости. Война съ Казанью.
Побѣда надъ Липвою. Крѣпости на Липов.
границѣ. Перемиріе съ Липвою. Дѣла Крым-
скія. Смерть Ислама. Угрозы Саипъ-Гирея.
Спросиіе Кишай-города и новыхъ крѣпостей.
Переизмѣна въ цѣль монасты. Общая пелюбовь
къ Еленѣ. Кончина Правицельницы 1.

Г. 1533 — 1538.

Томъ VIII.

ГЛАВА II.

Спраи.

Паденіе и смерть К. Телепцева. Господство К. Василія Шуйскаго. Освобожденіе К. Ивана Бѣльскаго и Андрея Шуйскаго. Смута Боярская. К. Иванъ Бѣльскій снова заключенъ. Смерть К. Василія Шуйскаго. Господство его брата. Сверженіе Митрополита: избраніе Іоасафа. Характеръ К. Ивана Шуйскаго и грабежи внупри Государства. Набѣги вѣнскихъ непріятелей. Посольства въ Царьградъ, въ Спокгольмъ. Договоръ съ Ганзою. Союзъ съ Аспраханью. Посольства Ногайскія. Заговоръ противъ Шуйскаго. Освобожденіе К. Ивана Бѣльскаго и власти его. Прощеніе К. Владимира Андреевича и его матери. Облегчаютъ судьбу К. Димитрія Углицкаго. Прощеніе К. Симеона Бѣльскаго. Впаденіе Царя Казанскаго. Нашествіе Хана Крымскаго. Великодушіе народа и войска. Бѣгство непріятеля. Смута Болръ: паденіе К. Ивана Бѣльскаго. Ссылка Митрополита. Новое господство К. Ивана Шуйскаго. Посвященіе Макарія. Перемиріе съ Литвою. Набѣги Крымцевъ, Ногаевъ. Дѣла Казанскія. Сношенія съ Аспраханью, съ Молдавіею. Перемирія въ Правленіи. Наглость Шуйскихъ. Худое воспитаніе Іоанна. Заговоръ противъ главныхъ Вельможъ. Паденіе Шуйскихъ. Власть Глискихъ. Жестокость Правленія. Доброе согласіе съ Литвою. Ранъ на Казань. Шигъ-Алей Царемъ въ Казани и бѣжитъ отсюда. Походъ къ успью Святги. Путешествія Великаго Князя и неудовольствія народа 48.

Г. 1538 — 1547.

ГЛАВА III.

Спраи.

Царское вѣчаніе Іоанна. Бракъ Государевъ. Добродѣтели Анастаси. Пороки Іоанновы и худое Правленіе. Пожары въ Москвѣ. Бунтъ черни. Чудное исправленіе Іоанна. Сильвеспиръ и Адашевъ. Рѣчь Государева на лобномъ мѣстѣ. Перемирія Двора и власти. Крошость Правленія. Судебникъ. Обузданіе Мѣстничества. Спюглавъ. Уставныя грамоты. Избраніе Присяжныхъ. Учрежденія Церковныя. Намѣреніе просвѣтитъ Россію. Воинскія дѣянія. Походъ на Казань. Перемиріе съ Литвою. Дѣла Крымскія. Смерть Царя Казанскаго. Походъ на Казань. Избраніе мѣста для новой крѣпости. Впаденіе Ногаевъ. Основаніе Свяжска. Покореніе Горной Спироны. Ужасъ Казанцевъ. Мирныя условія съ ними. Сююмбака. Новое воцареніе Шигъ-Алея. Освобожденіе пльничковъ. Невѣрность Казанцевъ и жестокость ихъ Царя. Переговоры съ Алесемъ. Царь оставляетъ Казань. Послѣднія измѣна Казанцевъ 98.

Г. 1546 — 1552.

ГЛАВА IV.

Приготовленія къ походу Казанскому. Отношенія Россіи къ Западнымъ Державамъ. Освобожденіе спарца, К. Булгакова. Спрошеніе новыхъ крѣпостей. Начало Донскихъ Козаковъ. Новый Ханъ въ Тавридь. Дѣла Аспраханскія. Болѣзнь въ Свяжскѣ. Едингеръ Царь въ Казани. Посланіе Митрополита къ Свяжскому войску. Совѣтъ о Казани. Выѣздъ Государевъ. Нашествіе Хана Крымскаго. Приступъ къ Гуль. Бѣгство Хана. Наши шрофси. Ропощъ въ вой-

скѣ. Походъ. Осада. Первая битва. Буря. Спа-
 вить туры. Сильная вылазка. Дѣйствіе бой-
 ницъ. Названіе Князь Япанча. Упоминеніе вой-
 ска. Раздѣленіе полковъ. Истребленіе Япанчи-
 на войска. Ожесточеніе Казанцевъ. Взорваніе
 пайшика. Убыіе Казанцевъ. Дѣятельность
 Иоаннова. Взятіе оспрога и города Арскаго.
 Нападенія Луговой Черемисы. Минимы чародѣй-
 ства. Построеніе высокой башни. Предложе-
 нія Казанцамъ. Кровопрлитное дѣло. Взорва-
 ніе тарасъ. Занятіе Арской башни. Последнее
 предложеніе Казанцамъ. Устроеніе войска для
 приступа. Взорваніе подкоповъ и приступъ.
 Геройство съ обѣихъ сторонъ. Корыстоло-
 біе многихъ воиновъ. Великодушіе Иоанна и
 Боларъ. Доблесіе К. Курбскаго. Взятіе Ка-
 зани Возруженіе креста у воротъ Царскихъ.
 Въездъ Государевъ въ Казань. Освобожденіе
 Россійскихъ пѣшинокъ. Рѣчь Иоанна къ вой-
 ску. Пиръ въ спанѣ. Подданство Арской
 области и Луговой Черемисы. Торжественное
 вступленіе въ Казань. Зрѣлище Казапи. Учре-
 жденіе Правительства. Совѣтъ Вельможъ. Воз-
 вратный путь Государя въ Мѣску. Рожденіе
 Царевича. Встрѣча Иоанну. Рѣчь Государева
 къ Духовенству. Отвѣтъ Митрополишовъ.
 Пиръ во дворцѣ и дары Иоанновы 154.

Г. 1552.

Г Л А В А V.

Крещеніе Царевича Дмитрія и двухъ Царей
 Казанскихъ. Язва. Мятежи въ землѣ Казанской.
 Болѣзнь Царя. Путешествіе Иоанново въ Ки-
 рилловъ монастырь. Смерть Царевича. Важ-
 ная бесѣда Иоаннова съ бывшимъ Епископомъ

Васіаномъ. Рожденіе Царевича Иоанна. Бѣгство
 Князя Ростовскаго. Ересь. Умирненіе мятежей
 въ Казанской землѣ. Учрежденіе Епархіи Казан-
 ской. Покореніе Царства Астраханскаго. По-
 сольства Хивинское, Бухарское, Шавкалское,
 Тюменское, Грузинское. Подданство Черкесовъ.
 Дружба съ Ногаями. Дань Сибирская. Прибытіе
 Англійскихъ кораблей въ Россію. Посоль въ
 Англию. Дѣла Крымскія. Письмо Солимапово.
 Впаденіе Крымцевъ. Война Шведская. Споне-
 нія съ Липвою. Нападеніе Дѣла Ржевскаго
 на Исламъ-Кирмень. Князь Вишневецкій всту-
 паеть въ службу къ Царю и беретъ Хорпицу.
 Завоеваніе Темрюка и Тамапа. Морь въ Ногай-
 скихъ и Крымскихъ Улусахъ. Усердіе Вишне-
 вецкаго. Предложеніе союза Литвъ. Дѣла Ли-
 вонскія. Важный замыселъ, приписываемый Ио-
 анну. Состояніе Ливоніи. Новое могущество
 Россіи. Лучшее образованіе войска. Начало вой-
 ны Ливонской. Взятіе Нарвы. Завоеваніе Ней-
 шлоса, Адежа, Нейгауза. Великодушіе Дерпт-
 скаго Бургомистра. Бѣгство Магистра. Но-
 вый Глава Ордена. Взятіе Дерпта и многихъ
 другихъ городовъ. Кеплеръ беретъ Ригельъ.
 Россіяне опустошаютъ Ливонію и Курляндію.
 За Ливонію ходатайствуютъ Короли Польскій,
 Шведскій, Датскій. Иоаннъ даетъ перемиріе
 Ливоніи. Нашествіе Крымцевъ. Впаденіе Рос-
 сіянъ въ Тавриду. Союзъ Ливоніи съ Августомъ.
 Магистръ нарушаетъ перемиріе. Славная за-
 щита Ляса. Угрозы Августовы. Гонецъ отъ
 Императора. Новое разореніе Ливоніи. Взятіе
 Мариенбурга. Побѣды К. Курбскаго. Кончина
 Царицы Анастасіи 230.

Г. 1552 — 1560.